

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

# **Личность, творчество и современность**

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Ответственный редактор Д.Д.Невирко

Красноярск  
СибЮИ МВД России  
2006

ББК 87: 60.5: 71

УДК 1: 30

Ответственный редактор Д.Д.Невирко, доктор социологических наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:

С.Д.Назаров, начальник Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

О.А.Карлова, заместитель губернатора Красноярского края, доктор философских наук, профессор;

Н.И.Дроздов, ректор Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева, доктор исторических наук, профессор;

Б.И.Хасан, директор института психологии, педагогики, развития Красноярского государственного университета, доктор психологических наук, профессор;

А.И.Панюков, начальник кафедры философии Сибирского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор

**Личность, творчество и современность** : сборник научных трудов. Вып. 9 / отв. ред. Д.Д.Невирко ; Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2006. – 368 с.

ISBN 5-7889-0112-X

В 9 выпуск сборника, посвященного актуальным проблемам личности и творчества, включены научные статьи ученых Минска, Санкт-Петербурга, Омска, Владивостока, Тюмени, Абакана и Красноярска.

В статьях сборника нашли отражение социально-экономические, общественно-политические проблемы развития российского общества и методологические вопросы современного научного знания, которые представляют интерес для профессорско-преподавательского состава, студентов и слушателей высших учебных заведений.

ББК 87: 60.5: 71

УДК 1: 30

© Сибирский юридический институт МВД России, 2006

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                    |    |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Карлова О.А. Технология социальных катастроф: слово против мифа? .....                             | 5  |
| Невирко Д.Д. Образование и феномен социальной мобилизации человека в реализации жизненных сил..... | 16 |
| Рубчевский К.В. О проблеме естества человека.....                                                  | 22 |

### Раздел 1

#### **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

|                                                                                                                                                |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Чудинова И.М. Человек как объект и субъект глобализации .....                                                                                  | 31  |
| Пфаненштиль И.А. Устойчивое развитие общества и глобализационные тенденции современности.....                                                  | 37  |
| Шабельникова Н.А. Политический терроризм и экстремизм как глобальная проблема современности.....                                               | 56  |
| Кудашов В.И. Философское осмысление гражданского общества в России .....                                                                       | 67  |
| Аникевич А.Г. Диалектика коллективистского общества.....                                                                                       | 85  |
| Беленький В.Х. Социология и марксизм в современной России.....                                                                                 | 102 |
| Марцева Л.М. Аксиологические концепты в социологии труда .....                                                                                 | 110 |
| Евменова Л.Н. Историческая культурология и современность. К вопросу о нравственном возрождении российского общества .....                      | 126 |
| Иванова Р.И. Некоторые философско-методологические основания образовательной системы общества .....                                            | 132 |
| Гендин А.М., Сергеев М.И. Представления студенческой молодежи о факторах жизненного успеха (по материалам социологического исследования) ..... | 142 |
| Горбач Н.А., Гончарова Г.Н. Образ и качество жизни студентов вузов .....                                                                       | 152 |
| Гутман М.Ю., Никулин А.Г. Подготовка милицейских кадров: история и современность.....                                                          | 166 |
| Нескрябина О.Ф. Психология и социальная аналитика в пространстве медиа .....                                                                   | 171 |
| Замышляев В.И. Массовые коммуникации: внушение и манипуляции .....                                                                             | 181 |

|                                                                                                                |     |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Григорьева Л.И. Неоязыческий радикализм в современной России .....                                             | 193 |
| Коробицина Т.В. Социально-демографическая характеристика лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков..... | 198 |
| Мартынова Э.И. Актуальные проблемы борьбы с проституцией в современном российском обществе.....                | 206 |
| Ибрагимов Р.Н. Руссоистские заметки: просвещение и тоталитаризм .....                                          | 215 |

## Раздел 2

### МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

|                                                                                                                                                |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| Блажевич Н.В. Эйдос ученого .....                                                                                                              | 223 |
| Князев Н.А. «Постнеклассическая» наука в постиндустриальном обществе (интеграционные и инновационные аспекты социального взаимодействия) ..... | 228 |
| Яскевич Я.С. Эталоны аргументации в классической и современной науке .....                                                                     | 240 |
| Еворовский В.Б. Впрошатель или исчислять: Мартин Хайдеггер и проблема столкновения мыслительных парадигм .....                                 | 249 |
| Казакова Н.Т. Методологические основания анализа философского и научного текстов (прикладной аспект).....                                      | 258 |
| Климович Л.П. «Метод» в философии и в судебной экспертизе.....                                                                                 | 268 |
| Жуковский В.И., Копцева Н.П. Религия и произведение искусства .....                                                                            | 276 |
| Чмыхало Б.А. Краткая (Кунгурская) летопись XVII века – иллюстрированная история «взятия» Сибири .....                                          | 305 |
| Чуринов Н.М. И.В.Сталин и группы политического риска .....                                                                                     | 316 |
| Дроздов Н.И., Панюков А.И. Феномен исторического самосознания в русской истории.....                                                           | 339 |
| Андреев А.Л. К вопросу о содержании исторического мировоззрения .....                                                                          | 348 |

## ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ: СЛОВО ПРОТИВ МИФА?

Карлова О.А.,  
заместитель губернатора Красно-  
ярского края, доктор философских  
наук, профессор  
(г. Красноярск)

*«Всякая философия есть попытка све-  
дения к единому началу всего сущего. Од-  
нако созданию любой философии предше-  
ствует предвзятая мысль – аксиома»*

Беседин Б.П. «Карма истории:  
теория социальных катастроф»

*В качестве термина философского по-  
нятия «материя» у европейцев выбрано  
латин. «лес», «дерево», а в индийской  
философии – «поле».*

Этимологический словарь

Философская аксиоматика проста, хотя и трудно мыслима на бытовом уровне, исходя из повседневного опыта. В самом деле первичность или вторичность материи по отношению к сознанию не имеют обывательской актуальности, этот вопрос – вопрос мыслительных абстракций. Впрочем, как подчеркивает Борис Беседин в своей новой книге «Карма истории: теория социальных катастроф»<sup>1</sup>, слишком многое в этом мире, вплоть до общественных катаклизмов, есть порождение мыслительных абстракций и типов мышления. Эти типы он связывает с двумя полушариями мозга, в левом из которых соответственно заключаются идеальные представления (как они мыслятся), в правом – реальные (как они осуществляются). Как следствие этого даже история религий есть не что иное, как череда попыток ответить на вопрос о соотношении идеального и реального. Уже древнейшая из религий – пантеизм – ставила его, утверждая тождество идеального и реального: в нем природа выступает как инобытие Бога, а Бог мыслится как все сущее.

Идеалистическая и материалистическая философские тенденции «конкретизировали» роль и место Бога: первая как абстрактную идею, вторая как иллюзию, ничто. Впрочем, близость этих тенденций, по Беседину, не только в том, что обе они так или иначе сузили сферу Бога. Автор монографии радикально иначе,

чем принято, трактует материализм как государственную идеологию советского времени: «...Социализм лицемерен: пропагандируя материализм, социализм насаждает в обществе самый оголтелый объективный идеализм – преклонение перед идеей государственности как некоего абстрактного принципа, совершенно бесчеловечного в отношении отдельного человека»<sup>2</sup>. Был ли вообще когда-либо реально воплощен в жизнь материалистический принцип отношения к действительности? Автор полагает, что, по крайней мере, один такой уникальный случай был: подлинным материалистом он объявляет только Демокрита, который ослепил себя, чтобы не подвергаться воздействию Майи – кажимости, то есть идеального, поскольку считал, что только сознание дает подлинное представление о реальном.

Столь подробный разбор отдельных философско-исторических идей автора монографии важен для понимания аргументации его концепции. Погружаясь в область этого понимания, можно согласиться с тем, что материализм как государственная идеология выразился в Советской России лишь фрагментарно, на первом этапе строительства социализма: прежде всего, в культе производства, средств и результатов труда. Достаточно вспомнить эпизод со сверлом в культовом романе «Как закалялась сталь», состязательность людей и машин в «Зависти» Юрия Олеши, картину строительства новой жизни в «Ювенильном море» Андрея Платонова. Почему именно в художественной литературе? Потому что она традиционно исторически сложилась в России как поле битвы «реальных» и «идеальных» идей в общественном сознании и оставалась таковым, по крайней мере, до начала XXI в.

Однако главные аргументы автора – все же из области истории: народа без религии не бывало. А поскольку религию на материализме не построишь, то материализм и не мог стать государственной концепцией, он мог выполнить только роль инструмента разрушения христианства. Что касается государственной идеи, то она вполне идеалистична. «В материализме реальное не столько существеннее идеального, сколько реальное является причиной идеального. Но причина не всегда значительнее следствия. Например, болезнь и смерть. Смерть – следствие все равно значимее болезни-причины»<sup>3</sup>.

Приведенные умозаключения не столь парадоксальны, как кажутся на первый взгляд. Можно, в частности, обсуждать наличие признаков религиозности («ре-лигия» как восстановленная связь) в атеизме как вере социоцентрического типа и в том числе на этом основании говорить о «государственной религии» советского времени. Ведь материализм по всем законам психологии, ка-

залось бы, должен был породить общественные установки типа: «все – сегодня и сейчас», «после нас хоть потоп» и др. А на поверку большая часть «материалистического общества» долгие годы жила и работала ради «коммунистического завтра». Потому ли, что это действительно был не материализм или по иной причине, но это сегодня очевидно.

Парадоксальны как раз не социально-философские выводы, а предложенное Борисом Бесединым их гносеологическое обоснование. Я далека от мысли, что автор в своих подходах абсолютно оригинален, но очевидно, что научные концепции, берущие начало в физиологии, семиотике, теории познания, столь системно еще не использовались для концептуального описания исторических и социальных процессов, в том числе и самых болевых точек истории российского общества.

Не останавливаясь на изложенной в монографии безусловно интересной проблематике климатического маятника и климатического фона истории, социальной патологии и социальных мотивов, рассмотрим лишь представленный здесь концепт индивидуальных врожденных идей и типовых механизмов человеческого мышления.

Автор монографии выделяет у людей преимущественно два типа мышления – лингвистическое (доминирующее левополушарное мышление) и мифологическое (доминирующее правополушарное мышление).

Мифологическое мышление Б.Беседин определяет как ярусное и каскадное, когда после скрытой интуитивной подготовки выбрасывается порция оценок, базирующихся на мифологических мотивах, «логике сна», символах и образах. «Левополушарный» же человек ищет свою оценку событий путем подбора лингвистических матриц. Это, как полагает автор, более длительный процесс с использованием нескольких параллельных цепей, при этом мышление перескакивает с одной цепочки на другую. Такого рода люди избегают мифологических мотивов, противятся религии, объявляют себя представителями науки. Для них характерны слабо развитое художественное мышление, накал страстей и стремление к «кровавым раздорам», а также блестящее владение формальной логикой.

На первый взгляд здесь нет парадокса. Интуитивно мы выделяем из окружающих нас людей «верующих» и скептиков, создателей и разрушителей, правда, эти архетипы нечасто встречаются, так сказать, «в чистом виде». Парадоксально то, что именно мифологическое мышление Борис Беседин объявляет тяготеющим к реальным образам, а лингвистическое – к идеальным. В привычных представлениях все как раз наоборот: понятие «миф» бытует в

общественном сознании как синоним иллюзии, обмана, тотальной субъективности.

Отказывая мифу в логике, автор тем не менее полагает, что можно говорить о «реальности» мифа как об отражении объективных процессов. В мифе Адам съел запретное яблоко и кусок застрял у него в горле, а потому Адам стал смертен, но обрел долголетие. Эта нарративная структура, как и миф о молодильных яблоках, отражает реальный физиологический факт: Адам, будучи ас-теником, действительно должен был бы жить долго, поскольку кад-дык – Адамово яблоко – железа, задерживающая старость.

Такой же видимой парадоксальностью с точки зрения пони-мания реальности отличается сравнение истории и мифа. Отталки-ваясь от привычного противопоставления мифа и истории, автор уточняет суть их различия: есть взгляд на события синхрониче-ский и есть взгляд дисинхронический (диахронический). Послед-ний взгляд – это взгляд истории, непрерывный ряд тех или иных событий. Миф же трактуется Б.Бесединым как одновременность событий, хотя в нем и отражена смена поколений. Дело в доми-нанте: насыщенность мифическими событиями приходится на ка-кое-то одно время, имеющее сакральный характер. «Что касается реальности, то события в ней распределяются отнюдь не равно-мерно. Самая высокая плотность событий или, скажем, насыщен-ность событиями, приходится на строго определенные моменты истории»<sup>4</sup>. Тем самым, говорит автор, жизнь как бы на стороне мифа, он более органичен человеку.

Трактовка историка следующая: социальные циклы – перио-ды, между которыми пролегают «годы застоя», хотя именно в та-кие годы совершается скрытая работа культуры. В годы же бурных событий гибнут чаще всего таланты, выживают примитивы, в та-кие годы мало специфически человеческих проявлений. Тем са-мым миф обретает как бы большую достоверность, чем история, претендующая на тесные отношения с наукой.

Словно понимая это, история злоупотребляет определенно-стью и категоричностью. В учебнике истории можно прочесть: «Джордано Бруно взошел на костер за свои убеждения». Но это скорее категоричность мифа, чем истории. Мы понимаем, что его привели на площадь, все это случилось посредством доноса. «Преподнести миф как историю – вот и есть подлинная задача ис-тории, хотя историки тщатся представить дело так, будто они очищают историю от мифов»<sup>5</sup>.

Теперь более или менее ясно, что понимает автор моногра-фии под термином «реальность». Реальность мифологического мышления основана на объективности наблюдаемой случайности:



это стихия «над-Я», проверяемая в каждый отдельный момент интересусубъективным «мы». Не менее объективным является и критерий «Я-эго», где арбитром выступает тело человека: идеально то, к чему тело стремится, реально – таково, как есть: с этой позиции реальное и идеальное противостоят друг другу.

Таким образом, из данной теории следует, что субъективное выступает по преимуществу как реальное. Иными словами, реальны те образы, которые порождает наше сознание при наблюдении или из оценки наших органов чувств. Невольно возникает вопрос: следует ли из этой логики, что объективное есть идеальное, и наоборот?

Сознание человека сравнивает явления и классифицирует их: то есть сознание человека есть его «сверх-я». По тому, чем оно оперирует, автор выделяет два своеобразных способа мышления – «сверх-я-образ» или «сверх-я-слово». Суть их разграничения не в доминировании реального и идеального, которые также могут быть образами и словами. Суть в том, как именно в них соотносятся области реального и идеального. В отношении образов реальные и идеальные их характеристики могут исходить из оценочных стереотипов либо неких нестандартных суждений на основе опять же наблюдений и оценок органов чувств. Предлагаем называть это мыслительной схемой первого порядка.

В схеме «сверх-я-слова», где доминантны лингвистические архетипы, не предпочитают ни идеальные, ни реальные понятия, они просто мыслятся внеположными друг другу. Иначе говоря, это парадоксы. Анализируя уайльдовский парадокс «Только ложь правдоподобна», автор акцентирует внимание на главном его смысле: ложь хорошо продумана и потому правдоподобна, а правда случайна и потому лишена правдоподобия. Полагаем возможным назвать это мыслительной схемой второго порядка.

Сопоставляя идеальные и реальные представления, мозг вырабатывает установки для ориентации. При этом они могут выстраиваться в различных отношениях друг к другу: как равноправные, соподчиненные, противопоставленные друг другу, внеположные друг другу. Борис Беседин настаивает на том, что главенство в различии проявлений «над-я», «под-я» и «сверх-я» принадлежит не психологии, а именно мышлению. Реальное, будучи воспринятым, сравнивается с идеальным образом в стадии впечатления, а соотношение идеального и реального порождает мысль.

Однако при разборе концепта остается немало вопросов. Разводя типы мышления, автор как бы внеполагает их друг другу. Хотя приведенный им пример скорее доказывает обратное: при анализе парадокса фактически выявляется рефлексия рефлексии –

соотношение значений слов (в языке) и противоположных им смысловых акцентов в речи, предполагающей философский, психологический и иной контекст их восприятия. Таким образом, внутри схемы второго порядка можно отыскать следы схемы первого порядка, а потому трудно утверждать, что мы имеем дело с принципиально иным типом мышления.

Далее. Как правило, корни мифологического мышления относят к дологическому, донаучному типу. Б.Беседин, анализируя тип мышления, которое называет «домышлением», казалось бы, традиционно внеполагает ему формальную логику. «Домышление пользуется ограниченной логикой определенных представлений»<sup>6</sup>. Традиционной является и оценка фокусирования этих представлений в области мистики как интуитивного знания. Магия общепризнанно считается первой стадией формирования мифа. Однако Б.Беседин и здесь предлагает свою версию: второй областью, где раскрывается домышление, он называет публицистику – область рационального, но весьма поверхностного и слишком эмоционального знания. Поверхностность знания – важнейший критерий в концепте автора, позволяющий квалифицировать специфику типа мышления, которую, в отличие от многих исследователей, он не спешит назвать обывательско-мифологическим. Напротив, он утверждает: «Мистически настроенные люди, в том числе религиозные, считают величайшим пороком полужнание»<sup>7</sup>. По мнению автора, наиболее консервативны и склонны к обскурантизму именно люди, заполняющие широкий диапазон ограниченных знаний, – широкие массы бюрократии, ремесленники и торгаши. Они овладевают только первой фазой логического мышления – законом противоречия, который необходим, чтобы выяснить обстоятельства явления. Таким образом, это мышление альтернативное в самом ограниченном варианте: делается вывод, хороши или плохи обстоятельства. Поскольку альтернатива – не реальность, а абстракция, вывод часто ложный.

Коль скоро домышление не соотносится с верой, в нем уже есть первая фаза логического мышления и оно оперирует абстракциями, то резонно предположить, что домышление – это праобраз или источник не столько мифологического мышления, как принято считать, сколько лингвистического?

Но каков же тогда источник правополушарного мифологического мышления? И если, по Б.Беседину, мифологическое мышление есть мышление принципиально не лингвистическое, то можно ли утверждать, что оно долингвистическое и внелингвистическое?

Автор подробно не обсуждает эту тему. Но откуда-то должен же брать «мифологический человек» оценки из своего подсозна-

ния? Рискнем предположить, что таким источником может быть мышление визуальное, гносеологические функции которого исследовал Р.Ю.Рахматуллин. Они, в частности, представлены в работе В.И.Жуковского, Д.В.Пивоварова, Р.Ю.Рахматуллина «Визуальное мышление в структуре научного познания», изданной в 1988 г. в Екатеринбурге. Исследователь полагает, что в основе визуального мышления лежит наглядный образ, являющийся одним из важнейших строительных элементов любой картины мира и имеющий определенную специфику. В такого рода наглядных образах чувственный момент одновременно обладает достоинством всеобщности (возможно, благодаря конкретной материальности объективного эталона) и способностью предугадывать содержание непосредственной действительности. Чувственность в этом понимании как бы является отрицанием «непосредственного созерцания», с которого начинается познание. Она фактически преобразуется в идеал и алгоритм деятельности.

Образ визуального мышления рассматривается нами как опосредующее звено между абстрактным вербальным мышлением и практикой, он возникает в результате непосредственного чувственного созерцания и результатов абстрактно-логического мышления. Это снимает вопросы о внеположенности двух рассматриваемых нами выше схем мышления и объясняет специфику иного, чем лингвистический, типа мышления. Тогда становится понятным и ретроспекция данного типа сознания.

Если исходить из такого основания, то очевидно, что в наглядном родовом образе – мифообразе, по нашей терминологии, – органически сплавлены непосредственное субъективное видение предметов материального мира с представлениями об объективных эталонах, их отборе, обосновании самой полноты эталонного качества и ее генезиса. При этом мы имеем дело именно с мышлением: родовой образ класса предметов не равен образу конкретного реального предмета этого класса. Миф выступает здесь смысловым культурным аспектом объективного отбора эталонного представителя и самого родового образа, обосновывает аксиологическое значение совершенного предмета, что в той или иной мере детерминирует способ практического или умственного действия с ним. Миф создает условия для того, чтобы сознание человека не только отражало предмет (в аспекте зеркальности), но и творило его мифообраз в соответствии с определенными культурными смыслами. Это творение не противоречит ключевому положению гносеологии, согласно которому объект познания дан в форме практики. Мифообраз связан со схемой деятельности, определяя

ее и в известной степени будучи определяем ею как инвариантом эмпирических схем познания объекта.

В этом плане трудно переоценить значение визуального мышления, которое выполняет функцию посредника между непосредственным созерцанием мира и родовым образом. Мифообраз обладает такими качествами наглядного образа, как единство чувственного и рационального, структурное соответствие объекту-оригиналу и разнообразие, и свидетельствует о развитом мифологическом знании, то есть таком уровне мифологического знания, при котором соблюдается условие правильного понимания этого знания другим индивидом. Может быть, Б.Беседин имеет в виду именно такое «мышление образами»?

Чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к еще одному ключевому понятию, которое вводит автор монографии, – «врожденные идеи». Первое, что является их характеристикой, – это бессилие по отношению к ним формальной логики или, иначе говоря, мышления лингвистического типа. Второе: «Не каждая идея является врожденной. Категория «ничто» является искусственным понятием, она введена Гегелем. У индусов ей соответствует нирвана. Не имея никакого образа... она не может быть врожденной»<sup>8</sup>.

Так речь все-таки идет о врожденной идее, которая на поверку выступает как идея-образ? Не совсем так. Предложенный автором механизм генезиса и бытования врожденной идеи вновь делает проблематичной попытку вписать ее в относительно стройную терминологическую систему. Для определения врожденной идеи Б.Беседин взял кантовское понятие «вещь для нас». Если о «вещи в себе» человек может судить только нечувственным опытом, то «вещь для нас» ему дана, хотя и неосознанно. Так, антиномии Канта представляются автору врожденными идеями гносеологии.

Осознание врожденной идеи выступает как своего рода изобретение внутреннего опыта. Уже на основании «врожденности» та или иная идея квалифицируется автором как подлинная, истинная, а непротиворечивая совокупность таких идей трактуется как разум. Иначе говоря, сама истина предстает перед нами как внутренне непротиворечивая конструктивная идея. Возможно, речь идет о некотором наборе аксиом и эталонов (родовых образов), которыми оперирует мышление. Однако автор определенно выделяет врожденные идеи, локализованные в левом полушарии и в правом, соответственно формально-логические и пространственно-ориентировочные. Одни, по Беседину, относятся ко времени, другие – к пространству. И то и другое суть врожденные идеи, выявленные благодаря изобретениям человечества.

Однако здесь необходимо вернуться к предложенной самим автором трактовке понятий, в частности, к тезису о том, что врожденные идеи непостижимы для формальной логики. Но почему же для левополушарного лингвистического сознания в принципе непостижимы формально-логические врожденные идеи, локализованные в том же полушарии? Только потому, что для изобретения «инструментов» их постижения необходимы открытия, на которые способно лишь творческое мышление мифологического типа? Но ведь указанные типы мышления суть научная абстракция, и хотя можно согласиться с их выделением в качестве тенденции и направленности, но в «чистом виде» представить их в реальности невозможно.

Что больше всего беспокоит в предложенном концепте, так это терминологический парадокс. Настаивая на очевидной «разности» двух типов мышления, автор доказывает непостижимость мифа для мышления формально-логического типа (лингвистического мышления). Но уже само разграничение типов мышления – мифологического и лингвистического – требует серьезного терминологического разбора, поскольку предмет лингвистики – язык – в культурологической традиции трактуется как первомиф. Слово в ритуальном аспекте имени сакрально, оно, как всякий миф, имеет двуединую сущность – формальную сторону, то есть некое материальное выражение, и определенное значение в языке, и смысл в речи. В нем есть морфо-грамматическая и фонетическая структуры, с одной стороны, и историко-культурное содержание, с другой. Знаковость слова, иначе говоря, замещение им реального объекта или состояния, вырастает именно из нетождественности содержания и выражения. Таким образом, язык предстает перед нами своеобразной системой координат, в которых сознание обозначает мир. Именно обозначает, а не отражает, в том смысле, что мы сначала определяем окружающее, а уже потом видим его.

Однако все сказанное отнюдь не тайна для автора – он сам утверждает более чем тесную связь между мифологическим мышлением и словом, языком. Парадигма «речь – молчание» становится в его интерпретации основной смысловой доминантой Библии. Автор делает радикальный вывод: лживость лежит в основе мифотворчества. Анализируя представленный в Библии запрет Бога поедать плоды добра и зла, Б.Беседин акцентирует: это не запрет соития, а запрет разговаривать. Есть плоды с дерева жизни Бог разрешил – это дерево и символизирует половые органы. Концепция Библии – лингвистическая, поэтому дереву познания добра и зла – языку – тут придается больше значения, чем дереву жизни – половому органу. И первородный грех – это не нарушение обета

безбрачия, поскольку в остальном тексте Библии производство потомства приветствуется, а нарушение запрета на инцест или регламентированного инцеста. Инцест возможен, но в полном молчании, ибо грех не в том, что принимается в уста (половые губы), а в том, что исторгается из уст, прежде всего в словах. Дочери Лота согрешили против Бога не инцестом, а тем, что насмеялись над отцом. Можно предположить, что под такого рода «лживостью» как источника мифотворчества ученый понимает некий психологический двойник «табу» и (или) исторических шумов, механизмом которых ученые, работающие с проблемами древнего сознания, описывали подобные явления.

В любом случае при анализе религии автор исходит из того, что каждая религия прежде всего лингвистическая концепция. Бог – это тот, кто создал язык, дал всему название – в этом и есть сотворение мира. В одном из Евангелий прямо написано: «В начале было Слово». Скандинавский бог Один сотворил Руны и, распяв себя на древе познания – языка, висел там 9 дней – лет. Бог японцев Сусанноо сотворил танка, и люди научились чувствовать, тонко воспринимать природу, а императоры получили возможность использовать поэтические состязания для выбора чиновников.

Но если любая категория религии прежде всего категория лингвистическая, то резонно предположить, что религия, исходя из трактовки лингвистического мышления, есть порождение абстрактных логических операций и идеальных понятий. Как же быть с традиционным представлением о реализации в религии мифологического типа сознания: что в этом случае есть в религии от мышления мифологического? И как вообще в заданной системе терминологических координат расшифровать утверждение автора: «Культура – явление изначально лингвистическое. Лингвистические элементы порождают элементы мифотворчества»?

Круг замкнулся? Лингвистические элементы-идеи, которыми оперирует лингвистическое мышление, порождают мифотворчество, то есть являются двигателем мифологического типа мышления. Возможно, что все так и происходит на самом деле, и это вполне диалектично, но это уже, как говорится, другая концепция, не предполагающая, что два неких типа мышления внеположены друг другу и принципиально не пересекаются.

Терминология – язык наук и философии. Она, подобно любому языковому факту, имеет свою формальную оболочку, но важнейшим в ее бытовании являются именно содержательные элементы – значения, которые стремятся к константе. Движение науки – медленное и уверенное движение терминологии через смыслы к обновленным значениям с обязательным условием про-

зрачности и понятности этого процесса, а также его непротиворечивости. Если некий новый факт не вписывается в рамки наличной научной теории, появляется теория новая, которая системно включает его наряду с другими существующими фактами в свою непротиворечивую интерпретацию.

Разумеется, философия – прежде всего как любомудрие – область существенно большей «легкости» научной мысли: не случайно именно в ее поле кристаллизуются новые науки, научные направления, а следовательно, и научная терминология. И все же изящество и парадоксальность мысли не есть единственная цель философствования, хотя бывают в истории человечества такие эпохи, где именно такое любомудрие доминирует. Наше время также тяготеет к бесконечной игре смыслов. Надо только отдавать себе отчет, что за россыпью парадоксов человечество в конечном счете жаждет видеть тенденции, закономерности жизни и законы Бытия.

Стремление к обновлению естественно, а в условиях начала XXI в. порой радикально. Но законы языка, прежде всего языка науки, остаются прежними, требующими обеспечить адекватную коммуникацию. Терминологическое «конфетти» создает колоссальные информационные шумы, и это особенно обидно, когда находишь в книге немало свежих идей, бесспорно, интересных и по-новому систематизированных. Можно лишь посетовать, что автора преследует та же любовь к парадоксам, изящным и несколько искусственным, которые он сам мудро объявляет неотъемлемым атрибутом определенного типа сознания, ориентированного скорее на идеальные структуры мышления, чем на реальность. Жаль, что это явление становится атрибутом не столько лингвистического сознания, сколько в принципе научного сознания нашего времени.

---

<sup>1</sup> Беседин, Б. Карма истории: теория социальных катастроф / Б.П.Беседин. – М.; Харьков, 2005.

<sup>2</sup> Там же. – С.255.

<sup>3</sup> Там же. – С.256.

<sup>4</sup> Там же. – С.234.

<sup>5</sup> Там же. – С.236.

<sup>6</sup> Там же. – С.230.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же. – С.330.

## **ОБРАЗОВАНИЕ И ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ**

Невирко Д.Д.,  
доктор социологических наук,  
профессор  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

Предоставление возможности реализации каждым членом общества жизненных сил сегодня самая насущная социально-политическая и социально-экономическая задача России. Однако, учитывая ее общее состояние, обеспечение достойного уровня жизни людей не может быть достигнуто посредством лишь реализации возможностей и мероприятий социальной защиты, равно как и соответствующими отдельными программами, финансируемыми из федерального и региональных центров. В создавшихся условиях образование является тем основным институтом социальной мобилизации, который способен сформировать потребность и направленность человека на постоянный поиск путей своего совершенствования, что, в свою очередь, будет способствовать и более высокому уровню его социальной защищенности. «Сегодня еще не поздно, – пишет В.Распутин, – ... В последнее время мы часто вспоминаем нижегородское ополчение, спасшее Россию в Смуту XVII в. – новая смута теперь закрадывается в нас самих, в наш народ, пришла пора вставать против нее, мобилизуя все сохранившиеся у нас здоровые силы»<sup>1</sup>. При этом мы представляем социальную мобилизацию как спланированный процесс, в котором все основные секторы общества действуют вместе ради достижения общей цели, обращаем внимание на то, что она в условиях затянувшейся стагнации общества является тем средством, которое может быть использовано для создания необходимого состояния общества и его институтов, обеспечивающего проведение социально-политических преобразований за относительно короткий промежуток времени и выход общества из затянувшегося кризисного состояния.

Особенностью социальной мобилизации является то, что в ее рамках субъект управления, стремясь к достижению поставленных целей, не использует право легитимного насилия, статусные ресурсы предоставленной ему власти. Он не только занимается нормотворчеством, создает законы и другие общеобязательные нормативные акты, но и использует приемы и методы, которые позво-



ляют добиваться таких изменений во взглядах и поведении многих граждан, которые отвечают интересам развития общества и социальных институтов государства, личным запросам населения в реализации своих жизненных сил.

Решение данных проблем, поиски путей выхода из кризисного состояния, преодоления причин дезорганизации общества и личности, достижения социальной гармонии обуславливают актуальность изучения психологической и мотивационных сфер деятельности человека, путей и приемов преодоления социальной апатии и пассивности, повышения активности населения в реализации своих жизненных сил в период радикальных преобразований в постперестроечное время.

Говоря о социальной мобилизации, нас, прежде всего, интересуют те институты, которые способствуют формированию определенного уровня социопсихологической устойчивости, социализации человека, способности не просто противостоять им, но и преодолевать, выдерживать психологические нагрузки. Речь идет, прежде всего, об институте образования. Процесс получения образования своим влиянием охватывает практически все сферы жизнедеятельности человека, имеет значительное влияние на него практически всю его жизнь, прививая и развивая у человека социальные ценности, формируя определенную культуру. Уровень культуры, в свою очередь, обеспечит адекватное реагирование на мобилизующие влияния общества, даст возможность реализации человеком жизненного потенциала. В то же время она выступает тем «фильтром», который будет препятствовать влиянию на личность манипулятивных технологий, распознавать популистские призывы, лозунги, обещания.

Основными элементами образования являются обучение и воспитание, выступающие в комплексе и дополняющие друг друга. Единство воспитания и обучения подчеркивается уже самой этимологией термина «образование» и современным словоупотреблением не только в русском, но и ряде других европейских языках. Так, А.В.Луначарский писал: «Наше слово "образование", как и немецкое "Bildung", происходит от слова "образ"... Образованный человек – человек, в котором доминирует образ человеческий»<sup>2</sup>.

Одной из основных задач образования является гармонизация интересов индивида и общества в целом: удовлетворение потребности человека в образовании, а нужд общества в работниках различных специальностей. Через это обеспечивается развитие всех членов социума. Учитывая то, что успешность образования возможна лишь при активном взаимодействии передающего образование и приобретающего его при одновременном участии их как субъектов образовательного процесса, формирование активной по-

зации личности происходит и в таких формах, как самообучение и самовоспитание. Образование само по себе является источником социальной мобилизации и личности, и общества, стимуляции достижения все новых и новых его вершин.

Содержательно образование представляет собой точно очерченный круг систематизированных знаний, умений и навыков, являющихся основой для всестороннего развития социопсихологических качеств личности, формирования у нее определенного мировоззрения, нравственно-эстетических качеств и познавательных интересов, активной жизненной позиции. В каждом конкретном обществе оно определяется уровнем развития общественных и производственных отношений, науки и конкретными задачами, стоящими перед институтами образования в данный исторический период.

В переходные периоды образование, так же как и общество, может быть дезорганизовано, что наиболее заметно наблюдалось в 90-е гг. Как правило, отмечается некоторое отставание или опережение его от требований и реалий происходящих перемен, а при всем многообразии существующих форм учебных заведений в самом содержании обучения, развития и воспитания отсутствует целостность (с соответствующим ей единым стержнем)<sup>3</sup>. В этот период происходят активные деструктивные процессы в массовом сознании, отвергаются старые ценности, принимаются новые, ценностное осознание значимости которых массой может произойти гораздо позднее, оценка не всегда будет адекватной той, которой она «награждалась» в период своего формирования.<sup>4</sup> Российская мудрость «Имея не храним, потеряя плачем» так характерна для отечественного менталитета.

Как следствие человек с большими трудностями принимает социальные изменения в обществе, сталкивается с проблемой внутреннего соотношения знаний, которые он приобрел, с тем уровнем культуры и формами поведения, которыми обладает, и тем, как необходимо организовывать свою деятельность в новом, реформируемом обществе. Следовательно, любая реформа должна предусматривать и своевременное соответствующее реформирование института образования как социального института, так как образование должно быть адекватно эпохе, общей идеологии, а также «...тем героям, которые предлагаются в качестве образцов для новых поколений»<sup>5</sup>. Формирование человека, воспринимающего и осознающего необходимость проведения реформирования общества, обеспечит результативность социальной мобилизации, повышение его активности в реализации жизненной цели в изменяющемся обществе.

Заинтересованность общества в получении личностей, отвечающих определенным качествам, способствует формированию институтами образования некой имажинитивной модели личности. В целом модель деятельности специалиста должна обладать определенными свойствами и строиться на определенных принципах, обеспечивающих достижение поставленных целей. Очевидно, что она должна быть, во-первых, адекватной реальности, то есть обеспечивать максимальное соответствие между формируемой заданностью и практической деятельностью специалиста. Во-вторых, модель должна быть динамичной. Под последним понимается ее периодическая воспроизводимость, благодаря чему может быть достигнуто непрерывное отражение происходящих в обществе изменений.<sup>6</sup> Эта модель не статична, она динамична. Вот почему не только в разных социумах, но и в различное историческое время общество формировало идеал личности, который отвечал требованиям конкретного времени: «В каждой культуре созданы определенные представления о том, каким должен быть идеал человека. Древняя Греция знала такой идеал всесторонне развитого человека, с гармоничным развитием физических, умственных и моральных черт. В некоторых культурах таким идеалом является комплекс черт, создающих совершенного воина (некоторые индейские племена, Пруссия, Спарта). В китайской культуре существовал идеал скромного, пренебрежительно говорившего о себе человека, тогда как в Соединенных Штатах Америки создали идеал человека, полного предприимчивости, пионера и бизнесмена, склонного к бахвальству»<sup>7</sup>.

В конце 90-х гг. XX столетия российское общество, взяв курс на демократическое преобразование, отвечающее запросам рыночного регулирования экономических отношений, и отвергнув единую государственную идеологию развития, не представило ему взамен никакой. Как следствие меньшая часть, изначально имеющая доступ к распределению государственных ресурсов (партийная, советская, производственная и пр. элиты и их ближайшие родственники) либо обладающая природной способностью к действиям в своих интересах в экстремальных ситуациях постоянного поиска источника обогащения (лидеры-организаторы общественных объединений как существующих, так и вновь создаваемых, криминальные структуры и отдельные элементы), сумела в кратчайший срок сформировать огромные состояния.

Мобилизующее предназначение образования заключается в специально организованной познавательной деятельности, цель которой – ускорение темпов индивидуального психологического развития и овладение познанными закономерностями функционирования окружающего мира.

В условиях демократических преобразований большое значение для повышения социальной активности человека имеет распространение приемов инновационного обучения, основная логика которого определяется, по мнению В.С.Дудченко, «от действия к знаниям»<sup>8</sup>. Данные технологии обучения максимально нацелены на стимуляцию задействования резервных возможностей сознания, психики, мышления. Учебная работа изначально исходит из парадигмы, что все люди талантливы с детства.

Образование обеспечивает преемственность поведения человека в социуме, нацеленность его на определенные действия в конкретно-исторических условиях в результате сложившихся общественных отношений и образа жизни общества. Как подчеркивал Г.Тард: «В известном смысле можно даже утверждать, что так называемое "социальное давление" только содействует самоопределению и более яркому выражению каждой отдельной личности»<sup>9</sup>. При этом под «социальным давлением» необходимо понимать социальную мобилизацию в ее сущностном предназначении – активизировать деятельность людей.

Основным критерием осуществления образования является степень соответствия свойств и качеств человека так называемой базисной личности, наилучшим образом отвечающей объективным условиям современного этапа общественного развития, способной реализовать себя в общественном производстве. «...В общественном строе, где все места намечены, каждый должен быть воспитан для своего места»<sup>10</sup>, – писал Ж.-Ж.Руссо.

Эта проблема раскрывает основные закономерности, принципы и сущность образовательного процесса, конечным результатом которого является формирование социальных качеств личности, способствующих активному его проявлению в различных социальных сферах.

Вопрос ставится именно так, что человек не просто усваивает социальный опыт, но и преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации. Этот момент преобразования социального опыта фиксирует не просто пассивное его принятие, но и предполагает активность индивида в принятии такого образовательного опыта.

Необходимо подчеркнуть, что для обществ с различными политическими режимами характерна и разная общественная значимость тех или иных методов и средств мобилизующего воздействия. Более того, характерно и различное признание ценности приемов, культивируемых различными режимами. Не вдаваясь в сравнительный анализ, отметим, что основное предназначение демократического режима, на развитие которого сделана ставка современной России, сформировать социально деятельную личность,

творческую, способную оценить суть изменений в обществе и смоделировать свое поведение адекватно происходящим процессам, мобилизовать ее на творческий поиск на основе личной свободы при условии со стороны общества определенного уровня социальной защиты и обеспечения мотивации. Большая роль в этом принадлежит образованию.

Большое мобилизующее значение имеет образование и для совершенствования деятельности правоохранительных структур России. Основные требования к сотрудникам ОВД определены в Кодексе чести рядового и начальствующего составов органов внутренних дел России: быть примером в исполнении законов, не допускать влияния любых политических взглядов на свои профессиональные действия, глубоко осознавать свою личную ответственность за защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств; проявлять твердость, профессионально-нравственную устойчивость и непримиримость в борьбе с преступностью; уметь уважать права тех, кто оступился или по злему умыслу совершил преступление; быть постоянно готовым бескорыстно прийти на помощь тем, кто в ней нуждается; быть мужественным и смелым; считать своим моральным долгом высокую организованность, дисциплинированность, исполнительность.

Формирование устойчивых социальных качеств, соответствующих требованиям, упомянутым выше, является важнейшей задачей, решаемой в процессе обучения сотрудника ОВД в образовательных учреждениях МВД России. В данный период находит свою реализацию процесс формирования ценностных ориентаций, взглядов на будущую профессию как средство реализации жизненных сил; образовательный процесс призван обеспечить интеграцию свойств и отношений личности, ее стремление к сведению воедино представлений о выбранной профессии и о собственных качествах и способностях.

Не нивелируя индивидуальность современного стража правопорядка, образование призвано сформировать его жизненные ориентации для того, чтобы жизнь милиционера приобрела смысл, а его профессия – авторитетность и престижность. Осознание каждым сотрудником ОВД ценности милицейской службы для общества в свою очередь станет активизирующим фактором деятельности сотрудника органов внутренних дел по охране законных прав и интересов граждан.

---

<sup>1</sup> Распутин, В. Роль литературы в образовании и православном воспитании // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2006. – №3. – С.38.

<sup>2</sup> Луначарский, А.В. О народном образовании. – М., 1958. – С.61.

---

<sup>3</sup> Романов, К. Заметки о культурно-антропологическом подходе в философии образования / К.Романов // *Alma mater. Вестник высшей школы.* – 2006. – №2. – С.18.

<sup>4</sup> Бледный, С.Н. Проблема манипулирования сознанием в научной литературе конца XIX – начала XX века / С.Н.Бледный // *Социально гуманитарные знания.* – 2003. – №3. – С.295.

<sup>5</sup> Иванов, Д. Человек и игра в российской философии образования / Д.Иванов // *Alma mater. Вестник высшей школы.* – 2006. – №2. – С.19.

<sup>6</sup> Немировский, В.Г. Социология личности: теория и опыт исследования / В.Г.Немировский. – Красноярск, 1998. – С.42.

<sup>7</sup> Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Я.Щепаньский. – М., 1969. – С.69.

<sup>8</sup> Дудченко, В.С. основы инновационной методологии / В.С.Дудченко. – М., 1996. – С.44-46.

<sup>9</sup> Тард, Г. Психология и социология // Новые идеи в социологии. Сб.2. Социология и психология. – СПб., 1914. – С.79-80.

<sup>10</sup> Руссо, Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании / Ж.Ж.Руссо // Комменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г. Педагогическое наследие. – М., 1988. – С.201.

## **О ПРОБЛЕМЕ ЕСТЕСТВА ЧЕЛОВЕКА**

Рубчевский К.В.,

доктор философских наук, профессор  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

Для того чтобы решать столь серьезные проблемы, необходимо наметить стратегию исследования, разбить его на несколько этапов. Первый этап, разумеется, это выяснение того, что же такое «человеческое естество». Этот этап нами пройден в предыдущих работах, причем под человеческим естеством мы понимаем ту активную основу, на которой и выстраивается личность. Таким образом, личность, по нашему мнению, это человек, обладающий совокупностью индивидуально проявляющихся в своей целостности социально значимых качеств, формирующихся на основе его собственной активности под воздействием общества. Активность человека и определяет его естество. Далее встает вопрос: все ли люди изначально, как говорили раньше, «от природы» наделены одинаковой степенью активности? На этот вопрос, очевидно, следует ответить отрицательно. Тому есть великое множество подтверждений как в наши дни, так и в прошлом. Но это, так сказать, активность сравнительная или в сравнении одного индивида по этому параметру с каким-либо другим. Каждый человек, по всей ве-

роятности, имеет собственную степень активности, о чем мы только что сказали. Вместе с тем, по нашему мнению, есть и активность, если можно так выразиться, абсолютная, присущая человечеству как роду, – то, что и определяет, как нами было уже сказано, его естество. И к этому мы придем чуть позже. Следующий же этап разработки интересующей нас проблемы заключается в том, чтобы попытаться выяснить, изменяется ли естество во времени, в ходе человеческой истории или все-таки оно остается неизменным. Для этого необходимо так или иначе определить свою позицию по следующей проблеме: меняется общество в своей основе или изменяется лишь его оболочка. Человека следует изучать в экономической, социальной, правовой, политической и духовной сферах, ибо явления индивидуального опыта слишком запутаны, биография каждого отдельного человека подчас заслуживает внимания для изучения не меньше, чем история всего человечества. Однако не это в данный момент нас интересует. Как не интересует нас в данный момент и проблема инстинктов человека; по мысли М.Шелера, человек – животное и останется им. Это тема специального исследования. Наш же принципиальный вопрос таков: по форме или в своей основе отличаются друг от друга миры Платона и Аристотеля, Сенеки и Нерона, Бисмарка и Александра III, Кеннеди и Хрущева? Вроде бы прослеживается некоторая гуманизация общества – ведь на потеху публике теперь состязаются не гладиаторы, а, например, футболисты, высококлассные представители которых получают более чем достаточное вознаграждение за свой труд. Вместе с тем до наших дней благополучно дошли коррида, «бои без правил» (как официальные, так и подпольные), не отличающиеся от древнегреческого панкратиона, в таких поединках увечье или даже смертельный исход не такая уж и редкость. Одним словом – тезис «хлеба и зрелищ» не теряет своей остроты и в наши дни. Человек всегда любил и любит наблюдать за драматическими и трагическими событиями, сам в это время пребывая в безопасности. Эту деталь тонко подметил еще Шопенгауэр. А такое изобретение, как театр, вообще дошло до наших дней почти без изменений. Ощущая скоротечность своего существования, человек хотел прожить несколько жизней хотя бы в театре, ставя себя на место других людей. И сама средняя продолжительность жизни едва ли изменилась в наши дни по сравнению с античными временами. Невольно приходишь к мысли, что со времен античности ничего по-настоящему нового в области духа человечеством так и не было сотворено. Да, и для нас, для подавляющего большинства современных людей, шедевры культуры древних греков и римлян остаются высшим эталоном, ведущим образцом – недостижимым идеалом. Человечество по большому счету не развивается

в духовном плане после того, как христианская церковь стала официальной в Римской империи. После падения западной ее части Европа (за исключением Балкан) стала варварской (хотя кое-что, например право, было сохранено), явный шаг назад по сравнению с тем уровнем культуры, что был ранее в этой части света. По мере развития рассудка (единственное изменение человека), наиболее смышленные люди стали понимать, что они не в силах придумать ничего более возвышенного, более прекрасного, а зачастую и полезного, по сравнению с тем, что было осуществлено в античный период. Этих людей мы называем гуманистами эпохи Возрождения. И действительно, если не смогли создать новое, то ничего не остается, как «возрождать» старое. Логика, достойная самого Стагирита. Далее следует упомянуть эпоху классицизма, отметим и XX в. с его пристальным интересом к наследию греков и римлян, начиная от экранизации античных времен всех периодов, заканчивая всплеском популярности бодибилдинга в мире в 60-80-е гг. только что ушедшего столетия. Мы вовсе не утверждаем, что возврат к античности – это негативное явление; нет, например, ничего плохого в «накачаном» мускулистом теле, великолепно смотрятся и радуют глаз архитектурные ордера – дорический, ионический, коринфский. Мы не можем понять одного: почему же вся история человечества после античного периода представляет собой удивительное и пока необъяснимое движение «назад – вперед». То человечество движется «вперед», то есть к варварству, то – «назад», к античным временам, то есть к культуре. Как отмечал Ф.Энгельс, мы возвращаемся каждый раз «в философии, как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечила ему в истории развития человечества место, на которое не может претендовать ни один другой народ»<sup>1</sup>. Греческий теоретический и римский практический разум, видимо, и есть тот особый сплав, который стал как точкой отсчета, фундаментом, так и желаемым, но недостижимым идеалом всей европейской цивилизации, а во многих аспектах всего человечества в целом. Европейская цивилизация, если так, конечно, можно выразиться, движется от античности к античности, разгадав загадку которой, мы, может быть, выйдем, наконец, на следующий, более высокий уровень своего развития и существования. А может быть, и нет никакой загадки, и дело обстоит более буднично, чем мы его себе представляем. Или, может быть, стоит согласиться с точкой зрения одного философа о том, что для нас представители античности не являются учителями, они – друзья нам, и если бы они могли, то сказали бы: не стойте на месте, не подражайте нам, идите своей дорогой. Двадцатый век гордится (в общем-то справедли-



во) официально провозглашенными правами человека, еще в 1888 г. было окончательно покончено с официальным рабством (Бразилия). В то же время права простого человека почти повсеместно попираются, как и всегда, сильный и богатый глумится над слабым и бедным, в «горячих» же точках множество людей пребывают в неволе, рядовой гражданин не всегда уверен в том, доживет ли он до завтрашнего дня, подобно тому, как если бы он жил в первобытные времена.

О том, что человеческое естество едва ли изменяется, свидетельствует феномен олимпизма. В античные времена на Олимпийских играх боролись за победу лишь профессионалы, люди обеспеченные и ничем другим в это время, как правило, не занимающиеся. Как ни пытался великий гуманист Пьер де Кубертен трансформировать идею олимпизма в сторону демократичности, основываясь на принципе «главное не победа, а участие», в сторону любительства для того, чтобы олимпизм сделал спорт массовым, а не превратился бы в спорт высших достижений, ничего у него не получилось. Последний «гвоздь в гроб» идеи олимпизма был забит в 1992 г., когда на Олимпиаду в Барселоне была допущена Drefmteam – сборная команда профессионалов из НБА, появление которой не оставило у других команд даже призрачной надежды на первое место. Как это ни печально, все вернулось «на круги своя», теперь, как и во времена античности, олимпиада – это борьба профессиональных спортсменов, целая индустрия работает на это.

О проблеме естества человека можно судить отчасти и по тому, как человек распоряжается властью, которая находится в его руках. Как выколачивали в буквальном смысле недоимки из нищих крестьян сборщики податей – приспешники наместников фараона, как обирал несчастных древлян князь Игорь, так и сейчас, ссылаясь на реформу ЖКХ, современные российские власти в некоторых регионах пытаются «выжимать» из населения последние гроши. Древнеримская пословица предупреждает: «голосуй за того, кто меньше всего обещает – меньше будешь разочарован». Как и тогда, так и сейчас человек, получив власть, моментально забывает, что недавно обещал своим сторонникам.

Современный мир достиг небывалой степени динамичности, полемичности. Еще Шарль Луи Монтескье заметил, что в античную эпоху воспитание было более действенным и гармоничным в силу того, что «последующая жизнь не отрицала его. Эпаминод и в последние годы своей жизни говорил, видел, слышал и делал то же самое, чему его учили в детстве»<sup>2</sup>. Между тем, как и во времена Эпаминода или во времена, скажем, Мишеля Монтеня, в современном обществе огромную роль играет религия, семья остается, как и прежде, для абсолютного большинства главной ценностью и

основным критерием счастья, преступность также остается неискоренимой, представительницы «древнейшей профессии» не менее востребованы, чем, например, во времена Мессалины. Легализации же проституции в нашей стране почему-то не происходит, хотя все понимают, почему. Не абсурд ли это: древнейшая профессия находится у нас вне закона. Люди одинаково злорадствуют над ошибками и промахами других и во времена Демосфена, и во времена А.С.Пушкина («Меня постигнул остракизм»), и в наши с вами времена. Да и толпа во все времена одинаково глупа и доверчива. Рассказывают, что когда какая-то старуха подбросила хвороста в костер, на котором сжигали Яна Гуса, он заметил: «O SANCTA SIMPLICITAS». Когда прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский восклицал: «Требуем наш народ одного: расстрелять как поганых псов!», – аудитория встречала это взрывом одобрения. Что ж, во все времена люди имеют предрассудки и подвержены, как мы сейчас это называем, стереотипам, и как всегда ERRARE HUMANUM EST.

Наверное, некоторые люди прошлых эпох, так же как и кое-кто из нас, пытались сделать этот мир лучше, благороднее, справедливее. Имеем ли мы, ныне живущие, которых скоро поглотит «всепожирающее время», право на попытку подвести хотя бы какие-то промежуточные итоги в этом аспекте, ссылаясь на только что пройденный нами рубеж тысячелетий? Будет ли эта попытка хоть сколько-нибудь интересной для потомков, которые будут здравствовать во второй половине, в конце этого столетия? Перспективы попыток человека любого поколения, любой эпохи что-либо сотворить всегда находятся в жесткой зависимости от того, что оставили ему его прашуры. «Мы живем мертвыми»<sup>3</sup>, – так не весело выразился П.А.Сорокин, рассуждая на интересующую нас тему. Человек, появившийся на свет и во времена Хеопса или Тутанхамона, и в современной нам России, вынужден жить в том обществе, которое оставили ему существовавшие до него поколения, и связь эту не разорвать. Поколение и общество любой из эпох развиваются на имеющейся почве, не имея выбора, подобно тому как человек не в силах выбирать себе родителей. И действительно, все мы так или иначе выполняем волю, переданную нам уже ушедшими предками. Может быть, поэтому человеческое общество и не может измениться к лучшему? Человек древних царств, как и современный человек, несвободен в принципе, и эту зависимость мы называем красивыми словами: связь времен, преемственность и т.п. Циолковскому приписывают слова, будто бы Земля – колыбель человечества, но человек не может вечно оставаться в колыбели. Нет, пожалуй, человек намертво прикован к своей «колыбели», где он и закончит, дрыхля, свои дни.

Нас, так же как и первобытных людей, захватывает и пугает чудовищная бездна звездного неба над головой, но приблизились ли мы хотя бы на йоту не то что к разгадке, а просто к пониманию первооснов сущего? Вселенная конечна. Вселенная бесконечна. Об этом рассуждали не только И.Кант, но и мыслители, жившие гораздо раньше. И мы, современные люди, сейчас находимся в такой же неопределенной ситуации, как они, перспектив ответить на этот вопрос у нас в обозримом будущем, очевидно, нет никаких. Без ответа же на этот вопрос мы не получим и информации о себе, будем «топтаться» на месте, как это и было всегда. Наука достигла, как говорят, больших высот, но даже такая болезнь, как рак, остается неизлечимой. От рака желудка, как повествуют некоторые древнегреческие источники, умер Аристотель. Все научные достижения касаются главным образом лишь преобразования (точнее, подавления) природы и военной сферы, по принципиальным же позициям успехов нет практически никаких: по сравнению с Демокритом мы знаем только то, что атом делим. Астрономы пишут сказки о «большом взрыве», благодаря которому будто бы и произошла Вселенная. В таком случае трудно даже предположить, что, не обретая фундаментального принципиально значимого знания, человек имеет возможность качественно изменяться.

Как существовали две с половиной и более тысячи лет назад олигархия, аристократия, так и существуют они в почти неизменном виде и поныне. Ничего более гуманного и прогрессивного, чем демократия, не было придумано для функционирования общества со времен Солона и Перикла до наших дней. Не было изобретено с тех пор и ничего нового в плане формы правления – монархия и республика сохраняются у нас и по сей день, ничего нового не предвидится.

Человеческое общество, как и в древности, раздирают противоречия. Как и прежде происходят военные столкновения между государствами и внутри государства. Людей по сей день разделяют барьеры в виде разных языков, культур, религий, экономического и социального статусов. И если раньше разного рода столкновения часто происходили на классовой основе, то сейчас – главным образом на уровне социальной группы при сохранении неравенства как в имущественном, так и в образовательном, культурном аспектах. Как раньше народы часто не находили общего языка в религиозном плане, так не находят они его во многих случаях и теперь. Деление государств на сильные и слабые, относительно стабильные и находящиеся на грани распада сохраняется. Как в древности сильные государства пытались диктовать, подавлять любыми средствами другие, более слабые образования, так они это продолжают практиковать на деле и сейчас. В настоящее вре-

мья Западный мир во главе с США, возомнив о себе нечто только ему известное, полагает, что он и есть наследник прекрасной и жестокой греко-римской цивилизации, эксплуатировавшей и уничтожавшей целые государства и культуры. Римляне уничтожили финикийский Карфаген, потомки римлян (испанцы) уничтожили духовных потомков финикийцев (майя и ацтеков). Вообще, если судить о человеке, анализируя путь человечества, то картина окажется безрадостной. Война – естественное состояние человека с первобытных времен по сей день. Не меняется, увы, ничего. SI VIS PACEM, PARA BELLUM – разве не справедлива эта пословица и в наши дни? Человеческая история – это, прежде всего, история войн, походов, грабежей, нескончаемого насилия и т.д. и т.п. По мере совершенствования своего рассудка – это, пожалуй, единственный аспект изменения человека – последний становился все более изощренным в деле убийств, насилия. Человек изобрел рабство, отголоски которого существуют и поныне. Как ни мерзко выглядит рабство, а изобрел его человек потому, что не хотел работать ни тогда, ни сейчас (если, конечно, работа не приносит удовольствия и удовлетворения, – это мы называем творчеством). И в этом человек не меняется.

В человеке изначально заложено что-то недоброе, иначе не сложилась бы на сегодняшний день известная ситуация. Совершенствуя технику и технологию (продукты деятельности рассудка), человек довел мощь оружия массового уничтожения до уровня, способного развалить всю планету. Совершенствуя технику и технологию, человек довел экологическую ситуацию на Земле во многих местах до катастрофы, бессовестно грабя и расхищая природные богатства, в массовом порядке уничтожая растения и животных. Живя за счет природы, человек как убивал её в древности, так убивает и сейчас. Как начал мудрый царь Соломон вырубать кедр в ливанских горах, так и современный человек продолжает делать подобные вещи в несоизмеримо бóльших масштабах. Каким был человек, таким, похоже, и остался, так и не научился создавать сам, захватывая все необходимое у природы по сей день.

Бесчисленное множество примеров торжества этого недоброго начала в человеке дает нам и духовная сфера. Как же жестоко и подло люди предали Иисуса, изо всех сил пытавшегося помочь им. Через несколько же столетий церковь и вовсе забыла дело Иисуса. Это недоброе, завистливое начало остается, увы, неизменным, более того, оно становится все страшнее, ибо в руках человека уже не меч или копье, а вещи куда более серьезные. Начиналось человечество в битвах, войнах, конфликтах (за пищу, благоприятные места, надежные тропы, удобные выходы к рекам, озерам и другим водоемам), в такой же самой ситуации, похоже, придет и конец

человечеству. Бесконечные разглагольствования насчет «жизненно важных интересов» со стороны агрессивных кругов США не приводят ни к чему хорошему. У всех есть таковые интересы. Рассматривая ход «развития» человеческого общества, мы видим лишь печальную картину борьбы: кто-то борется за выживание, кто-то за более «жирный кусок», кто-то за гегемонию и т.д. и т.п. И так во все времена. Так ли уж ошибался Н.А.Некрасов, когда писал в своей «Железной дороге»:

*В мире есть царь: этот царь беспощаден,  
Голод название ему.  
Водит он армии;  
в море судами  
Правит; в артели сгоняет людей,  
Ходит за плугом, стоит за плечами  
Каменотесцев, ткачей.*

Не изменились и человеческое мышление и психология. Мы мыслим по тем же законам, как и Аменхотеп, Аристотель и его кровожадный ученик. Сам же ученик Платона, как известно, благодетельствовал человечество тем, что открыл основные законы формальной логики, столь же актуальные в наши дни, как и в его «темную» эпоху. Для человека во все времена существуют «Я» и «не – Я», и от этого ему никуда не деться, также злободневна по сей день и древняя поговорка: от себя не убежишь. Серен Кьеркегор полагал, что необходимо решительно сосредоточить внимание на вопросе о человеческом существовании, однако это сосредоточение внимания оказалось бесполезным и бесплодным. Видимо, наш неглубокий разум все-таки более ограничен, нежели мы это ныне признаем. Мы не можем даже приступить к серьезному осмыслению принципиальных вопросов нашего бытия, как будто те силы, которые породили человека, четко провели границы, за которые его интеллект не в силах проникнуть. Человеку все так же улыбается смерть, и ему ничего не остается, полагал Марк Аврелий, как только улыбнуться ей в ответ. Может быть, еще и поэтому человек не может измениться? Разум человека ущербен, и это не оставляет нам возможности на какое-либо качественное изменение нашего естества.

Характер активности человека также не изменился с древнейших времен до наших дней. Как справедливо заметил Джек Лондон в своем рассказе «Человек со шрамом», человек от природы ленив, он делает только то, что абсолютно необходимо<sup>4</sup>. И это, видимо, так и есть. Лишь столкнувшись с серьезными экологическими проблемами, человек стал делать то, что на первый взгляд не является крайней необходимостью. На самом же деле спасение

и восстановление природной среды – все та же абсолютная необходимость, ибо дальнейшее развитие столь неблагоприятной экологической ситуации приведет человечество к чрезвычайно тяжелым временам, что человек опять-таки достаточно лениво пытается предотвратить.

Таким образом, можно утверждать, что сущность человеческого общества едва ли изменилась от «шумерских» до наших времен. Менялся лишь «налет», «покрывало», которое всегда разное. Человек также практически не изменился в своем естестве, не считая рассудочного аспекта. Скорее всего, ему так и придется ютиться на этой планете, ломая голову до конца своих скорбных дней над тем «кто мы?», «где мы?», «зачем мы?», так и не найдя на это ответа. «Человечество вообще изменяется куда меньше, чем думают, – отмечал Андре Моруа. Оно как море: на поверхности бурлит, волнуется, но стоит погрузиться в пучину людских душ – и налицо неизменность важнейших человеческих чувств»<sup>5</sup>.

Некоторые ученые, занимающиеся космическими проблемами, используют термин «молчащая Вселенная», ибо специальные установки, призванные улавливать радиосигналы из космоса, не поймали до сих пор ни одного сигнала от наших, как говорили раньше, «братьев по разуму». Может быть, это означает то, что силы, однажды создавшие человечество, навсегда разочаровались в своем творении как совершенно бесперспективном в плане развития и совершенствования человеческого естества, облагораживания своей активности и оставили нас доживать свой недолгий век на крохотной планете на задворках Мироздания.

---

<sup>1</sup> Маркс, К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – 2-е изд. – Т.20. – С.185.

<sup>2</sup> Монтескье, Ш. О духе законов / Ш.Монтескье // Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955. – С.191.

<sup>3</sup> Сорокин, П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П.А.Сорокин. – М., 1994. – С.175.

<sup>4</sup> Лондон, Д. Рассказы : пер. с англ. / Д.Лондон. – Л., 1981. – С.56.

<sup>5</sup> Моруа, А. Письма к незнакомке / А.Моруа // Если хочешь быть свободным. – М., 1992. – С.227.

# **РАЗДЕЛ 1**

## **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

### **ЧЕЛОВЕК КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Чудинова И.М.,  
доктор философских наук, профессор  
Красноярский государственный  
педагогический университет имени  
В.П.Астафьева  
(г. Красноярск)

Под глобализацией в данном случае имеется в виду качественно новый этап интеграции, для которого характерны универсализация форм жизни людей, усиление их взаимосвязи и взаимозависимости. Глобализация выступает как противоречивый социокультурный процесс и направлена не на преобразование окружающей среды, а предполагает, прежде всего, изменение человеческого сознания.<sup>1</sup>

В процессе глобализации изменяются предмет человеческого труда, сам человек и его сознание. И так как в качестве объекта и субъекта глобализации выступает человек, именно он должен дать ответ на вызовы глобализационного процесса, и поэтому подготовка его к участию в этом процессе становится все более актуальной.

Как биологический вид человек существует в многообразных формах социальной организации, обладает сложной системой интеллектуально-эмоциональных способностей и наделен неповторимой индивидуальностью. Однако срок жизни человека весьма ограничен по сравнению с теми изменениями, которые происходят в мире. Вполне естественно, что он не сразу осознает и воспринимает новые и тем более глобальные явления и адаптируется к ним.

Известно, что первичным стимулятором человеческой активности является система его потребностей, включающая в себя физиологические потребности, потребности в безопасности, общении, социальном статусе, престиже, самоуважении, свободе, уверенности в себе и самоактуализации. Такая система потребностей, разумеется, присуща немногим. Подавляющее большинство людей испытывают в большей мере потребности в потреблении, нежели в самореализации и самоактуализации. Однако под воздействием

глобализации появляются потребности, которые становятся базовыми ориентирами в деятельности большинства людей. К таким личностным потребностям следует отнести потребности в безопасности, приспособляемости, ответственности, в развитии способностей к творческому труду. По отношению к обществу в целом приоритетное значение приобретают потребности в социальной ответственности за человека, общество, будущее поколение и в международном признании. Перспективной для ряда развитых стран становится потребность в совершенствовании самой человеческой жизни, в достижении ее более высокого качества. Однако реализация последней потребности пока невозможна в глобальном масштабе, так как во многих странах не преодолены массовый голод, эпидемии, вынужденная миграция, самоубийства (как следствие утрата смысла жизни) и т.п., где человек может удовлетворять потребности, позволяющие обеспечивать лишь выживание. Проблема достижения нового качества жизни не только не может быть решена в этих странах в ближайшем будущем, но даже не ставится.

Все больше актуализируются глобальные человеческие потребности. К ним относятся те, которые отвечают следующим критериям:

- если они жизненно важны для всего человечества;
- если эти потребности выступают в качестве источника развития человеческого общества как в целом, так и для народов отдельных стран и регионов, способствуют умножению прогрессивного социального опыта;
- если удовлетворение их возможно только на основе постоянного и всестороннего сотрудничества и консолидации сил всех или подавляющего большинства народов мира.

К таким потребностям можно отнести потребности в сохранении окружающей среды и человеческой жизни на земле, в обеспечении всеобщего мира, в развитии и справедливом распределении информационных ресурсов и др.

Человек – существо общественное и нуждается в постоянном общении с другими людьми, отсюда следует, что процесс общения и глобализация исходят от самого человека, от его внутреннего духовного бытия. Именно духовная сущность человека как его жизненная основа побуждает людей к самовыражению, самораскрытию и обновлению. По этому поводу Н.А.Бердяев писал: «Душа – есть творческий процесс, активность. Человеческий дух всегда должен... подыматься к тому, что выше человека. И тогда лишь человек не теряется и не исчезает, а реализует себя. Человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве... Мировая социальная среда не только влияет на человека, но она и проецируется



человеком изнутри. Из глубины идет выразительность, экспрессивность, и она определяет и общность, общение людей»<sup>2</sup>.

Глобализация может стать инструментом духовного самосознания и самодвижения человека и общества в целом. Она создает условия для обмена опытом общения. Реализация этой закономерности человеческой жизни происходит как сознательно, так и стихийно. В первом случае изучение и усвоение опыта осуществляются целенаправленно, продуманно, осмысленно; во втором – самопроизвольно, подсознательно, непреднамеренно.

Личность не существует вне общественных отношений. Глобализация вносит в них коренные изменения и создает новые формы производственных, политических, нравственных, национальных и религиозных отношений. Одной из форм общественных отношений выступают отношения обмена разного рода ценностями, определяющими смысл и цель человеческой жизнедеятельности.

Являясь носителем тех или иных ценностей, человек, с одной стороны, передает свои ценности окружающему его миру, а с другой – сам является объектом отражения и восприятия ценностей других людей. Обладая сложной системой интеллектуально-эмоциональных способностей, он неизбежно является носителем и общечеловеческих ценностей. Общечеловеческое в человеке есть отражение глобального характера его бытия.

Осознание ряда глобальных проблем способствует расширению границ субъективного восприятия человеком окружающего мира, усилению стремления его к собственной самооценке, к определению своего места в нем, к наиболее полной реализации личных интересов, независимо от постоянно изменяющихся и усложняющихся ситуаций. И так как каждый человек воспринимает мир по-своему, то чем богаче его индивидуальный мир, тем интеллектуальнее общество в целом. Процесс глобализации требует универсализации ценностей и опыта человека. Чем интенсивнее и глубже он входит в жизнь мирового сообщества, тем универсальнее становятся формы его жизнедеятельности.

Сложность изменения сознания человека состоит в том, что он должен соединять в себе как индивидуальное, так и универсальное, не утрачивая при этом самоидентификации. Обновление сознания личности как объекта глобализации означает отказ от признания уникальности своей эпохи и исключительной сложности решаемых проблем, что часто берется за основу при оправдывании ошибок и неудач деятельности политиков и управляющей системы в целом.

Мир постоянно изменяется, и эти изменения с каждым новым поколением усложняются, становятся глубже предыдущих и про-

исходят значительно быстрее. Человек должен воспринимать происходящие изменения как неизбежное, уметь адаптироваться к ним через развитие способностей и потребностей к творческому труду, наиболее полную самореализацию и эффективную переработку получаемой информации.

Под влиянием информационных технологий повышается роль творческой деятельности человека, побуждая его к переходу от традиционного логического мышления к развитию эвристического, от упрощенных логических конструкций к целостным конструкциям, что в итоге ведет к появлению нового типа сознания – надличностного, коллективного.<sup>3</sup>

Поэтому изменение сознания под воздействием глобализации не предполагает, что процесс этот распространится на всех членов общества без исключения. Разумеется, что он затрагивает, прежде всего, человека творческого труда. Такой труд обладает способностью неотчуждаемости человека от использованных им средств производства, главным из которых становится его собственный интеллект. Информационные технологии резко меняют характер труда: труд становится все более творческим и свободным.

Кроме того, следует иметь в виду, что в информационной сфере реальность чаще всего сначала придумывается и уже потом на основе идей и представлений создаются определенные теоретические конструкции. Особую роль при этом играет интуитивное творчество, развитию которого способствует использование компьютера.

Сегодня признается, что современный человек к восприятию глобализации оказался неподготовленным. Воздействие ее на общество породило у части людей кризис сознания (потерю смысла жизни, нравственных ориентиров, достойной цели жизни), что вызвало чувство безнадежности и отчаяния у одной части людей и эгоистическую направленность деятельности – у другой. Наблюдается и то, что, признавая безнравственность своих поступков, люди не воздерживаются от них, если при этом могут удачно удовлетворить свои материальные интересы, причем даже сиюминутные.<sup>4</sup>

В связи с этим возникает необходимость в создании этической системы, с помощью которой можно было бы способствовать формированию у людей позиции всеобщей ответственности за развитие цивилизации. Человек в этой ситуации должен осознать собственную роль, свои возможности и зависимость от мира, в котором он живет.

Человек выступает не только как объект глобализации, но и как субъект, способствующий ее развитию. Подготовка к выполнению роли субъекта глобализации предполагает формирование биологически и социально зрелого человека. Участниками этого

процесса являются и общество, и сам индивид. Цель и результат этого процесса – самореализация или самоосуществление, самоактуализация личности.

В современных условиях для выживания человечества, для глобального самосохранения социальной жизни и перехода личности от самореализации «рядом» с другими к самореализации «для» других необходимо преодоление отчуждения процессов самоосуществления отдельного человека и воспроизводства социальной жизни в целом.<sup>5</sup> Как отмечает Э.О.Дюркгейм, «в какой мере индивид причастен к обществу, в такой мере он естественно перерастает самого себя и тогда, когда он мыслит, и тогда, когда он действует».<sup>6</sup>

Личность в качестве субъекта глобализации должна обладать определенным типом мышления, целеполаганием, иначе она не способна убеждать и воодушевлять других, что является неотъемлемым условием эффективного управления любыми общественными процессами.

Кроме того, следует иметь в виду, что любой переход от одного состояния к другому связан с неопределенностью, многовариантностью перспектив его дальнейшего развития. На этом этапе особое значение приобретает эффективность управления, сосредоточение его функций на сохранении главного вектора в развитии и определении русла, в которое должны быть направлены все происходящие изменения.

Становится все более очевидным, что сложившиеся до начала информационной революции управляющие системы оказываются не приспособленными к требованиям новой эпохи. Если эти системы не будут совершенствоваться в соответствии с реальными условиями, то процесс снижения качества государственного, общественного и коммерческого управления будет продолжаться и может порождать непредвиденные риски для всего человечества.

Осознается сегодня и наличие проблемы возрастающего недовольства руководством управленческих систем, и это недовольство становится все более обоснованным. Известно, что от характера управляемости обществом зависят его стабильность, динамичность и совершенствование. Так, рост объема информации требует ее структурирования, иначе хаотичная, разнонаправленная информация способна извращать объективную реальность (создавать иллюзии, вызывать негативное настроение, разрушать поставленные перед обществом насущные задачи). Если управленческая система опирается на неопределенный набор вероятностей, она лишается не только воли для реализации стратегических целей, но и самой возможности их разработки.

Не случайно субъекты управления уже испытывают потребность в формировании собственного сознания, отличающегося от сознания людей как объекта глобализации и управления. Субъекты управления вынуждены преодолевать противоречия между собственными соображениями и тем управленческим импульсом, который они должны направлять к управляющей системе. В сознании субъекта управления приходят в столкновение здравый смысл и долг, инициативность и дисциплинированность. В условиях глобализации приходится отдавать предпочтение самостоятельности, здравому смыслу и инициативе, что, естественно, усиливает внутренний конфликт в сознании субъекта управления, привыкшего подчиняться долгу и быть дисциплинированным. Этот конфликт в принципе не может быть разрешен, но смягчение его необходимо, чтобы не подавить ценные человеческие качества субъекта управления.

В условиях глобализации неадекватность управляющих систем реально существующим условиям резко повышает цену допущенных в политике ошибок. Повышается роль информационной ответственности. Информатизированное сознание людей ведет к отрыву от реальности, к переизбытку ненужной информации, порождает интеллектуальную пассивность.

Безответственность управляющих систем транслируется на все общество и неизбежно превращается в стиль жизни людей. Эффективность технологий повышает влияние тех, кто ими владеет и их применяет. Такие люди, как правило, становятся политически более сильными, материально обеспеченными и чувствуют себя творцами, получая от этого особое удовлетворение. Встать на этот путь удается далеко не каждому, а подражать им практически вполне возможно. Однако это подражание выражается, как правило, лишь в проявлении безответственности, что существенно подрывает дееспособность не только управляющих систем, но и всего общества.

Сегодня важно осознать подлинный смысл глобализации, который заключается в необходимости передачи практического опыта людей и их ценностей друг другу в целях развития социума, совершенствования его деятельности и обновления.

Стремление личности к самовыражению, самораскрытию, самообновлению может в большей мере реализоваться при глобализации, имеющей гуманистическую направленность. Развитие же самого глобализационного процесса как рационального предполагает наличие демократической цивилизации.

---

<sup>1</sup> Бутенко, А.П. Глобализация: сущность и современные проблемы / А.П.Бутенко // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – №3.

---

<sup>2</sup> Бердяев, Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н.А.Бердяев // Мир философии. – М., 1991. – Ч.2. – С.48.

<sup>3</sup> Делягин, М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М.Г.Делягин. – М., 2003. – С.117.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Козяева, О.Н. Личность – граница и безграничность / О.Н.Козяева // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – №4. – С.85.

<sup>6</sup> Дюркгейм, Э.О. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э.О.Дюркгейм. – М., 1991. – С.493-494.

## **УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ**

Пфаненштиль И. А.,  
кандидат философских наук, профессор  
Красноярский государственный  
технологический университет  
(г. Красноярск)

В последнее время идея устойчивого развития общества приобретает все большую популярность и вполне можно сказать, что она постепенно становится парадигмой современного научного познания и принципом социальной практики. При этом, как бывает всегда с новыми идеями и научными положениями, ей грозит превратиться в модный публицистический штамп. Это случается, когда понятием «устойчивое развитие» пользуются для того, чтобы придать той или иной проблеме модное звучание. В принципе можно говорить об устойчивом развитии любого объекта или явления, будь это экономика или политика, энергетика или транспорт, наука или образование и т.д. Обыденное понимание и употребление понятия – дело довольно распространенное, но оно существенно отличается от собственно научного подхода. Принципиальную мысль в данной связи высказала Г.М.Андреева: «Социальная нестабильность как фактор социализации может быть рассмотрена на трех взаимосвязанных уровнях: общество в целом, группа и личность. На уровне общества социальные изменения проявляются в форме кризиса большинства нормативно-ценностных представлений. Осмысление существовавших норм и ценностей как явлений прошлого, дискредитированных новыми тенденциями, осуществляемыми в обществе, само по себе не ведет

к созданию каких-либо новых представлений... Новые социальные группы, с одной стороны, выступают создателями новых ценностных систем, а с другой – являются носителями этих ценностей...»<sup>1</sup>.

Несмотря на кажущуюся простоту, понятность и привычную сегодня частоту использования термина «устойчивое развитие», необходимо уточнить его сущность. Идея стабильности и устойчивости так или иначе всегда присутствовала в общественном сознании, она содержится в других довольно распространенных идеях, например таких, как самоорганизация, саморазвитие, саморегуляция, самотерминация. Однако в отношении к общественному развитию буквально в последнее десятилетие она формируется в самостоятельную научную идею. Этому предшествовали усилия ООН по сохранению окружающей среды: в 1949 и 1955 гг. состоялись международные научно-технические конференции по охране природы; в 70-80-е гг. были разработаны специальные программы по проблемам природной среды; в 1982 г. принята «Всемирная хартия природы». В 1983 г. была создана Международная комиссия по окружающей среде во главе с Гро Харлем Брундтланд – премьер-министром Норвегии. По результатам своих исследований комиссия в 1987 г. под руководством Г.Х.Брундтланд издала книгу «Наше общее достояние», где были сформулированы основные положения концепции устойчивого развития.

Концепт «устойчивого развития» сегодня обнаруживает неожиданный аспект. Оказалось, что один из главных факторов глобальной неустойчивости связан с возрастающей дистанцированностью центров международных решений от всего того, что называются сегодня «молчаливым большинством». Тотальная дестабилизация – стратегическая постмодернистская игра агентов глобализма, самонадеянно решивших управлять хаосом.

Традиционно под устойчивым развитием понимается, во-первых, стабильное развитие регионов, устойчивое развитие мирового сообщества, в том числе отдельных стран и регионов. Устойчивое развитие может быть обеспечено только в том случае, если будут ликвидированы условия для серьезных конфликтов, которые способны уничтожить народы, цивилизации. Во-вторых, в понятие устойчивого развития входит нормальное экологическое развитие, когда отношение человека и общества к природе устанавливается на разумных началах. В-третьих, под устойчивым развитием понимается не только предотвращение мировой войны или экологической катастрофы, но и развитие без экономических, политических и прочих кризисов. В том случае, когда общество раздирают постоянные кризисы, ситуация рассматривается как нестабильная, неустойчивая.

Важность исследования устойчивого общества связана с тем, что актуальной задачей современного подхода к анализу социокультурного процесса является прогнозирование временных рамок периода устойчивого развития для того, чтобы перейти к периоду нестабильности всесторонне подготовленными в социокультурном смысле. Наступление нестабильности ведет к смене эпох, формаций, культур, она несет с собой такую информацию, без которой ничего нового в данной системе появиться не может. Произошла реализация в политическом манифесте радикальных философских идей, созвучных социокультурному уровню развития общества. Однако стремление к устойчивости любой ценой может превратиться в стагнацию, которая утверждается на неопределенное время.

Поисками других основ общественной стабильности и устойчивого развития явились религиозно-философские искания русских философов конца XIX начала XX вв. и их современных последователей в России и за рубежом. Их концепции построены на ином принципе – поиске стабильности через примирение человека и Бога, а, следовательно и человека человеком.

Новым направлением, по нашему мнению, в исследовании проблемы «устойчивого развития» является подход В.Д.Калашникова, который рассматривает понятие «устойчивое развитие» на примере Византии, и в этом отношении ставит вопрос: можно ли говорить о том, что существует так называемая «нормированная глобализация». В.Д.Калашников в данной связи отмечает: «Отклонения от нормы естественноисторического процесса детерминруются различными причинами, которые мы подразделяем на две группы: 1) индивидуалистическое общество уязвимо в первую очередь с точки зрения ущемления в вопросах удовлетворения потребностей; 2) коллективистическое общество уязвимо в случаях деградации общественных отношений. В этих специфических значениях применительно к каждому из типов общества предстают войны, мятежи, восстания, терроризм, политические и идеологические распри и пр.»<sup>2</sup>.

Проблема устойчивого развития современного общества через самоорганизацию рассмотрена с точки зрения теории информации. Феномен устойчивого развития общества основывается на понятиях «коммуникации» как основы социальных отношений и «информации», которая, определяя заданные цели развития, обеспечивает самоорганизацию в социальных структурах общества. Это в значительной степени предопределяет видение концептуальной модели устойчивого развития общества, предполагающей формирование механизмов самоорганизации через воздействие на ноосферу как носителя «информационной энергии» цивилизации.

Именно информационная природа глобального социума (на основе воззрений В.И.Вернадского, Э.Леруа, П.Тейяр де Шардена) является обоснованием теории ноосферы, объединяющей в себе естественнонаучные категории информации и коммуникаций, формирующих совокупность общечеловеческих действий и идей. Это позволяет по-новому осмыслить процессы развития и самоорганизации общества, в котором информация, энтропия, коммуникации (связи и отношения) взаимодействующих субъектов (индивидуумов, социальных групп, социумов) являются основополагающими понятиями синтеза материальных и нематериальных структур.

Системный подход к анализу явлений в природе и обществе интенсивно развивается в последние десятилетия. Обычно в теории устойчивости под ним понимают сложную многомерную систему, в которой информация из различных областей и сфер научной деятельности может быть интегрирована без искажения в относительно простую модель, показывающую, по возможности с использованием математических методов, развитие того или иного процесса. В настоящее время в сфере теоретического знания о процессах устойчивого развития условно можно выделить три главных подхода в конструировании моделей устойчивого развития: ресурсный, биосферный, интегративный. Все они базируются на едином философском и естественнонаучном фундаменте. Мы согласны с тезисом, что исторический путь, по которому эволюционирует система, по мере роста контрольного параметра характеризуется чередованием стабильных периодов, где доминируют законы детерминизма, и нестабильных, находящихся возле точек бифуркации, где система может «выбирать» между несколькими возможными вариантами будущего.

Тем не менее, по нашему убеждению, проблема устойчивого, стабильного развития не может быть представлена как одна из текущих задач, которую можно решать принятием отдельных экономических, экологических или административных мер. Обсуждаемая проблема затрагивает саму сущность общественного развития и лежит в его основе.

Социокультурная стабильность и нестабильность: концептуальный подход.

— во-первых, представление о нестабильности как об источнике гибели и деструкции заменяется диалектическим пониманием ее как основания становления упорядоченности, «причинно-спонтанного структурогенеза»;

— во-вторых, диалектика стабильности-нестабильности является универсальной характеристикой, охватывающей неживую, живую и социально организованную материю;



– в-третьих, в свете последних теоретических разработок нестабильность предстает не просто как неуравновешенное состояние, но как сверхсложно организованная последовательность, логика которой представляет наибольший интерес и приводит к пониманию роли и места стабильности в социокультурной жизни;

– в-четвертых, стабильность и нестабильность являются диалектической парой категорий, но для общества они неравнозначны, так как нестабильность служит лишь переходным этапом, средством для достижения желанной стабильности, тогда как нестабильность всегда рассматривается как неизбежное зло.

Проблема гармоничного (устойчивого) развития и его механизмов существует столько, сколько существует социальная наука. При этом методологические основы ее решения были заложены целыми поколениями ученых-обществоведов, здесь наблюдается определенная преемственность взглядов и идей. При анализе динамики истории и культуры мы встречаемся с линейными моделями (Конт, Спенсер, Фридман, Ясперс, Фукуяма), циклическими (А.Тойнби, А.Шпенглер, П.Сорокин) и спиралевидными (Гегель, Вернадский).

Вместе с тем мы обязаны отметить некоторые противоречия, связанные с пониманием проблем становления устойчивого общества. Во-первых, в самом понятии «устойчивое развитие», которое толкуется и применяется в литературе с позиций чего-то желаемого и должного, а не сущего и реального. Видимо, потому что мир никогда не был таким неустойчивым, каким он является именно сейчас. С какой точки зрения ни подойти к миру – с чисто экономического, внутриполитического развития любого региона или страны, геополитического соотношения сил, определяющих систему существующих международных отношений, – во всех аспектах и случаях проглядывает доминирующая черта: неустойчивость, асимметричность, нестабильность, причем явно нарастающие и усиливающиеся. Мировой социум никогда еще не был таким неустойчивым, таким хрупким и зыбким, каким он выглядит именно сегодня. Во-вторых, в связи с этим может вызывать вопросы понятие «развитие». Человечество оказалось в ситуации, когда понятие прогресса, освещавшее несколько столетий развитие цивилизации, подвергается сомнению и многими просто отвергается как несостоятельное понятие, которое мало дает и объясняет. Когда ставится под сомнение логика линейного развития, а синергетическая логика еще не восторжествовала. Когда подвергается сомнению эталонность или образец какого-то развития – настолько, что даже тот мир, который находится, казалось бы, в более благополучном состоянии, уже многими не воспринимается, как было

два-три столетия назад, предметом подражания или бездумного заимствования.

Устойчивое развитие включает в себя два ключевых взаимосвязанных понятия:

1) понятие потребностей, в том числе приоритетных (необходимых для существования беднейших слоев населения);

2) понятие ограничений (обусловленных состоянием технологии и организацией общества), накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности человечества.

Основной задачей устойчивого развития провозглашается удовлетворение человеческих потребностей и стремлений. Важно подчеркнуть, что устойчивое развитие требует удовлетворения наиболее важных для жизни потребностей всех людей и предоставления всем возможности удовлетворять свои стремления к лучшей жизни в равной степени.

Концепция устойчивого развития основывается на пяти основных принципах.

1. Человечество действительно способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая при этом будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности.

2. Имеющиеся ограничения в области эксплуатации природных ресурсов относительно. Они связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности.

3. Необходимо удовлетворить элементарные потребности всех людей и всем предоставить возможность реализовывать свои надежды на более благополучную жизнь. Без этого устойчивое и долговременное развитие попросту невозможно. Одна из главных причин возникновения экологических и иных катастроф – нищета, которая стала в мире обычным явлением.

4. Необходимо согласовать образ жизни тех, кто располагает большими средствами (денежными и материальными), с экологическими возможностями планеты, в частности относительно потребления энергии.

5. Размеры и темпы роста населения должны быть согласованы с меняющимся производительным потенциалом глобальной экосистемы Земли.

Особенно подчеркивается динамический характер устойчивого развития. Отмечается, что оно представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложе-

ний, ориентация технического развития и институционные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями. Существующий подход к концепции устойчивого развития вырабатывался в течение нескольких десятилетий, он основан на опыте работы в области развития, накопленном за это время.<sup>3</sup>

Определение фундаментальных принципов современного и перспективного мирового развития требовало сочетания различных методологических подходов и уровней теоретического осмысления данной проблемы. Все это в определенной мере оказалось свойственным анализируемой концепции.

Во-первых, при формировании идей «устойчивости» имело место обращение к историческому подходу. Он проявился, прежде всего, в учете и изучении кризисов и катастроф, происходивших в результате деятельности человека.

Во-вторых, концепциям «устойчивости» уже на ранней стадии их формирования была присуща футурологическая направленность. Своеобразное переплетение поисковых и нормативных прогнозов способствовало созданию проектов, в которых делался особый акцент на предсказании возможных последствий их осуществления для мирового развития. Так, в рамках теории устойчивого развития имели место нормативные прогностические разработки, которые должны были наглядно и привлекательно очертить контуры «устойчивого будущего». В частности, при таком описании делался акцент на стабилизации мировых проблем. Подчеркивалось, что человеческая деятельность должна стать в условиях «устойчивого» мира нашего завтра «замкнутой» в экологическом измерении так, чтобы она не ухудшала природных систем. Технологический процесс должен привести к достижению высокой эффективности использования энергии, а также ее производства на основе солнечных, биомассных и других возобновляемых источников. Экономический рост, фундамент которого самым кардинальным образом расширится, сократит разрыв между богатством и бедностью как внутри, так и между различными странами, откроются большие возможности для художественной и культурной деятельности в мире, исчезнет тяжелый труд ради выживания.

В-третьих, концепции «устойчивого развития» оказалась свойственна эвристическая направленность. С нашей точки зрения, она проявила себя как бы на двух уровнях. На первом связь анализируемой теории с процессом познания природы и общества носила опосредованный характер. В процессе ее разработки осуществлялось расширение проблемного поля современной глобалистики. Это происходило благодаря постановке вопросов, имеющих существенный, а иногда и принципиально важный характер для

определения путей и перспектив всемирного развития. Таким образом, генерировался импульс, инициировавший в конце прошлого столетия исследования инновационного плана в областях естественных, технических и общественных наук. Поэтому разработка вопросов «устойчивого» развития этих систем в условиях все возрастающих антропогенных нагрузок на них крайне затруднена без проведения соответствующих исследований в области экологии, медицины, ряда естественных наук. Требуется дальнейшего познания также вопрос о влиянии изменений в природных системах на мировые экономические и политические процессы.

В-четвертых, концепции «устойчивого развития» с момента своего формирования стали обретать междисциплинарный характер. Как мы уже отмечали, он присущ всей глобалистике в целом. В теории «устойчивости» междисциплинарный характер проявился особенно ярко. Весь комплекс проблем «устойчивого развития» исследуется на основе методологии системного анализа. Правда, в понимании основных систем мирового развития среди сторонников анализируемой теории существуют определенные расхождения, абстрагировавшись от которых, в общем виде можно отметить следующее. Современный мир подразумевается состоящим из целого ряда взаимосвязанных и взаимодействующих систем. Условно среди них можно выделить два типа. К первому относятся системы обеспечения жизни на нашей планете: экологическая, энергетическая, биологическая, климатическая и т. д. Ко второму типу – системы, составляющие основу общественной жизни человечества: экономическая, политическая, социальная и другие.

В-пятых, в концепции «устойчивого развития», по сравнению со многими другими глобалистско-футурологическими теориями, оказался существенным политологический аспект. Причем наряду с сугубо теоретическими вопросами идет подготовка материалов, которые могли бы принести пользу лицам, занимающимся практической политикой.

Человек ощущает нестабильность окружающего мира, уменьшаются его оптимизм и желание смотреть вперед, он испытывает «шок будущего»<sup>4</sup>. Все больше людей стремится преодолеть оторванность от своих корней, склонны смотреть назад и вглубь, искать поддержку и защиту в стабильных ценностях предков.

Следовательно, понятие устойчивого развития исключительно богато по содержанию, его нельзя свести только к экологической безопасности или экономическим кризисам.

Вводя понятие устойчивого развития и приняв «Повестку на XXI век», призванную обеспечить переход на устойчивое развитие во всемирном масштабе, ученые и политики планируют избежать

острых кризисных явлений на пути дальнейшего цивилизационного развития. В то же время кризис – это нормальное явление для любой развивающейся системы. Все развивающиеся системы в ходе своего развития сталкиваются с кризисными ситуациями. Они выходят из кризисов обновленными или погибают. Можно выделить четыре рода причин возникновения кризисов:

- истощение внутренних ресурсов развития;
- дисгармония между активными подсистемами, вызванная их несбалансированным развитием;
- достижение внешних границ развития (причины этого рода существенны не для всех систем, а лишь для тех, развитие которых содержит элемент экспансии, хотя бы в каком-то аспекте является экстенсивным, так что в соответствующем направлении система расширяется);
- внешнее воздействие на систему, активное, целенаправленное или случайное.

В сущности, концепция устойчивого развития стала качественно новым подходом к проблемам, которые раньше или не замечались, или не осознавались как важные, или считались не относящимися к сфере экономической науки. Доминирующая до сих пор в экономике парадигма базируется на некоторых предположениях о мире, которые, будучи очень полезными для эффективного распределения ресурсов в краткосрочном промежутке времени, менее точны и полезны в работе с более долгосрочными, широкими и сложными проблемами устойчивого развития.

Мы особо выделяем три иерархически взаимосвязанные проблемы, с решением которых связано устойчивое развитие. Они сводятся к поддержанию:

- 1) устойчивого масштаба экономики, который соответствовал бы ее экологической системе жизнеобеспечения;
- 2) справедливого распределения ресурсов и возможностей не только в рамках нынешнего поколения людей, но также между нынешним и будущими поколениями, а также между человеком и другими биологическими видами;
- 3) эффективного распределения ресурсов во времени, которое бы адекватно учитывало природный капитал.

Угроза приближающегося глобального экологического кризиса настоятельно требует скорейшей реализации программ всего мирового сообщества. Однако объективный научный анализ заставляет отнести к ней достаточно критически, поскольку она содержит как совершенно актуальные сегодня, так и еще недостаточно продуманные, нереализуемые или даже иллюзорные положения.

Важной вехой в разработке теорий глобальной «устойчивости» стало опубликование доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987). Деятельность этой исследовательской группы с самого начала находилась в фокусе внимания мировой общественности, поскольку она была создана по решению Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которой и представила результаты своего проекта. Высокий авторитет данной комиссии был подтвержден и сделанными ею важными научными выводами. В плане нашего анализа наибольший интерес представляет выдвинутая членами МКОСР концепция «устойчивого развития» (sustainable development).

Во-первых, ее можно рассматривать в известном смысле как связующее звено между исследованиями сегодняшней ситуации и разработанной ранее моделью будущего «устойчивого общества». Во-вторых, в данной концепции предпринята попытка соединения теоретических проблем глобального развития с практическими политическими рекомендациями и правовыми нормами, направленными на их решение.

Однако стандартные экономические критерии эффективности неадекватны критериям устойчивого развития, и это положение сохранится до тех пор, пока экономика окружающей среды останется небольшой подобластью экономической науки, в то время как в триаде «общество-экономика-окружающая среда» достичь устойчивого развития на основе рационального использования природных ресурсов можно, лишь рассматривая экономику в качестве подсистемы экологической системы.<sup>5</sup>

Безопасность – это некоторый инвариант существования и развития, который характерен для любой модели развития цивилизации. Даже в рамках модели неустойчивого развития необходимо добиться определенного уровня стабильности и безопасности, для того чтобы можно было осуществлять переход к стратегии устойчивого развития.

В грядущей ноосфере упомянутые принципы в силу глобального характера обеспечения безопасности цивилизации должны иметь планетарный статус, распространяться на все государства, народы и социумы. Это возможно лишь в том случае, если переход к устойчивому развитию будет идти по траектории, близкой к ноосферной, когда решения будут приниматься на гуманистически и экологически рациональной основе, а не на военно-силовой. Переход от общества потребления и превалирования материально-экономических интересов к ноосферно-консенсусной демократии позволит сформировать новые формы управления средствами

обеспечения безопасности, информационной основой которых будет ноосферный интеллект глобального масштаба.<sup>6</sup>

Невозможность радикального решения проблемы безопасности без перехода на магистраль устойчивого развития дает основания для формулирования еще одного принципа обеспечения безопасности, носящего ориентационно-целевой характер. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие осуществляется поэтапно и зависит от реализации тех или иных целей на пути устойчивого развития. Общей целью и, по сути, завершающим на определенном историческом отрезке времени этапом является становление ноосферы. В пользу этого предположения было приведено достаточно аргументов, которые позволяют если не отождествить переход к устойчивому развитию и становление ноосферы, то, по крайней мере, считать эти процессы достаточно близкими и однонаправленными.<sup>7</sup> Ноосферу возможно рассматривать в сопряжении с обеспечением безопасности во всех отношениях, то есть сфера разума представляется как самое безопасное состояние и самой цивилизации, и области ее взаимодействия с природой. Подобное представление о связи сферы разума и безопасности поначалу было основано лишь на интуитивном ожидании, что наступление ноосферы решит проблему обеспечения безопасности дальнейшего развития. Связь же стратегии устойчивого развития и безопасности приводит к выводу, что сфера разума окажется одновременно и сферой обеспечения безопасности как в глобальном, так и в других отношениях (что выглядит вполне естественно, поскольку все разумное должно быть и безопасным).

Несмотря на всю широту и глубину описанных выше подходов, они обладают одним существенным пробелом – в них не учитывается «человеческий фактор». В работе справедливо отмечается, что если XIX в. был веком материальных потоков, то XX в. стал веком потоков информационных.

По мнению ученых, возникновение глобальной неопределенности и нестабильности, видимая неадекватность традиционных методов анализа подвели исследователей, заинтересованных в изучении реальности, к пониманию качественной новизны современной устойчивой ситуации.<sup>8</sup>

Модификация данной модели позволяет оценить информационные потоки, которые обеспечивали бы самоорганизацию коммуникативного пространства социума и управление происходящими в нем изменениями. Устойчивое развитие предполагает:

1. Экологически устойчивое развитие. Предпосылками устойчивого развития являются:

а) биологическое разнообразие локальных, региональных и глобальных экологических систем;

б) достаточно ограниченная экономическая деятельность в природной среде, осуществляющаяся с учетом ее ограниченных ресурсов и возможностей самовосстановления.

2. Социально справедливое развитие. Устойчивое развитие предоставляет людям равные возможности и права на достижение соответствующих жизненных условий, сохраняя равную меру ответственности за решения, которые принимаются в их странах и глобальном сообществе.

3. Интеллектуально и этически свободное развитие. Устойчивое развитие предоставляет людям неограниченные возможности для их интеллектуальной активности, этической зрелости, поддержания и процветания культурного разнообразия, сохранения этической преемственности поколений.<sup>9</sup>

Смысл концепции устойчивого развития человечества состоит в следующем. Дело в том, что вхождение человеческой цивилизации в глобальный многоаспектный кризис, складывающийся из демографической, продовольственной, энергетической, экологической, гуманитарной, социально-экономической и политической составляющих, несет в себе угрозу самому существованию человечества на планете. В связи с этим всеми должна быть принята модель устойчивого развития человечества, в центре которой помещаются люди и их право на здоровую и плодотворную жизнь. При этом человечество должно жить в гармонии и в равновесном взаимодействии с природой, подлежащей заботе и охране. В соответствии с принципами гуманизма и демократии внутри сообщества людей должны быть обеспечены: равное удовлетворение потребностей в развитии и в качестве жизни, включая качество окружающей среды, уровень жизни, культуры и образования, возможности для будущих поколений.

Устойчивое развитие человечества возможно при следующих условиях: а) произойдет смена нынешних технологий более чистыми и менее энерго- и ресурсоемкими, б) постепенно невозобновляемое сырье заменится возобновляемым, в) снизятся темпы прироста численности человечества, г) увеличится производительность труда (что приведет к повышению качества жизни), д) возрастет надгосударственное регулирование и управление (через ООН и ее организации), а также государственное руководство и управление, которые обеспечат реализацию перечисленных выше целей и условий на основе смещения центра тяжести от частных (в основном эгоистических) интересов к общественным.<sup>10</sup>



Устойчивое развитие в нашей трактовке подразумевает создание условий, обеспечивающих удовлетворение потребностей сегодняшнего дня, не подвергая существование последующих поколений большому риску, чем нынешнее. Концепция «устойчивого развития» содержит 3 блока: 1) качество жизни; 2) безопасность; 3) устойчивость существования.

Первый блок может включать в себя 4 направления, характеризующихся следующими показателями:

- экономическое благосостояние – доход на душу населения;
- доступность минимально необходимого жилья;
- «образование» – число лет, отводимых в обществе на приобретение образования среднестатистическим человеком из живущего поколения;

- «здоровье» – средняя ожидаемая продолжительность жизни.

Блок безопасность включает в себя:

- соблюдение прав человека;
- социальные, техногенные и природные риски.

Блок устойчивость существования включает:

- качество природной среды – степень близости состояния экосистем к границе их устойчивости (к точке бифуркации по И.И.Кузьмину);

- экономное расходование невозполнимых ресурсов;
- ограничение материальных потребностей.

В целом мы должны констатировать, что достижение минимального «сегодняшнего» совокупного риска – лишь одна из целей как для общества, так и для индивидуума. Успокоенные десятилетиями относительного благополучия, общество должно осознать, что оно стоит перед лицом иных, но не менее серьезных угроз, чем в прошлом, преодолеть которые без приоритета нравственности просто невозможно.<sup>11</sup>

Согласно весьма распространенным в экономической теории представлениям под устойчивостью обычно понимается динамическое равновесие в период устойчивого на протяжении достаточно длительного периода экономического роста. Более основательным является свойственное системному анализу понимание устойчивого (стабильного) состояния системы, которая автономно справляется благодаря действию заложенных в ней внутренних механизмов саморегуляции, с дисфункциональными расстройствами, поломками отдельных частей или даже их частичной утратой. Но в подобной трактовке устойчивости, обычно применяемой при описании функционирования животных организмов и сложных технических систем, не учитываются два важных момента: во-первых, отнесение понятия устойчивости к развитию системы и, во-

вторых, применение понятия устойчивости к управлению ее развитием человеческим разумом.

Большинство представителей традиционной экономической науки полагали, что дистрибутивная проблема должна решаться политическими, а не экономическими методами. Проблема масштаба даже не рассматривалась в качестве существенной, поскольку признавалась возможность бесконечного замещения ресурсов и технологических изменений. Скорее решение этих проблем должно быть найдено вне рынка, рынок же может использоваться как эффективный инструмент для претворения этих решений в жизнь.

С экологической точки зрения устойчивое развитие должно обеспечивать стабильность биологических и физических систем. Особое значение имеет жизнеспособность локальных экосистем, от которых зависит глобальная стабильность всей биосферы в целом. Более того, понятие природных систем и ареалов обитания можно понимать широко, включая в них созданную человеком среду, такую, например, как города. Основное внимание уделяется сохранению способностей таких систем к изменениям, а не сохранению их в некотором «идеальном» статическом состоянии. Деградация природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и утрата биологического разнообразия сокращают способность экологических систем к самовосстановлению.

В наши дни взаимодействие биологии с социогуманитарным знанием имеет не только сугубо академическое значение. Продолжающиеся дискуссии по поводу клонированной овцы Долли, искусственного оплодотворения людей, генноинженерных томатов и т.п. показывают сложность данной интеграции. В частности, биополитика как формирование нового стыкового биолого-политического научного направления явилась результатом взаимодействия биологического и социального знаний и возрастающего влияния биологии на политическую науку и на практическую политику, а также обратного влияния наук о человеке и обществе на биологию. Биополитика представляет собой результат двух встречных эпохальных, характерных для сегодняшней культуры, процессов – социализации и гуманитаризации биологии и в то же время определенной биологизации социальных и гуманитарных наук с включением биологического знания в их орбиту. Помимо биополитики, сходные процессы приводят к рождению и других стыковых наук, например, таких биолого-гуманитарных дисциплин, как биоэтика и биоэстетика.<sup>12</sup>

Концепцию устойчивого развития следует отличать и от «экстремистских» эколого-экономических концепций, в частности,

от различных концепций экотопии – теории всяческого ограничения экономического развития.<sup>13</sup> Основные направления концепции экотопии – возврат к природе, биологическое и культурное разнообразие, простые технологии, полный отказ от научно-технического прогресса. Выбор такого типа экономического развития, несомненно, скажется на понижении жизненных стандартов общества, поэтому он представляется малореальным. В то же время современные западные стандарты качества жизни и потребления просто невозможно распространить на все человечество.<sup>14</sup>

Еще в 80-х гг. XX в. отмечалось, что пока не существует даже общепризнанного определения устойчивого развития.<sup>15</sup> На сегодняшний день ситуация мало поменялась. Особенно часто подчеркивается сложность практического применения концепции устойчивого развития.<sup>16</sup> Свои программы перехода к устойчивому развитию имеют многие страны мира. В Российской Федерации Концепция перехода к устойчивому развитию была принята в 1996 г. Значительное внимание вопросам практической реализации концепции устойчивого развития в последнее время уделяют многие международные организации, прежде всего ООН и Всемирный банк.

Два основных философских вывода следуют из концепции устойчивого развития. Первый из них можно сформулировать следующим образом: путь человечества в будущее должен лежать через сохранение и улучшение среды обитания нынешнего и последующих поколений всего человечества, а также постепенную ликвидацию колоссального и пока что возрастающего неравенства в условиях существования между континентами, регионами, странами, народами. Иными словами, речь идет об осознании и разрешении противоречий между обществом и окружающей его природной средой, а также противоречий внутри глобального сообщества.

Второй вывод философского характера тесно связан с первым, он касается соотношения общественного сознания, его высшего проявления – науки – и общественного бытия, путей его преобразования на научных началах, иначе говоря, управления обществом в глобальном масштабе. Достижение целей, поставленных принятой в Рио «Повесткой дня на XXI век», требует основанных на современном, быстро растущем научном знании согласованных действий мирового сообщества. И вот эта, обращенная к практике сторона концепции находится сегодня в состоянии жестокого кризиса, обусловленного нынешним состоянием международных отношений, в том числе слабостью ООН и необязательностью выполнения ее рекомендаций правительствами суверенных государств.

В свете всего сказанного мы видим, что концепция устойчивого развития человечества без действия ограничений и противовесов в виде указанных выше законов, а также и других – в принципе не реализуема. Точнее говоря, ее реализация катастрофична: а) для общества как настоящей системы; б) в силу органичной для такой системы экспансивности и агрессивности – для среды и окружения вообще.

В любом случае действует закон, по которому устойчива и надежна лишь такая система, все основные элементы и подсистемы которой также надежны и устойчивы. Поэтому сегодня перед лицом грозящей катастрофы человечеству, необходимо складываться из более устойчивых и надежных, не раздираемых противоречиями государств, и жить по принципу допустимой в конкретных условиях толерантности.

Дальнейшее развитие человечества может быть обеспечено также путем:

1) усиления гуманизации всех отношений между людьми на всех уровнях снизу доверху;

2) превращения дела руководства и управления из поприща для честолюбивых, безответственных и эгоистических дилетантов в высокопрофессиональное занятие;

3) прекращения манипуляции общественным сознанием и поведением в низменных и корыстных целях путем контроля общества над СМИ;

4) создания психологических условий для сплочения людей, для их кооперирования во всех сферах деятельности, иначе будет поздно (потеря поколения);

5) сужения сферы действия никем не контролируемой отрицательной активности людей, их групп, слоев, государств и др., так как индивидуализм и эгоизм в крайних проявлениях становится все опаснее для судеб человечества;

6) расширения сферы действия в обществе положительной активности людей и др. Это выводы, вытекающие непосредственно из самого существа фундаментальных общесистемных законов, которые игнорировать дальше нельзя ни в коей мере. Нам представляется, что многое из причин происходящего кризиса есть следствие непонимания и недооценки неумолимого характера общесистемных законов.

Еще одно важное направление в исследовании сущности «устойчивого развития» – это теория риска и проблемы устойчивого развития общества. Одна из тревожных тенденций нашего времени – рост числа природных, техногенных и стихийных экологических бедствий, а также масштабов причиняемого ими ущерба. Указан-

ную направленность динамики природных и антропогенных процессов, усиливающую эсхатологические ожидания в обществе, отметил еще в 30-х гг. XX в. Тейяр де Шарден. Он констатировал, что по мере развития и усложнения цивилизации умножается число внутренних угроз человечеству. Данный феномен дает основание говорить о некой переходной стадии на пути от биосферы к ноосфере, которая получила название «гомосферы», «предноосферы», «стихийной техносферы» и т.д.

Если взять в качестве конечной цели перехода к устойчивому развитию становление ноосферы (ноосферной цивилизации, ноосферной культуры), то становится очевидным, что в обществе устойчивого развития военно-силовые средства не являются основными. Доминирующими здесь оказываются рационально-консенсусные средства, имеющие информационную природу. Они уже начинают применяться, например при обеспечении безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности.<sup>17</sup>

Именно В.И.Вернадский заложил концептуальные основы устойчивого развития как учения о ноосфере, под которой он понимал, как отмечают исследователи его взглядов, такую стадию эволюции биосферы Земли, на которой в результате победы коллективного человеческого разума начнут согласованно развиваться и сам человек как личность, и объединенное человеческое общество, и целесообразно преобразованная людьми окружающая природная среда.

Принципиальное значение имеет проблема понимания сущности устойчивого развития в условиях глобализации. Разрабатываемые ныне концепции не затрагивают проблем соотношения устойчивого развития и так широко пропагандируемой сегодня развитыми странами глобализации. Расширение последней, понимаемой только как унификация всех мировых социально-экономических процессов под стандарты западной цивилизации, приведет на деле к сокращению социоразнообразия. Следствием этого будет упрощение мира, понижение его экологической и социальной устойчивости, повышение нестабильности. Отдельные исследователи уже сегодня видят в иницируемых западной цивилизацией и выдаваемых за глобализацию стремительном распространении информации и гигантских потоках капитала лишь современную форму ее экономической и технологической экспансии. Она ведет не к прогрессивному развитию этой цивилизации и комплексному улучшению положения человечества в целом, а к социально-экономической самоизоляции Запада и опасному обострению противоречий между «первым» и «третьим» мирами в условиях исчезновения «второго».<sup>18</sup>

Сохранение биосферы, таким образом, не может являться самоцелью устойчивого развития. Его цель – выживание человека как биологического вида. В то же время все большее число людей осознают, что само дальнейшее существование человечества будет невозможным, если деградация природной среды его обитания превысит некоторый, пока неизвестный, а возможно, и принципиально неустановимый, критический уровень. Осуществляемое в гармонии с окружающей средой развитие может способствовать как удовлетворению целого ряда насущных потребностей людей, так и укреплению собственной основы развития. Давно замечена очевидная взаимосвязь между продуманностью действий в отношении окружающей среды и уровнем местного производства продовольствия.<sup>19</sup>

По нашему мнению, Запад не в состоянии выработать действительно эффективную систему устойчивого развития. Это связано с тем, что, как отмечалось выше, там господствует индивидуалистический тип общества, который основывается на метафизических основаниях. Главная проблема здесь – экономоцентризм Запада, когда они стараются оценивать степень устойчивости общества исключительно по экономическим параметрам. Мы имеем возможность убедиться, как, согласно учению Н.М.Чуринова, индивидуалистическое общество постоянно ставит общество в ситуацию нестабильности, поскольку по самой своей сути предполагает постоянное увеличение потребления на основе гедонистских метафизических установок.

Интеграция общества, усиление конвергенционных процессов на самых различных уровнях являются важнейшим условием устойчивого и стабильного развития мира. В общественном сознании и в научном познании идет поиск таких моделей, которые гарантировали бы реализацию данной идеи.

С тем чтобы выявить и оценить условия того, что возможные траектории развития общества приведут к образованию устойчивой области его существования, необходимо исследовать процессы взаимодействия субъектов информационно-коммуникативного пространства, которые с определенной вероятностью могут привести к образованию прогнозируемой сферы жизнедеятельности общества, ограничиваемой областью аттракции. В этом случае интенсивность коммуникативных процессов должна находиться на достаточно высоком уровне (быть не только прогнозируемой, но и по возможности управляемой), с тем чтобы предупредить скатывание общества к «неуправляемому хаосу», что наглядно иллюстрирует модель В.Вайдлиха<sup>20</sup>.

Поиск устойчивости развития человеческого мира состоит в конечном счете не в нагромождении миражей, фикций, фантомов, свойственных универсалистскому, метафизическому проекту науки вместе с его принципом свободы воли, а в реализации диалектического, космического проекта науки, исключающего такого рода миражи и фантомы, требующего развития человеческого мира в естественном единстве с развитием природы, то есть не вопреки такому развитию. Оказывается необходимым и поиск такого направления реализации онтологической модальности, свойственной его (мира) стройности, которое бы не шло вразрез с разрешением противоречий объективной диалектики. Корректируя направление разрешения данных противоречий, человек придает источнику силы векториальные свойства.<sup>21</sup>

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, совокупность субъективных факторов и объективных условий воздействуют на историческое развитие общества, придавая ему устойчивый характер или ведя его к гибели, что имеет свою специфику в индивидуалистическом и коллективистическом обществах.

Во-вторых, единство объективных условий и субъективных факторов в основных сферах общественной жизни оказывается возможным элиминировать отклонения от нормы естественно-исторического процесса, что и обеспечивает устойчивое историческое развитие общества.

В-третьих, устойчивость как гарантия выживания человечества предполагает изменения сущности глобализационных процессов с агрессивных на конструктивные.

---

<sup>1</sup> Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. – М., 2002. – С.152.

<sup>2</sup> Калашников, В.Д. Научная теория и научная история / В.Д.Калашников // Теория и история. – 2002. – №1. – С.55-56.

<sup>3</sup> Печчеи, А. Человеческие качества / А.Печчеи. – М., 1980.

<sup>4</sup> См.: Тоффлер, О. Шок будущего / О.Тоффлер. – М., 2001.

<sup>5</sup> См.: Сергеев, И.Б. Экономика устойчивого развития нефтегазодобывающего региона / И.Б.Сергеев. – СПб., 2002.

<sup>6</sup> См.: Урсул, А.Д. Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации / А.Д.Урсул. – М., 1993; Урсул, А.Д. Становление ноосферного интеллекта и опережающее образование / А.Д.Урсул // Синергетика и образование. – М., 1997.

<sup>7</sup> См.: Урсул, А.Д. Экологическая проблема и агроноосферная революция / А.Д.Урсул. – М., 1994; Урсул, А.Д. Ноосферная концепция перехода России к устойчивому развитию / А.Д.Урсул. – М. ; Гомель, 1997; Урсул, А.Д. Переход России к устойчивому развитию... К высказанной в этих работах точке зрения в последние годы присоединился и академик Н.Н.Моисеев, а также многие другие ученые.

---

<sup>8</sup> Делягин, М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации / М.Г.Делягин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – С.29.

<sup>9</sup> См.: Наше общее будущее : доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МК ОСР) : пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989.

<sup>10</sup> См.: Разумовский, О.С. Бихевиоральные системы / О.С.Разумовский. – Новосибирск, 1993.

<sup>11</sup> См.: Андреева, О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития / О.А.Андреева. – Таганрог, 2000.

<sup>12</sup> См.: Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты / А.В.Олескин ; Сектор Биосоциальных Проблем Биологического факультета МГУ. – М., 2001.

<sup>13</sup> Печчеи, А. Человеческие качества / А.Печчеи. – М., 1980.

<sup>14</sup> Дикарева, А.Н. Социология труда / А.Н.Дикарева, М.И.Мирская. – М., 1989.

<sup>15</sup> Наше общее будущее : доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию...

<sup>16</sup> Бобылев, С.Н. Экологизация экономического развития / С.Н.Бобылев. – М., 1993.

<sup>17</sup> См.: Концепция коллективной безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности // Безопасность России: правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты : основополагающие государственные документы. – М., 1998. – Ч.1.

<sup>18</sup> Верлин, Е. Иллюзии постиндустриальной эпохи / Е.Верлин // Независимая газета. – 2002. – 20 июня. – С.11.

<sup>19</sup> Дикарева, А.Н. Указ. соч.

<sup>20</sup> Короновский, А.А. Использование модифицированных уравнений Вайдлиха для моделирования социальных процессов / А.А.Короновский, Д.И.Трубецков // Прикладная нелинейная динамика. – 1996. – Т.4. – С.31-41.

<sup>21</sup> Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода: Философские очерки / Н.М.Чуринов. – 2-е изд., доп. – Красноярск, 2003. – С.71-72.

## **ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ**

Шабельникова Н.А.,

доктор исторических наук, профессор  
Владивостокский филиал Дальне-  
восточного юридического институ-  
та МВД России  
(г. Владивосток)

Терроризм известен человечеству с древних времен, с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратилась в связи с этим в предмет вожделений отдельных особей, стремившихся достичь заветной цели любыми путями. При этом их не останавливали мо-



ральные барьеры, традиции, общепринятые нормы поведения, интересы других людей. Цель оправдывала средства, и лица, жаждущие власти, не останавливались перед применением самых жестких и крайних мер, включая устрашение, открытое насилие, убийства, терроризм.

Терроризм, в течение веков использовавшийся в качестве незаконного, но острого и эффективного оружия в политической борьбе, превратился в XXI столетии в серьезную проблему для всего мирового сообщества. Для того чтобы умело противостоять угрозе терроризма, следует иметь представление о происхождении этого сложного социально-политического феномена, о механизме его зарождения, возникновения, формирования, развития и реализации, о факторах, которые детерминируют терроризм и благоприятствуют осуществлению террористических акций.

Анализ террористических акций в зарубежных странах и в Российской Федерации свидетельствует о том, что требования, выдвигаемые террористами, представляют самый широкий спектр устремлений, начиная с попыток получения определенной денежной суммы или освобождения находящихся в заключении единомышленников и заканчивая посягательствами на изменение существующего строя, нарушение государственной целостности или суверенитет страны. Однако в любом случае в качестве объекта насильственных и, как правило, противоправных действий террористов выступают не только непосредственные жертвы террористических акций – представители органов власти или случайные, не имеющие никакого отношения к политике люди, – но и отдельные элементы конституционного строя: порядок управления, политическое устройство, общественные институты, экономическая и военная мощь государства и другие.

Сам терроризм произрастает из политического экстремизма – приверженности к крайним взглядам и действиям в политической борьбе. По существу терроризм является частью экстремизма, так как из широкого ряда его проявлений (мятеж, создание параллельных структур власти, выдвижение ультиматумов, акции гражданского неповиновения, вооруженное сопротивление конституционным органам и т.д.) выбрал в себя наиболее жесткие методы достижения политических целей, допускающие как физическое устранение государственных, политических, общественных деятелей, так и убийство рядовых граждан, уничтожение различных материальных объектов.

Даже несложный анализ генезиса терроризма приводит нас к достаточно простому выводу: в основе возникновения политически мотивированного насилия вообще и терроризма в частности

всегда лежит противоречие, столкновение интересов в социальной и политической сферах. Масштабы такого противостояния интересов могут быть самыми различными: начиная с патологического противопоставления собственного «я» всему обществу, или даже человечеству, со стороны отдельных индивидуумов и заканчивая жестким противоборством целых государственных систем, которое, например, характеризовало отношения между лагерем социализма и развитыми империалистическими державами в годы «холодной войны».

Следует подчеркнуть, что не любое столкновение интересов в социально-политической сфере обречено вылиться в насильственные действия. Если с момента обнаружения факта несовпадения взглядов по тому или иному вопросу у различных социальных, национальных, этнических групп населения, политических партий, государственных и оппозиционных структур либо целых стран и даже групп государств начинается добросовестный поиск решения возникшей проблемы с учетом интересов всех заинтересованных сторон, предполагающий компромиссный подход, готовность отказаться от части собственных притязаний в обмен на приобретение определенных выгод, противоречия могут быть сняты в ходе такого продуктивного сотрудничества.

Если же противостоящие стороны не проявляют доброй воли для решения существующей проблемы совместными встречными усилиями, столкновение интересов может перерасти в стадию конфликта. Последний характеризуется большей или меньшей степенью остроты. В случае если он перерастает в антагонизм, а его разрешение становится невозможно в рамках законодательства (международного или внутреннего, в зависимости от масштабов и природы конфликта), одна из сторон способна встать на путь насильственного разрешения социально-политического противостояния. В этом случае она либо сама применяет насильственные методы воздействия по отношению к своему противнику, либо провоцирует последнего на подобные действия с тем, чтобы, обвинив его в агрессии, развязать себе руки и осуществлять противоборство, не ограничиваясь рамками закона. Именно в такой ситуации политически мотивированное насилие способно приобрести черты и формы терроризма.

Таким образом, терроризм возможен там и тогда, где и когда крайне обостряется противостояние двух или более сторон, втянутых в конфликт социально-политического свойства. По существу – это крайний шаг отчаяния субъекта терроризма (лица, группы лиц, партии, государства), пришедшего к выводу о невозможности дос-

тичь какой-то цели легитимным, демократическим, законным, правовым путем.

Проблема политического терроризма в России актуальна для нашего времени. Такой способ политической борьбы – порождение современного мира, в котором обострились идеологические и этнические противоречия, а само осуществление террористического акта стало технически несложным. Приходится констатировать, что с началом бурных и противоречивых изменений, захлестнувших общественную и политическую жизнь России в последнее десятилетие, терроризм стал в нашей стране повседневной реальностью, которая ежедневно напоминает о себе страшными, жестокими примерами. В связи с этим организация действенной борьбы с этим опасным социально-политическим явлением, представляющим серьезную угрозу для Российской Федерации, превратилась в одну из приоритетных задач общества, государственных правоохранительных органов и спецслужб.

Акты политического насилия известны с древнейших времен. История политических убийств, совершенных в результате неприязненных личных отношений и имевших под собой значительную психологическую основу, продолжается. Политическое убийство Ю.Цезаря и физическое устранение С.М.Кирова или Дж.Ф.Кеннеди – события практически одного ряда. В современной политике трудно найти какое-то событие, за которым не просвечивал бы аналог из более древних времен и в котором не просчитывались бы свои политико-психологические слагаемые.<sup>1</sup>

Недооценка активных политических действий обычно ведет к пассивному выжиданию, создающему благоприятную обстановку для проявлений неуважения к существующему правопорядку. И наоборот, пренебрежение коренными интересами общества и экономики, вера во всемогущество политики, проявляющаяся в субъективизме, произволе, авантюризме, ведет к политическим провалам. И в том и в другом случаях создается почва для проявления политического терроризма, который возникает на фоне умышленного или неумышленного пособничества властей или когда сами власти скатываются к применению незаконных средств и методов борьбы.<sup>2</sup> Важно отличать политический терроризм от других видов терроризма. Не совсем верно отождествлять его с политическим убийством и другими формами проявления агрессии. Так, принцип, лежащий в основе политтеррора, – есть борьба за власть политическую. Следовательно, такого рода деяния не могут классифицироваться как собственно акт политического терроризма в современном содержательном наполнении этого термина.<sup>3</sup>

В литературе, посвященной тематике терроризма, насчитывается более 100 определений. Эти определения охватывают самые разнообразные его аспекты: военный, воздушный, информационный, морской и т.д. Политический же терроризм принципиально отличается. Его цель – изменение политического курса, нарушение устоявшегося функционирования политической машины, внесение инноваций в политическое или общественное устройство.

Понятие «политический терроризм» можно определить следующим образом: это метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников.<sup>4</sup>

Из данного определения следует, что политический терроризм рассчитан на демонстрационный эффект, морально-психологическое воздействие на оппонентов. Для этого совершаются террористические акты: убийства политических деятелей, высших чиновников, военнослужащих или рядовых граждан, захваты заложников, осуществляются взрывы, нападения на банки, склады оружия, угоны самолетов и т.д.

В террористическом акте следует различать непосредственный объект (жертву) и отдаленный объект, влияние на который является конечной целью деятельности террористов. Поскольку прямой объект действия террористов является лишь средством запугивания определенных политических противников, терроризм носит беспорядочный и неограниченный характер, то есть он может быть направлен на любого индивида или группу, независимо от их «виновности» или «невиновности».

Современный политический терроризм имеет многочисленные разновидности. Прежде всего, следует различать два типа террористической деятельности: государственный и негосударственный. Государственный терроризм осуществляется органами государства, а негосударственный практикует оппозиционные антиправительственные группировки. К негосударственному терроризму относятся также акции проправительственных, но формально независимых от него групп (например, черносотенные организации в России в начале XX в.).

Когда государственный терроризм выходит за рамки отдельных государств, он приобретает характер международного. Если на международную арену выходят негосударственные террористические организации, их действия можно определить как транснациональный терроризм.<sup>5</sup>

В соответствии с направленностью терроризм можно подразделить на политический (правый и левый), имеющий целью изменение общественного строя; этнический, преследующий цель решение определенных этнополитических проблем; религиозный, совершаемый под религиозными лозунгами. Эти разновидности терроризма не выступают в чистом виде, часто переплетены между собой.

Необходимо отличать политический терроризм от политического экстремизма, – схожего, но не тождественного явления. Понятие экстремизма значительно шире: террористические методы нередко используются экстремистскими организациями для осуществления своих целей. Истоки экстремизма, так же как и терроризма, коренятся в одних и тех же предпосылках: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, деформация и кризис самой власти, неспособной решать вопросы общественного развития, тоталитарный характер режимов (в том числе и «псевдodemократических»), подавление властями оппозиции, преследование любого инакомыслия, национальный гнет, стремление социальных (политических) групп ускорить осуществление выдвигаемых ими задач, политические амбиции их лидеров и т.д.

В политической сфере экстремизм выступает против сложившихся государственных, общественных институтов и структур, стремясь подорвать их стабильность, расшатать и низвергнуть ради достижения своих целей, как правило, силовыми методами. Для этого используются зажигательные лозунги и призывы, откровенная демагогия и организованные беспорядки, забастовки, гражданское неповиновение, террористические акты, методы партизанской войны и т.п. При этом экстремисты отрицают саму возможность каких-либо компромиссов, переговоров, соглашений, основанных на взаимных уступках. В своих действиях экстремисты руководствуются лозунгом «все или ничего».<sup>6</sup>

Идеология экстремизма отрицает инакомыслие, жестко утверждает собственную систему политических, идеологических, религиозных взглядов. От своих сторонников экстремисты требуют слепого повиновения и исполнения любых, даже самых абсурдных приказов и инструкций. Аргументация экстремизма обращена не к разуму, а к предрассудкам и чувствам людей. Доведенная до крайности, идеологизация экстремистских действий создает особый тип сторонников экстремизма, склонных к самовозбуждению, потере контроля над своим поведением, готовых на любые акции, на нарушение норм, сложившихся в обществе. Для экстремистов характерно стремление к охлократии, господству «толпы»; они отвергают демократические методы разрешения воз-

никающих конфликтов. Экстремизм неотделим от тоталитаризма, культа вождей – носителей высшей мудрости, чьи идеи должны восприниматься массами исключительно на веру.

Массовую базу экстремизма, как правило, составляют выходцы из мелкобуржуазных и маргинальных слоев, а также часть интеллигенции, отдельные группы военных, студенчества, националистические и религиозные движения, разочаровавшиеся в существующих порядках.

Из многочисленных форм экстремизма следует выделить экстремизм политический. Он направлен на уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры тоталитарного «порядка» «левого» или «правого» толка. Политический экстремизм – это в целом антиконституционная деятельность. Он опасен, в первую очередь, для самой государственности. Его конечной целью является приобретение власти, необходимой для установления режима монопольного правления силы, которая генетически не терпит никакой оппозиции и будет подавлять мешающих ей «оппонентов» посредством неправового насилия.<sup>7</sup>

Политический экстремизм – сложный социально-политический феномен, сопровождающий человечество на протяжении веков. В современных условиях в связи с усилением противоречий в обществе, кризисным состоянием общественных отношений происходит резкая активизация политического противостояния, использование в практике разрешения политических конфликтов, наряду с цивилизованными, правовыми методами, антиконституционных форм политической борьбы. Политический экстремизм сегодня переходит в ряд явлений, представляющих реальную угрозу национальной безопасности России, жизненно важным интересам личности, общества и государства.

В настоящее время системный характер приобретают такие действия экстремистов, как террористические акты, призывы к насильственному захвату власти, угрозы государственным и общественным деятелям, политическим лидерам и активистам, захваты заложников, блокирование административных зданий и учреждений, пикетирование и обстрел иностранных представительств, массовые беспорядки и другие акты насилия.<sup>8</sup> Возникновение и активная деятельность незаконных вооруженных формирований, проведение террористами широкомасштабных боевых операций в Буденовске и Кизляре, осуществление целой серии террористических акций, в том числе с использованием взрывных устройств, показали, что важнейшими объектами политического экстремизма стали конституционные права личности, жизнь, здоровье и свобода людей.

Толкование термина «политический экстремизм» чрезвычайно широко и зачастую объединяет разнородные явления: от разнообразных форм освободительной борьбы, сопровождающейся применением политического насилия, до преступлений, совершаемых уголовными элементами. Политический экстремизм часто понимается и как политическая установка (или позиция), отвергающая компромиссы с противодействующей стороной и отражающая наиболее агрессивные установки субъекта; и как разновидность существующих политических течений, находящихся на крайне левых или крайне правых политических позициях; и как метод политической борьбы, отвергающий согласование и сотрудничество с политическими оппонентами или противниками; и как негативный социальный протест, возникающий на уровнях – общество, классы, отдельные общественные слои, этнонациональные и профессиональные группы в различных территориальных пределах и на различной идейно-психологической и политической основах.

В современной отечественной науке выделяется понятие «криминальный политический экстремизм», т.е. применение насилия со стороны субъектов политики для достижения их политических целей или обеспечения их деятельности как во внешней, так и во внутренней политике.<sup>9</sup> Во внешней политике криминальный политический экстремизм проявляется через международную политическую преступность и международный политический терроризм; во внутренней – в форме тоталитарной преступности, внутригосударственного политического терроризма, бунтовской преступности, политического бандитизма, политического рэкета, политического вандализма.<sup>10</sup>

Большую опасность политический экстремизм представляет в сфере межнациональных и религиозных отношений. Вооруженные конфликты, военные действия, возникающие на южном участке границ России, влияние исламского фундаментализма дают мощный импульс развитию политического экстремизма, совершаемого на этноконфессиональной основе, создают угрозу территориальной целостности России, ее конституционному строю.

Современная, наиболее распространенная разновидность терроризма – националистический терроризм, в современной практике экстремизма, по общему признанию, приобрел наибольшее распространение, характеризуется, как правило, особой жестокостью, большим числом жертв. Он представляет собой неадекватную форму борьбы против действительного или мнимого ущемления прав и интересов отдельных наций и этносов; направлен также на достижение политических целей: насильственное изменение существующего конституционного строя, государствен-

ного (чаще всего федеративного) устройства страны, правового статуса существующих в стране национально-государственных или административно-территориальных образований и т. п. Значительная активность националистических экстремистских организаций по достижению указанных выше целей наблюдается в Испании, Франции, Англии, Бельгии и ряде других европейских стран. Аналогичные процессы в настоящее время набирают силу также и на территории Российской Федерации, особенно в регионе Северного Кавказа, а также в некоторых других районах мира. К наиболее известным террористическим организациям националистического направления относятся, в частности, ирландская ИРА, баскская ЭТА, «Фронт национального освобождения Корсики», ТОТИ (организация за создание независимого от Шри-Ланка тамильского государства) и др.<sup>11</sup>

К числу наиболее опасных устремлений субъектов националистического терроризма относятся попытки нарушения территориального единства страны, выхода тех или иных территориальных единиц из состава государства (национал-сепаратистский терроризм), образование собственного независимого государства. Данное направление националистического терроризма, как показывает опыт его распространения в ряде западноевропейских стран, на Балканах, в странах Юго-Восточной Азии, а теперь также и на территории Российской Федерации, представляется наиболее опасным. Оно часто сопряжено с объявлением властей «своего государства» оккупантами, проводниками национального (этнического) геноцида, нарушителями права на национальное самоопределение. Национал-сепаратистский терроризм нередко сопровождается совершением наиболее острых террористических акций и нередко осуществляется в комплексе с другими формами незаконного политического насилия – повстанческой деятельностью, попытками вооруженного захвата власти, организацией мятежей и иных опасных экстремистских проявлений. Такого рода националистический терроризм издавна и широко представлен в деятельности различного рода «национальных движений» в странах Южной и Юго-Восточной Азии, Тихоокеанского региона и др.

К числу распространенных разновидностей националистического терроризма относятся стремления национал-экстремистских групп обеспечить «чистоту расы», национального состава населения конкретного государства от «засилья» иностранцев. Данная разновидность националистического терроризма особенно характерна для стран с «открытой» иммиграционной политикой, в результате которой в них возникают крупные колонии выходцев из других государств. Значительное распространение эта разновидность террориз-



ма получила в Германии, Франции, Англии; в США националистический терроризм на почве неприятия массового въезда иностранцев в страну характеризуется нарастающей динамикой.

Религиозный терроризм, как одна из распространенных в современных условиях разновидностей терроризма, хотя и осуществляется часто под религиозными лозунгами и нередко связан с использованием тех или иных религиозных догматов, в основном ориентируется также на достижение определенных политических целей. Носителями данной разновидности терроризма в большинстве случаев выступают либо национал-экстремистские, либо религиозно-политические организации различной конфессиональной принадлежности, часто использующие в комплексе лозунги националистического и религиозного характера.

В рамках религиозного, точнее религиозно-политического экстремизма, особую опасность приобретают экстремистские структуры, действующие на основе исламского фундаментализма. В настоящее время террористические организации именно этого направления являются, безусловно, преобладающими в системе террористических структур, действующих в различных регионах мира (более 150 организаций). В системе религиозно-политических экстремистских организаций наиболее активны в настоящее время «Братья-мусульмане» (широко поддерживаемые Саудовской Аравией), «Хезболла» и «Аль-Джихад аль-ислами» (проиранские), а также ряд палестинских организаций. Особенностью терроризма на основе исламского фундаментализма является особая бескомпромиссность соответствующих структур, активность и наличие значительной социальной базы, как в странах традиционного ислама, так и в государствах со значительной исламской диаспорой (прежде всего в Западной Европе).

Круг религиозно-политических террористических и иных экстремистских организаций в настоящее время все более пополняется структурами иной религиозной направленности: особого внимания заслуживает возникновение и интенсивное наращивание активности тоталитарных сект типа «Аум Сенрике» (Япония)<sup>12</sup>.

Таким образом, все указанные выше разновидности терроризма, выделяемые по идейно-политической платформе их субъектов, несмотря на существующие между ними различия в программных установках, идеологических концепциях, социальной направленности деятельности, в конечном счете подчинены достижению политических целей. Поэтому они могут быть отнесены к категории политического терроризма в целом. Именно на этой основе в различные исторические периоды происходило возникновение терроризма как социального явления.

Несмотря на то что террористическая деятельность отмечается с древнейших времен, XXI в., несомненно, отличается количественным и качественным ростом терроризма. Наибольшее распространение терроризм получил в Латинской Америке, России, ФРГ, Италии, Испании, Франции, Северной Ирландии, Японии, на Ближнем Востоке. Политический терроризм и экстремизм – явление международного масштаба. Вышедший за рамки государственных границ и поддерживаемый системой широких организационных связей, политический терроризм и экстремизм представляет угрозу для субъектов международных отношений, политики мирного сотрудничества государств, международной безопасности в целом, поэтому борьба с ним является не только государственной, но и международной проблемой.

---

<sup>1</sup> Ольшанский, Д.В. Основы политической психологии / Д.В.Ольшанский. – Екатеринбург, 2001. – С.21.

<sup>2</sup> Психология господства и подчинения / сост. А.Г.Чернявская. – Мн., 1998. – С.63.

<sup>3</sup> Витюк, В. Некоторые аспекты терроризма в контексте современных конфликтных ситуаций / В.Витюк // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М.,1993. – С.68.

<sup>4</sup> Дмитриев, А.В. Насилие. Социо-политический анализ / А.В.Дмитриев, И.Ю.Залысин. – М., 2000. – С.53.

<sup>5</sup> Витюк, В.В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В.В.Витюк, С.А.Эфиров. – М., 1987. – С.238-239.

<sup>6</sup> Кабанов, П.А. Политическая криминология : словарь / П.А.Кабанов, Ш.М.Мулюков. – Киров, 2001. – С.71-72.

<sup>7</sup> Пиджаков, А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: Проблемы изучения / А.Ю.Пиджаков // Правоведение. – 2003. – №3. – С.235.

<sup>8</sup> Психология господства и подчинения / сост. А.Г.Чернявская. – Мн., 1998. – С.69.

<sup>9</sup> Пиджаков, А.Ю. Указ. соч. – С.236.

<sup>10</sup> Дегтярев, А.А. Основы политической теории / А.А.Дегтярев. – М., 1998. – С.126.

<sup>11</sup> Авдеев, Ю.И. Типология терроризма / Ю.И.Авдеев // Современный терроризм: состояние и перспективы развития : сборник статей / под ред. Е.И.Степанова. – М., 2000. – С.168.

<sup>12</sup> Шерман, А. «Аум Сенрике» // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.Gazeta.ru/dossier/06-07-1999aumPrinted.htm>. – Дата обращения 26.04.2006.

## **ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ**

Кудашов В.И.,

доктор философских наук, профессор,  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

В «Программе социально-экономического развития России на среднесрочную перспективу (2006-2008 годы)» отмечено, что «одной из важных задач, стоящих перед страной, является создание и налаживание работы институтов, обеспечивающих взаимодействие гражданского общества и государства»<sup>1</sup>. Именно на это направлена деятельность Общественной палаты Российской Федерации, основной задачей которой является «обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества в России»<sup>2</sup>.

Задача «согласования общественно значимых интересов граждан и власти» не может быть решена без достижения баланса интересов личности, гражданского общества и государства. Однако у разных стран оптимальное соотношение интересов государства и прав граждан может несколько отличаться, поэтому использовать зарубежный опыт следует не иначе, как проведя тщательный анализ возможных последствий его переноса на российскую почву. Президент Путин неоднократно говорил о том, что предстоит сделать, чтобы Россия стала стабильной, демократической и процветающей страной: необходимо создание эффективного, свободного от коррупции государственного аппарата, укрепление законности и правопорядка, развитие гражданского общества и прав личности. Подобную речь вполне мог произнести любой европейский государственный деятель. Она хорошо согласуется с теориями, господствующими в современной политологии. Однако в России установилась система, которую можно определить как состязательный авторитаризм, когда небольшое число различных фракций элиты – в основном неофициально, а зачастую с помощью незаконных и недемократических средств – конкурируют между собой

за политическое влияние. Что же происходит не так? Чего недостает России?

Современные общества – и Россия не исключение – слишком сложно устроены, чтобы довольствоваться простыми объяснениями. Искать причины нужно гораздо глубже. Природа этических принципов любого общества, демократического в первую очередь, такова, что само оно не в состоянии воспроизводить их рациональным образом. К их числу относятся религиозные ценности и традиции, а также нравы, обычаи, политические и социальные установления. Все эти нормы управляют жизнью общества, не требуя законодательного вмешательства со стороны государства. Предписывая человеку, что он должен делать и от чего воздерживаться, они составляют наследственный культурный запас общества. С течением времени они изменяются – параллельно с накоплением исторического опыта и политическим развитием общества.

Цельность всякого общественного организма поддерживается совокупным действием внешнего принуждения и свободного согласия, причем развитые общества в большей степени обнаруживают внутреннее согласие граждан и труднее поддаются давлению извне, со стороны государства. При анализе отечественного гражданского общества приходится применять понятийный аппарат теории к описанию далеких от некоего «стандарта» отношений между людьми, институтами и организациями в российской социально-политической системе и одновременно фиксировать те феномены, которые или ускользают из описания в терминах этой теории, или описываются явно неадекватно.

Впервые термин «гражданское общество» был введен Гегелем в его работе «Философия права». Гегель предложил рассматривать общество как диалектическую совокупность отношений между семьей, гражданским обществом и государством: «Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право»<sup>3</sup>. Согласно великому философу, гражданское общество есть множество граждан государства (членов семей), взаимодействующих между собой вне семьи с целью удовлетворения своих общих и своекорыстных интересов. Государство есть синтез семьи и гражданского общества, а само *гражданское общество возникло из диалектических противоречий между семьей и государством*

(здесь и далее курсив наш – *В.К.*). Поэтому, если следовать Гегелю, ничего хорошего в гражданском обществе нет, ведь в нем манифестируются корыстные интересы частных лиц, которым тесно в семье и в государстве.

Оценки гражданского общества со времен классика немецкой философии полярно изменились. В традициях политического либерализма рассматривать государство как вселенское, но необходимое зло. Государство ограничивает свободу, плодит агрессию, бедность, социальные пороки, а гражданское общество выступает за свободу и против агрессии, оно заботится о бедных и обиженных судьбой. Гражданское общество при этом рассматривается как самодостаточная совокупность отношений людей как участников рынка товаров и услуг, собственников, партнеров, конкурентов, соседей, членов общественных объединений и движений, церквей, землячеств, кланов. Конфликты разрешаются в рамках гражданского общества и его организованных элементов частным образом, например частными третейскими судьями. Поединки, воровские сходки и суды чести также поэтому могут рассматриваться как экзотические формы саморегуляции гражданского общества.

Сейчас существуют две основные трактовки понятия «гражданское общество». Согласно первой гражданское общество – это особое четко очерченное общественное пространство. В России для него существует обозначение: «третий сектор» (наряду с «первым сектором» – государством и «вторым сектором» – бизнесом). Позднее утвердился термин «негосударственные организации», НГО. Это представление восходит к диссидентской среде, возникшей 40-50 лет назад в странах Центральной и Восточной Европы, которые находились тогда под контролем Советского Союза. «Гражданское» в таком понимании вполне оправданно противопоставлялось тоталитарному, милитаризованному государству. Пережиток этого представления сохранился до нашего времени в сознании многих обычных граждан, политиков, государственных служащих, что подчас создает большие трудности.

Согласно другой трактовке и другому способу классификации все страны в целом распределяются по уровню распространения в них гражданских институтов. Уровень гражданского развития общества в конечном счете зависит от того, насколько гражданские ценности и нормы укоренены и действенны в каждой социальной сфере – управлении, экономике, армии и т.д. Гражданское общество тем самым предполагает особое качество социальных взаимодействий, его наличие означает преобладание гражданского образа действий и демократических убеждений у его членов. Вместе с тем для анализа и описания того состояния, в котором

находятся сейчас страны, подобные России, первая концепция – во всяком случае, на начальном этапе – представляется более удобной. Второй тип классификации может использоваться при описании актуальных проблем, возникающих в ходе развития гражданского общества в России.

Обычно считается, что страны, образовавшиеся на территории бывшего СССР, находятся в переходном состоянии. Объяснить, по каким законам происходит разрушение авторитарных или тоталитарных обществ и возникновение на их месте более свободных и либеральных, уяснить, к чему в итоге приводит этот процесс, призвана теория трансформации. Она должна учитывать, что преобразования в таких странах происходят по-иному, чем в случае классических западных демократий. «Успешной» считается трансформация, прошедшая три этапа: конец автократического режима, институционализация демократии, упрочение демократических институтов. Применительно к России очевидно, что первый этап, несомненно, пройден, второй в известном смысле тоже: созданы все институты, составляющие в совокупности демократическое общество: парламент, формально независимые суды, свободная – по замыслу – пресса, право на собственность и право добровольно и без принуждения вступать в общественные организации. Напротив, третья фаза далеко не завершена, поскольку демократические институты в России пока не функционируют как должно или не работают вовсе.

Что же говорит теория трансформации о гражданском обществе? В переходный период решающую роль в установлении новых социальных правил играют общественные организации. При этом совершенно неважно, они ли положили начало этим процессам или старое общество само рухнуло под тяжестью накопившихся проблем и противоречий. Важно другое: общественные организации весьма активно способствуют расширению сферы действия этических правил, действующих в обществе. Они генерируют эти правила, осуществляя посредничество между государством, бизнесом и обществом. Иначе говоря, именно в силу своей критической настроенности и дистанцированности от остальных участников процесса они сообщают легитимность политической сфере. Они укрепляют корни правовой культуры, поддерживают рациональные формы деятельности государственной бюрократии и государственную монополию на власть. Каким же образом такое влияние сочетается с привычным образом негосударственных организаций как источника неустанной критики, а подчас и радикальной оппозиции по отношению к государственной власти?

Одно из основных свойств гражданского сектора – это его принципиальная неупорядоченность. Он представляет собой точное отражение общества – разнородного, поскольку не подчиненного никаким внешним правилам. Столь же разнообразны функции, выполняемые неправительственными организациями: они защищают людей от незаконных действий государства, посредничают между государством и гражданами, формируют общественное пространство, производят услуги, которые не могут быть предоставлены государством или бизнесом. Иначе говоря, *гражданское общество – это функциональная сфера, расположенная между сферами государственного и частного*. Оно состоит из множества разнородных и всегда конкурирующих между собой организаций и объединений, преследующих собственные материальные или нормативные цели. При этом организации гражданского общества формируются на основе добровольности и автономности.

Весьма важное, если не решающее значение для понимания сегодняшних проблем российского гражданского общества имеет вопрос о том, в какой степени отдельные группы берут на себя – наряду с государством – ответственность за судьбу целого. Существенным условием функционирования демократии является нечто такое, что не подчиняется ни законам, ни предписаниям и не подлежит контролю: политическая культура. Стабильная демократическая государственность предусматривает пять публичных функциональных сфер. Это гражданское общество, политическая жизнь, право, государственный аппарат, экономика. Другими словами: стабильная демократия может существовать лишь в случае, когда институционализированный рынок создает необходимые условия для благосостояния общества, когда государство располагает дееспособным классом бюрократии и когда политическая жизнь подчиняется твердым правилам. Вся эта система должна находиться под охраной правового государства. В идеальной ситуации гражданское общество придает легитимность политическим действиям посредством критического, т. е. сознательного и явно выраженного согласия.

В России эти ключевые сферы государственности наличествуют, но функционируют отнюдь не для общего блага, а зачастую используются отдельными группировками в их корыстных интересах. Причина – недостаточная или вовсе отсутствующая уверенность различных политических и социальных субъектов в рациональности существующих правил, в том, что эти правила могут быть этически обоснованы. Само это недоверие коренится в непосредственном практическом опыте, который порой может быть и положительно окрашенным. Опыт этот говорит: реальность такова, какой она представляется. Например, если все убеждены, что

какой-то банк – банкрот, то не имеет почти никакого значения, каковы его фактические резервы. Если люди верят в его банкротство, значит, он действительно банкрот. То, что люди принимают за реальность, всегда имеет реальные последствия.

В политических дискуссиях о проблемах гражданского общества в России доминирует один мотив: *в России слишком громоздкое государство и слишком слабое гражданское общество*. Без сильного гражданского общества не может быть реально сильного государства. Поэтому для процветания страны надо укреплять государство, делать его более компактным, строить «вертикали власти», а наше гражданское общество надо развивать по примеру тех стран, где гражданственность сильнее. В качестве образца для подражания берутся европейско-американские общества, в которых есть сильные организации гражданского общества, решающие проблемы граждан силами самих граждан – без участия государства или с его минимальным участием. Развитие гражданского общества в России, согласно доминирующему мнению, невозможно без импорта его образцов, осуществляемого сейчас иностранными организациями гражданского общества, в том числе оказывающими финансовую и организационную поддержку собственно российским организациям. Но в нашей стране, как считают политики и чиновники, нужно создавать отечественные образцы гражданских взаимодействий, в частности, как воплощений «национальной идеи». Для этого в бюджете России в 2006 г. выделяется 500 млн. рублей. Однако почти двадцатилетний опыт импорта и самопальной разработки гражданско-правовых отношений показал, что организации гражданского общества, созданные государством или сделанные по внешнему образцу, выживают только при постоянной внешней же финансовой и организационной подпитке, но не врастают в наш быт.

При этом нельзя сказать, что их существование совсем уж никчемно. Наши граждане научились использовать отечественных и зарубежных благодетелей, обращая разного рода помощь в свою пользу. Они прибегают к помощи перед иноземными и отечественными организациями гражданского общества, как и перед чиновниками, чтобы получить какое-то благо: грант, связи, юридическую помощь. За последние десятилетия государством зарегистрированы сотни тысяч разного рода общественных организаций. Часть из них выполняет функции, которые нормативно приписываются организациям гражданского общества. Другие организации, даже возникнув самочинно, вскоре превращаются в аналоги подразделений государственного аппарата с их формальной иерархией, выполняющие прописанные государством функции. Если организа-



ция гражданского общества учреждается государством, ее превращение в государственную контору происходит в момент организации, что усиливает сетования организаторов на слабость гражданского общества и стимулирует еще большие государственные усилия по его развитию. Заклинания на тему необходимости и важности развития гражданского общества стали общим местом публичных выступлений политиков и чиновников.

Тем не менее нефункциональность построенных по внешнему образцу организаций гражданского общества вовсе не равносильна отсутствию собственно гражданского общества. Вполне вероятно, что наше гражданское общество так устроено, что отторгает чужеродные организационные формы. Если следовать Гегелю, не может быть современного общества без семьи, гражданского общества и государства. Если есть государство и семья, то есть и гражданское общество. Поэтому *в России гражданское общество несомненно есть, но принципиально отличается от тех, к которым привыкли исследователи.* Оно не организовано, хотя всепроникающе и богато возможностями для решения многих проблем, которые, если следовать логике отечественных теоретиков, порождает государство своим гражданам и их семьям.

Существование сильного и не стремящегося организовываться гражданского общества, как и повседневных отношений землячества, соседства, родства, этнической и конфессиональной принадлежности, столь же несомненно, как существование специфической российской семьи и российского государства. Его феномены иногда демонстративны и грубы, чаще привычны и незаметны. Однако наши граждане, особенно причастные к импорту общественно-гражданских стереотипов и к бюджетным НГО, не хотят называть обыденные и общераспространенные отношения гражданским обществом, ведь гражданское общество – это что-то такое большое и светлое, чего «у нас» нет, но есть «у них». Солидные люди прогрессистских воззрений предпочитают не замечать обычные проявления гражданственности, считая их неприличными, негражданскими в привычном для них значении этого понятия. Государство, по их мнению, несет ответственность за такие массовые модели поведения, как «откос» от призыва в армию, «крышевание», уход от налогов, разного масштаба «нецелевое использование» бюджетных денег и госимущества, готовность брать и давать взятки. Они внутренне не могут принять, что именно в подобном негативе манифестируются наши отечественные общественно-гражданские отношения.

Однако именно этот «негатив», о государственной этиологии которого не устают рассуждать сторонники имитационного разви-

тия гражданского общества, есть результат взаимодействия неорганизованного и не нуждающегося в организациях гражданского общества и несуразно организованного государства. Чем активнее государство строит свои вертикали власти (и НГО, вписанные в эти вертикали), тем большие ресурсы вкладывают члены гражданского общества (которые могут быть сами высокопоставленными чиновниками) в нейтрализацию устремлений государства. *Неорганизованное гражданское общество – это оборотная сторона всеорганизующего государства.* Причем зависимость гражданского общества от государства критическая, как и зависимость государства от гражданского общества. Никакая государственная инициатива не реализуется, если при этом не учтены частные, общественно-гражданские интересы чиновников, чему свидетельством неудача десятков реформ в постсоветской России. И мало какой частный интерес может быть удовлетворен без участия государства: без пролоббированного закона, взятки чиновнику, «отката» силовикам или «распила» бюджета между бизнесами структур, в которые в той или иной форме входят министры, депутаты и генералы – как члены гражданского общества.

Отношения между государством и гражданским обществом можно проиллюстрировать отношениями между изображениями на аверсе и реверсе монеты. Если смотреть с одной стороны монеты, например с той, на которой написано «государство», то гражданского общества не разглядишь, видна будет только коррупция. Если смотреть со стороны гражданского общества, то не видно государства, оно распадается на «плохих» и «хороших» чиновников, с помощью которых можно или нельзя «решать проблемы». И люди, преследуя свои цели, используют государство как средство для достижения своих целей, быстро научаясь получать свои дивиденды на государственных ограничениях на деятельность. Государство и гражданское общество находятся в разных социальных пространствах, но физически реализованы в нашей стране в одном материале и не могут быть разделены. Это признак того, что используемая политиками теория, несмотря на то что ее базовые объекты – государство и гражданское общество – вроде уже стали самой реальностью, не вполне адекватна.

Российское гражданское общество по эффективности в решении проблем своих членов, степени ситуативной связности между гражданами и типам решаемых задач выглядит даже гораздо мощнее, чем западные организованные гражданские общества. Такая эффективность достигается за счет уникальной институализации. Существуют *общераспространенные и устойчивые институты российского гражданского общества*: домашнее или ресторанное

застолье, баня, охота и рыбалка, самодеятельные клубы (такие как игра в футбол по субботам у чиновников мэрии Москвы), совместный отдых, дачные сообщества. В последнее десятилетие весьма значимым институтом гражданского общества стало конфессиональное общение. В ходе коммунальной революции формируется институт «жильцов одного дома». В российской провинции роль институтов гражданского общества иногда выполняют офисы политических партий, если через эти партии можно «решать проблемы». Совершая религиозные обряды, выпивая, развлекаясь, парясь и сплетничая о том, кто, сколько и за что берет, люди ищут и находят «выходы» на чиновников, которые помогут им минимизировать налоги, выиграть тендер, получить землю под застройку, устроить родственника в «элитную» клинику, освободить сына от призыва в армию, пристроить дочь в приличный вуз, вернуть изъятые ГАИ документы на машину, закрыть уголовное дело на партнера или организовать наезд силовиков на конкурента. В каждом поселении есть свой приход, своя баня, свой ресторан или клуб, в которых собираются люди, решая проблемы удовлетворения своих потребностей за счет материальных и административных ресурсов, номинально принадлежащих государству.

Институализированное, но неорганизованное гражданское общество существует везде, где есть люди. В то же время *гражданское общество неопределимо и бесформенно, так как нельзя в каждом конкретном случае указать на устойчивую организацию, в которой гражданские отношения реализуются*. На виду только по видимости нейтральные институты застолья, бани и «элитного отдыха», и если не путать организации гражданского общества с его институтами, то полмиллиарда бюджетных рублей будут потрачены целевым образом: на обустройство бань, клубов и ресторанное застолье. При попытках внешней, исходящей от государства организации суть гражданских отношений исчезает, жизнь уходит, остается нефункциональная форма: захиревший приход, холодная баня, пустой ресторан, запущенный клуб. Институты гражданского общества при этом перемещаются в другие места, например в подвалы и котельные.

Не случайно, видимо, что сейчас в народе особой популярностью пользуются сюжеты об особенностях институтов нашего гражданского общества, нашей национальной охоты и рыбалки. Отстраненность и ирония при включении в нашу многозначную реальность необходимы хотя бы для того, чтобы не стать записным правозащитником или диссидентом. Но потом, после просмотра и смеха сквозь слезы, надо ведь идти «решать проблемы». И, казалось бы, далекие от жизни рассуждения о государстве и

гражданском обществе обретают очень конкретную форму противоречий между предпринимателем и пожарным инспектором, между чиновником и пенсионером, между преподавателем и студентом, между врачом и больным.

При внешней бесструктурности наше гражданское общество стратифицировано неявной, но жесткой иерархией его институтов: во многие клубы-бани не пускают с улицы, туда можно попасть только по знакомству-рекомендации. Туда приглашают, и туда стремятся люди, желающие «решить проблему». Сообщество людей одного прихода, одного ресторана, бани или спортивного клуба, квартиры или дачи, хозяин которой публично активен, достаточно закрыто, чтобы создать для тех, кто туда не попадает, ощущение ущербности или ощущение превосходства у допущенных. При этом сам факт существования института с ограниченным доступом служит основанием для популярных гипотез о том, что именно там, в этом ресторане, этой бане или клубе собирается какая-то мафия, которая и управляет государством. Совокупность мифов о мафиях и их локализациях составляет содержание слухов и сплетен – общественного мнения нашего гражданского общества.

Поскольку в России до сих пор не сложились идейно-политические и иные общественные формы массового контакта власти с населением, монопольным институтом информирования остаются средства массовой информации. Поэтому сколько-нибудь значительные информационные потоки в системе «власть – общество» объективно существуют только в виде системы «власть – средства массовой информации – общество». Такого рода монополизм российских средств массовой информации можно определить как стихийный, связанный, с одной стороны, с рыночными процессами, требующими высоких рейтингов, а с другой – с системой транслируемых Западом образцов прессы, радио и телевидения, которые демонстрируют наиболее технологичные пути достижения высоких рейтингов.

Однако гражданское общество – по своему типу общество демократическое, что должно обеспечиваться презумпцией открытости информации для граждан, обеспечением конституционного права на свободный поиск, получение, производство и распространение информации. Это требует от органов власти повышения профессионального уровня служб, в предмет ведения которых входит организация информационного обмена, а также совершенствования коммуникативной компетентности, управленческих кадров и развития у них навыков социально ориентированного планирования их деятельности, которое позволяет с учетом полу-

чаемых в ходе информационного обмена данных прогнозировать и устранять социальные риски.

Речь идет, в первую очередь, о системных действиях по созданию централизованного механизма выстраивания диалога власти и общества, публичного обсуждения основных смыслов действий власти по социально-экономическому развитию. Именно в открытом пространстве публичной политики между властью, бизнесом и структурами гражданского общества и необходимо осуществлять коммуникацию между агентами политики, предлагать им свои разработки и активно внедрять их. Лишь в объединение таких агентов политики можно надеяться на решение стратегических задач, стоящих перед страной, регионами, промышленными отраслями, крупными социальными группами и т.п. Практика государственного управления XX в. показывает, что сосредоточение власти в одних руках, введение авторитарного правления не решает важнейших проблем государства и общества, а в итоге приводит к отставанию в развитии страны, становящейся на этот путь. Но и западные демократии практически повсеместно сосредоточили в руках профессиональных политиков, политических лоббистов и руководителей средств массовой информации столько власти, что простые граждане оказались вытесненными не только из процессов реального принятия государственных решений, но и из политики вообще. В этом смысле можно говорить об определенном кризисе демократической системы власти и управления во всем мире.

В демократических государствах проблема состоит не в личных качествах и компетенции профессиональных политиков, имеющих возможности участвовать в принятии государственных решений, а в том, что принимаемые без участия граждан решения нередко не только не разрешают наболевшие проблемы, но углубляют их и даже создают новые. Надежды на то, что лоббисты, имеющие доступ к процессам принятия государственных и политических решений, будут добровольно учитывать пожелания, приоритеты и предпочтения тех, кто такого доступа не имеет, не оправдываются почти никогда. Лоббисты чаще всего действуют в своих собственных интересах, а социальные группы, не имеющие своих лоббистов, фактически полностью исключаются из политики. Для таких граждан остается одна возможность как-то показать свои приоритеты в политике – с помощью участия или неучастия в голосовании на выборах. Но выборы проводятся редко, и потому все более распространяется практика безответственного отношения и граждан, и профессиональных политиков к принятию государственных и политических решений.

Граждане все более уверяются в том, что от них в политике ничего не зависит, и потому после выборов полностью снимают с себя ответственность за результаты той или иной политики своих правителей, за принимаемые ими решения и за их исполнение. А номенклатурные политики снижают уровень своей ответственности за принимаемые ими решения, поскольку считают необязательным ориентироваться на мнения и приоритеты граждан; они уже довольно успешно манипулируют их мнениями на выборах и мало опасаются встретить их организованное противодействие в процессе реализации своих решений. Но ведь выполнение государственных и политических решений без простых граждан невозможно. Их приходится убеждать и часто заставлять выполнять эти решения, но отрыв политики от граждан все менее способствует обеспечению ими поддержки государственных и политических решений.

Поэтому появилось практически универсальное объяснение хронических неудач в реформировании чего бы то ни было в нашей стране: коррупция. Но коррупцию можно рассматривать и как совокупность инструментов, выработанных за время существования российского реформаторства, позволяющую гражданам, по крайней мере, со времен Петра Великого, нейтрализовывать реформаторские новации государства. Именно коррупция позволяет людям жить в условиях, когда государство пытается разными способами загнать их в рамки, определяемые из самых благих, но абстрактных (в гегелевском понимании абстракции) намерений. Поэтому коррупция – это система действий членов гражданского общества, позволяющая им добиваться своих целей вопреки государственным нормам, правилам и законам и использующая чиновников для удовлетворения своих потребностей. И симметрично – использование государственными людьми служебных возможностей для удовлетворения потребностей: своих, своих родственников, своих знакомых, знакомых знакомых, рекомендованных знакомыми и пр. Ведь государственные люди такие же члены гражданского общества, как и простые граждане, и в полной мере используют его возможности для достижения своих целей.

Государство пытается нейтрализовать коррупцию, для чего создает разного рода организации, которые должны с ней бороться, в том числе и организации гражданского общества. Однако эти организации, если через них можно «решать проблемы», очень быстро превращаются в конторы, которые плодят коррупцию. А если проблемы в них решать нельзя, то и значение этих организаций нулевое. Борясь с коррупцией, государство по сути борется с гражданским обществом. И наоборот, избирательно поддерживая ор-

ганизации гражданского общества, государство плодит коррупцию. Формы проявления гражданственности меняются по мере изменения государства. Каждому историческому этапу развития государства соответствует свой тип гражданственности и своя форма коррупции. Каждое новое поколение российских реформаторов ставит своей целью процветание государства, его всестороннее развитие и усиление присутствия в мире. И каждый раз достижению великой цели мешают, в основном собственные граждане, которые находят способы обратить ресурсы, предназначенные для больших государственных дел, в маленькие, но свои собственные блага.

Строительство государства у нас в стране чаще всего сопровождается борьбой с гражданским обществом. Репрессии бывают разные, иногда масштабные, как в 20-40-е гг. XX в., чаще какая-то кампания: борьба с несудами, расхитителями госимущества, взяточниками, с «оборотнями в погонах» и без погон и т.п. Сталинские репрессии, к примеру, были направлены на ликвидацию сословий имперской России, противодействовавших строительству социализма. В публичном поле эти репрессии были представлены как тщательно отрепетированные процессы над разного рода антипартийными блоками. Эти процессы завершали ликвидацию инфраструктуры имперского гражданского общества, еще существовавшей тогда в СССР. После сталинской децимации была создана огосударствленная система советского общества с его институтами партийной социализации и множеством комсомольских, пионерских, профсоюзных, профессиональных «общественных организаций». А собственно гражданское общество было атомизировано. Поиск групп с общими гражданскими интересами и демонстративная их ликвидация были одной из задач органов государственной безопасности СССР.

Трансформации советского режима, обычно сопряженные с персональными изменениями на вершине партийной иерархии, сопровождались репрессиями, направленными на ликвидацию «антипартийных» групп, классов, сословий. В постсоветской России мало что изменилось. Гонения на членов «семьи» и «олигархов» сопровождали последнее изменение власти в России. Причем принадлежность к этим группам определялась из соображений политической целесообразности. А нынешние разговоры о том, что «питерских будут гнать», становятся лейтмотивом бытовых бесед на тему «Что же будет в стране после выборов 2008 года». По мнению некоторых правоведов, «люди уверены, что они абсолютно беззащитны перед государственной машиной и, если того потребуют "интересы государства", ими пожертвуют без малейших колебаний»<sup>4</sup>. Такие настроения во многом способствуют «размы-

ванию демократических устоев, деструктивному отношению к государственному аппарату и в результате к нарушению гражданского мира и согласия в стране. Это перспектива, которая никого и никогда не может устроить»<sup>5</sup>.

Государство не может интерпретировать гражданскую активность людей как адекватную своим задачам. Оно ввело в корпус права такие понятия, как теневая экономика и организованная преступность, и преследует своих граждан за действия, которые самими гражданами рассматриваются как вполне естественные, привычные и необходимые для жизни или для выживания. Ведь если верить обитателям российских «зон», большая их часть сидит «ни за что». Граждане, в свою очередь, интерпретируют активность государства как репрессии, направленные на то, чтобы ограничить их в достижении своих целей, загнать их общественно-гражданскую активность в предписанные государством рамки. Постоянная государственная забота о благе народа не позволяет людям жить так, как они хотят, научившись методом проб и ошибок нейтрализовать благие намерения очередного поколения реформаторов. В результате граждане не очень довольны властью, а государство недовольно людьми, которые зловредно коррумпируют честных чиновников, а не выполняют очередную «национальную» программу или проект.

Можно предположить, что государство и гражданское общество пересекаются в области, описываемой Уголовным кодексом, так как практически любую гражданскую активность можно при желании следователей интерпретировать как нарушение законов и превратить в эпизод уголовного дела. Ведь в самом обычном и повседневном взаимодействии гражданина и нашего государства можно изыскать состав преступления: по указанию начальства или просто для улучшения отчетности. «Эпоха компромата» конца XX в., когда конструирование уголовных дел на основе газетных публикаций и телевизионных репортажей стало элементом публичной политики, продемонстрировала высочайшую согласованность российского государства и гражданского общества в изобретении различных мафий и заговоров.

Государство борется с коррупцией, вводя дополнительные ограничения на деятельность и связи чиновников, повышая им должностные оклады, давая льготы. Однако никакое повышение окладов не может нейтрализовать «чисто человеческие» просьбы порадовать родственнику, сокурснику, сослуживцу, односельчанину или единоверцу, особенно если эти просьбы сопровождаются «материальной помощью». Уголовное преследование взяточников и посредников, борьба с «организованной преступностью в сфере



экономики» ведут, как показывает плохо освоенный политиками и законодателями опыт, только к увеличению тюремного населения, а также размеров взяток. Такие отношения между гражданским обществом и государством делают крайне проблематичным существование собственных организаций гражданского общества. Когда государство ослаблено после провала очередной «перестройки» или «ускорения», возникает множество разного рода имитационных организаций, в основном на импортные деньги.

Когда государство укрепляется, оно предпринимает усилия по ограничению и ликвидации деятельности таких организаций. Вся их деятельность, в случае если их возникновение не инспирировано государством, расценивается как потенциально противоправная и антигосударственная. Поэтому рядовому члену российского общества гораздо эффективнее и безопаснее действовать в одиночку, используя связи и знакомства, чем оказаться в составе «организованной преступной группировки», созданной по воле следователя или его начальников. Так что устойчивым организациям гражданского общества просто нет места в нашем сегодняшнем мироустройстве, особенно на сегодняшнем этапе укрепления государства.

*Описание гражданского общества – это описание способов преодоления государственных ограничений, не позволяющих получить то, чего людям надо, правовым образом. Ведь обходные пути, «блат», институт знакомств и связей, кумовство, корпоративность, землячества описаны в основном публицистически или криминологически, но не социологически. Особый интерес представляет изучение экономики и финансовой системы отечественного гражданского общества. Не так давно общественно-гражданской альтернативой рублю была «бутылка». В постсоветском гражданском обществе альтернативой рублю стала так называемая «условная единица» – «у.е.». Отношения между рублем и «у.е.» можно рассматривать как индикатор степени проникновения общественно-гражданских отношений в государство. Об уровне коррупции, например, можно судить хотя бы по тому, как часто чиновники в своих публичных выступлениях и официальных текстах используют для оценки состояния отечественной экономики «у.е.».*

Больше всего проблем возникает у граждан нашей страны, когда государство начинает заботиться о благе народа в целом и безуспешно пытается обеспечить народ тем, что государство в данный момент считает ему нужным. Потребности граждан или больше, чем положено им государством, или принципиально не удовлетворяемые сложившейся системой государственного патернализма. Граждане государства, конечно, хотят, чтобы разного ро-

да льгот, бесплатных образования и медицины было больше, но при этом предпочитают заботиться о себе сами: методом проб и ошибок формируют стратегии поведения, позволяющие перенаправить компоненты государственного патернализма на приобретение того, что они считают действительно нужным. Люди предпочитают доплачивать за обучение, лечение и копят «у.е.» на старость, используя предоставляемые государством блага как само собой разумеющийся ресурс, гарантированный властью. Государство для российского гражданского общества становится источником необходимых питательных веществ, на котором оно произрастает.

Как видно из предыдущего, описание российского общества, исходящее из представлений о слабом гражданском обществе, приводит к парадоксам: вроде бы государство есть, хотя и громоздкое, но для конкретного человека его в общем-то и нет. С другой стороны, гражданского общества практически нет, но оно есть для любого гражданина, взаимодействующего по своим многочисленным вопросам с другими гражданами. Коррупция, конечно, плоха, но ведь именно она связывает российское государство с нашим своеобразным гражданским обществом в нечто такое, в чем всем нам приходится жить. Значит, не верна исходная теория, которой руководствуются политики и чиновники о сильном государстве, борющемся с коррупцией, и слабом гражданском обществе. Исходная неполнота и спекулятивность понятийного аппарата теории гражданского общества, которой руководствуются политики в своих усилиях по строительству гражданского общества, позволяет усомниться в ее адекватности.

Очевидно, существует параллелизм между импортом реформистских идей и импортом исследовательских методов, концепций и интерпретационных схем. Заимствование очередной реформаторской идеи – чаще всего по инициативе какой-нибудь богатой международной организации вроде МВФ и Мирового банка, поддержанной правительственными реформаторами, – и попытка ее реализовать заканчивается обычно «распилем» соответствующего бюджета. Параллельно с идеей заимствуются и теории, в рамках которых оценивается ход реформирования, и формируется пул соответствующих экспертов. Реформаторская идея вместе со статусными реформаторами и бюджетными деньгами рано или поздно уходит в небытие, а импортная теория остается – вместе с экспертами-специалистами по ней, не имеющими в нашей стране предмета. Вместе с идеей создания в России местного самоуправления, например, были заимствованы и теории местного самоуправления, которые не имеют никакого отношения к той реальности, которая сейчас возникает в ходе муниципального реформирования. Боль-

шая часть политологического и социологического знания состоит из таких заимствованных фрагментов теорий и неудачных экспериментов по построению социализма и капитализма.

Импорт исследовательских онтологий стандартов и техник исследования, воспроизводство на отечественном материале интерпретационных схем, разработанных очередными «экспертами мирового банка», плодит социологический шум политически акцентуированных исследований. Без философской ревизии базовых различий модных у нас социологических и политических теорий, без внятного и бесстрастного описания реалий нашей обычной жизни в терминах, адекватных этой жизни, мы не сможем выйти из нынешней познавательной и политической ситуации. Невозможно сформулировать мало-мальски операционализируемую задачу по исследованию нашей социальной системы, если нерелексивно относиться к базовым различиям заимствованных теорий и интерпретации нашей жизни в терминах этих теорий. Особенно если эти теории принимаются политиками как основание для очередной реформаторской эпопеи по типу «сделаем как за границей».

В России сегодня имеется множество общественных, т. е. по определению негосударственных и неподконтрольных государству организаций. Россия официально считается демократической страной. Однако фактически она таковой не является, поскольку ее население, не участвуя в институционализированных демократических процессах, не оказывает существенного влияния на политическую жизнь. Более того, основные политические шаги, например приватизация, были предприняты вопреки воле большинства. И все же, несмотря на тревожащие тенденции, Россия начиная с 1990-х гг. стала – и в значительной степени до сих пор остается – свободной страной. Ее граждане имеют право селиться в любом месте, по собственному усмотрению (за исключением Москвы), уезжать из страны и возвращаться, когда сочтут нужным. Они также могут свободно выражать свое мнение, если только не захотят непременно воспользоваться для этого одним из каналов российского телевидения. С исторической точки зрения Россия не представляла бы в этом отношении ничего экстраординарного, если бы демократия здесь наступила вслед за установлением свободы. Почти все общества, которые мы сегодня называем демократическими, прошли через следующие более или менее отчетливые фазы развития: сначала – завоевание буржуазных свобод, затем – построение правового государства.

Почему же в России даже при наличии формальных предпосылок оказалось столь трудно «построить» функционирующее

гражданское общество? Ответ прост и одновременно сложен: потому что создать гражданское общество вообще невозможно. Оно должно созреть само, и это долгий процесс, подверженный многочисленным внешним воздействиям. Гражданские Форумы в Москве, проводящиеся по его примеру гражданские форумы в российских регионах и практика развития публичной политики в настоящий период демонстрируют попытки государства снять с себя частично ответственность за решение социальных проблем и переложить ее на структуры гражданского общества. В ситуации неэффективности государственной социальной политики и дефицита ресурсов государство и должно передать некоторым субъектам публичной политики и социальной сферы свои полномочия и свою ответственность за решения некоторых проблем граждан. У граждан появляется возможность повысить уровень своего участия в публичной политике, в первую очередь через участие структур гражданского общества, объединяющих наиболее активных из них, в обсуждении, принятии и контроле исполнения государственных решений.

Качество и направленность решений, принимаемых государством во взаимодействии со структурами гражданского общества, во многом будут определяться тем, какие именно относящиеся к нему структуры и в рамках каких процедур будут включаться в это взаимодействие. Ведь для исследования, анализа, разработки стратегий и программ решения наиболее острых проблем необходимо привлекать не только те структуры гражданского общества, которые активно практически работают по решению этих проблем, необходимо использовать опыт и ресурсы тех его структур, которые способны на достаточно высоком научном уровне выполнить соответствующие разработки и внедрить их в практику.

В публичном диалоге народа и номенклатуры должно быть актуализировано моральное измерение ведущихся преобразований, успехов и неудач власти на этом пути. Здесь важна постоянная апелляция к живому нравственному чувству «простого человека». Это прокладывает мост к моральному измерению власти. Строительство этого моста – важная миссия национальной философии. Отсутствие диалога власти и граждан исключает воздействие процедур демократических выборов на центральную и региональную политику и воспроизводит ситуацию независимости власти от народа, которая веками существовала в России и которая с каждым политическим переворотом только укреплялась и усиливалась.

В новых условиях публичности и открытости акцент с индивида смещается даже не на узкий социальный слой «элиты», а на все интеллектуальное сообщество. Именно самосознание этой

глобальной общности интеллектуалов порождает новый пласт этических проблем. Достаточно ли для философа привычного комфорта принадлежности к престижной и влиятельной группе? Есть ли настоящие основания для такой гордости? У прагматично настроенных интеллектуалов такого рода вопросы не возникают, по крайней мере, пока они даже не формулируются, но после знакомства с их деятельностью эта проблемная область высвечивается. Гарантий автоматического расцвета демократии в России нет, но на существенную интенсификацию и повышение качества открытой политики пока можно рассчитывать. Даже провал такого рода усилий будет небесполезен, поскольку позволит философам уточнить положения нужных принципов публичной работы и больше узнать о социальных условиях и закономерностях собственной деятельности в реальном гражданском обществе России.

---

<sup>1</sup> Программа социально-экономического развития России на среднесрочную перспективу (2006-2008 годы) : утв. распоряжением Правительства РФ от 19 января 2006 г. №38-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №5. – Ст.588.

<sup>2</sup> Об общественной палате Российской Федерации : Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. №32-ФЗ, ст.2 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – №15. – Ст.1277.

<sup>3</sup> Гегель, Г. Философия права / Г.Гегель. – М., 1990. – С.228.

<sup>4</sup> Ноздрачев, А.Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке / А.Ф.Ноздрачев // Журнал российского права. – 2005. – №9. – С.14.

<sup>5</sup> Там же.

## ДИАЛЕКТИКА КОЛЛЕКТИВИСТСКОГО ОБЩЕСТВА

Аникевич А.Г.,

доктор философских наук, профессор  
Красноярский государственный  
технический университет  
(г. Красноярск)

В современных отечественных публикациях по социально-философской тематике время от времени можно встретить рассуждения о коллективистском и индивидуалистском типах общества. Характерно, что практически однозначно западные общества рассматриваются как индивидуалистские, восточные – как коллективистские, однако без сколько-нибудь серьезной аргументации в пользу подобного разделения. В частности, российское общество априори наделяется качествами коллективистского, затем из этой посылки делаются

выводы, строятся те или иные концептуальные схемы. Однако если посылки ошибочны, они не могут способствовать истинности выводов, следовательно, посылки должны иметь полноценную доказательную базу (закон достаточного основания в логике).

Думается, что в разделении двух типов общества проявляется, прежде всего, попытка возродить традиции философствования славянофилов. Известно, что представители этого направления в философии осознанно или подсознательно идеализировали современную им действительность и особенно древний российский «строй жизни» (впрочем, «западники» тоже, но иную действительность и иной «строй»). Это нельзя осуждать, надменно взирая на прошлое с высоты нашего времени, так как идеализация имела своим основанием их искреннюю любовь к Отечеству, но это нельзя и не учитывать в современных научных исследованиях.

В качестве примера подобного рода идеализации приведу несколько цитат из сочинений крупнейшего идеолога славянофильства К.С.Аксакова: «Еще до христианства, готовый к его принятию, предчувствуя его великие истины, народ наш образовал в себе жизнь общины, освященную потом принятием христианства. Отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству давать ему (народу) возможность жить этою общественною жизнью. Не желая *править* (здесь и далее курсив наш – А.А.), народ наш желает *жить*, разумеется, не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной – народной жизни внутри себя»<sup>1</sup>. Далее рассуждение о том, что лишь неограниченная монархическая власть может обеспечить народу «нравственно-общественную» жизнь и духовную свободу. «Сей взгляд русского человека есть взгляд человека *свободного*. Признавая государственную неограниченную власть, он удерживает за собой свою совершенную независимость духа, совести, мысли»<sup>2</sup>.

Здесь я не анализирую соотношение категорий «свобода» и «неограниченная власть» – это другая тема. Однако легко заметить, что представление об изначальном коллективизме русского народа основано у К.С.Аксакова на трех «китах»: общине, православию, монархии. Именно это не позволило ему понять петровские преобразования и принять их. Реформы Петра I К.С.Аксаков оценивает как «исключительное поклонение Западу, как исключительное отрицание всего русского, даже в языке и в одежде, как резкое насильственное, поспешное и подражательное преобразование, другими словами, как *переворот...*»<sup>3</sup>.

Следует подчеркнуть один весьма важный для моих дальнейших рассуждений момент, выделенный самим К.С.Аксаковым: «Россия разделилась на две резкие половины: на преобразованную Петром, или верхние классы, и на Россию, оставшуюся в своем самобытном виде, оставшуюся на корню, или простой народ»<sup>4</sup>. Возникает вопрос: какая же из двух «резких» половин сохраняет традиционный коллективистский тип жизнедеятельности? Очевидно, что простой народ, оставшийся «на корню». Но в этом случае *уже* нет оснований говорить об обществе *в целом* как коллективистском, поскольку оно разделено.

Яркий пример идеализации «старинного порядка» общинной жизни на Руси содержится в трудах другого выдающегося представителя славянофильства – А.С.Хомякова. Говоря о понятии православия, выраженном в тождестве единства и свободы, проявляемом в законе духовной любви, философ утверждает, что представителем этого истинного понятия христианства «...является Восток, по преимуществу же земли славянские и во главе их наша Русь, принявшая чистое христианство издревле по благословению божьему и сделавшаяся его крепким сосудом, может быть, в силу того общинного начала, которым она жила, живет и без которого она жить не может»<sup>5</sup>. Идеализация общинного начала и православной нравственности получила у А.С. Хомякова логическое завершение в идеализации исторической миссии Отечества: «История призывает Россию стать впереди всемирного просвещения; она дает ей на это право за всесторонность и полноту ее начал, а право, данное историей народу, есть обязанность, налагаемая на каждого из его членов»<sup>6</sup>.

К мыслителям прошлого, я полагаю, следует относиться с уважением, принимая в расчет их мнения и выводы. Но при этом нельзя забывать, что исторический процесс вносит свои коррективы в представления людей о сущем и должном. Необходимо иметь в виду, что любой титан мысли прошлого творил *в свое* время, формулировал идеи, соотнося их с реалиями *своего* времени и верифицируя идеи на фоне этих реалий. Сторонником абсолютного релятивизма я не являюсь, но и не знаю целостных социальных теорий, имеющих вневременную и внепространственную значимость. (Грустно вспоминать гениальный по простоте и доходчивости фрагмент из недавних настенных росписей: «Учение ... вечно, потому что верно»). Несомненно, *отдельные идеи* обретают статус научных истин, не зависящих от смены исторических эпох, причем именно они суть ступени, поднимаясь по которым, человечество познает и созидает себя, однако даже они должны подвергаться сомнению, верифицироваться и корректироваться.

Вот и вызывает у меня серьезнейшие сомнения и возражения априорное наделение российского общества качествами коллективистского. Несомненно, важным аргументом «в пользу коллективизма» может служить православие на Руси. В отличие от европейского протестантизма, полагающего за благо личностную активность и индивидуальные достижения, православное христианство всегда выделяло в качестве приоритетного коллективистский тип жизнедеятельности, не поощряя, в сущности, таких индивидуальных успехов, которые бы резко выделяли личность из коллектива, тем более возвышали бы одного над всеми.

Далее, можно брать в расчет времена от крещения Руси до правления Екатерины II с вечевой системой власти, самоуправлением в крестьянской общине (верви), а также в специфических городских общинах (посадах, слободах). Сюда же следует отнести гильдии и цеха как своего рода самоуправляемые общины, сформированные по профессиональному признаку, а также весьма эффективную систему самоуправления конца XIX – начала XX вв. – земства. Все это можно *на первый взгляд* считать аргументами в пользу того, чтобы определять жизнедеятельность наших предков как коллективистскую. Но именно здесь и возникают первые сомнения: а не является ли это всего лишь *организационной частью* процесса естественной социально-групповой дифференциации, которая необходима для сохранения и защиты естественных проявлений индивидуализма, личностной «самости» членов этих общин, как правило, закрытых?

Эти сомнения оставляю пока без аргументации, она – ниже, но здесь подчеркну специально, что указанные российские самоуправляемые общины состояли *из личностно независимых* людей, в отличие от холопов, закупов, закладников, крепостных смердов и др., которые были личностно зависимыми.

Конечно, отмеченные факторы общинного самоуправления могут быть интерпретированы как аргументы в пользу представления о коллективистском обществе в России и, соответственно, коллективистского менталитета россиян. Но ведь история предоставляет нам и контраргументы, некоторые из которых следует рассмотреть.

Прежде всего, XVI в., правление первого русского царя Ивана IV с его бесконечными походами и присоединением к России огромных территорий с «инородческим» и «туземным» населением, имевшим иные верования, иные формы жизнедеятельности. Затем Соборное Уложение 1649 г., которое закрепило в юридической форме уже сложившееся крепостное право.



Закрепощение крестьян есть перевод этого сословия в состояние личностной зависимости, то есть нарушение принципа добровольности участия людей в коллективных формах жизнедеятельности, хотя сама община осталась. А это уже квазиколлективизм, некий эрзац коллективизма. Тем более что имел место довольно интенсивный процесс экономической дифференциации крепостного крестьянства. К сожалению, об эпохе крепостничества мы судим в основном по художественной литературе XIX в. Между тем помещичьи крепостные составляли лишь около четверти сословия крепостных крестьян, остальные же были государственными, церковными, экономическими, посессионными и др. крепостными. Только труд помещичьих крепостных мог эксплуатироваться почти бесконтрольно, однако остальное крестьянство было в значительной степени «под присмотром» государственных органов. Крестьяне выплачивали в виде податей, сборов и проч. от 30 до 60% произведенного продукта, остальное оставалось в их собственности. Имущественная дифференциация крестьянства уже в петровскую эпоху привела к тому, что начался процесс выкупа богатыми крепостными «воли». В 70-е гг. XVIII в. Екатерина II законодательно закрепила право крепостных на выкуп свободы и приобретение земли в собственность (нередко вместе с живущими на этой земле крепостными).

Крестьянская реформа 1861 г. освободила от личностной зависимости многие миллионы крестьян. Однако не умея распорядиться свободой, не обладая опытом независимого *жизненного самоопределения*, крестьяне, естественно, выбрали привычное – общину. Но эта форма коллективности, имея задачей защиту интересов всех, объективно нарушала интересы каждого в отдельности, поскольку резко ограничивала право собственности на землю (купля-продажа), тем самым уравнивая всех членов коллектива, доводя сообщество до состояния стагнации, «микросоциальной энтропии». В итоге дело дошло до крестьянских бунтов *против общины* в начале прошлого века. Но эти бунты не «вписывались» бы в содержание коллективистской ментальности, имей она место в качестве какого-то изначально заданного абсолюта. Разрушение общины в результате реформ П.А.Столыпина привело к быстрой имущественной дифференциации крестьянства, а в конечном итоге – к мощному росту сельскохозяйственного производства.

Из этого краткого экскурса в историю российского крестьянства, составлявшего около 3/4 населения страны, можно сделать вывод: коллективистский тип жизнедеятельности если и был присущ этой части российского общества, то при таких «отягчающих обстоятельствах», как личностная зависимость и значительное эко-

номическое расслоение. Существенные изменения политической и экономической ситуации в результате реформ второй половины XIX в. привели к тому, что уже к началу XX в. наиболее самостоятельная и активная в хозяйственном отношении часть российского крестьянства отказалась от общинного коллективизма, предпочитая «индивидуалистский» (семейный) способ хозяйствования и, соответственно, жизнедеятельности. Общину поддерживали только бедные крестьяне, более всего – люмпен, ставший чуть позже благодатной средой для рекрутирования состава «комбедов».

Высшие же сословия России можно считать связанными с коллективистским укладом лишь совершенно *условно*, учитывая европейское (в значительной части) образование представителей этих сословий, но принимая в расчет православие. То же самое можно сказать и об огромном по тем временам (в сравнении даже с наиболее развитыми странами) корпусе российской интеллигенции.

А далее три революции, эти «трагедии народа» (Маркс), плюс гражданская война. Могло ли в таких условиях сохраниться коллективистское общество? Но и это не все, ибо здесь же – «расхристианивание» России большевиками, что, в сущности, есть не что иное, как *уничтожение* национальной культуры с выкорчевыванием самих корней ее. Экспериментаторам удалось не все, но очень многое, к сожалению. Им необходимо было прервать естественную цепь преемственности поколений, чтобы с «чистого листа» начать селекцию новой популяции людей, и в определенной мере они этого добились.

Затем квазиколлективизм колхозного строя, который, по сути, представлял собой принудительную стадно-уравнительную систему. Здесь же фактически тотальное использование принципа «разделяй и властвуй», для иллюстрации которого достаточно взять хотя бы два показателя.

Во-первых, официально закрепленная классовая иерархия: лучший – рабочий класс; похуже – крестьянство с «пережитками мелкобуржуазной психологии» и со значительно урезанными гражданскими правами; еще хуже – «гнилая» интеллигенция. Последней большевистские вожди боялись пуще всего, так как понимали, что это – «мыслящий дух нации» (Гегель). Сейчас мы знаем, что по прямому указанию Ленина с 1918 по 1921 гг. из страны изгнали, лишив гражданства, 2,5 миллиона человек. Вновь создаваемая «пролетарская» интеллигенция уже не была опасной для властей, поскольку «выводилась» в специальных условиях.

Во-вторых, государственный патернализм в отношении наций и народностей при одновременной фактической русификации, а также при экономическом ограблении трех славянских наций.

Этносы сосуществовали в условиях латентной противопоставленности (разделенности), благодаря чему объективно формировалась национальная рознь. Она была «элиминирована» силой государства, проявлялась спонтанно более всего на бытовом уровне, но показала себя «во всей красе» после 1985 г.

Говоря о «коллективизме» советского общества, не следует, по-моему, забывать, что фактически к середине прошлого века в стране было 45 миллионов крепостных крестьян (беспаспортных и по сути бесправных колхозников); 22 миллиона рабов (10 млн. узников ГУЛАГа и 12 млн. «ЧС» – членов семей «врагов народа»), в разное время прошедших через «чистилище»; остальное население – полукрепостные граждане, особенно после изобретения прописки в 1932 г. Ко всему сказанному можно было бы добавить анализ событий последних 10-15 лет под углом зрения их воздействия на «коллективистский дух» наших соотечественников, но думаю не стоит «бередить незажившие раны». И без того кто-то возмутится: «Очернительство, критиканство!». Однако у меня свое понимание гражданственности, которое кратко можно обозначить в двух основных тезисах: 1) истинным патриотом своего Отечества может быть лишь тот, кто знает, адекватно оценивает и уважает *действительную* историю страны, а не *мифы* под названием истории; 2) считаю мудрыми слова Авраама Линкольна: «Критикую Родину, потому что люблю ее».

Все сказанное выше относится более всего к онтологической и экзистенциальной сторонам вопроса о коллективистском обществе в России. Но есть еще и социально-психологический аспект, на котором следует кратко остановиться.

Во всяком религиозном учении существует мифологема о своеобразной дихотомии основы основ мироустройства – Бог и Анти-Бог (Свет и Тьма). Именно на базе этой дихотомии формировалась нравственная культура и наших православных предков. Но учение Бога было непосредственно связано с общечеловеческими ценностями, которые только и могут лежать в основе истинной нравственной культуры. Большевики же, отринув Бога и его заповеди, предложили свою дихотомию – пролетарских и буржуазных ценностей (Свет и Тьма), которые вполне закономерно легли в подготовленную для «черно-белого» представления о мире почву российской ментальности. Огромные массы людей, прежде всего молодых, в условиях экстраординарного состояния общества и на волне революционной эйфории стали проявлять невероятную активность, направленную на скорейшее построение «светлого будущего».

Революционный максимализм сродни максимализму юношескому в представлениях о мире: мир прост, он черно-белый, а его

некоторая сложность доходит лишь до тех пределов, в которых может быть понята. Следовательно, ни к чему вникать в *вопросы* (всегда противоречивые в себе в соответствии с естественной природой познания), когда есть готовые *ответы*; ни к чему разбираться в *доводах* с их сложнейшим нагромождением аргументации, когда есть готовые *выводы*; ни к чему понимать диалектику антитез, лежащих в основе *содержания*, когда есть готовые *формы*.

Таким образом, человек останавливается на внешних формах, оставляя за их пределами противоречивое содержание национальной и мировой культуры, прежде всего нравственной, отдавая все свои силы деятельной активности. Поскольку же действительные нравственные ценности не становятся сущностными характеристиками личности, оставаясь лишь *внешними формами*, постольку чужие, предложенные или навязанные (внушенные) кем-то «авторитетным», убеждения и нормы жизни такой человек неизбежно выдаст за свои собственные. Неважно, искренне он убежден или притворно – в любом случае внешние формы чужой убежденности есть нечто, приобретенное *как вещь*, а потому имеют для человека не более чем инструментальное значение. Поэтому для многих людей готовые символы, оценки, выводы, лозунги и т.п. являются не более чем *средством* для приспособления к требованиям времени, необходимым атрибутом «цивилизованности»: человек всегда знает, как себя вести, что говорить и делать, чтобы быть «адекватным».

Это – утилитарное отношение к ценностям культуры и одновременно база конформизма в тоталитарном обществе. Известно, что конформизм есть основа основ всякой диктаторской системы, причем неважно, какими методами массовый конформизм создан – обманом, террором или тем и другим вместе. Так и было у нас: первоначальная суперактивность «отлученных» от многовековой культуры предков людей, основанная *на вере* в новые идеи и лозунги, имела место в период экстраординарного состояния общества. Но такие периоды не бывают исторически длительными, эйфория быстро сходит «на нет» под влиянием реальных условий бытия, прежде всего обыденности, повседневности. Поэтому уже в 30-е гг. был на всю мощь «включен» террор как *стимул массового конформизма*, разумеется, в сочетании с «железным занавесом», невероятно мощной демагогией и в целом идеологической «обработкой» на базе специальной идеологической системы.

Что касается последнего звена в этой цепи, замечу: внешне стройная коммунистическая идеология изначально содержала в себе собственное отрицание, определенную негативную парадигму, которая неизбежно должна была привести к нулевому показателю эффективности функционирования идеологической системы в це-

лом. Дело в том, что красивый идеал *будущего* постоянно вступал в противоречие с убогим и беспросветным *настоящим*. И если молодое поколение 20-х гг. на волне революционной эйфории свято и безоглядно верило в нормативный образец идеального общества и его скорую «материализацию», то эта вера все более затухала в последующих поколениях. Постепенно нарастало неверие, выражавшееся в широчайшем диапазоне официально-негативного поведения: от весьма остроумных и злых политических анекдотов, «кухонной» критики строя и «персон» до полного нравственного разложения и ненависти к системе. Не этим ли объясняется мощнейший всплеск надежды, энтузиазм и небывалая политическая активность людей в эпоху «перестройки»? Совершенно очевидно, что идеологическая машина коммунизма в последние десятилетия своего существования работала практически вхолостую.

Вот и получается, что чуждые национальной нравственной культуре ценности, воспитанные на примерах борьбы с «кулачеством», «врагами народа» и т.п., стали основой *веры* индивидов с конформистским сознанием, основой для отказа этих индивидов от ряда общечеловеческих ценностей. Чего стоит, например, доноительство как норма жизни, а иногда и как способ выживания или публичные отказы от родителей (детей) по политическим либо атеистическим мотивам. Конечно, анализируя реалии 20-х – 50-х гг. прошлого столетия, следует учитывать как действие естественного инстинкта самосохранения, так и «специфичность» новой нравственной культуры. В условиях тотальной «охоты на ведьм» просто неизбежен своего рода «коллапс» межличностного и межгруппового общения, следовательно, неизбежно и разрушение коллективистской ментальности, даже если прежде она была. Какая уж там коллективистская ментальность, когда людей столь жестоко и основательно, на два-три поколения «впрок», приучили бояться не только чиновников и государственных органов, но и сослуживцев, и соседей, и вообще – «чужих ушей».

На фоне всего изложенного позволю себе повторить первоначальный тезис: не вижу достаточных оснований *априори* считать посылку о коллективистском типе российского общества аксиомой (если, конечно, не брать за основу архетипы по К.Юнгу). Более того, эту посылку я склонен считать *догматическим представлением*, не учитывающим исторических, политических, экономических и психологических изменений в обществе. (В той же мере догматическим считаю представление о западном обществе как непременно индивидуалистском).

На мой взгляд, подобное представление, *во-первых*, повторяя идеи славянофилов, базируется на идеализации коллективистской

ментальности наших предков времен зарождения государственности, причем с приданием этой ментальности статуса абсолютно консервативного социального феномена; *во-вторых*, оно связано с действием привычных, устоявшихся стереотипов мышления как на обыденном, так и на теоретическом уровнях, *в-третьих*, в нем четко просматривается абсолютизация институционализированных форм естественно-коллективной жизнедеятельности людей, имеющих место во все времена и *во всех* обществах. Кратко о первом, втором и третьем.

1. Жизнедеятельность всех древнейших сообществ была исключительно коллективной, что являлось абсолютным условием их выживания. Важнейшие параметры этой жизнедеятельности всегда имеют конкретно-исторические измерения – пространственно-временные, географические, социокультурные. На самых первых стадиях социогенеза индивиды еще не выделяют себя из сообщества, не осознают себя как единичное, как «самость». А говорить о личном интересе вряд ли можно вообще (если не иметь в виду инстинкт самосохранения), – есть лишь синкретный групповой интерес. К.Маркс, говоря о месте отдельного человека в древнейшем сообществе, весьма образно отметил, что там «отдельный индивидум еще столь же крепко привязан к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью»<sup>7</sup>.

Выделение, кристаллизация (даже первоначальная) личных интересов есть одновременно и дробление группы (сообщества) на подгруппы. Это взаимосвязанные, сопряженные процессы, поскольку человек, начиная осознавать свою отдельность и свой интерес, своим «зеркалом» имеет подобного себе индивида. Формирование групп «подобных друг другу» индивидов – самое начало процесса дифференциации древнего сообщества. Экскурс в глубины человеческой истории показывает, что на стадии объединения соседских общин в племена разделение деятельности уже настолько существенно, что возникает потребность в выделении управленческого труда в качестве самостоятельного. Вначале управление осуществляли выборные органы, причем важнейшим критерием отбора в процессе выборов было *личностное* превосходство.

Развитие производства сопровождается естественным процессом имущественной дифференциации: в рамках племени выделяются более богатые и менее богатые общины, которые, в свою очередь, состоят из неравных по имущественным показателям родов. Поэтому органы управления постепенно переходят под контроль «лучших людей», «старейшин» (не по возрасту или личностным качествам, а по богатству, знатности, влиятельности), как называли таких соплеменников на заре древнерусской государственности.

Характерной чертой догосударственной потестарности принято считать отсутствие жестко оформленного разделения между управляющими и управляемыми. Процесс формализации управления (властвования) и длителен, и противоречив, поэтому попытка установления грани между догосударством и государством сродни попытке разрешения апорий Зенона Элейского. Раннегосударственные общества уже показывают многообразие социальных групп и, соответственно, групповых интересов. Это естественная дробность социальной структуры и столь же естественным является плюрализм групповых интересов, поэтому редуцирование этих интересов к их неременной биполярности (основа коммунистической теории классов и государства) сомнительно с точки зрения логики и уж тем более сомнительно в плане историзма. Вряд ли можно спорить с тезисом, что естественное разделение труда «провоцирует разделение интересов»<sup>8</sup>.

Неременно присущие любому обществу «правлящие и управляемые классы» (Г.Моска) далеко не гомогенны по своему составу. Основанием групповой консолидации выступает отношение к собственности, но это основание детерминирует интересы опосредованно, преломляясь в разного рода конкретных социальных «параметрах» и личностных, в том числе психологических, характеристиках. И уж тем более это относится к степени и адекватности осознания коренных интересов, к *мотивам* деятельности. Естественный человеческий эгоизм, понимаемый как биосоциальное качество, восходящее корнями к инстинкту самосохранения, буквально диктует индивиду «правило» определять и оценивать групповые интересы не иначе как через призму интересов личных, через сопоставление с интересами собственного «Я». Поэтому идентификация индивидом себя с определенной группой может в значительной мере отличаться от его объективной групповой принадлежности. Но в любом случае можно говорить о конкретно-групповом, но не «общенародном» коллективизме.

2. На мой взгляд, представление об «извечном и непреходящем» отечественном коллективизме весьма основательно обусловлено, в частности, *привычным*, глубоко укоренившимся в нашем сознании представлением об экономической детерминированности классовой структуры общества, соответственно, о зависимости даже мышления людей от их классовой принадлежности. Причем характерно, что коллективистскими не считаются высшие сословия российского общества. Напомню, что в содержание понятия «народ» высшие («эксплуататорские») классы еще совсем недавно просто не включались. Нечто подобное видим в учении славянофилов. Не случайно в начале статьи я обратил внимание на выска-

зывание К.С.Аксакова о разделении российского общества в результате петровских реформ «на две резкие половины» – верхние классы и простой народ. А не в том ли дело, что высшие слои общества *естественным образом* утрачивают коллективистскую ментальность благодаря высокой степени своей эмансипированности от «среды обитания»? Об этом речь пойдет позже.

Между тем, в отличие от привычной для нас установки, идея многомерности классовых различий и состояний развивалась очень многими мыслителями. Так, М.Вебер в своем споре с марксизмом наряду с экономической детерминантой выделяет религиозность как один из важнейших факторов социальной динамики и социальной дифференциации. Он отвергает как механистическое и глубоко ошибочное выведение историческим материализмом религиозной нравственности непосредственно из интересов отдельных классов. По его мнению, не классовый интерес определяет структуру классовых ценностей, а наоборот, ценностные ориентации личности формируют групповые интересы и лежат в основе человеческой деятельности, которая обусловлена всей человеческой субъективностью. В числе факторов, на основании которых личность идентифицирует себя с группой, по Веберу, также идеологическая направленность сознания людей, отношение к реальной власти, различие статуса и престижа групп, принадлежность к бюрократическим структурам и др.

Групповая (классовая) многомерность связана не только с объективной, но и с субъективной включенностью индивида в группу, с полностью или частично осознаваемой самоидентификацией личности с группой. В этом смысле большое значение имеет представление о мотивации человеческой активности как причине и цели этой активности. Не случайно Гегель считал мотив «душой поступка», через которую можно заглянуть в душу человека.<sup>9</sup>

Интереснейшие выводы о мотивации (в том числе экономической) человеческой активности сделаны рядом крупных ученых в рамках религиозной этики. М.Вебер изучал зависимость мотивации поведения людей от протестантской религиозности. В трудах Н.Бердяева, С.Булгакова, И.Ильина раскрыта православная основа личностной активности, показаны высшие духовные детерминанты, никак не связанные с экономическими отношениями. Н.Лосский осуществил уникальное исследование особенностей русского характера, осветив исторические и этнокультурные основания личностных проявлений великороссов. В.Соловьев называл глубоко ошибочным стремление обособить экономические явления в совершенно самостоятельную и самодовлеющую сферу, поскольку основания человеческой активности находятся не во



внешней для человека экономической данности, а в существе человеческой личности.

Наиболее известные представители отечественной религиозной философии считали, что в основе поведения православного россиянина, в том числе в экономической сфере, лежит целостная личность со всеми присущими ей качествами. Деятельность такой личности обусловлена, прежде всего, не классовым интересом (это второстепенно), а высшими нравственными ценностями, которые в процессе социализации становятся сущностными характеристиками личности: стремление к свободе, умеренный аскетизм, гуманизм, негативное отношение к накопительству и стяжательству, к эгоизму и эгоцентризму.<sup>10</sup>

Думается, что русская православная философия, не принимая и критикуя марксистскую идею о доминантной роли экономических условий в генезисе классов и динамике классовых отношений, преувеличивала, в свою очередь, значение высших нравственных (христианских) ценностей в процессе социализации и жизнедеятельности россиян. Однако тем самым объективно она, отвергая формационный подход к познанию социальности, более тяготела к цивилизационному подходу.

Еще один момент. На мой взгляд, критикуемое представление о некоем российском «социально-генетическом» коллективизме в немалой степени основано опять же на *привычных*, устоявшихся, основательно внедренных в сознание нескольких поколений наших соотечественников и ставших стереотипами мышления категориях коммунистического учения: «капиталисты», «эксплуататоры», «эксплуатируемые», «трудящиеся классы», «народ», «народные массы», «новая историческая общность – советский народ» и т.п. Все эти термины, кроме первого и второго, имплицитно содержат в себе парадигму коллективизма, *солидарности* в «борьбе против...».

В такой «зашоренности», зависимости теоретизирования от вербальных и символических значений категориального аппарата недавней официальной идеологии никто, конечно, не признается. Однако психологи давно вывели и обосновали четкую формулу: если некое представление становится *собственным убеждением* множества людей, то отказаться от него, даже при наличии вполне достаточной аргументации, могут относительно безболезненно лишь очень немногие из этого множества людей. Эта формула одинаково верна как для водопроводчиков, так и для академиков.

3. Что же касается *институционализированных* форм коллективной жизнедеятельности людей, то они всегда были, есть и, конечно, будут во всех странах, у всех народов. Но это связано именно с естественной социальной дифференциацией, а не с каким-то

генетически обусловленным коллективизмом. Так, древнерусская самоуправляемая крестьянская община защищала своих членов, противостоя формирующейся государственности и связанным с нею высшим слоям общества, в управленческой, фискальной, финансовой и даже уголовно-правовой сферах. Коллективизм и солидарность крестьян против диктата *других* были естественны, так как вне общины они защитить себя не могли. То же самое относится к разного рода городским общинам – посадам, слободам, цехам, гильдиям и т.д. Все общины создавались по профессиональному либо «поселенческому» признаку, отделяя себя от других и защищая себя. Известно, что и в европейских, и в иных «индивидуалистских» обществах вплоть до Нового Времени существовал общинный тип жизнедеятельности самых разных микрогрупп, формирующихся по профессиям или единству мест проживания.<sup>11</sup>

На мой взгляд, говорить о коллективизме либо индивидуализме можно не в зависимости от славянских или германских корней народа, Востока или Запада, православия или католицизма, а исключительно от уровня развития каждого конкретного общества, изучаемого, прежде всего, с позиций цивилизационного подхода. Во все времена процесс социализации личности был тесно связан с микро- и макрогрупповой самоидентификацией, а уже группы, формализуя (институционализируя) себя тем или иным способом, защищали групповые и личные интересы своих членов в первую очередь от притеснений и посягательств государственных структур, а также других формализованных групп. Естественным, в такого рода группах всегда формируется коллективистская ментальность, но, я бы сказал, *изоляционистского* типа: группа отличается и отделяет себя от всякой другой, добиваясь относительной безопасности собственного существования. Но экстраполировать подобного рода коллективизм на общество в целом нет оснований. Разнородные микро- и макрогруппы общества обычно сплачиваются воедино лишь в тех случаях, когда возникает реальная угроза для самого существования *идеи единства* как вневременной и внепространственной сущности государства.<sup>12</sup>

Все приведенные выше рассуждения и аргументы нужны мне для того, чтобы логически подойти к изложению основного тезиса: чем ниже уровень *социально-экономического, политического, технического и технологического* развития общества, чем выше, по этим основаниям, степень зависимости общества *от среды обитания*, тем выше, соответственно, индивидуальная зависимость человека от успешности существования микро- или макрогруппы, к которой он объективно относится либо с которой себя идентифицирует. С этим же связана и мера рассудочной и психо-

логической «привязанности» индивида к группе (коллективистская ментальность).

Говоря об уровне социально-экономического развития в плане соотношения понятий «коллективизм – индивидуализм», я затрону здесь всего один аспект, точнее, выделю две эпохи: до господства частной собственности и собственно эпоху господства частной собственности. У западных исследователей есть давно установившаяся до аксиоматичности формула: «Частная собственность – основа человеческой свободы». В нашей стране эта формула многими до сих пор принимается «в штыки», поскольку действуют привычные стереотипы: «поляризация общества», «эксплуатация» и т.п. Однако я коснусь лишь того, с чем вряд ли кто-то станет спорить: основанная на частной собственности свобода (возможность и необходимость) одних *покупать* рабочую силу абсолютно корреспондирует свободе (возможности и необходимости) других *продавать* рабочую силу. Частная собственность диктует не просто свободу выбора в этом процессе купли-продажи рабочей силы, а свободу личного, *индивидуального* выбора. Но ведь это несовместимо с традиционной общинностью, которая всегда уравнивает, «усредняет» проявления индивидуальности ради общих интересов и целей. Следовательно, общинный (коллективистский) тип ментальности и в целом жизнедеятельности *как форма* былой организации социума вступает в противоречие с новыми требованиями эпохи частной собственности *как содержания*. Результатом разрешения этого противоречия неизбежно является соответствующее изменение формы.

Замечу, что в данном контексте не может быть поставлена задача оценки последствий «воцарения» частной собственности с позиций экзистенциального, аксиологического либо этического подходов, поскольку речь идет об исключительно онтологической данности, о «метафизике бытия».

Под уровнем политического развития я имею в виду государственно-политический режим, сущностью которого всегда обусловлена степень личностной зависимости (либо эмансипированности) человека. Конечно, все множество режимов предполагает наличие конкретно-исторических модальностей. Например, рабство в Киевской Руси совсем не похоже на рабство в Египте, Греции или Риме, а былой отечественный социализм не похож на югославский.

Говоря о среде обитания, считаю необходимым учитывать место, положение, роль данного общества и государства во взаимосвязях с другими государствами, но прежде всего, в первую очередь – географические, климатические, ландшафтные и прочие подобные характеристики, в которых осуществляется жизнедея-

тельность конкретного общества. Сложность этих характеристик заставляет людей объединяться, чтобы выжить, а процесс эмансипации социума от «диктата» природно-географических условий является и долгим, и трудным. Вместе с тем именно процесс подобной эмансипации есть процесс технического и социально-экономического развития общества, включающий в себя в качестве необходимого собственного момента *личностную* эмансипацию человека от «диктата» группы.

Конечно, чем более суровы климатические и иные природные условия существования, тем труднее процесс социально-экономического развития общества на его доиндустриальных стадиях, тем больше необходимы сплоченность отдельных групп населения, коллективизм в борьбе за выживание социума, сильное государство с монархическим правлением, способное объединять людей даже против их воли, сохраняя целостность. Не случайно, в частности, именно солидарность (общинность) всегда воспитывалась в рамках всех мировых религий, возникших в древности, а отклонения от этой важнейшей задачи в формировании нравственных устоев появляются лишь в эпоху европейской Реформации, но это уже время первых ростков индустриальной эры.

Общество постепенно «снимает» зависимость от среды обитания, однако и личность тоже, поскольку и общество в целом, и формализованная микро- или макрогруппа для отдельного человека есть среда обитания. Социум стремится к свободе не иначе как через стремление к свободе отдельных индивидов. Естественно, эта индивидуальная свобода не может быть абсолютной: человек всегда остается включенным в различные социальные группы, всегда играет в них определенные роли, но снимается доминантная, подавляющая индивидуальность зависимость человека от группы, как, впрочем, и такого же рода зависимость человека от государства. Именно таким путем идут к действительной социальной свободе человек и социум – вместе и взаимозависимо.

Свобода человека в обществе есть реальная (экономическая, политическая, психологическая и др.) возможность выбора им *по индивидуально определенным критериям* конкретных групп в его трудовой деятельности, творчестве, повседневной жизни, досуге и проч. Иначе говоря, свободный человек тем и свободен, что осознанно, самостоятельно, *индивидуально* выбирает себе круг общения во всех сферах жизнедеятельности, разумеется, с учетом рамок социально дозволенного – юридических и моральных норм.

Выделю специально один важный момент: свобода личности предполагает свободу *самореализации*, которая представляет собой исключительно общественный процесс, возможна лишь в кон-

кретных социальных группах свободного общества. Следовательно, человек в процессе самовыражения, самореализации непременно включается в ту или иную группу без каких-либо факторов внешнего давления (материальных, политических, идеологических и др.), осознавая при этом, что возможность реализовать себя в полной мере ему обеспечена не только конкретной социальной группой, но обществом в целом, государством, реально гарантирующим все «параметры» личностной свободы.

В естественной благодарности своему обществу и государству за обеспечение индивидуальной свободы – основа истинного *патриотизма* свободного человека. Но в процессе функционирования такого общества и такого государства формируется основа истинного *коллективизма* свободного человека, поскольку он реализует себя в полной мере лишь в конкретных группах себе подобных людей. Свободный человек совершенно осознанно стремится к своей включенности в группу, причем он сам выбирает ее (либо их). Этот коллективизм коренным образом отличается от средневекового общинного коллективизма, как российского, так и европейского; от религиозного коллективизма, сформированного по преимуществу под страхом кары господней; от коллективизма диктаторских режимов любых типов, создаваемого посредством террора, идеологической «обработки» людей и безудержной демагогии; от коллективизма нищих в их противостоянии богатым (и наоборот); от коллективизма кастового общества, независимо от сути каст – религиозных, этнических, номенклатурных или олигархических.

Таким образом, достаточно четко вырисовывается гегелевская «спираль», иллюстрирующая действие закона отрицания отрицания: первобытный и средневековый коллективизм, объективно детерминированный всем комплексом природных и социальных факторов, *отрицается* (в смысле диалектического отрицания, по Гегелю) индивидуализмом эпохи господства частной собственности. Это длительный, на века, процесс, протекающий весьма болезненно в экзистенциальном аспекте: с бунтами, войнами, революциями, эксплуатацией, невероятной поляризацией нищеты и роскоши и проч. Однако природа частной собственности такова, что она в целях *самосохранения* (но отнюдь не из альтруистических побуждений) вынуждена установить режим социального порядка и личностной свободы. При достаточно высокой степени развитости этот режим и является началом процесса второго *отрицания*, в результате которого постепенно сформируется коллективизм свободных людей в свободных обществах.

Если смотреть на современный мир непредвзято, отказавшись от привычных идеологических штампов, прежде всего пред-

ставления об антагонистической несовместимости дихотомии «мы – они», то можно заметить, что в наиболее развитых странах этот «процесс второго отрицания» хотя и в самом начале, но имеет место уже сегодня. Несомненно, процесс этот будет представлять собой весьма длительный период человеческой истории, но логика его такова, что он должен быть эволюционным в отличие от революционной и трагической эпохи первого отрицания. Впрочем, это уже не только логика и философия, но и футурология, которой я не занимаюсь.

---

<sup>1</sup> Аксаков, К.С. О внутреннем состоянии России / К.С.Аксаков // Антология мировой философии. – М., 1972. – Т.4. – С.108.

<sup>2</sup> Там же. – С.109.

<sup>3</sup> Там жею – С.113.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Хомяков, А.С. Философия и социология / А.С.Хомяков // Антология мировой философии. – М., 1972. – Т.4. – С.114.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Маркс К. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс. – 2-е изд. – Т.23. – С.346.

<sup>8</sup> Там же. – Т.3. – С.31.

<sup>9</sup> См.: Гегель, Г. Сочинения / Г.Гегель. – М.-Л., 1929-1959. – Т.7. – С.141.

<sup>10</sup> См.: Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Н.А.Бердяев // Русская философия собственности. – СПб., 1993. – С.298.

<sup>11</sup> См.: Ванеев, О.Н. Город и самоуправление: вопросы теории / О.Н.Ванеев, М.А.Спас. – Красноярск, 2003. – С.75-83.

<sup>12</sup> См. подробнее об этом в моей статье: Диалектика гражданского общества и государства // Личность, творчество и современность : сборник научных трудов. – Красноярск, 2002. – С.65-76.

## **СОЦИОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Беленький В.Х.,  
доктор философских наук, профессор  
Государственный университет  
цветных металлов и золота  
(г. Красноярск)

Отношения между обществоведением и марксизмом никогда (за исключением советского периода...) не были однозначными, простыми. В России конца XX – начала XXI вв. они усложнились неимоверно. Естественно, что анализ этих отношений оказался в центре многочисленных работ, дискуссий, «круглых столов», конференций. В задачи данной статьи не входят ни освещение такого

рода работ и мероприятий, ни защита марксизма от разнообразных нападков. Я стремлюсь на ряде конкретных примеров показать, что теряет российская социология в случаях, когда полностью перечеркивает марксистскую парадигму.

В связи с этим прежде всего встает вопрос о том, является ли поражение социализма в России поражением марксизма. Категоричный ответ здесь неуместен, следует сказать: и да, и нет. Что касается основных принципов марксизма, то все они выдержали экзамен истории и были воплощены в жизнь Октябрьской революцией. Это сыграло колоссальную роль, причем всемирно-исторический аспект данной роли оказался намного более эффективным, чем внутренний, советский аспект. В чем это проявилось и чем объяснялось?

*Проявилось это в первых достижениях мирового социализма<sup>1</sup> (выдающиеся социально-экономические и культурные успехи СССР, его роль в разгроме фашизма, выход в космос и т.д.); в том, что форпосты социализма закрепились и развиваются, несмотря на крах главного социалистического центра, Советского Союза; в развале колониализма и в громадных изменениях, происшедших с капитализмом. Капитализм не исчез, он остается самим собой; однако так преобразился, что не только журналисты, но и доктора наук говорят о шведском социализме, о скандинавском социализме и т.п.<sup>2</sup> Капитализм в немалой и даже в решающей степени преобразился под воздействием социализма и сил, действовавших в унисон с социализмом (рабочее движение, национально-освободительное движение и т.д.).*

Вместе с тем та *форма* марксизма, которая существовала в России, действительно потерпела поражение. Но это было поражение не столько научно-теоретическое, сколько идеологическое. Подлинный марксизм несовместим с догматизмом, требует творческого отношения, свободного полета мысли, непрерывного обновления. В целом такое отношение к марксизму в СССР не состоялось. Омертвленный и догматизированный марксизм был между тем превращен в государственную идеологию, что нанесло большой урон развитию общества и впоследствии породило широко насаждаемую иллюзию теоретического краха наследия Маркса, Энгельса и Ленина.

С такой точки зрения задача теоретиков, продолжающих ценить научное содержание марксизма, состоит в том, чтобы, сохраняя верность принципам марксизма, занимая по отношению к нему концептуальные позиции, придать ему новую, адекватную современности форму, модернизировать подходы к его использованию. Разумеется, это предполагает учет и использование того ценного,

что создано учеными, не разделяющими марксистских взглядов. Однако большинство отечественных обществоведов, в частности социологов и социальных философов, просто отвернулись от марксизма, многие заняли антимарксистские позиции, некоторые пытаются низвести Маркса до уровня ординарного члена так называемого «политического класса», то есть самовосхваляющейся политической «тусовки»<sup>3</sup>.

Продemonстрируем сказанное на теории классов и классовых отношений. Это одна из центральных проблем ортодоксального марксизма. Совершенно очевидно, что и значение, и острота, придававшиеся его основоположниками данной проблеме, были в целом оправданны. Попытки опрокинуть эту истину, руководствуясь абстрактно-морализаторскими соображениями относительно того, как нецивилизованно вели люди, творившие великие революции (Французскую, Октябрьскую), или идеями православного социализма, – не только насмешка над историей, но и услуга, оказываемая (сознательно или бессознательно – не все ли равно?!) господствующему классу. Проблема классов не потеряла ни теоретической, ни политико-практической важности и в наши дни. Но острота вопроса в разных странах и социумах различна. Следовательно, необходим анализ форм использования теории классов и классовой борьбы в конкретных условиях. Например, в России, где острота классовых противоречий значительно выше, чем в Англии или Швеции, эта теория имеет большее значение. Но, с точностью наоборот, британские социологи трактуют ее несравненно серьезнее, чем многие российские.<sup>4</sup>

Последние нередко описывают социальную структуру российского общества по образцам народных сказок и священного писания: дескать, есть богатые и бедные. Этот расклад очень удобный для правящих кругов, поскольку открывает неограниченные возможности для манипулирования общественным сознанием как средствами пропаганды, так и с помощью специфической социальной политики, соответствующим образом используется и профессиональными обществоведами. Один из наиболее любопытных примеров такого рода – яркие выступления в буржуазной печати директора института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишкова. Его статью «Мы стали жить лучше» (2000 г.) я подверг критическому анализу еще несколько лет тому назад.<sup>5</sup> О другой его статье («Моя страна не собирается вымирать») пишет к.ф.н. А.Черняев, комментирующий следующие слова необычайно оптимистичного г-на Тишкова: «за 15-20 лет наша страна с точки зрения условий жизни людей пережила самые позитивные перемены в своей истории».



А.Черняев резонно спрашивает: «И каковы же научные аргументы? Детальный анализ содержимого гардероба МГУ, где теперь вместо драповых пальто висит сплошь "дорогая синтетика и натуральный мех". Худший образец женской логики!.. Студенты же МГУ – это в основном "золотая молодежь", дети элиты, в крайнем случае – "среднего класса", поэтому выборка некорректна...».<sup>6</sup>

Но публицистические описания В.А.Тишкова – ничто в сравнении с тем, что вещают некоторые социологи. «Белое, синее, серое» – так названо описание результатов социологического исследования, проведенного Институтом общественного проектирования и исследовательским центром РОМИР-мониторинг.<sup>7</sup> Текст производит впечатление чего-то серо-буро-малинового. Похоже, что перед нами пропагандистский материал, которому пытаются придать благообразный научный, социологический вид.

Исследователи широко используют западную фразеологию, но безжалостно коверкают смыслы, вкладываемые в нее Э.Гидденсом (Англия), Дж.Масионисом (США) и другими социологами. Делается это не случайно, а с определенными целями. Исследование посвящено славному 20-летию социальной революции, начатой, оказывается, в апреле 1985 г. С юбилейным апломбом исследователи объявляют, что полученные ими результаты оптимистичны. В чем же суть этих результатов?

Провозглашается, что в нашем обществе уже сформировалась новая устойчивая структура. Оно уже не в лихорадке, не в поиске, оно утряслось. «И состоит не из нищих и олигархов, как мы (?) привыкли думать, а из «5 основных, четко очерченных...социальных групп».

После этого в публикации названы не 5, а 7 групп: «белые воротнички» – управленцы, руководители, менеджеры (7,2%), интеллигенция (14,6%), «синие воротнички» – высококвалифицированная рабочая сила (18,9%), «серые воротнички» – низкоквалифицированная рабочая сила (14,8%), учащиеся (3,6%), неработающие, то есть безработные + «дно общества» (9,7%) и пенсионеры (31,2%). Эти цифры не соответствуют официальной статистике и, видимо, отражают данные проведенных указанными организациями опросов. Но не это главное. Социологи-пропагандисты далее меняют амплуа и превращаются в пропагандистов-алхимиков, священнодействующих (сливающих, разливающих, отливающих, смешивающих) с 7 перечисленными социальными реагентами. А социальными колбами им служат якобы 5 «основных, четко очерченных... социальных групп». Почему якобы? Да потому что групп оказывается шесть!

Первая группа – верхний класс. В ней лишь часть «белых воротничков» (0,4%). Вторая группа – верхний средний класс (9,4%). В ней остатки «белых воротничков» и немного «синих». Специально подчеркивается, что высококвалифицированные рабочие (в России обнаружены рабочие!), а не интеллигенция попадают в верхние слои среднего класса. Точнее, они не попадают, их туда вливают или помещают. Средний средний класс – таково название третьей группы (15,5%). В ней содержатся часть интеллигенции и все те же «синие воротнички». Четвертая группа – верхний низший класс (19%). В нее слиты остатки интеллигенции, «синих воротничков» и учащиеся.<sup>8</sup> Пятая группа – средний низший класс. Его удельный вес не указан, но нетрудно установить, что он равен 24,5%. Здесь мы находим «серые воротнички» и неработающих. Наконец, низший (по идее – низший низший) класс, это – пенсионеры (31,2%).<sup>9</sup>

Разумеется, потенциал исследователей, запутавшихся в трех магических числах (5-7-6), не может не впечатлять. Но нас интересует не арифметика, а, так сказать, алгебра. Зачем понадобилось это почти спиритическое групповое утверждение?<sup>10</sup> Не желая строить догадки и учитывая явно пропагандистский характер помещенной в газете заметки, я констатирую лишь совершенно объективные факты:

1. Полный отказ от марксистской парадигмы в анализе социальной структуры общества приводит к нелепостям, с одной из которых нас познакомила «РГ».

2. У теоретиков из института и центра оказывается, что в России *нет собственников, нет крестьянства, что социальный статус бомжей выше, чем социальный статус пенсионеров*. Самые большие социальные группы российского общества, рабочий класс и интеллигенция, разбросаны ими по изобретенным классам совершенно произвольно. Это они называют «рассмотреть пристальнее с материальной точки зрения» социальную структуру российского общества. Можно не сомневаться относительно смысла, вкладываемого в слово «материальное». Речь идет о подмене всей совокупности экономических характеристик реальных групп населения произвольно трактуемыми сведениями об их доходах (хотя в случае с учащимися и этот подход не соблюдается). Все это ведет к тому, что игнорируются действительные интересы широких масс населения, и чревато событиями, полностью перекармливающими дутый оптимизм алхимиков от социологии. Кстати говоря, такого рода оптимизм странно выглядит на фоне широких протестных выступлений в связи с «монетизацией» льгот, на фоне критических и скептических оценок общественностью происходящего в стране, о чем свидетельствовали опубликованные зимой

2005 г. в различных газетах отчеты других социологических центров и организаций.

Не останавливаюсь на политических выводах, которые сделаны работниками института и центра. Лучшим комментарием к ним служат слова К.Пруtkова: «Если хочешь быть счастлив, будь им». Однако не могу не сказать несколько слов по поводу их суждений о лидирующих человеческих качествах а) «белых воротничков» и интеллигенции; б) «синих; в) «серых»; г) пенсионеров. Не то чтобы лидирующие человеческие качества этих четырех (опять-таки не пяти!) групп абсолютно идентичны. Но они настолько схожи, что становится не по себе. Не слишком ли часто респонденты ставят себя в положение, в котором они обречены на примерно одинаковые позиции – позиции ангажированных исследователей?

Силы многих социологов, политологов, философов, журналистов посвящены тому, чтобы замолчать, не заметить, обойти наличие реальных трудящихся классов в России (имеются в виду самый большой класс российского общества – рабочий, а также крестьянство; все чаще «не замечается» и интеллигенция), скрыть истинное, буржуазное лицо верхнего класса за словечками «олигархи», «бизнесмены», «промышленники», «предприниматели», «работодатели» и т.д., а также мелкой буржуазии, для которой придуманы свои названия. Единственный класс, который у нас называют классом, – несуществующий средний класс, да и то это выражение часто берется в кавычки: хотите верьте – хотите нет.

Полное пренебрежение к марксистским представлениям о классах, отрицание наличия классов или их произвольное конструирование<sup>11</sup> – явление не случайное. Существует идеологическое опасение, что начини говорить о буржуазии, пролетариате, крестьянстве, интеллигенции – история повторится вновь. Между тем сказано: с нас достаточно революций.

Но разве это причина для подмены научного подхода страусиным? Социологи, стремящиеся «потрафить» власти таким образом, оказывают ей самую дурную услугу. Называть вещи своими именами – элементарное условие успешной политики. Понимание того, что в России есть разные классы с разными интересами, стремление трезво учесть эти интересы в экономической и социальной политике имеют несопоставимо большее значение для обеспечения стабильности общества, чем инновации такого рода, как российский вариант социального партнерства (его формула: власть и бизнес используют профсоюзы в интересах власти и бизнеса); гражданское общество (его формула: буржуазия использует демократию в своих целях) и т.д.<sup>12</sup>

Пренебрежение к классам и классовым отношениям в полной мере проявило себя в так называемых «революциях» на Украине и в Киргизии. Особенно показательна «оранжевая революция». Украинский рабочий класс – большая сила. Игнорирование его потенциала и интересов, естественно, привело к взрыву национализма и борьбе между кланами. Последующие события прогнозировать очень сложно. Не исключено, что они будут развиваться совсем не так, как это видится украинским и российским либералам.

В этом проявляется закономерная связь классовой и национальной проблематики.<sup>13</sup> Ее анализ имеет принципиальное значение по многим причинам, в том числе и потому, что решение данного вопроса Марксом и Лениным, в основном верное для соответствующих периодов истории, во-первых, было во многом искажено, во-вторых, нуждается ныне в уточнении и развитии. Эта задача тем более актуальна, что в России получили широчайшее распространение поддерживаемые властью и «гражданским обществом» идеи клерикализма и национализма как в «правом», так и в «левом» оформлении. Такова, например, концепция национального, русского, православного социализма, адепты которого вбрасывают в общественное сознание вирусы консерватизма, иллюзий, покорности.<sup>14</sup>

В заключение еще раз подчеркну: попытки перечеркнуть марксизм, полностью выбросить его из социологии, общественного сознания, неспособность или нежелание конструктивно подходить к его использованию и развитию влекут за собой множество негативных следствий, наносят огромный ущерб науке и практике.

---

<sup>1</sup> Не следует забывать, что социализм делает лишь первые исторические шаги. Зарождение и становление капитализма заняло много столетий.

<sup>2</sup> См. статьи Н.В.Колеченкова и Е.С.Троицкого в сборнике: Национальные концепции социализма и судьбы России. – М., 2004.

<sup>3</sup> Так, Марксу приписывается мысль о растворении государства в гражданском обществе. См. Мысливченко, А.Г. Западная социал-демократия и перспективы социального государства / А.Г.Мысливченко // Национальные концепции социализма и судьбы России. – М., 2004. – С.273. Автор не учитывает, что и Гегель, и тем более Маркс понимали гражданское общество совсем не так, как это принято среди политической элиты России. Для Маркса гражданское общество – это капиталистическое общество, и ему предрекалась такая же судьба, как и государству – ликвидация. Разумеется, это не значит, что современные марксисты должны просто отворачиваться от проблемы гражданского общества. Мне уже приходилось доказывать, что Ленин, вообще не употреблявший выражения «гражданское общество», в период нэпа в неявной форме обратился к этой идее. См. Беленький, В.Х. Ленинские идеи о демократии и современность / В.Х.Беленький. – Красноярск, 1991. – С.94-99. Однако то, что А.Г.Мысливченко инкриминирует Марксу, не выдерживает критики.

---

<sup>4</sup> См. об этом: Беленький, В.Х. Проблемы современной российской интеллигенции. Опыт социологического анализа / В.Х.Беленький. – Красноярск, 2005. – С.136.

<sup>5</sup> См.: Беленький, В.Х. Преобразования в России и народные массы / В.Х.Беленький. – Красноярск, 2001. – С.22.

<sup>6</sup> Черняев, А. Аргументы из натурального меха / А.Черняев // Известия. – 2005. – 29 марта.

<sup>7</sup> Российская газета. – 2005. – 4 марта.

<sup>8</sup> Тот факт, что учащиеся так же дифференцированы, как и общество, во внимание не берется. Ведь это реальная дифференциация, а не высосанная из пальца.

<sup>9</sup> Конечно, можно представить эти шесть групп в укрупненном виде. Но тогда мы получим три большие группы – верхний класс, средний класс, низший класс, причем две последние дифференцированы.

<sup>10</sup> Не вполне разделяя наиболее распространенные на Западе представления о социальных классах, я должен подчеркнуть, что ничего подобного этому групповечению там не наблюдается. Так, Дж. Масионис пишет, что в США имеются высший класс (5% населения), включающий в себя верхний и нижний слои; средний класс (40-45%), включающий верхний и средний слои; рабочий класс, *иногда* называемый низшим слоем среднего класса (33%); низший класс (≈20%). См.: Масионис, Дж. Социология; пер. с англ. / Дж.Масонис. – 9-е изд. – СПб., 2004. – С.373-378, 397.

<sup>11</sup> Критический анализ примера такого конструирования см.: Беленький, В.Х. Класс наемных работников или рабочий класс? / В.Х.Беленький // Социологические исследования. – 2005. – №3.

<sup>12</sup> Очарователен в своем анализе разного понимания демократии журналист В.Выжutowич. Население России для него – обыватели. У них – «полная каша в голове». Почему? Потому что они думают не так, как предполагали политики из «ФОМ» и г-н Выжutowич. «Политический класс» сплошь и рядом игнорирует классовые различия и особенно интересы трудящихся классов.

<sup>13</sup> Эта связь приобретает настолько очевидный характер, что ее заметил даже теоретик и политик такого масштаба, как Г.А.Зюганов. Если на X съезде КПРФ (июль 2004 г.) он отрицал наличие рабочего класса в России, то 16 апреля 2005 г. «предложил сегодня компартиям бывшего СССР вновь взять на вооружение идею классовой борьбы». Как всегда полагая, что причины неприятностей в Евразии находятся за океаном, Зюганов считает, что «бархатные» революции последнего времени инспирированы американскими спецслужбами. Лидер украинских коммунистов П. Симоненко видит проблему левых в другом – в сокращении их социальной базы. Он отметил: «Идеологические ориентиры наших потенциальных сторонников размыты». Они размыты у самих компартий стран СНГ, прежде всего у КПРФ! «Оранжевые», тюльпановые и прочие «революции» Симоненко характеризовал как «буржуазно-националистические» и заявил: «Противостоять им можно только дав людям четкие классовые ориентиры» (Шведов, А. Коммунисты выступили против революций / А.Шведов // Известия. – 2005. – 19 апреля). Это положение несравненно ближе к истине, чем рассуждения доктора философии Зюганова, но и оно чрезвычайно абстрактно. Кроме того, трактовка событий в Грузии, на Украине и в Киргизии как революций сама по себе

---

есть нонсенс с точки зрения марксизма. Даже в буржуазной прессе часто слово революция применительно к указанным событиям берется в кавычки.

<sup>14</sup> См. в качестве образца сб.: Национальные концепции социализма и судьбы России. Сборник – уникальное издание в том смысле, что его составители и большинство авторов, пытаясь соединить прошлое и будущее, демонстрируют непонимание настоящего. Поэтому львиная доля пространства этой книги тяготеет к прошлому. Впрочем, ей не чуждо и новаторство: между 389 и 390 стр. имеется вставка «Род Троицких на службе людям: Фотографии» (25 страниц о роде составителя сборника, Е.С.Троицкого). Эдакая религиозно-научная сусальность...

## **АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В СОЦИОЛОГИИ ТРУДА**

Марцева Л.М.,

доктор исторических наук, доктор  
философских наук, профессор

Омский государственный универ-  
ситет путей сообщений

(г. Омск)

Социология труда является наукой, органически соединяющей социальные, экономические и духовно-нравственные проблемы общественной жизни. Как самостоятельная отрасль науки социология труда отражает реальные процессы в различные периоды культурно-исторического развития общества, связанные с изменением социально-экономических отношений, затрагивающих, в первую очередь, сферу труда, производства, распределения и потребления совокупного национального богатства. Эти процессы выражаются в трансформации социальной структуры, повышенной интенсивности социокультурной динамики и видоизменениях в поведении людей.

Современная реорганизация российского общества продуцирует трансформацию социального и экономического положения граждан, противоречия в соотношении общественных и личных интересов, новые поведенческие модели индивидов, различных социальных групп, трудовых коллективов и корпораций. Исследования современного массива проблематики социологии труда, на наш взгляд, должно включать и особые формы познания действительности – аксиологические концепты, которые всегда подразумеваются, но далеко не сразу обнаруживаются в социальной практике.

Мы выделим *три* (здесь и далее курсив наш – Л.М.) идеи, существующие в общественном сознании как ценностные концепты, выступающие критериями, своеобразным лакмусом реформационных процессов. А поскольку видимой частью реформирования общества является его базисная часть – сфера труда и хозяйства, то наличие определенных ценностных концепт в общественном сознании с устойчивой периодичностью сносит и/или «срывает» ложные надстроечные конструкции, заставляя власть корректировать идеологию реформ с реальным состоянием экономики, труда и занятости.

*Первая* из аксиологических концепт касается вопроса о *сущности социального государства*, заявленного Конституцией РФ и понимаемого обществом как осуществление справедливости – идеала, глубоко укорененного в историческом сознании и ментальности коренных народов России.

В Конституции РФ, принятой в 1993 г., сказано: «Российская Федерация – *социальное государство*, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого человека»<sup>1</sup>. Основной Закон России действует уже второе десятилетие, но только еще начинают намечаться позитивные тенденции в «создании условий» для «достойной жизни» и «свободного развития *каждого* человека» в противовес физической, интеллектуальной и нравственной деградации населения, констатируемой сегодня. Усугубляющиеся проблемы российского общества актуально ставят вопрос о теории социального государства. Какой смысл вложили в это понятие авторы Конституции РФ? Нет ли противоречия между «словами» и «плодами»? Каковы перспективы исполнения названной конституционной статьи?

Конституция РФ определяет суть *социального государства*: «В Российской Федерации охраняется право на труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»<sup>2</sup>. Итак, в конституционной норме социальный характер государства раскрывается через социальные гарантии, прямо или косвенно связанные с трудовой деятельностью граждан РФ (за исключением инвалидов, детей, занятых их воспитанием матерей и заработавших пенсии пожилых людей). Системообразующим принципом *социального государства* Конституция РФ, таким образом, признает «*право на труд*» и «*охрану*» этого права для каждого экономиче-

ски активного и/или трудоспособного человека. Сегодня эта конституционная норма не соблюдается в РФ, и государство, назвавшее себя «социальным», не исполняет заявленных обязательств перед собственными гражданами.

Труд как системообразующий принцип социального государства обнаруживается в том, что все другие гарантии вытекают из реализации права граждан на труд. Это – достойная жизнь, благосостояние, гарантированная помощь женщинам по уходу за малолетними детьми, условия для развития каждого человека, предполагающие образование, трудовые пенсии, обеспечивающие не унижительную, а достойную старость. Трудом обеспечиваются также покупка жилья, затраты на поддержание и профилактику здоровья, доступный оздоровительный отдых, образование детей, различные спортивные школы и организационные структуры развития детского творчества.

Нуждается в проработке применяемый сегодня термин «оплата труда». «Заработная плата» – устойчивое понятие и научный термин. Она имеет размеры, в то время как «оплата труда» – предельно общее понятие и говорить о ее параметрах трудно, что и провоцирует произвол работодателя. Очевидно, в теории социального государства должна быть разработана и практически применена некая «прозрачная» для общества *система* принципов заработной платы, исключающая и/или смягчающая условия чрезмерной эксплуатации наемных работников. Это позволило бы также законным путем решить вопрос соотношения нелегальных мигрантов и занятости коренного населения России, достойных заработков работникам предприятий всех форм собственности. Обоснованные законом принципы гарантировали бы адекватность зарплат работников бюджетной сферы, включая науку; наемных рабочих всех отраслей, включая аграрный сектор; препятствовали бы «уходу» от налогов и сокрытию доходов собственниками и менеджерами, коррупции и т. д.

Адекватная затраченным силам система оплаты труда, естественно, снимала бы тему занятости (безработицы) среди коренного, особенно русского, населения России в большей части посредством «молчаливого саботажа», выражающего протест против чрезмерной эксплуатации посредством заниженной оценки труда. Еще Д.И. Менделеев обращал внимание на повышенную стоимость труда в России, детерминированную тяжелыми и рискованными географическими условиями хозяйствования. С учетом этого фактора он предлагал посредством государственного протекционизма в ценообразовании повышать доходы людей, «чтобы дать заработок ..., чтобы ускорить движение страны к благосостоянию, чтобы



увеличить трудолюбие и источники государственных доходов, которые почерпываются легче всего из промышленных доходов»<sup>3</sup>.

Надо признать, что СССР успешно справлялся с социальными вопросами через соответствующие государственные механизмы, даже с учетом затрат на перманентное отражение внешних военно-политических угроз. Государство использовало ряд эффективных технологий: общественные фонды потребления (содержание дошкольных детских учреждений, бесплатное образование всех ступеней, здравоохранение, дешевое жилье, пенсионное обеспечение вполне пристойной жизни т. д.), регулирование реальной зарплаты, т.е. покупательной способности граждан, путем контроля над ценообразованием, госдотациями на социальные программы и другими механизмами. В советский период нашей истории постепенно отрабатывались технологии решения вопросов в социальной сфере. Этот опыт может быть переосмыслен и адаптирован в современном российском государстве, заявленном в Конституции РФ как «социальное», но многие годы успешно освобождавшемся от «социалки», т. е. социальных гарантий в отношении своих граждан.

Пример тому – нараставшее беспокойство общества за судьбы детей, наконец-то озвученное СМИ. Итоги многолетнего бездействия государства в отношении социальной незащищенности детей переросли в угрозы и самому государству в виде детской, подростковой и в целом молодежной преступности. Различные ведомства, ответственные за детей, называют разные данные беспризорности в России, что свидетельствует об отсутствии единого банка данных. В Международный день ребенка 1 июня 2005 г. министр внутренних дел РФ Р.Г.Нургалиев сказал в докладе, что в России 2 миллиона детей неграмотных, 6 миллионов живут в социально неблагоприятных условиях, 4 миллиона употребляют наркотики. От безысходности многие подростки самостоятельно ищут способы борьбы за свое будущее, включая скинхедов, которых по его оценкам около 150 тысяч.<sup>4</sup>

Первое советское правительство решило проблему беспризорников буквально в считанные годы, несмотря на разруху в стране. Если отбросить антикоммунистические штампы, перекочевавшие с радиостанции «Свобода» 70-х – 80-х гг. прошлого века в современное информационное пространство России, то решение вопроса беспризорности – это уникальный и беспрецедентный по эффективности способ управления демографическими процессами в экстремальных условиях. Это и уникальный социальный опыт подготовки кадров различной квалификации (а не криминальной стихии как сейчас) для будущего страны.

Успехи советской эпохи в решении социальных проблем признавались даже Западом, и именно это спровоцировало «холодную войну», которую мы проиграли. Успехи СССР также продуцировали заимствование западноевропейскими странами управленческих технологий социально-экономической сферой, применявшихся в нашей стране, включая экономическое и социальное планирование. Научно-технический и международный *паритет* капиталистической и социалистической систем, прошедший многие испытания, невозможно оспорить, поэтому советскую историю пытаются «отменить» информационными и нейролингвистическими технологиями. И хотя уровень «благополучия граждан» (возводимый нашей политической элитой в статус национальной идеи!?) на Западе превосходил Россию, мир уважал послевоенный СССР, страну-победительницу в чудовищной по разрушительным последствиям войне, не сомневался в ее научно-техническом потенциале, доказанном уникально быстрым восстановлением разгромленного войной народного хозяйства и открытием космической эры человечества. Креативный потенциал нации, пережившей трагические страницы истории XX в., включая ослабление генофонда, восполнялся и эффективно использовался посредством социальных программ и технологий.

Теория социального государства не может конструироваться из «идеологических голов» и опираться на дискретную по причине политической конъюнктуры субъективную историографию. Реальная история показывает, что аксиологические концепты устойчивы, а при определенных сбоях способны к активной регенерации, о чем свидетельствует, к примеру, постепенное восстановление празднования Дня Победы, в сущности, отвоеванного у идеологов глобализации по-американски уже современными поколениями в качестве общенационального праздника. Поэтому в социальное государство РФ должно выстраиваться с учетом глубинных аксиологических смыслов, усвоенных и выработанных отечественной историей.

Это касается нравственной установки на первенство справедливости над выгодой, правды над законом. В этом сакрально существующем принципе состоит коренное отличие нашей государственности от государства западного типа. По словам Н.Нарочницкой, русское понятие «правды» совершенно непонятное для людей Запада и наших собственных маргиналов, оно принципиально отличается от западного понятия «право». Также отличается русское понятие «правда» от восточных аналогов. Наш национальный герой Александр Невский сформулировал национальную идею: «Не в силе Бог, а в правде», а семь веков спустя герой на-

шей новейшей истории в «Брате-2» говорит: «Сила не в деньгах, а в правде»<sup>5</sup>. Со времен митрополита Иллариона наша «правда» включает в себя и истину, и добродетель, и справедливость. Именно эти смыслы пока надеются граждане обновленной России найти в оформленных структурах социального государства.

*Вторая* аксиологическая концепта выражает *отрицание дискретности истории* России и, соответственно, преемственности исторического опыта в процессе формирования социального государства.

История каждого народа – это имеющая самостоятельный статус духовно-нравственная ценность, имманентная историческому и общественному сознанию, национальной культуре и национальной ментальности, метафизико-таинственным, сакральным смыслам народного самопознания, которое часто и, на наш взгляд, точно называют Душой народа. Историография представляет развитие России в виде непрерывных и последовательных в этой непрерывности разрушительных стихий, как бы внезапно «захватывающих» и вовлекающих страну в очередной хаос.

Сам хаос, порождаемый как бы онтологической склонностью русских к «бунту», и сам этот бунт предстают в нашей историографии как перманентное состояние российской истории. Вот и теперь на фоне общепризнанного мировым сообществом феномена *вымирания русской нации* звучат предостережения (или все-таки призывы?!) в отношении «русского фашизма». Но эта тема касается именно историографии, а не самой истории, речь идет о надстроечных, прежде всего идеологических, включая и манипуляции историческим сознанием, фантомах. Они продуцируются психологическими комплексами власти, слишком подолгу испытывающей терпение своих подопечных и даже предполагая потенциальное возмущение, не желающей слышать и видеть реальных настроений людей.

Вот примеры, подтверждающие сказанное. Социологические исследования показывают, что продолжающиеся два десятилетия активные преобразования российского общества и экономические реформы так и не смогли способствовать преодолению кризиса труда. «Экономические реформы, – отмечает П.М.Козырева, – вызвали и обострили целый ряд негативных процессов в сфере труда, в том числе: значительное ухудшение условий и культуры труда, снижение качества трудового потенциала, депрофессионализацию рабочей силы...»<sup>6</sup>. Только 45,1% работающего населения удовлетворены своей работой «в целом», из них лишь 8,9% – «полностью». Всего лишь 3,8% работников устраивает оплата труда, только 28,8% удовлетворены возможностями профессионального роста, доля лиц, которых полностью устраивают условия труда,

составляет всего 7,8% от числа 41,8% работников, оценивающих условия своего труда как более или менее удовлетворительные. Кроме того, 29% с регулярными заработками постоянно заняты на дополнительной работе из-за необходимости иметь дополнительные доходы, при этом постоянно растет число людей, обеспокоенных угрозой потери работы – по данным на начало 2005 г., до 26,3% от числа опрошенных.<sup>7</sup>

Более того, частью жизни российского общества стала безработица среди *коренного населения* России – по преимуществу русского. Прошедший первое чтение в Госдуме РФ законопроект «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства» мотивируется экономическими условиями, и в первую очередь тем, что в России якобы не хватает трудовых ресурсов, а мигранты решают проблему рабочих рук. Однако, по оценкам депутата Госдумы РФ Н.А.Павлова, только официальных безработных среди коренного, и прежде всего русского населения России на начало 2006 г. зарегистрировано на бирже труда более 5 миллионов, а по экспертным оценкам – их более 10 миллионов. При этом в России уже работают более 15 миллионов мигрантов (таджиков, узбеков, грузин, азербайджанцев, молдаван и т. д.). «Я утверждаю, – говорит депутат, – что подлинной целью принятия указанных законов в предложенном виде является *снижение процента численности русских в составе населения страны*»<sup>8</sup>.

О депопуляции и социальной деградации русских свидетельствуют данные, по которым отношение числа умерших к числу родившихся с середины 90-х гг. держится на уровне 1,63, т. е. «налицо процесс вымирания населения России», проходящий на фоне резкой поляризации общества. На одной стороне этого «плюса» – «сверхбогатые» (около 2%), на другой – «бедные» (около 80%). «Средний класс составляет около 15%, остальные – люмпены. По официальным данным, соотношение «бедных» и «богатых» составляет в России 21:1 (в США – 6:1, Латинской Америке – 12:1). Ученые предостерегают, что «люмпенизация населения может стать опасным горючим материалом для грядущих социально-политических потрясений»<sup>9</sup>.

По прошествии 20 лет от начала «перестройки» отрицательное отношение к ней и последующим реформам среди граждан России не изменилось. Как показали опросы ФОМ в 1995 г. и ИКСИ РАН в 2005 г., в российском обществе сохраняется ностальгия и устойчивый интерес к советскому опыту во всех демографических группах населения. О том, что перестройку надо было начинать, «не разрушая социалистического строя», заявляют 23% респондентов, 20% считают, что «перестройку вообще не следовало

проводить». С 27% до 33% возросла за последнее десятилетие доля считающих, что «перестройка не должна была выходить за рамки заявленных первоначально целей» совершенствования социализма. Сторонники социализма в «брежневском» варианте составляют 54% опрошенных, а сторонники «несоциалистического пути развития страны» в общей сложности (либералы – авторитаристы, демократы-западники и т. д.) составляют около 30%.

Существенно снизилась поддержка гражданами хозяйственной самостоятельности предприятий (с 70% до 55%) и выборности трудовыми коллективами руководителей предприятий (с 73% до 53%). При этом наблюдается рост граждан, положительно оценивающих полученные права на свободное волеизъявление, включая право на митинги и демонстрации (с 46% до 60%).<sup>10</sup> В сущности, «круг замыкается», то есть смысл «перестройки» понимался не как вообще отказ от социализма, а только как отказ от монопольной власти КПСС. Более того, опросы показывают, что социальные завоевания советского периода нашей истории не истреблены даже и в молодежной среде антисоветским цунами, обрушенным СМИ на российское общество.

Социалистическая модель оказалась близка социальной и духовной природе российской цивилизации, антибуржуазной ментальности народа и коллективистскому типу общества, противоположному индивидуалистическому обществу.<sup>11</sup> К примеру, убедительно обнаруживается преемственность идеи свободного труда и многообразия форм хозяйствования во взаимосвязи с социальным устройством человеческого общежития.<sup>12</sup> И.Р.Шафаревич показал «развитие хилиастического социализма, потребовавшее 2,5 тысячелетия», а также типы социалистических обществ в империи инков, Месопотамии, Древнем Египте и Древнем Китае всегда так или иначе воплощают идеалы справедливости, даже если она по-разному интерпретируется в различные исторические эпохи и в различных социокультурных измерениях.<sup>13</sup> Идеи и опыт социализма, не вызывающие, как показывают социологические исследования, отторжения в историческом сознании подавляющей части граждан РФ, уходят вглубь истории, его модели многообразны. И если отстраниться от современной историографии, заняться «гигиеной ментальности» в сфере идеологии (Н.М.Чуринов) и/или хотя бы учесть реальные настроения и аксиологические приоритеты сограждан, вывод оказывается ясным: формирование социального государства невозможно без адаптации в социальной практике уникального по эффективности опыта советского периода истории России.

Будущее России в ближайшей перспективе Ю.В.Мамлеев ставит в зависимость от того, будет ли «частный капитал контро-

лироваться государством и действовать в интересах страны». Он пишет: «Смешанная экономика или новая форма третьего экономического пути, в котором сочетались бы сильные стороны и социализма, и частного предпринимательства, – на наш взгляд, лучшие варианты экономического развития России на сегодняшний день». При этом необходима «справедливая и сбалансированная социальная политика, обеспечивающая и защищающая население страны»<sup>14</sup>. На это нечего возразить, если адекватно оценивать ценностные приоритеты в настроениях современного российского общества при всей его многоликости.

*Наконец, третья* концепта подразумевает нравственные смыслы хозяйствования и труда, что позволяет заявить категорию «совесть» как актуальную в социологии труда. Время подтвердило и прогнозы А. Тойнби, полагавшего, что со стороны западных стран будет нарастать сопротивление глобальному распространению и влиянию русской культуры, включая систему ценностей и опыт коллективного жизнеустройства. А внутри СССР по мере смены поколений заявит о себе нравственное разложение общества, лишенного религиозной культуры и соответствующих аксиологических координат.<sup>15</sup> По мере увеличения дистанции от начала современных российских реформ все более актуализируются проблемы нравственности. Наступает время осмысления наступающих перемен и переосмысления событийных ветров нашей новейшей истории.

Этому способствуют и наметившиеся тенденции стабилизации в социально-экономической сфере, относительно определившиеся каналы социальной мобильности, постепенное расширение социальной базы пользователей «завоеваниями» реформ. В частности, социальная мобильность связана с повышенной динамикой профессионально-квалификационной структуры современного российского общества, в которой реализуются новые формы организации занятости и условий труда. Социология труда обнаруживает изменения в отношении человека к труду, взаимосвязь ценностных ориентаций и трудовых мотиваций, трансформацию и/или деформацию межличностных отношений в процессе совместного труда и распределения экономических и социальных гарантий по «труду» или по иным критериям.

Во всех этих социальных процессах есть, однако, нечто неуловимое, сакральное, метафизическое, неизменное в своем содержании и принципиально важное для вектора развития нашей страны. Речь идет о *совести* – духовно-нравственной квинтэссенции субъекта социально-экономических преобразований в любых конкретно-исторических условиях. Апостол Павел даже о язычниках говорит, что «дело закона у них написано в сердцах, о чем

свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие друг друга»<sup>16</sup>.

Святитель Игнатий Брянчанинов определял совесть как «чувство духа человеческого, тонкое, светлое, различающее добро от зла». «Это чувство, – писал он, – яснее различает добро от зла, нежели ум. Труднее обольстить совесть, нежели ум. И с обольщенным умом, подкрепленным грехолюбивою волею, долго борется совесть. Совесть – естественный закон»<sup>17</sup>. Совесть, таким образом, как естественное родовое свойство человека не претерпевает изменений во времени и пространстве, но так же, как человек любой эпохи рождается прямоходящим с одной головой, двумя руками, глазами, ушами и т. д., он имеет врожденное чувство совести: «Умертвить совесть невозможно. Она будет сопровождать человека до страшного суда: там обличит ослушника своего»<sup>18</sup>. Во времена особенно радикальных социально-экономических преобразований, вовлекающих всех граждан и касающихся буквально каждого человека, индикатором гуманистического содержания социальных процессов выступает совесть.

Профессионально-квалификационная структура общества (М.Н.Руткевич) или профессиональная стратификация (П.А.Сорокин), конкретизирующие социальные процессы, имеют очевидные и в значительной степени выявленные социологией труда закономерности и тенденции развития. Во-первых, профессиональная структура (стратификация) имеет относительно устойчивые классы профессий, обусловленные внутриэкономическими, международными и глобальными процессами в сфере разделения и интеграции труда. Это сельское хозяйство и промышленное производство, промышленное и гражданское строительство, различные виды транспорта и связи, все виды обмена результатами хозяйственной деятельности, включая торговлю и финансовую деятельность, наука, образование, медицина, межкультурные коммуникации и прочее.

Во-вторых, по мере научно-технологического развития цивилизаций содержание труда в основных классах профессий меняется за счет его усложнения, интеллектуализации и интенсификации информационного обеспечения. Некоторые архаические профессии исчезают: бурлаки, ямщики, фонарщики, печники, пушкари, рудокопы и другие. Некоторые профессии численно уменьшаются по мере научно-технической модернизации отраслей, повышения эффективности технологических циклов, внедрения производственных инноваций (фермеры, пастухи, доярки, каменщики, штукатуры, почтальоны). Появляются новые профессии, связанные с развитием новых nano-, генно-, нейро-, оптоэлектронно-, робототехнологий. Некоторые профессии существенно меняются в со-

держании под влиянием научно-технического прогресса, но не имеют существенных «горизонтальных» флуктуаций и сохраняются примерно в одинаковой численности в силу своей относительно устойчивой востребованности обществом (строители, учителя и врачи, особенно хирурги, правоведы, военные и блюстители порядка, священники, чиновники и т. д.).

Наконец, с усложнением технологических и производственных процессов возрастает значение организаторских и управленческих задач, что ведет к численному росту некоторых ранее редких профессий (руководители предприятий и их подразделений, менеджеры, юристы, финансисты, конторские служащие, научные эксперты и т.д.). Инструментальное и функциональное развитие труда (в старой терминологии – социально-организационное и технико-технологическое), выраженное в профессиональной динамике, – одно из общепринятых оснований деления социальной истории человечества на различные ступени. Уровень развития профессиональной структуры с выраженными динамическими тенденциями – один из критериев социального развития в целом. Новейшие технологии подробно описаны в книгах М.Калашникова и С.Кугушева, включая и указанную нами работу.

Известны теории ступенчатого развития общества (Л.Морган, К.Маркс, В.Л.Иноземцев и др.). Формационная парадигма современных исторических процессов представлена в философской концепции А.С.Панарина, предложившего использовать в качестве новейшей методологической практики синтез формационного и цивилизационного подходов. Суть утвердившегося в социальных науках ступенчатого и/или уровневого подхода к социальным процессам заключается в выявлении реальных особенностей в развитии разделения труда и системно-структурном анализе профессиональных и квалификационных изменений, зримо обнаруживающих тенденции формационных сдвигов в мировом сообществе.<sup>19</sup>

В работах П.А.Сорокина профессиональная культура рассматривается в связи и через призму профессиональной стратификации, состоящей из двух видов: межпрофессиональной стратификации (иерархия основных профессий в любом типе общества) и внутрипрофессиональной стратификации (иерархия трех основных слоев внутри профессии – предприниматели или хозяева, служащие высшей категории и наемные рабочие). Основным критерием иерархической пирамиды профессиональной стратификации русско-американский социолог выдвинул интеллектуальное содержание видов профессий и определил соответствующие им индексы интеллекта. С учетом поправок на реалии новейшего времени пирамида, выражающая социальную динамику современного россий-



ского общества, получает примерно следующий вид, начиная от ее основания.<sup>20</sup>

- Случайная работа, странствующие рабочие (в нашем обществе – свободное движение наемной рабочей силы в виде внутренних и внешних миграционных потоков, пока не поддающихся контролю), собирание отходов, подневольные занятия (проституция, наркоторговля, порнобизнес с использованием детей, незаконное использование донорских органов), простой труд в крестьянском, ремонтном и коммунальном хозяйстве.

- Водитель, разносчик, погрузочно-разгрузочный рабочий портов и товарных баз, парикмахер, социальный работник, гувернантка и другие работники в сфере услуг.

- Ремонтник различного профиля, повар, фермер, строитель, работник промышленного, транспортного и сельскохозяйственного предприятия, почтальон, типографский рабочий и т.д.

- Чиновник, работник правоохранительных органов, служащий компании, библиотекарь, медсестра, фармацевт, врач, учитель начальной и средней школы, инженер, артист, дизайнер, архитектор и другие.

- Оптовый торговец, инженер-конструктор, администратор (в различных сферах), компьютерный программист, священник, журналист, издатель, менеджер, управляющий производством или компанией.

- Профессор университета, финансист, предприниматель, инноватор, официальные общенациональные лица (глава государства, члены правительства), выдающиеся ученые, писатели и композиторы.

Принципы профессиональной стратификации и динамики П.А.Сорокина в определенном смысле совпадают с разработанными в советской социологии труда принципами профессионально-квалификационной структуры (И.И.Чангли, М.Н.Руткевич, В.И.Староверов, А.А.Амвросов, Ю.В.Арутюнян, В.А.Ядов). Помимо критерия интеллекта в отечественных науках квалификационная градация как основа профессиональной динамики учитывала образование, стаж практической работы, индивидуальные способности к профессиональному росту (к развитию интеллекта), социальный опыт организации и управления, творческий потенциал личности, социальный заказ на специалистов разного профиля.

Представляется, что именно высокая и чаще всего адекватная самооценка собственной профессиональной и квалификационной пригодности оказалась для многих людей препятствием в адаптации к условиям новой экономики современного российского общества. Высококачественные специалисты и квалифицированные

профессионалы, осознавая реальную стоимость своего труда, «выпали» из страт всех уровней, лишившись возможности использовать свои профессиональные знания и опыт по назначению. Выброшенные в свободный рынок рабочей силы после закрытия и разрушения, приватизации и перепрофилирования, банкротства и ликвидации предприятий далеко не все специалисты высокой квалификации смогли одолеть новые барьеры профессиональной динамики по вертикали и горизонтали. К тому же не все учителя, врачи, офицеры и инженеры переквалифицировались в «управдомы», в наших реалиях – в «челноков», киллеров, банкиров, бизнесменов, шоуменов, наркоторговцев и т.д.

Во многом это объясняется не нехваткой интеллекта для освоения новых профессий (основная масса людей все-таки нашла свое место в новой хозяйственной системе), а скорее по причинам *морального* порядка. Можно утверждать, что в данном случае реструктуризация профессиональных страт столкнулась с сильнейшим сопротивлением нравственного сознания – *совести*, а на социальном уровне – культурного генокода общества. Это обнаруживается на лингвистическом уровне, где через язык постепенно устанавливается различие наименований вроде бы одних и тех же профессий. Но именно через отыскание наиболее точного «имени» профессии и/или сферы занятости русский язык, а значит – общественное сознание, фиксирует не только функциональное и инструментальное, но и нравственное содержание трудовой деятельности.

К примеру, уже можно считать устойчивым различие по нравственным критериям «бизнесменов» и «предпринимателей». Первое имя передает ориентацию на личное обогащение без оглядки на средства, жертвы, национальные интересы и вообще цену «бабок». Второе имя вычленяет из циничного по определению бизнеса предпринимателей, включая в это понятие личные трудовые усилия, нестандартные способности, социально ориентированную сферу предпринимательской деятельности, воспроизводство традиций раннего капитализма в части его ориентации на национальные интересы (Демидовы, Третьяковы, Мамонтовы, Морозовы, Рябушинские, Бахрушевы, Боткины и т. д.).

В терминологии П.А.Сорокина социальная и профессиональная динамика существуют в поле циклической флуктуации трех исторически доминирующих типов культуры: *идеациональной* (культ – духовное спасение и религиозные ценности), *идеалистической* (культ – социальная идея типа просвещения, социализма, американской мечты и т.д.) и *чувственной* (культ – гедонизм и деньги). Именно в циклической сменяемости этих типов культуры развивается исторический процесс локальных цивилизаций и еди-

ной мировой цивилизации. При всей значимости технико-технологического развития человечества и соответствующей профессиональной динамики национальное единство социума все-таки держится на общности культурных приоритетов. Распад общества, напротив, происходит при духовно-нравственном и идейном хаосе, образуемом разновекторностью культурных доминант. Часть общества исповедует деньги, другая – идеи (к примеру, равенства и социальной справедливости, национальной независимости и т.д.), третья – веру в Бога и соответствующие религиозно-нравственные ценности. Ценностные системы никогда не охватывают все общество: часть народа разделяет их, часть смиряется и приспосабливается, маргинальная часть уходит в диссиденты, вступает в борьбу или ищет свои способы социализации.

Если аксиологические параметры культуры включают достаточное большинство общества и держат его моральными (или аморальными вроде «повязанности кровью» октября 1993 г. или дохристианской всеобщей распущенности Содомы и Гоморры в современной упаковке «свобод и прав человека») правилами в относительном единстве, то и профессиональная стратификация существует в этом же всеобщем социокультурном пространстве. Джеймс Фрэзер убедительно показал интеграцию профессии и культуры в религиозные эпохи, когда цари были не только правителями, но и священниками, мудрецами, новаторами, реформаторами, людьми высочайшего интеллекта и проницательности.<sup>21</sup> Это вполне применимо к историческим фигурам Петра I, Екатерины II, Александра III. Но иначе обстоит дело в официальной чувственной культуре современной России, где представители власти квалифицируют себя как «нанятых менеджеров», выделяя из всего комплекса функций официального общенационального лица только управленческую и оставляя в стороне все другие, названные Д.Фрэзером.

То же происходит во всех других профессиях. Врач по-прежнему лечит, но уже не обременяется нравственными атрибутами своей профессии типа клятвы Гиппократова, принципа «не навреди». Он не останавливается перед неточным диагнозом, использованием непроверенных в практике и вредных для здоровья препаратов, торговлей органами или повальной практикой «кесарева сечения» ради дорогостоящей плаценты. Водитель профессионально перевозит грузы, оставляя следователям разбираться, что он провез: гексоген или наркотик. Предприниматель не гнушается наркобизнесом, чиновник взятками за свою роспись, профессионалы из СМИ ложью.

Профессор вуза подсаживается на дополнительное финансирование сомнительных фондов и неправительственных организаций, профессионально «переписывая» не только историю, но любую науку или преподавая «нужное», но по законам аксиологического поля чувственной культуры. Профессиональная динамика в этом поле определяется принципами купли – продажи профессионализма нанимателю и потребителю по максимально возможной стоимости. Все это описано еще Аристотелем и убедительно представлено в интеллектуальной истории человечества. Настоящее время в России замечательно тем, что многие выводы лежат на поверхности событий и не требуют кабинетных изысканий, экспериментов, проверки гипотез.

В данном случае очевиден вывод о том, что профессиональная культура невозможна без ядра культуры «вообще» – совести, *нравственного чувства ответственности* за свое профессиональное дело. Всякая работа и любой вид деятельности не сводятся только к профессиональному образованию и мастерству, не измеряются только интеллектом. Профессиональная стратификация и профессиональная динамика, прямо увязываясь с научно-техническими и информационными технологиями, безусловно, повышают профессиональную культуру (овладение передовыми средствами и способами выполнения профессиональных функций), но отнюдь не означают автоматического обретения общей культуры, всегда основанной на высоких моральных законах и табу. Более того, совесть как органическое свойство человека даже с самые «смутные» времена в хаотичности и хаосе социальных процессов является верным путеводителем между Сциллой и Харибдой добра и зла, чести и бесчестия, правды и лжи.

Профессиональная культура не существует в отдельно взятой профессии, локальной корпорации или отрасли, а выражает своеобразие общего культурного пространства, включая все подсистемы культуры, которые покоятся на системе нравственных ценностей, доминирующих в обществе в данный исторический период. В условиях, когда в социальном пространстве торжествует культ денег с его неизменными атрибутами в виде безнравственности, лицемерия, посягательства на чужую собственность, включая интеллектуальную, и прямой подлости, совесть локализуется в индивидуальном способе жизни. Каждый человек оказывается перед личным выбором участия или неучастия в сомнительных для его же совести делах. Каждый оказывается перед личным выбором между притязаниями на сомнительные социальные статусы и собственной спокойной совестью.

И.А.Ильин, описывая особенности человека с сильным духовным характером, писал, что не его вовлекает, заражает, влечет и гонит поток обстоятельств, но он *останавливает* собой все разрушительные воздействия окружающей среды. Духовно сильный человек преломляет, отбирает, принимает или отвергает вызовы времени и сам формирует из них новые условия. Не его подчиняют обстоятельства и поводы, а он направляет обстоятельства на новый созидательный путь. В этом смысле обновление российского общества на основе формирующейся социальной структуры зависит от того, удержатся ли новые профессионально-квалификационные страты в нравственных границах отечественной культуры, и удержит ли отдельный человек в себе чувство совести. Только в этом случае индивид и общество сумеют наполнить социальные процессы продуктивным содержанием и подчинить очередной момент нашей истории созиданию.

---

<sup>1</sup> Конституция РФ, разд. I, гл. 1, ст. 7, ч. 1.

<sup>2</sup> Конституция РФ, разд. I, гл. 1, ст. 7, ч. 2.

<sup>3</sup> Менделеев, Д.И. Оправдание протекционизма / Д.И.Менделеев // К познанию России. – М., 2002. – С.473-485.

<sup>4</sup> Стрелкова, И. В каких руках будущее России / И.Стрелкова // Наш современник. – 2006. – №1. – С.236.

<sup>5</sup> Калашников, М. Третий проект. Спецназ всевышнего: книга – исследование / М.Калашников, С.Кугушев. – М., 2006. – С.186-188.

<sup>6</sup> Козырева, П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда / П.М.Козырева // Социологические исследования. – 2005. – №9. – С.40.

<sup>7</sup> Там же. – С.46-47.

<sup>8</sup> Павлов, Н.А. Все мы – граждане России / Н.А.Павлов // Завтра. – 2006. – №15. – С.3.

<sup>9</sup> Лось, В.А. Устойчивое развитие / В.А.Лось, А.Д.Урсул. – М., 2000. – С.152.

<sup>10</sup> Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // Социологические исследования. – 2005. – №9. – С.25-28.

<sup>11</sup> Ивин, А.А. Основы социальной философии / А.А.Ивин. – М., 2005. – С.69-82.

<sup>12</sup> Марцева, Л.М. Труд в утопическом, научном и реальном социализме. Красноярск, 1995. – С.124-182.

<sup>13</sup> Шафаревич, И.Р. Социализм как явление мировой истории / И.Р.Шафаревич. – М., 2003. – С.370, 193-207, 220-232.

<sup>14</sup> Мамлеев, Ю.В. Россия вечная / Ю.В.Мамлеев. – М., 2002. – С.186.

<sup>15</sup> Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А.Тойнби. – М., 2003. – С.230-232.

<sup>16</sup> Послание к Римлянам Святого апостола Павла, гл.гл.2, 15.

<sup>17</sup> Святитель Игнатий Брянчанинов. Крестоношение : избранные творения / Святитель Игнатий Брянчанинов. – М., 1999. – С.172.

<sup>18</sup> Там же. – С.173.

<sup>19</sup> Философия истории / под ред. А.С.Панарина. – М., 1999. – С.338-409.

<sup>20</sup> Сорокин, П.А. Социальная и культурная мобильность / П.А.Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С.356.

<sup>21</sup> Фрэзер, Д. Фольклор в Ветхом Завете / Д.Фрэзер. – М., 1989. – С.80-82.

## **ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОМ ВОЗРОЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Евменова Л.Н.,

доктор культурологи, профессор  
Красноярская государственная ар-  
хитектурно-строительная академия  
(г. Красноярск)

Современное российское общество находится в глубоком нравственном кризисе. В своем последнем послании Президент России обратил особое внимание на моральный кризис общества и необходимость его преодоления как условие дальнейшего развития.

В советское время масштабно ставилась задача формирования личности нового типа – гармоничной, всесторонне развитой, высоконравственной. Эксперимент построения нового общества оказался ошибочным, и сегодня общество пришло к еще более глубокому падению нравов, к всеобщему одичанию. Лживые проповеди аскетизма, человеколюбия, равенства и т.д. со стороны власть имущих дали обратный результат и породили невиданную апатию, пассивность людей. Всеобщая ложь, погоня за материальными благами, стремление к наживе любой ценой составляют смысл жизни многих россиян. Сущность нравственной болезни общества отражает современное искусство, и «героями нашего времени» стали бандиты, олигархи, грабящие страну, продажные депутаты, жирующие чиновники, «оборотни в погонах», продающие себя женщины. Искусство отражает правду жизни, поэтому экран показывает насилие, убийство, цинизм межличностных отношений.

И все же возрождение нравственных основ общества следует искать в народе, истинное лицо которого показала вторая мировая война. Она явила истинный патриотизм, силу духа, честь и совесть российского солдата, щедрость простых людей, помогавших фронту.

В решении современных проблем преодоления бездуховности общества велика роль культурных истоков прошлого. Не зря XIX в. вошел в историю как «золотой век» русской культуры. Плеяда прогрессивных мыслителей на рубеже XIX-XX вв. создали уникальную программу духовного возрождения общества. Обращение к этим истокам, несомненно, будет способствовать решению задач сегодняшнего дня. Так, злободневно звучат размышления о новом человеке русского философа И.А.Ильина (1883-1954), который верил в духовное обновление современного ему общества, ибо в народе всегда имеет место здоровое зерно нравственности. Он

писал: «Но близится тот день, когда духовное обновление начнется само собою и притом потому, что старые пути и направления окажутся исчерпавшимися, разочарование охватит душу и человеческие лишения и страдания покажутся невыносимыми»<sup>1</sup>. И.А.Ильин полагал, что трагическая история России, смуты, бедствия посылаются нам для того, чтобы мы одумались, отыскиали в себе собственную духовную глубину, чтобы понять, что мы утратили. Прежде всего, необходимо установить диагноз культурного кризиса.

Большую роль в деле возрождения духовных основ общества Ильин отводит философии, призванной отдать все силы «предметному созерцанию» и забыть на время «субъективно-произвольные конструкции и всякие гносеологические и диалектические комбинации».

Тогда философы увидят и укажут духовные раны современной культуры. Философия призвана заниматься исследованием тех бездн, в коих «гнездится» зло мира». Прежде всего необходимо заняться вопросами воспитания: будить духовное начало в детском инстинкте. Человек будущей культуры, по мысли Ильина, должен осуществлять творческую жизнь, возлюбить духовную свободу, предаться живой сердечной доброте, научиться радости благодарения и восстановить в себе подлинную религиозность.<sup>2</sup>

Причины нравственного падения общества Ильин видит в бессердечии культуры. Анализируя отдельные области человеческой культуры, он не находит в них работы сердца. Техника, основа культурного развития, строится на математике, экономике, полезности и доходе. Здесь чувства излишни, они только помеха. В хозяйственной деятельности преобладают целесообразность, расчет, хладнокровное взвешивание и предвидение. Здесь нет места любви, она только спутает все, подорвет, поколеблет, разорит человека, заставит надеть глупостей. Человек борется с человеком за свое существование, и на этом держится хозяйство, поэтому не любовь, а инстинкт самосохранения и соперничества в его основе.

Вся наука построена на бесстрастном анализе, объективном исследовании. Жизнь чувства чужда ей. Здесь нет места подлинным любви или ненависти, симпатии и антипатии, «сердцу нечего делать в науке».

В такой области культуры, как политика, совсем нет места чувствам. Там идеология – личный, групповой, классовый интерес, борьба за власть. Сентиментальных политиков не может быть, им присущи трезвый расчет, дисциплина, интрига, вопросы решаются волей и силой.

Современное искусство ищет новых форм, красок. Сентиментальность в искусстве отжила свой век. В погоне за модой современные художники испытывают зависть или самодовольство.

Таким образом, вся культура, по мнению Ильина, лишена духовного стержня – сердечности, присущей в этом мире только человеку. Одна религия сохраняет свои основы, но даже она в европейской культуре стремится устранить сердце, ищет дисциплины и богословских доказательств.

Современная бездуховная культура сформировалась не вдруг. Предпосылки падения морали появились гораздо раньше. Они впитывались сознанием людей с детства. Ильин называет эти предпосылки: «умные люди не считаются с сердцем», «совесть – выдумка блаженных», с нею носятся только сентиментальные люди», «вера изжита и стала пережитком, она прощительна только наивным и непросвещенным людям», «любовь есть или здоровый половой инстинкт, нужный для деторождения, или старомодная сентиментальность»<sup>3</sup>. Эти предпосылки современной культуры окрепли и развились в XX в.

«Мышление без сердца, даже самое умное и изворотливое, остается в конечном счете безразличным: ему все равно, за что взяться, что ни обдумать, что ни изучить, оно оказывается бесчувственным, равнодушным, релятивистическим, машинообразным, холодным и циничным..., а потому характерным для карьеристов, для людей пролазливых, лстивых, пошлых и жадных»<sup>4</sup>.

Пренебрежение жизнью чувства нарушилось индивидуальными, личными «гейзерами» чувства, источниками любви и совести, встреченными непониманием в обществе. Примером такого явления может быть меценатство в России, которое, в отличие от западного, чаще связано с добротой, а не с расчетом.

Издавна в России развитие культуры во многом было делом энтузиастов. Русские меценаты внесли огромный вклад в развитие искусств, в сохранение и приумножение культурных ценностей народа. Известны имена таких русских меценатов, как Мамонтов, Третьяков, Рябушинский, Морозов и др.

В дореволюционном Красноярске было немало замечательных людей, оставивших о себе добрую память. В середине XIX в. красноярцы накануне религиозных праздников собирали для бедствующих людей деньги, вещи. Особенно много делали для развития духовной культуры Кузнецовы, Щеголевы, Гадалов, Сидоров, Переплетчиков, Саввиных и др. Семья золотопромышленника Баландина прославилась своими трудами не только родной Енисейск, но и всю страну, обогатив мировую науку крупными исследованиями в области органической химии. В.А.Баландина перечислила большую сумму денег в Петербург, чтобы от процентов этого капитала ежегодно выплачивались стипендии слушательницам Бестужевских курсов, но только уроженкам Сибири.



Меценаты спешили делать добро, выделяя часть наследственного капитала на благотворительные цели. Не будь меценатами губернатор Красноярск П.Замятин и золотопромышленник П.Кузнецов, мир не узнал бы художника Сурикова.

По поводу западной культуры И.А.Ильин высказывает совершенно определенную мысль: «она сооружена как бы из камня и льда». Здесь религия, искусство и наука холодны, политика, техника и хозяйство – жестки и суровы, а вся культура считается делом воли и ума. Там люди мало обращают внимания друг на друга, там нет душевного общения. Люди подобны деревянным шарикам, которые чокаются друг о друга и отскакивают в разные стороны.

«Люди как соперники и конкуренты, они заботятся друг о друге лишь в меру своего тщеславия, или еще – в меру чувственного влечения»<sup>5</sup>. Культуру без любви философ считает мертвым понятием, мнимой культурой или прямым лицемерием. Эти ценности западной культуры активно навязывают нам сегодня. Следовать им – значит, вести самобытную отечественную культуру к дальнейшему разложению, к потере ее духовного стержня.

В современном мире революции, войны не случайны. Справедливо мнение русского философа, видевшего в них выражение сердечной жестокости, алчности, зависти и ненависти. Бессердечие и жестокость современной жизни подготовлены всем ходом истории, ее корни в бессердечии современной культуры. Современное человечество пренебрежительно относится к сердцу, теряя любовь ко всему живому, к людям, к Богу. Оно отдает предпочтение пище, чувственным удовольствиям, внешним удобствам, комфорту, материальному благополучию, видя в них смысл жизни. Нравственное, религиозное, художественное, социальное совершенствование, для чего человек и пришел в этот мир, считается второстепенным, излишним. Полезно обратиться к трудам выдающегося ученого, философа, хирурга и религиозного деятеля прошлого В.Ф.Войно-Ясенецкого (1877-1961), который считал сердце главным органом человека. Не зря говорят, что сердце тоскует, вещует, болит. Он призывал «очистить сердце свое милостью, правдой, любовью, отличать добро от зла и ненавидеть зло»<sup>6</sup>. Пройдя тернистый жизненный путь, он осуждает вражду и силу в отношениях между людьми и целыми народами. «В основе нашей жизни, в основе отношений между народами должна быть поставлена доселе неведомая миру норма – милосердие. И только тогда, когда мы примем эту норму, заменив ею старые, забудем вражду и ненависть, только тогда воцарится мир на земле»<sup>7</sup>. Своевременно звучит призыв Войно-Ясенецкого к правде о том, что мы, имея достаток и даже избыток земных благ, равнодушно смотрим на

ближних наших голодных и раздетых, «только тогда будет правда в сердцах наших, когда обделенные и гонимые будут возбуждать нас состраданием»<sup>8</sup>.

Русская философия второй половины XIX – начала XX вв. искала ответы на те же вопросы, которые волнуют общественность и в настоящее время, – о духовном совершенствовании человека и общества, о выборе путей развития России. Интерес общественности к самобытной национальной отечественной культуре привел исследователей к открытию новых страниц в истории русской культуры, способствующих решению современных задач. Выразителем оригинальных идей был русский философ и культуролог М.М.Филиппов (1858-1903). Он искал пути национального духовного возрождения России. Изучение объективных условий российской действительности привело этого мыслителя к отрицанию экстремизма и радикализма как утопического пути, к признанию толерантности, гармонизации общественных отношений путем эволюционизма и реформаторства. Исторический опыт показал, что путь насильственной ломки социальных отношений не оправдал себя. По ряду положений учение Филиппова опередило свое время: он высказывал идеи ненасилия, приоритета общечеловеческого перед национальным, гармонизации общественных отношений.

Высшей ценностью общества Филиппов считал человека: «есть нечто стоящее выше всякой партийной борьбы, а именно – достоинство человека как человека... идеалы не должны до такой степени превращаться в идолы, чтобы лишать людей чувства правды. Ложь и гнусность не могут быть искуплены никакими – ни белыми, ни красными цветами».<sup>9</sup>

Злободневно звучат сегодня мысли Филиппова о том, что не только экономика, но и нравственное содержание личности и общества обуславливают его социальный прогресс. Нравственность является стержнем гармоничной, всесторонне развитой личности нового типа. Качествами, противоположными нравственности, он считает безделье, эксплуатацию чужого труда, непроизводительную трату физических и умственных сил. Главным понятием этической системы философа является нравственное достоинство личности, достижение которого возможно только в условиях свободы.

Критически осмысливая общественные отношения, Филиппов отмечает, что многие его сограждане живут с двойной моралью. Дисгармония духа этих людей обусловлена нарушением совести, которую он назвал внутренним регулятором поведения. Девиантное поведение, социальные отклонения людей являются общественным злом, причины которого следует искать в экономических отношениях.

Оптимистически звучит его вера в доброе начало человека. «В жизни много подлости и нищеты, но есть любовь и способность к бескорыстной жертве»<sup>10</sup>.

В русском характере исконно заложены такие качества, как доброта, любовь к страждущим, жалость, внимание к индивидуальной личности.

Русский философ Н.О.Лосский (1870-1965) отмечал, что к числу особенно ценных свойств русского народа относится чуткое восприятие чужих душевных состояний.<sup>11</sup> Простой народ со всей сердечностью относится к преступникам как к несчастным и стремится облегчить их участие. Доброту русского человека, по словам Лосского, не искоренил даже бесчеловечный режим советской власти. Немец ОТТО Бергер, бывший в плену близ Можайска, писал, что русские – особенный народ. Женщины относились к пленным как к несчастным, стирали, штопали одежду, а сами жили в чудовищной нищете. Лосский отметил такие качества русского человека, как открытость души, ценностное отношение к человеку, отсутствие злопамятности, чуткое различие добра и зла. Славяне, особенно русские, по мысли Лосского, относятся к мессианскому типу людей, ибо чувствуют себя призванными создать на земле высший божественный порядок, восстановить вокруг себя и в себе гармонию.

Запад подарил миру технические достижения, государственность, связи, но лишил его души. Задача России – вернуть ее людям. «Только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жаждой власти»<sup>12</sup>. Эти лучшие черты русского человека могут раствориться под прессингом западной культуры.

Духовную болезнь современного российского общества можно излечить лишь при единстве усилий власти и народа. Пути преодоления этого зла различны: одни видят спасение в защите предпринимательского сословия, другие – в развитии демократических основ общества и прав человека, третьи – в национальной идее, в защите целостности страны. Но справедливо мнение:

«Все новые и старые идеи будут очередным увлечением, если мы не преодолеем одичание нравов»<sup>13</sup>.

Восстановление нравственных основ общественных отношений – главное условие духовного возрождения России XXI в.

---

<sup>1</sup> Ильин, И.А. Путь к очевидности / И.А.Ильин. – М., 1993. – С.290.

<sup>2</sup> Там же. – С.292.

<sup>3</sup> Там же. – С.294.

<sup>4</sup> Там же. – С.298.

<sup>5</sup> Там же. – С.295.

---

<sup>6</sup> Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Евангельская злато / Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). – М., 2004. – С.55.

<sup>7</sup> Там же. – С.102-103.

<sup>8</sup> Там же. – С.104.

<sup>9</sup> Филиппов, М.М. Этюды прошлого / М.М.Филиппов. – М., 1963. – С.123.

<sup>10</sup> Филиппов, М.М. // Научное обозрение. – 1898. – №12. – С.2091.

<sup>11</sup> Лосский, Н.О. Характер русского народа (диалог времен и народов) / Н.О.Лосский. – М., 1995. – С.18.

<sup>12</sup> Там же. – С.38.

<sup>13</sup> Костиков, В. Одичание / В.Костиков // Аргументы и факты. – 2005. – №19. – С.4.

## НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Иванова Р.И.,

доктор философских наук, профессор  
Сибирский государственный  
технологический университет  
(г. Красноярск)

Значимость проблемы образования определяется тем, что в последнее время она стала глобальной, что признается большинством ее исследователей (Б.С.Гершунский, Н.В.Наливайко, А.Ж.Жафяров и др.). Она вызвана причинами преимущественно цивилизационного порядка, связанными с переходом к информационному обществу.

У нас кризисная ситуация приобретает особенно острый характер в связи с тем, что на нее наложилось особенности (трудности), присущие только России. Если в Европе капитализм существует с XVI в. (Англия, Нидерланды) и до сих пор, то в России только за один XX в. были феодализм – капитализм – социализм – снова капитализм. Это то, что касается *объективной* (здесь и далее курсив наш – Р.И.) стороны вопроса.

Но есть и *субъективная* – недостаточная проработанность стратегии реформирования образования, особенно слабость ее философско-методологических оснований, обрекающая практику на метод проб и ошибок. Сказанное остро ставит вопрос о теоретических основаниях образовательной практики, необходимости их анализа в свете философских законов и категорий. Методологическое значение для понимания проблем образования имеют все за-

коны и категории диалектики, а также теоретические положения социальной философии о базисе и надстройке, о сферах общества, духовном производстве, о личности и факторах ее социализации. Остановимся на методологическом значении некоторых философских категорий. Во-первых, на роли категории социальной философии «социализация личности и духовное производство», поскольку образование есть один из факторов социализации и это важно для понимания сущности образования вообще. И, во-вторых, – на значении принципа объективности исследования и конкретности истины, что важно для понимания состояния образовательной системы России.

### **1. Понятия «социализация личности и духовное производство» и их методологическое значение для понимания образования**

Социализация личности, в широком смысле этого слова, – это форма адаптации, только на социальном уровне. В понимании социализации следует исходить из основного положения классической антропологии (М.Шелер, А.Гелен, Т. де Шарден) о природной беспомощности и неопределенности (неспециализированности и незавершенности) человека. Если средством преодоления этого было возникновение социальности, то в плане онтогенеза, то есть применительно к отдельному индивиду, эту адаптивную функцию выполняет социализация. Последнее представляет собой процесс усвоения-присвоения им достижений культуры путем интериоризации внешних воздействий: социально-экономического строя, политического режима и всех других влияний социального опыта человечества, отраженного в формах общественного сознания, каждая из которых есть «специфический способ отражения мира и овладения им» (К.Маркс).

Формы общественного сознания складываются не в структуре и механизмах индивидуального сознания, не как индивидуально-психологические образования, а как объективный факт, как нечто внеличностное, бытийственное, уходящее вглубь человеческого бытия.

Виды общественного сознания – это некие «отложения» случившегося сознания» в определенных сферах, превратившиеся в устойчивые феномены, одинаковые у всех народов и во все времена. Словом, это своеобразные способы моделирования сфер действительности, получившие характер внешних объективаций, предметных образований сознания. Формы общественного сознания – это наиндивидуальнее форм накопления и передачи информации об окружающей среде.<sup>1</sup> Социализация личности – это интериоризация содержания всех форм общественного сознания в индиви-

дуальное сознание (политические убеждения личности, ее нравственные установки и идеалы, в эстетические потребности и вкусы).

Причем речь идет о интериоризации идей всех форм общественного сознания, а не только относящихся к науке и связанных с профессиональной адаптацией. Таким образом результатом социализации личности является формирование не просто профессионально адаптированной, а социально адаптированной личности.

Факторами социализации личности являются социально-экономический строй, семья, системы идеологического воздействия, образование. Каждый из них обладает своей спецификой воздействия на личность.

Выявлению специфики образования как одного из факторов социализации личности способствует применение многих философских законов и категорий. Особенно конструктивным является категория не просто «духовная сфера», а более узкое – «духовное производство» (поскольку первое – духовная сфера – включает сами идеи и их производство и т.д.). Сущность образования представляет собой другой аспект этого процесса.

Это не производство знаний и идей, а их трансляция как двусторонний процесс: *передачи идей* (со стороны субъекта образования) и *их восприятия*, интериоризации (со стороны объекта образования, то есть их потребление), результатом которого является формирование определенной личности. Образование есть единство процесса передачи и воспитания, то есть понятие «образование» имеет двойной смысл. Первый как образ человека, то есть конечный результат; второй – как деятельность по его созданию, то есть образование в смысле самого процесса по созданию образа личности. Это первый вывод из применения категории «духовное производство» к пониманию образования.

Второй вывод из применения этой категории: образование не стихийный процесс, а *сознательно организованная, целенаправленная деятельность*.

Кто осуществляет эту деятельность, организует и целенаправляет ее? Под влиянием каких потребностей и интересов она возникает и осуществляется? И тут вырисовывается противоречивый характер развития образования. Во-первых, оно развивается под влиянием потребностей всего общества и в соответствии с общесоциологическими законами. С этим связано, что образование развивается соответственно *внутренним, имманентно присущим ему законам*, внутренней логике его развития. Это отклонение от достигнутого уровня развития науки, некоторая независимость от базиса и надстройки, преемственность идей; взаимовлияние его структурных компонентов. Образованию присуща некото-

рая инерционность, консервативность. (Надо сказать, эта сторона его развития меньше всего разработана в литературе.)

С другой стороны, эту деятельность организуют и направляют определенные, *экономически господствующие слои общества*, а это означает, что образование имеет надстроечный, *политический характер*. Хотя и не так прямо и непосредственно выраженный, как в политических или правовых структурах. Политика как концентрированное выражение экономики отражается во всех сферах общества в форме, соответствующей природе этой сферы. Соответственно и в образовательной сфере как курсе и направлении деятельности правительства и его руководства в данной сфере.<sup>2</sup> Образовательная политика – это одно из *ключевых направлений внутренней политики государства*, имеющее целью создание экономических, институциональных и духовно-идеологических условий для осуществления основных функций образования, включая формирование определенного типа личности в соответствии с принятой системой ценностей. Не все элементы этой системы надстроечные, и каждый из них «надстроечен» в разной степени. Конечно, господствующий класс заинтересован в том, чтобы продуктом образования этого духовного производства (каковым является образование как сознательно организованный процесс) была личность определенного типа.

Философия так и определяет личность как комплекс, прежде всего, содержательных свойств (цели, убеждения, идеалы, интересы, потребности). Каждое общество выдвигает свой идеал человека. Так, в Спарте концепция идеального человека включала храбрость, мужество и физическое совершенство; в феодальном обществе – почтение и уважение к старшим по возрасту и социальному статусу (для поддержания стабильности иерархической системы); социалистическое общество – моральный кодекс строителя коммунизма. Свой идеал человека выдвигает и наша действительность.

Далее, образование как деятельность, относящаяся к духовному производству, характеризуется относительной независимостью, выражающейся во внутренней логике его развития, о чем было сказано выше. То есть развитие образования осуществляется не только под влиянием внешних по отношению к нему воздействий, но и под влиянием внутренних, имманентно присущих образованию импульсов.

Конечно, система образования претерпевает изменения в соответствии с внутренней логикой своего развития, но изменения эти несравнимы по темпам, масштабам, формам и значимости с инновациями, привносимыми обществом извне, иными словами, «социальная гиподинамия» системы образования все сильнее под-

вергается активному преобразующему воздействию общественных структур. Под влиянием данного воздействия она становится все более подвижной, но присущий ей динамический консерватизм все более усиливает ее способность сопротивления инновациям. Суть этого явления заключается в следующем: в результате внешнего воздействия система образования, безусловно, перестраивается по внешней форме, но сущность ее зачастую оказывается затронутой лишь в незначительной степени. Инкорпорируются, главным образом, те нововведения, которые не противоречат ее прежнему существованию. Чем дальше, тем силы внешнего воздействия на систему образования нарастают. Не всегда, конечно, такое воздействие оправданно, при определенных обстоятельствах система образования может быть отдана во власть стихийных сил и влияний.

В зависимости от того, какие импульсы в развитии образовательной системы преобладают, существует *два типа ее модернизации*: первый – на внутренних стимулах (большинство развитых стран); второй – на стимулах внешнего порядка (поражение в войне, угроза утраты национального суверенитета (большинство развивающихся стран Азии и Африки и Россия). Второму типу модернизации сопутствует ориентация на заимствование чужих систем, с содержанием элементов вестернизации. Он опасен тем, что недостаточно учитываются внутренняя логика развития, имманентно присущая образованию как таковому, а также конкретно-исторические, национальные особенности страны.

Далее, образование как духовное производство, со свойствами этому производству отношениями, независимостью от бытия, играет большую роль в обществе. В определенных ситуациях такую большую, что к нему неправомерно применять понятие вторичности. Здесь уместно уточнить понятия первичности и вторичности по части отношения материи и сознания и оценки сознания. Сознание вторично, производно по отношению к материи лишь в плане гносеологии (что первое, а что второе в смысле отражения). Понятия же первичности и вторичности в оценке их роли неправомерны. Это разъяснял еще Ф.Энгельс в знаменитых письмах об историческом материализме (после смерти К.Маркса), а также В.И.Ленин.

Сказанное относится и к оценке роли образования как явления духовной сферы. Здесь также эти понятия неправомерны, так как через человеческий фактор образование (как и наука) включается в производительные силы. Особенно сейчас, когда наука превращается в непосредственную производительную силу общества через образование. Одним из главных социально-философских оснований стратегии модернизации современного общества (вообще



и российского в частности) должен стать социально-образовательный детерминизм. Он выступает не отрицанием, но новой фазой развития детерминизма социально-экономического, что означает не отказ от признания определенной роли экономической сферы в развитии общества, но признание ведущей роли образования в развитии современной экономики как фундамента общественной жизни.

Это должно быть главным социально-философским основанием и ориентиром для выработки стратегии модернизации общества вообще и образования в частности. В этом смысле наличие огромного стабилизационного фонда и хроническое недофинансирование образования представляются недопустимым и необъяснимым абсурдом.

Что касается характера зависимости роли образования в жизни общества, то она та же, что и для всей духовной сферы: в случае опережения – это позитивная роль, в случае отставания – негативная. Но все это зависит еще и от конкретно-исторических условий. Так, консервативность и инерционность образовательной системы в определенных ситуациях могут выполнять позитивную функцию единственного островка, противостоящего негативным тенденциям (такая ситуация сложилась в нашей стране, когда налицо кризисное состояние, а другие рычаги социализации – искусство, мораль – блокированы по причине своего состояния).

Все сказанное об образовании как специфическом факторе социализации личности имеет методологическое значение для образовательной практики. Так, положение о том, что сущность образования не сводится к трансляции знаний лишь академического характера, связанных с профессиональной адаптацией (как преодоление природной незащищенности), но имеются в виду все знания (нравственные, эстетические, политические), составляющие содержание всех наиндивидуальнее существующих форм общественного сознания, в которых, как уже говорилось, отражен опыт человечества во всем объеме социальности. Такова сущность образования.

Это и есть глубокое обоснование необходимости принципа единства обучения и воспитания, давно провозглашенного великими педагогами, но до сих пор не осуществленного (преобладание знаниевого подхода к образованию). Здесь следует подчеркнуть, что это трансляция всех видов знания, но не всех уровней (преимущественно теоретического, а не обыденного).

**2. Методологическое значение принципа объективности исследования и конкретности истины для выявления**

## **причин кризиса российской системы образования и пути его преодоления**

Если до сих пор мы говорили об образовании вообще, то в этом разделе статьи речь пойдет о состоянии образовательной системы в России и значении указанного кризиса для анализа этого вопроса.

Первое – оценка состояния образования в России. В системном кризисе российского общества состояние образования не представляет исключения. Уже на уровне обыденного сознания и статистики видны проявления этого кризиса и его последствия. Особенно тревожный характер приобрела проблема его доступности. Обучение в старших классах средней школы перестало быть обязательным (3 млн. детей школьного возраста не посещают школу; 10% призывников имеют начальное образование и т.д.). Произошло резкое сокращение студенчества как социального слоя (из 6 млн. студентов только 52% учатся на бюджетной основе). Низкая зарплата работников сферы образования привела к резкому оттоку молодых преподавателей из школ и вузов и повальному уходу мужчин из школ. Детские сады превращены в офисы коммерческих структур; территории бывших пионерских лагерей застроены коттеджами. 10% выпускников детдомов и интернатов пытались покончить с собой, не вписавшись во взрослую жизнь (30% становятся алкоголиками, 5% – наркоманами).

19 октября 2005 г. на научно-практической конференции, проводившейся в Государственной Думе, было проведено анкетирование компетентных участников конференции. На вопрос: как оценивается состояние образования в России, удовлетворительно оценили 25%, неудовлетворительно – 71% и хорошо – только 3%. Положительную оценку изменениям в образовательной системе дали 6%, отрицательную – 81%, 30% считают, что они никак не повлияли. На вопрос: справляется ли Правительство с образовательными проблемами, 67% участников дали отрицательный ответ.

Существуют общепринятые объективные показатели («индикаторы») оценки состояния образовательной сферы:

- доля ВВП расходной части консолидированного бюджета и бюджетов различных уровней, выделяемая на расходы на образование;
- показатели уровней знаний обучающихся, получаемые при сравнительных международных исследованиях;
- доля выпускников образовательных учреждений, имеющих положительную социальную мотивацию, выявленную при социологических исследованиях.<sup>3</sup>

Во-вторых, признание кризисного состояния образования обязывает разобраться в его причинах. По этому вопросу написано немало работ. Но большинство авторов сводят их к субъективным факторам: непродуманность и необоснованность стратегии реформирования, идущего по методу проб и ошибок, бездарность министров образования и т.д.<sup>4</sup>

Все это так, но не это главное. Главное в том, что не анализируются объективные, материальные факторы как основные причины и не соблюдаются в качестве методологического принципа требования объективности исследований и конкретности истины применительно к России.

Применительно к нашему вопросу это означает необходимость учета особенностей состояния современной перестроечной и постперестроечной России. По *части экономической* – это предполагает учет особенностей российского капитализма, его *олигархического характера* с присущим ему огромным различием в доходах (пятидесятикратный разрыв между верхними и нижними слоями), с большим процентом населения, живущего за чертой бедности, узкой прослойкой средних слоев. В этих условиях чрезмерная коммерциализация образования не соответствует социальным реалиям России. Реформа идет по принципу поворота на 180%: если в Советском Союзе образование было полностью бесплатным и хорошо профинансированным, то теперь все наоборот – образование осуществляется через гиперкоммерциализацию, платность и хроническое недофинансирование (между тем существует предел допустимого процента бюджета на образование – не менее 2%). Ни в одной стране нет такой массовой приватизации образовательных учреждений. По числу частных школ мы обогнали Европу (за 7 последние лет их создали больше, чем вся Европа за последние 200 лет!). Чрезмерная коммерциализация образования в условиях низкого уровня жизни большинства населения, неспособность оплатить образовательные услуги вытолкнули из учебы миллионы юношей и девушек. Это первое, что характеризует *экономическую сферу*.

Второе – *политическая сфера*. Ее характеризует ущемление демократии. Оно выражается в ограничении равных возможностей в получении образовательных услуг, узаконившем привилегии для одних и ограничение доступности образования для других. Далее, недостаточность гласности в принятии решений, игнорирование мнения большинства (на упомянутой выше конференции, проводимой в Государственной Думе, против ЕГЭ проголосовали 66%, тем не менее его приняли). Недостаточное объяснение сущности вводимой новой программы образования, постоянные нарушения

федеральных законов (провозглашающих приоритетность образования), замена их региональными подзаконными установлениями, идущими вразрез с конституционными и законодательными (пример, постоянные поправки на конституционное положение по части светского характера образования), нарушение приоритета федеральных актов перед региональными и т.д. Это то, что характеризует уровень демократии в сфере образования.

И третье: *духовная сфера*. Конкретно-исторический подход следует осуществить и в характеристике духовной ситуации современной России, отличающейся от таковой на Западе. Там, как уже было сказано выше, не происходят постоянные формационные трансформации общества (по крайней мере, в последнее время) и связанные с ними смены идеологических парадигм. Запад может позволить себе приоритеты обучения перед воспитанием, технизм в вузах и т.д.; Россия – нет. Недооценка духовной сферы в России, отсутствие гражданско-патриотических черт, бездуховность, равнодушие и апатия, извращенное историческое сознание грозят национальной безопасности.

В 1980 гг. педагоги-практики, находясь в состоянии дезориентации по поводу эталона человека, которого надо воспитать применительно к их будущей самостоятельной жизни, обратились с этим вопросом к представителям педагогической теории. В ответ были названы такие черты: коммуникабельность, некоторые особенности мышления (конструктивность ума и т.д.), способность к риску, предприимчивость, мастеровитость. Все внимание концентрировалось на технологически-инструментальных особенностях человека, имеющих прагматическое значение (к слову сказать, эти черты есть у любого преступника).<sup>5</sup>

В такой постановке отсутствует главное: содержательная направленность личности, ее духовно-векторная сторона.<sup>6</sup> Конечно, можно понять это как аллергическую реакцию на политизированные, заидеологизированные идеи предшествующего (советского) периода. Но зачем же такие крайности?

В анкетировании в Государственной Думе участники уже упоминавшейся конференции написали на полях анкет: «воспитанием вообще не занимаются. Действия Правительства не говорят о заинтересованности в воспитании нравственных, патриотически и государственно настроенных граждан».

И последнее. Одной из причин указанного состояния российской образовательной системы является ее слабая философско-методологическая основа: ошибочность тех или иных ориентиров или их игнорирование в практике (примеры: игнорирование конкретно-исторических условий России, некритическое заимствова-

ние западных моделей, нигилизм по отношению к прошлому опыту и т.д.).

Соответственно этим выводам о причинах кризиса следует наметить и основные пути его преодоления. Прежде всего, – это *необходимость изменения курса с олигархического на социально ориентированный капитализм* с соответствующим финансированием образования, истинной, а не декларативно провозглашенной его приоритетностью.

Далее. Сущностными направлениями в преодолении кризиса образования и его тяжелых последствий является усиление духовно-нравственного воспитания с акцентом на гражданственность, связанную с национальной безопасностью, что должно быть отражено в программах всех школьных и вузовских предметов. Далее, усиление роли гуманитарных дисциплин. Здесь я бы особо остановилась на роли философии, указав на необходимость прекращения выживания философии из образовательной системы, недооценки ее как формы общественного сознания вообще, а также необходимость остановить сознательную религиизацию общества как тенденцию, несовместимую с объективными закономерностями общественного сознания, в силу которых доминантой из всех его форм (наука, философия, искусство и т.д.) в XXI в. не может быть религия.

Особо следует подчеркнуть необходимость усиления философской составляющей образовательной теории и практики, то есть разработки и реализации их методологических оснований. Философские идеи очень ценны в гносеологическом отношении, чтобы они лежали мертвым капиталом, и слишком высокой ценой (учитывая драматизм истории философии и трагические судьбы многих ее представителей) добыты эти идеи, чтобы они не служили людям средством для решения сложных и трудных проблем их существования. И это тоже относится к конкретно-историческому подходу, поскольку роль философии не всегда одинакова: звездный час философии наступает в трудные времена.

---

<sup>1</sup> Иванова, Р.И. Философия как вид духовного производства и потребления : монография / Р.И.Иванова. – Красноярск, 2001. – Гл.2. – С.12-16.

<sup>2</sup> «Образовательную политику обычно включают в структуру социальной или культурной, а не считают самостоятельным направлением, – отмечает О.Н.Смолин. – Нет и статей об этом. Это – отражение подсознательной недооценки роли образования, науки и так же соответствующее общей политики» (см.: Смолин, О.Н. Социально-философские основания стратегии модернизации России: роль образования и науки / О.Н.Смолин // Философские науки. – 2006. – №1. – С.8).

<sup>3</sup> Там же. – С.13.

---

<sup>4</sup> Интересно, что средневековый термин «министериял», от которого произошло слово министр, означает – слуга, назначенный сеньором управлять его домашним хозяйством, зависит от него и получает от него содержание.

<sup>5</sup> Новые ориентиры гуманитарного образования // Человек. – 1995. – №№2, 3, 4.

<sup>6</sup> Аналогичные рекомендации по части целей воспитания с точки зрения МФО предлагает Ф.Биби. По его мнению, это 1) воспитание зрелого и хорошего (?) характера, 2) способности любить других людей и создания семьи, 3) развитие таланта, навыков, чтобы вносить вклад в развитие общества (см.: Биби, Ф. Воспитание в третьем тысячелетии / Ф.Биби // Философия образования. – 2003. – №6. – С.140).

## **ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ФАКТОРАХ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА (по материалам социологического исследования)**

Гендин А.М.,  
член-корреспондент РАО, доктор  
философских наук, профессор  
Красноярский государственный  
педагогический университет имени  
В.П.Астафьева  
(г. Красноярск)

Сергеев М.И.,  
кандидат философских наук,  
профессор  
Красноярский государственный  
педагогический университет имени  
В.П.Астафьева  
(г. Красноярск)

В процессе осуществляемого Центром комплексных социологических исследований КГПУ многолетнего мониторинга развития системы образования Красноярского края мы всегда интересовались духовной жизнью опрашиваемых респондентов – школьников, их родителей, учителей, студентов педагогических вузов. Наряду с другими проблемами нас интересовали мнения молодых людей о факторах жизненного успеха. Представления подобного рода имеют важное значение для характеристики духовного мира человека. В них, с одной стороны, отражается его понимание реальной общественной ситуации, складывающееся под влиянием меняющихся условий социальной макросреды, что особенно акту-

ально в обстановке переходного периода, переживаемого Россией. С другой же стороны, в этих представлениях находят концентрированное выражение ценностные ориентации респондентов, характерные черты их нравственного облика.

Особо большое внимание в изучении данной проблемы мы уделяем студенческой молодежи. Это объясняется, прежде всего, тем, что студенты вузов являются авангардным отрядом молодежи России. От их физического и психического здоровья, социального благополучия во многом зависят работоспособность будущих специалистов с высшим образованием, тот вклад, который они призваны внести в возрождение России. Именно они должны стать примером для всей молодежи страны, образцом, которому желали бы следовать, подражать подростки, юноши, девушки в повседневной жизни, в учебе, в труде. И в первую очередь, это относится к студентам педагогического вуза – будущим учителям, от которых во многом зависит нравственное и физическое здоровье подрастающего поколения.

В ходе мониторингового исследования, основными этапами которого были репрезентативные опросы студентов КГПУ в 1992, 1997 и 2000 гг., были выявлены основные тенденции в эволюции представлений молодых людей о факторах жизненного успеха в условиях современной России. Тенденции эти оказались весьма противоречивыми. В конечном счете они, несомненно, определяются противоречивой обстановкой в современном российском обществе, растущими трудностями самоопределения молодежи, достижения жизненных целей.

Некоторые негативные изменения в исследуемых представлениях и мнениях респондентов связаны с тем, что часть студентов, наблюдая нынешнюю российскую действительность, разочаровываются в социальной справедливости, приходят к выводу, что не личные достоинства и заслуги, а нечто совсем другое служит залогом успеха.

В исследовании 2000 г. мы попытались выяснить представления студентов не только о «сущем», то есть о том, какие факторы, по их мнению, реально обеспечивают жизненный успех в настоящее время, но и о «должном», то есть о том, какие факторы должны были бы в принципе, так сказать, в идеале способствовать этому.

Результаты данных исследований нашли отражение в ряде наших публикаций.<sup>1</sup> Поэтому мы не будем на них специально останавливаться, хотя некоторые материалы мониторинга здесь будут использованы.

Основой данной статьи являются результаты последнего этапа мониторинга, осуществленного в 2003 г.<sup>2</sup> На этот раз респондентам были заданы вопросы, касающиеся как их мнений о «должном» и «сущем» в интересующей нас сфере, так и их нынешних намерений, планов, надежд найти опору в достижении собственного жизненного успеха в тех или иных конкретных факторах. Такой подход, как нам представляется, позволяет глубже понять внутренний мир молодых людей, их нравственные позиции, мотивы деятельности.

Следует также заметить, что на последнем этапе мониторинга особое внимание уделялось изучению здорового образа жизни студентов, который трактуется на основе современного комплексного понимания здоровья человека – в единстве его физического, психического и социально-нравственного аспектов. В статье раскрываются некоторые корреляционные связи между уровнем ЗОЖ (здорового образа жизни) в его обобщенном выражении и представлениями респондентов о факторах жизненного успеха.

С ценностными ориентациями людей, их нравственными убеждениями органично связаны представления о «должном», о том, на каких факторах в принципе, в идеале базируется жизненный успех. Чтобы выявить эти представления, студентам был задан вопрос: «Что, по вашему мнению, должно обеспечивать успех в жизни?» В анкете перечислялись двенадцать различных факторов и предлагалось каждый из них оценить по трехбалльной шкале: «прежде всего», «в меньшей степени», «не влияет». В табл. 1 представлены результаты опроса, в которых приведены оценки факторов успеха высшим баллом («прежде всего»).

Как мы видим, студенты полагают, что человек должен добиваться успеха в жизни, прежде всего, собственным трудом, продвигаться благодаря своим способностям, образованности, профессиональной компетентности. Именно поэтому «призовые» места, по их мнению, должны занимать такие факторы, как «личная активность, целеустремленность, постоянный поиск» (86% оценок высшим баллом), «трудолюбие, самосовершенствование» (83%), «образование, компетентность, профессионализм» (79%).

Большое значение в нынешнем нестабильном мире они придают «благоприятной семейной обстановке» (72%), а также «наличию и поддержке друзей» (68%). Хорошо понимают они и значимость в современных условиях «интеллектуальных способностей» (69%).



Таблица 1

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ О ФАКТОРАХ,  
КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ ОБЕСПЕЧИВАТЬ УСПЕХ В ЖИЗНИ  
(% ответивших «прежде всего»)**

| №  | Факторы                                                                | Все<br>го | По полу    |              | По курсам |     |    | По уров-<br>ню ЗОЖ <sup>3</sup> |                   |
|----|------------------------------------------------------------------------|-----------|------------|--------------|-----------|-----|----|---------------------------------|-------------------|
|    |                                                                        |           | Юно-<br>ши | Деву-<br>шки | I         | III | V  | Низ-<br>кий                     | Вы-<br>со-<br>кий |
| 1  | 2                                                                      | 3         | 4          | 5            | 6         | 7   | 8  | 9                               | 10                |
| 1  | Личная актив-<br>ность, целеуст-<br>ремленность, по-<br>стоянный поиск | 86        | 86         | 86           | 86        | 86  | 87 | 82                              | 90                |
| 2  | Трудолюбие, са-<br>моусовершенст-<br>зование                           | 83        | 84         | 82           | 84        | 80  | 83 | 75                              | 90                |
| 3  | Интеллектуаль-<br>ные способности                                      | 69        | 70         | 68           | 68        | 67  | 71 | 70                              | 66                |
| 4  | Образованность,<br>компетентность,<br>профессиона-<br>лизм             | 79        | 74         | 81           | 80        | 78  | 81 | 74                              | 85                |
| 5  | Практицизм,<br>предприимчи-<br>вость                                   | 56        | 58         | 56           | 53        | 57  | 59 | 58                              | 55                |
| 6  | Благоприятная<br>семейная обста-<br>новка                              | 72        | 66         | 73           | 72        | 68  | 76 | 64                              | 75                |
| 7  | Наличие и под-<br>держка друзей                                        | 68        | 71         | 67           | 73        | 65  | 65 | 64                              | 70                |
| 8  | Личное обаяние,<br>привлекатель-<br>ность                              | 47        | 37         | 50           | 47        | 45  | 49 | 46                              | 48                |
| 9  | Здоровье, физи-<br>ческое совер-<br>шенство                            | 55        | 62         | 54           | 55        | 53  | 60 | 45                              | 69                |
| 10 | Деньги                                                                 | 52        | 55         | 51           | 52        | 51  | 55 | 52                              | 55                |
| 11 | Протекция влия-<br>тельных родст-<br>венников и зна-<br>комых          | 25        | 31         | 24           | 23        | 24  | 30 | 28                              | 27                |
| 12 | Случай, жизнен-<br>ные обстоятель-<br>ства                             | 29        | 25         | 30           | 28        | 27  | 32 | 33                              | 25                |

Отдают должное наши респонденты необходимости в рыночную эпоху такого качества, как «практицизм, предприимчивость» (56%). На таком же уровне находится признание важности для жизненного успеха «здоровья, физического совершенства» (55%).

Более половины опрошенных (52%) признают правомерным для достижения жизненного успеха использовать «деньги». Пожалуй, не стоит торопиться осуждать за это нынешнюю молодежь. Ибо возможны различные варианты понимания их роли в успешности жизненного пути. Одно дело, если речь идет об использовании денег для незаконного поступления в вуз, получения выгодной должности и т.п. Другое дело, если под этим понимается необходимость денег для удовлетворения нормальных жизненных потребностей, обеспечения достойного человека уровня жизни. Тогда нравственный аспект приобретает вопрос о способе получения денег – честным трудом или противоправными методами.

О том, что подобное предположение имеет под собою основание, свидетельствует, по нашему мнению, тот факт, что откровенно неблагоприятный путь к успеху («протекция влиятельных родственников и знакомых») одобрила, оценив высшим баллом, лишь четверть респондентов (25%).

Около половины студентов (47%) считают вполне приемлемым в целях достижения успеха прибегнуть к такому средству, как «личное обаяние, привлекательность». И, наконец, часть опрошенных (29%) считают, что надо полагаться на «случай, жизненные обстоятельства».

В основном и главным мнения разных категорий респондентов довольно близки друг к другу. Но есть и различия. Так, девушки в большей степени, чем юноши, отдают предпочтение таким факторам жизненного успеха, как «обаяние, привлекательность» (соответственно 50% и 37%), «образование, компетентность, профессионализм» (81% и 74%), «благоприятная семейная обстановка» (73% и 66%). Бóльшее значение придают они и благоприятному «случаю, жизненным обстоятельствам» (соответственно 30% и 25%).

В свою очередь, юноши чаще по сравнению с девушками признают важность таких факторов, как «здоровье, физическое совершенство» (соответственно 62% и 54%), более прагматично оценивают роль «денег» (55% и 51%), «протекции родственников и знакомых» (31% и 24%).

Что касается возрастных различий, то выпускники в большей степени, чем первокурсники, сознают роль «протекции влиятельных родственников и знакомых» (соответственно 30% и 23%), а также «здоровья и физического совершенства» (60% и 55%) и

«практицизма, предприимчивости» (59% и 53%). Новички же выше, чем пятикурсники, ценят значение «наличия и поддержки друзей» (73% и 65%).

Представляет интерес сопоставление мнений по рассматриваемому здесь вопросу студентов с различным уровнем здорового образа жизни. Информация для такого сравнения содержится в последних двух столбцах табл. 1. Мы видим, что и в данном случае уровень здорового образа жизни оказывает заметное влияние на позиции респондентов. Представители группы с высоким уровнем здорового образа жизни по сравнению с представителями группы с низким уровнем чаще дают высокие оценки всем факторам жизненного успеха, связанным с собственными усилиями человека, его активностью, трудолюбием, образованием и компетентностью, поддержкой друзей и семьи. Особенно большое различие обнаруживается по вполне понятным причинам в оценке значимости для успеха в жизни «здоровья, физического совершенства» (соответственно 69% и 45% оценок высшим баллом).

В то же время студенты с более низкими показателями здорового образа жизни заметно чаще отдают предпочтение «случаю, жизненным обстоятельствам», несколько выше ценят «практицизм, предприимчивость».

До сих пор речь шла о представлениях студентов относительно того, какие факторы должны в принципе, в идеале способствовать жизненному успеху человека. Мы попытались одновременно выяснить, во-первых, какие факторы, по их мнению, на самом деле способствуют успеху в настоящее время, а, во-вторых, на какие факторы больше всего рассчитывают они сами в своей жизни. Материал для такого рода сопоставления содержится в табл. 2.

Таблица 2

#### РАНГОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ФАКТОРОВ ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА

| № | Факторы                                                 | Ранги факторов в идеале | Ранги факторов в реальной действительности | Ранги планируемых факторов |                    |                     |
|---|---------------------------------------------------------|-------------------------|--------------------------------------------|----------------------------|--------------------|---------------------|
|   |                                                         |                         |                                            | Всего                      | Низкий уровень ЗОЖ | Высокий уровень ЗОЖ |
| 1 | 2                                                       | 3                       | 4                                          | 5                          | 6                  | 7                   |
| 1 | Личная активность, целеустремленность, постоянный поиск | I                       | II                                         | I                          | I                  | I                   |
| 2 | Трудолюбие, самосовершенствование                       | II                      | V                                          | II-III                     | III                | II                  |

| 1  | 2                                               | 3    | 4      | 5      | 6      | 7    |
|----|-------------------------------------------------|------|--------|--------|--------|------|
| 3  | Интеллектуальные способности                    | V    | VI     | IV     | IV     | IV   |
| 4  | Образованность, компетентность, профессионализм | III  | IV     | II-III | II     | III  |
| 5  | Практицизм, пред-приимчивость                   | VII  | VII-IX | IX-X   | X      | IX   |
| 6  | Благоприятная семейная обстановка               | IV   | X      | VI     | VII    | V    |
| 7  | Наличие и поддержка друзей                      | VI   | VII-IX | V      | V      | VI   |
| 8  | Личное обаяние, привлекательность               | X    | VII-IX | VII    | VIII   | VIII |
| 9  | Здоровье, физическое совершенство               | VIII | XI     | IX-X   | XI-XII | VII  |
| 10 | Деньги                                          | IX   | I      | XII    | IX     | X    |
| 11 | Протекция влиятельных родственников и знакомых  | XII  | III    | XI     | XI-XII | XII  |
| 12 | Случай, жизненные обстоятельства                | XI   | XII    | VIII   | VI     | XI   |

По техническим причинам и в целях большей наглядности информация здесь дается в форме ранговых показателей, обозначающих места, занимаемые теми или иными факторами, степень их предпочтительности в определенных отношениях. В первом столбце – ранги «должного» (какие факторы должны определять жизненный успех в идеале), во втором – ранги «сущего» (что наблюдается в реальной действительности), в третьем – ранги факторов, на которые рассчитывают респонденты в своих жизненных планах. В четвертом и пятом столбцах ранги факторов, связанных с жизненными планами студентов, дифференцируются в зависимости от показателей их здорового образа жизни.

С представлениями респондентов о том, что должно способствовать жизненному успеху в идеале, по справедливости, мы уже знакомы. Какова же, по их мнению, сегодняшняя реальная действительность, от чего на самом деле в настоящее время зависит будущее молодого человека? Студенты, как мы видим, сознают, что реалии жизни никак не соответствуют их представлениям о социальной справедливости.

Правда, респонденты и в данном случае убеждены в большой роли для достижения жизненного успеха «личной активности, целеустремленности, постоянного поиска». Но даже этот высоко це-

нимый ими фактор переместился с первого места на второе. На первый же план выдвинулся такой меркантильный фактор, как «деньги», который занимал лишь девятое место в иерархии предпочитаемых студентами факторов жизненного успеха. Заметим, что в начале рыночных преобразований (1992 г.) студенты нашего пединститута отводили ему лишь девятое место, когда отвечали на вопрос не о предпочитаемых, а о реально действующих в то время факторах успеха. В 1997 г., согласно их мнению, он передвинулся на восьмое место, в 2000 г. – на второе<sup>4</sup>, а в 2003 г. – на первое.

Подобная эволюция оценок, которые дают студенты действительной роли этого фактора, несомненно, отражает изменения, происходящие в общественной жизни России. В обстановке растущего имущественного расслоения, неизбежного в условиях частно-собственнических отношений, к подобным выводам приходит все большая часть молодых людей.

Аналогичная ситуация наблюдается и относительно другого столь же неблагоприятного с нравственной точки зрения фактора жизненного успеха – «протекции влиятельных родственников и знакомых». Если среди признаваемых студентами в качестве правомерных факторов успеха он занимает последнее двенадцатое место, то как реально действующий фактор он перемещается на «призовое» третье. Заметим, что в 1992 г. он занимал последнее двенадцатое место не в иерархии предпочитаемых, а в ряду действующих факторов. Последующая его «карьера» идентична росту реальной значимости «денег» в предыдущем случае: 1997 г. – одиннадцатое место, 2000 г. – восьмое место, 2003 г. – третье место.<sup>5</sup> Рост влияния на жизненную судьбу человека столь одиозного фактора опять-таки отражает весьма негативные процессы, происходящие в обществе, где так называемые «реформы» породили широкое распространение коррупции и кумовства. Не приходится говорить о деморализующем влиянии подобного рода ситуации на молодежь.

Сопоставление ранговых показателей, приведенных в первом и втором столбцах табл. 2, свидетельствует, что и по ряду других позиций мнения студентов о «сущем» и «должном» не совпадают. Жизненные реалии в большей или меньшей степени разочаровывают их в отношении таких факторов успеха, как «трудолюбие, самоусовершенствование» (в ряду предпочитаемых факторов он занимает второе место, а среди реально влияющих на судьбу человека – лишь пятое), «интеллектуальные способности» (соответственно пятое и шестое), «образование, компетентность, профессионализм» (третье и четвертое), «благоприятная семейная обстанов-

ка» (четвертое и десятое), «здоровье, физическое совершенство» (восьмое и одиннадцатое).

Приведенные здесь факты говорят о том, что будущие учителя даже в условиях, неблагоприятных для нравственного поведения, в своем большинстве сохраняют здоровые моральные устои, внутренне противятся любым отступлениям от норм человеческой порядочности и социальной справедливости. Однако одно дело нравственные идеалы человека, другое – мотивы его практической деятельности, намерения, которыми он руководствуется в действительности. Они, как правило, определяются не только моральными принципами, но и реальными возможностями, более или менее трезвой их оценкой (в том числе – и самооценкой). Интересны в этом отношении ответы респондентов на вопрос анкеты: «На какие из этих факторов больше всего рассчитываете лично вы?».

Информация о результатах опроса по массиву респондентов в целом в форме ранговых показателей различных факторов успеха содержится в третьем столбце табл. 2. Отраден тот факт, что в своих планах на будущее наши респонденты ориентируются, как правило, на те факторы успеха, которые близки к их идеальным представлениям. Ранговые показатели третьего столбца в гораздо большей степени соответствуют показателям первого столбца, чем второго. Вопреки в целом довольно пессимистическому представлению о нынешнем реальном положении, студенты настроены весьма оптимистично и рассчитывают, прежде всего, на собственные силы и возможности. На первые места здесь выдвинулись такие факторы, как «личная активность, целеустремленность, постоянный поиск», «трудолюбие, самоусовершенствование», «образование, компетентность, профессионализм», «интеллектуальные способности». Довольно высокие места в этой своеобразной «табели о рангах» заняли надежды на наличие и поддержку друзей» (пятое место), «благоприятную семейную обстановку» (шестое место). Многие (прежде всего, конечно, девушки) рассчитывают на «личное обаяние, привлекательность» (седьмое место), часть респондентов надеются на «случай, благоприятные жизненные обстоятельства» (восьмое место). Последующие места (девятое-десятое) заняли «здоровье, физическое совершенство» и «практицизм, предприимчивость».

Следует заметить, что в условиях растущей неопределенности будущего, снижения возможностей человека собственными усилиями, личными заслугами и достижениями выстроить свой жизненный путь повысилась ставка части респондентов на «случай, жизненные обстоятельства» (этот фактор переместился с

одиннадцатого и двенадцатого мест в первом и втором столбцах табл. 2 на восьмое место в третьем столбце).

Знаменательно, что морально ущербные факторы («протекция влиятельных родственников и знакомых», а также «деньги») оказались на самых последних местах. Здесь, очевидно, дали себя знать два обстоятельства. Во-первых, и это главное, – здоровые нравственные установки будущих педагогов. А, во-вторых, – то, что подавляющее большинство студентов педагогического вуза являются выходцами из социальных слоев, не располагающих большими средствами и влиятельными связями.

Обратимся, наконец, к различиям в надеждах респондентов на факторы собственного жизненного успеха, связанные с неодинаковым уровнем их здорового образа жизни (см.: четвертый и пятый столбцы табл. 2). Как и следовало ожидать, представители группы с более высоким уровнем здорового образа жизни заметно в большей степени по сравнению с членами другой группы рассчитывают на то, что смогут добиться успехов в своей жизни за счет «здоровья, физического совершенства» (соответственно седьмое и одиннадцатое-двенадцатое места). В гораздо меньшей степени они полагаются на «случай, жизненные обстоятельства». Этот фактор в иерархии их расчетов занимает предпоследнее одиннадцатое место, в то время как у их «оппонентов» – почетное шестое место. В целом они в несколько большей степени рассчитывают на свои собственные силы, что проявляется, в частности, в более высоких рангах таких факторов, как «трудолюбие, самоусовершенствование», «практицизм, предприимчивость».

---

<sup>1</sup> См., например: Гендин, А.М. «Сущее» и «должное» в представлениях выпускников педагогического вуза о формах жизненного успеха / А.М.Гендин, М.И.Сергеев // Образование в Сибири. – 2003. – №1 (10).

<sup>2</sup> В ходе этого этапа были опрошены 1530 студентов первого, третьего и пятого курсов всех факультетов КГПУ, что составляет 40,1% от общего числа обучающихся на этих курсах. В исследовании наряду с авторами статьи принимали участие профессор Р.А.Майер, доценты В.А.Пинаев, А.С.Рыбаков.

<sup>3</sup> ЗОЖ – здоровый образ жизни.

<sup>4</sup> Гендин, А.М. Студент педагогического вуза : социологический портрет) / А.М.Гендин [и др.]. – Красноярск, 1998. – С.113-115; Гендин, А.М. Формирование духовной культуры студентов педагогического вуза : социологический анализ / А.М.Гендин. – Красноярск, 2001. – С.173-177.

<sup>5</sup> См. там же.

## ОБРАЗ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Горбач Н.А.,

доктор медицинских наук, профессор  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

Гончарова Г.Н.,

доктор медицинских наук, профессор  
Красноярская государственная меди-  
цинская академия  
(г. Красноярск)

В достижении духовного возрождения и решении экономических проблем в России на молодое поколение возлагается особая надежда, так как нужны не только огромные материальные ресурсы, но и здоровые физически и духовно развитые молодые люди, активные, ответственные, стремящиеся к самосовершенствованию и всестороннему проявлению своих способностей на благо себе и обществу. Студенческая молодежь представляет собой реальный потенциал высококвалифицированных специалистов, и сохранение здоровья студентов в современных условиях приобретает особую актуальность.

Состояние здоровья студенческой молодежи в настоящее время не вызывает оптимизма. Уровень его явно недостаточен, что подтверждается данными самооценок студентами собственного здоровья (к 1 группе здоровья, к лицам, не имеющим нарушений здоровья, себя относят себя лишь  $8,9 \pm 1,3\%$  респондентов, а к 4 группе здоровья, с хроническими заболеваниями, –  $10,4 \pm 1,4\%$  студентов); скрытым характером заболеваемости студентов; высокой долей хронической патологии (до 50% всех заболеваний у студентов отдельных вузов); результатами экспертных оценок (по мнению экспертов, к 1 группе здоровья относятся 5,0% студентов, а к 4 группе здоровья – 10,0%;  $W_1=0,44$ , хи-квадрат=24,5;  $W_2=0,34$ , хи-квадрат=21,5),  $p<0,01$ ). Полученные данные свидетельствуют о необходимости изучения факторов, определяющих здоровье студентов, и оптимизации системы его формирования.<sup>1</sup>

Общепризнанно, что главным фактором обусловленности здоровья населения является образ жизни, вклад которого превышает 50%.<sup>2</sup> Основными компонентами здорового образа жизни считаются: рациональное питание; физическая активность; формирование мотивированного поведения к регулярным занятиям



физическими упражнениями; позитивное поведение в отношении психического здоровья; контроль психоэмоционального состояния; продолжительность и качество сна; оптимальные условия среды обитания, труда и отдыха; отсутствие поведенческих привычек (курение, алкоголизация, наркотизация и злоупотребление лекарственными препаратами); сексуальное поведение, не наносящее вреда здоровью.<sup>3</sup>

Студенческая молодежь имеет свои отличия в образе жизни, особые ценности, установки, эталоны поведения и специфические условия жизни.

Анализ литературных источников показал, что существенными факторами, влияющими на формирование здоровья студентов, являются все большие факторы риска, выявленные многими авторами в студенческой среде: вредные привычки (курение, употребление алкоголя и наркотических средств), гиподинамия (недостаточная физическая активность в свободное от учебы время), нарушение питания (включая нарушения режима и характера питания), психоэмоциональный стресс вследствие различных причин, в том числе проблем в межличностных отношениях (в семье, в учебной группе со сверстниками, с преподавателями).<sup>4</sup> К неблагоприятным факторам, отрицательно влияющим на здоровье студентов, многие авторы также относят неудовлетворительные жилищные условия и материальное неблагополучие большинства из них.<sup>5</sup>

Т.Ш.Миннибаев и соавт., изучая образ жизни студентов старших курсов медицинского вуза, отмечают, что за последние годы в образе их жизни произошли изменения, требующие с гигиенических позиций коррекции: увеличилась дополнительная нагрузка (удельный вес лиц, совмещающих учебу с оплачиваемой работой, вырос с 28,2% до 53,3%); уменьшилась доля студентов, имеющих горячий обед (с 69,8% до 39,1%), возросли и другие нарушения образа жизни.<sup>6</sup>

Организация учебного процесса в вузе является важным фактором, влияющим на здоровье, так как обучение объективно требует большого напряжения всех сил организма.<sup>7</sup> Однако до настоящего времени практически во всех вузах существуют проблемы в соблюдении гигиенических требований к распределению учебной нагрузки.<sup>8</sup>

Установлена взаимосвязь удовлетворенности отношениями в микросоциуме и частоты заболеваемости студентов.<sup>9</sup> Проблемы во взаимоотношениях в повседневной жизни приводят к таким формам девиантного поведения, как употребление алкоголя и наркотиков, которые являются особо опасными факторами риска здоровью.<sup>10</sup>

Несмотря на очевидное отрицательное влияние табакокурения, употребления алкоголя и наркотиков на здоровье, по данным исследований отечественных и зарубежных авторов, их распространенность в студенческой среде не только не уменьшается, но имеет устойчивую тенденцию к росту.<sup>11</sup> Ряд авторов обращают внимание на мотивы употребления и характеристику восприятия наркотиков в молодежной среде – смещение акцента с их самостоятельной отрицательной значимости на связь с иными формами досуговой практики, часто социально приемлемыми: танцы, музыка, секс.<sup>12</sup>

Признавая сложность проблемы образа жизни молодежи, мы согласны с авторами<sup>13</sup>, которые делают вывод о том, что в современных условиях актуальной профилактической задачей является снижение влияния управляемых факторов риска здоровью, как-вым является неадекватный образ жизни. Одним из способов регуляции здоровья студентов становится формирование мотивации на здоровый образ жизни, а также ценностных ориентаций и норм в их взаимоотношениях.

Зарубежные исследователи ведущее место традиционно отводят психологической составляющей здоровья, отмечая влияние психологического состояния на все сферы жизнедеятельности, взаимообусловленность психосоциального и физического здоровья.<sup>14</sup>

Следует особо обратить внимание на то, что особенности образа жизни студентов медицинских вузов негативно влияют на состояние здоровья именно тех, кому предстоит бороться за здоровье других. В.М.Алексеева и соавторы справедливо полагают, что, только обладая правильным отношением к собственному здоровью, будущие врачи смогут верно сформировать основные направления оздоровительной работы с населением. Это особенно актуально, учитывая данные о низком уровне подготовки будущих врачей к профилактической деятельности.<sup>15</sup>

В условиях ограниченности профилактических мероприятий со стороны здравоохранения особую значимость приобретает самосохранительное поведение, типичной неадекватной стратегией которого в настоящее время, по мнению Л.С.Шиловой, является эксплуатация здоровья в качестве адаптационного ресурса. Проявлениями этой стратегии в студенческой среде являются множественная занятость и сверхэксплуатация физических ресурсов (совмещение учебы с работой), девиантные формы самосохранения.<sup>16</sup>

Составляющей здорового образа жизни и высокой культуры самосохранения является положительная медицинская активность, которая складывается из отношения к своему здоровью и здоровью других людей, выполнения назначений врача, посещения ле-

чебно-профилактических учреждений.<sup>17</sup> Отношение к прохождению профилактических медицинских осмотров выступает проявлением общего отношения к обращению за профессиональной врачебной помощью.<sup>18</sup>

Отношение к здоровью как неотъемлемой характеристике профессиональной ценности и перспективности работника на рынке занятости в условиях развития частного сектора экономики, в первую очередь, подразумевает принцип индивидуальной ответственности за собственное здоровье.<sup>19</sup> При этом лишь около половины студентов берут ответственность на себя за собственное здоровье, а остальные возлагают ее на других людей, прежде всего врачей, случай, судьбу, стечение обстоятельств и т.п.<sup>20</sup> Отсюда следует, что необходимо повышение уровня культуры самосохранения студентов как способа инициирования их ответственности в отношении здоровья и повышения медицинской активности. Однако эти показатели самосохранения не получили должного развития, мода на здоровье не распространена, в том числе в студенческой среде.<sup>21</sup>

Таким образом, исследования многих авторов показали, что образ жизни студенческой молодежи, являясь основным, во многом управляемым фактором, обуславливающим их здоровье, закладывается во время обучения в школе и имеет негативные тенденции, усиливающиеся во время обучения в вузе. Попытки формирования здорового образа жизни студентов не оказывают существенного положительного влияния и ощутимых результатов не принесли, возможно, ввиду того, что они нуждаются в научном обосновании, а многоаспектный характер проблемы здоровья студентов требует комплексного подхода в ее решении.

Нами было проведено комплексное исследование состояния здоровья студентов и факторов, его определяющих. С помощью специально разработанной анкеты, включающей 122 вопроса, объединенных в несколько блоков (социально-демографические характеристики, ценностные ориентации, самооценки здоровья, условия учебы, проживания, основные факторы образа жизни, уровень жизни, медицинское обслуживание), проведен опрос 1858 студентов пяти вузов г. Красноярска первого (1205 человек) и выпускного (652 человека) курсов, из них 850 (45,7%) лиц мужского пола и 1008 (54,3%) женского.

Специально исследовалось качество жизни (КЖ) студенческой молодежи. Методология исследования качества жизни предполагает простой, информативный и надежный способ определения ключевых параметров, составляющих квинтэссенцию благополучия человека.<sup>22</sup> Исследование КЖ проведено с помощью опросника КЖ SF-36 методом оценки и сравнительного анализа по-

лученных показателей: физическое функционирование (ФФ), ролевое физическое функционирование (РФФ), боль (Б), общее здоровье (ОЗ), которые определяют физический суммарный компонент здоровья (ФСК), а также жизнеспособность (Ж), социальное функционирование (СФ), ролевое эмоциональное функционирование (РЭФ), психическое здоровье (ПЗ), которые определяют психический суммарный компонент здоровья (ПСК).

Влияние условий и образа жизни студентов на их здоровье оценивалось с помощью метода экспертных оценок, предложенного Е.Н.Шиганом<sup>23</sup>. В качестве экспертов выступали руководители учреждений здравоохранения и образования.

Результаты исследования показали, что значительная часть студентов нуждаются в мерах социальной защиты: каждый пятый студент ( $20,7 \pm 1,8\%$ ) имеет неполную родительскую семью,  $1,1 \pm 0,5\%$  респондентов сироты, а у каждого шестого ( $16,7 \pm 1,3\%$ ) – родители пенсионеры. Большинство студентов ( $68,4 \pm 2,1\%$ ) не устраивает уровень их доходов. У каждого пятого студента ( $22,3 \pm 1,1\%$ ) именно по причине материальных затруднений работа была жизненной необходимостью, вынуждающей совмещать ее с учебой. Значительная часть студентов ( $60,7 \pm 2,2\%$ ) испытывают неудовлетворенность жилищными условиями: каждый четвертый студент не имеет определенного места для занятий ( $22,2 \pm 1,8\%$ ). Факторы условий жизни оказывают прямое влияние на состояние здоровья и качество жизни студентов ( $r_{xy}=+0,3$ ).

По результатам опроса экспертов установлено, что первые три ранговых места среди условий жизни по негативному влиянию на здоровье студентов занимают плохое питание, материальные и жилищные условия ( $W=0,7$ ;  $p<0,001$ ).

Для разработки эффективных мероприятий оздоровления и профилактики заболеваний необходимы учет и анализ всех факторов риска здоровью. Изучение мнения студентов по поводу факторов, оказывающих отрицательное влияние на их здоровье, показало, что большинство из них ( $59,3 \pm 2,0\%$ ) осознают ведущую роль вредных привычек (курение, употребление алкоголя, наркотиков и т.п.). Однако лишь треть из них придают значение ответственности за собственное здоровье ( $35,2 \pm 1,6\%$ ).

Здоровый образ жизни предполагает индивидуальную ответственность за состояние собственного здоровья и связанную с ней положительную медицинскую активность. Анализ результатов исследования показал, что около трети студентов ( $27,3 \pm 2\%$ ) никак не контролируют состояние своего здоровья, причем большинство из них юноши ( $61,0 \pm 3,2\%$ ), доля девушек значительно ниже ( $39,0 \pm 2,4\%$ ). При возникновении заболевания менее трети респон-

дентов ( $27,3 \pm 2,0\%$ ) обращаются к квалифицированным специалистам в поликлинику, а  $31,5 \pm 2,1\%$  студентов занимаются самолечением. Установлены особенности поведения студенческой молодежи в плане выполнения назначений врача: только  $36,1 \pm 2,2\%$  опрошенных выполняют их всегда, в то время как  $30,9 \pm 2,1\%$  не находят для этого времени,  $25,6 \pm 2,0\%$  не следуют рекомендациям по причине дороговизны лекарств,  $16,1 \pm 1,7\%$  лечатся своими средствами,  $8,9 \pm 1,3\%$  считают, что врач назначает не те лекарства.

Следует подчеркнуть, что из-за ограниченности финансовых средств каждый четвертый студент ( $24,4 \pm 2,0\%$ ) отказывался от назначенных лекарств, а каждый пятый ( $21,4 \pm 1,9\%$ ) – вообще от лечения. При этом на платное медицинское обслуживание согласны  $22,1 \pm 1,9\%$ , столько же не готовы платить за него ( $20,2 \pm 1,8\%$ ). Личный доход напрямую связан с обращением за медицинской помощью по поводу заболеваний ( $r_{xy} = +0,42$ ).

Несмотря на низкую медицинскую активность студентов, выявлена внутренняя потребность их в более внимательном отношении к собственному здоровью: большинство респондентов ( $69,1 \pm 2,1\%$ ) считают необходимыми ежегодные профилактические медицинские осмотры в вузе, еще  $13,5 \pm 1,5\%$  высказались за то, чтобы проводилось медицинское освидетельствование при поступлении в вуз, однако каждый шестой респондент ( $17,5 \pm 1,7\%$ ) не видит смысла в медицинском наблюдении при обучении в вузе.

Реально же лишь незначительная доля студентов получают информацию медицинского характера от квалифицированного медицинского персонала ( $15,4 \pm 1,6\%$ ), а большинство опрошенных ( $51,9 \pm 2,2\%$ ) получают ее из СМИ (телевидение, радио, газеты и журналы), а также от знакомых и друзей ( $31,6 \pm 1,8\%$ ). Это обстоятельство требует повышения качества медико-профилактических мероприятий среди студенческого контингента.

Правила личной гигиены соблюдают большинство студентов: руки моют перед едой  $85,7 \pm 2,1\%$ , регулярно принимают ванну и (или) душ (соответственно  $67,3 \pm 2,3\%$  ежедневно,  $24,4 \pm 2\%$  – через день), чистят зубы (2 раза в день –  $69,7 \pm 2,1\%$ , 1 раз в день –  $22,2 \pm 1,9\%$ , после приема пищи –  $6,5 \pm 1,1\%$ ).

Однако большинство студентов ( $77,0 \pm 1,9\%$ ) не уделяют внимания режиму питания, при этом нерегулярно питающихся девушек ( $83,8 \pm 2,3\%$ ) больше, чем юношей ( $68,2 \pm 3,1\%$ ),  $p < 0,01$ ). В качестве ведущих причин нарушений режима питания большинство студентов указывают: нехватку времени на регулярный прием пищи ( $45,7 \pm 2,3\%$ ) и плохую организацию питания в вузе ( $20,2 \pm 1,8\%$ ), а у каждого седьмого ( $13,3 \pm 1,5\%$ ) не хватает

средств. При этом каждый третий респондент ( $32,4 \pm 2,1\%$ ) вообще не придает значения регулярному питанию.

Состояние здоровья, работоспособность растущего организма во многом зависят от ночного отдыха. Достаточная, соответствующая гигиеническим нормам продолжительность ночного сна (8-9 часов) установлена только у  $35,0 \pm 2,2\%$  опрошенных, 6 часов в сутки спят  $44,8 \pm 2,3\%$  студентов, явно не досыпают  $9,9 \pm 1,3\%$  (спят 3 часа в сутки и менее). Девушки меньше времени отводят сну и чаще не высыпаются. Хотя условия для сна благоприятные у большинства респондентов ( $84,2 \pm 1,7\%$ ). Выявлена прямая корреляционная связь между продолжительностью ночного сна и психологическими составляющими качества жизни студентов ( $r_{xy} = +0,43$ ). Также установлена закономерность: чем больше студенты курят, тем меньше они отводят времени ночному отдыху ( $r_{xy} = -0,31$ ). Таким образом, у молодых людей с вредными привычками более вероятны нарушения режима дня и образа жизни в целом.

Выявлена низкая физическая активность студентов. Каждый четвертый студент не готов к выполнению адекватных физических нагрузок ( $19,9 \pm 1,8\%$ ). Только  $14,3 \pm 1,6\%$  опрошенных студентов регулярно делают утреннюю гимнастику.

Большинство студентов осознают негативное влияние на здоровье вредных привычек, однако каждый третий студент курит ( $31,3 \pm 2,1\%$ ), причем курящих девушек ( $46,2 \pm 2,7\%$ ) лишь немногим меньше, чем юношей ( $53,8 \pm 3,2\%$ ). Количество выкуриваемых сигарет в день у студентов на старших курсах напрямую связано с наличием этой вредной привычки на первых курсах ( $r_{xy} = +0,8$ ). Имеется прямая корреляционная связь между количеством выкуренных сигарет и пропусками занятий по болезни ( $r_{xy} = +0,4$ ). Чем больше студенты курят на первом курсе, тем чаще они посещают врача на старших ( $r_{xy} = +0,34$ ). Частота госпитализации студентов также имеет прямую связь с наличием этой вредной привычки. Так, чем больше респондент курит, тем чаще в течение года бывает госпитализирован ( $r_{xy} = +0,3$ ).

Большинство студентов употребляют спиртные напитки ( $70,1 \pm 2,1\%$ ). При этом употребляют алкоголь до состояния опьянения раз в месяц  $17,3 \pm 1,7\%$  опрошенных. Относительно велика доля лиц систематически употребляющих алкогольные напитки и находящихся в состоянии, близком к алкогольной зависимости ( $10,5 \pm 2,1\%$  юношей и  $6,4 \pm 1,5\%$  девушек).

Неблагополучна ситуация и с употреблением наркотиков в студенческой среде. Хотя большинство студентов ( $86,7 \pm 1,5\%$ ) никогда в жизни не принимали наркотики, каждый седьмой студент их пробовал. Доля юношей, принимающих наркотические веществ-

ва, оказалась в 2,5 раза больше, чем девушек ( $6,1 \pm 1,6\%$  против  $2,4 \pm 0,9\%$ ). При этом лишь чуть больше половины студентов ( $58,5 \pm 2,2\%$ ) относятся отрицательно к легализации наркотиков,  $13,9 \pm 1,6\%$  – положительно,  $25,6 \pm 2\%$  респондентов не интересуется эта проблема. Такая ситуация диктует необходимость проведения активных мероприятий, направленных на выявление лиц, употребляющих наркотики, оказание им помощи и предотвращение распространения этого явления в студенческой среде.

Более половины опрошенных студентов ( $61,2 \pm 2,2\%$ ) хотят избавиться от своих вредных привычек. К сожалению, лишь к старшим курсам студенты в полной мере осознают пагубность вредных привычек, о чем свидетельствует сильная корреляционная связь между наличием вредных привычек у студентов-старшекурсников и желанием избавиться от них ( $r_{xy}=+0,9$ ) в отличие от студентов первого курса ( $r_{xy}=+0,3$ ). Именно на работу с первокурсниками должна быть направлена деятельность всех структур, занимающихся оздоровлением студентов.

Немаловажным фактором, влияющим на здоровье студентов в современных условиях, является их сексуальная культура. Практически все опрошенные имеют традиционную сексуальную ориентацию ( $94,9 \pm 1,2\%$ ). Каждый пятый студент ( $19,4 \pm 1,8\%$ ) никогда не имел сексуальных отношений,  $40,0 \pm 1,4\%$  ведут регулярную половую жизнь и  $33,0 \pm 1,8\%$  имеют эпизодические сексуальные контакты. Подтверждается закономерность, что чем больше половых партнеров у молодых людей в течение года, тем чаще они обращаются за медицинской помощью к урологу ( $r_{xy}=+0,52$ ) и пропускают занятия ( $r_{xy}=+0,7$ ). Выявлена низкая контрацептивная культура студенческой молодежи: лишь  $33,7 \pm 2,1\%$  всегда используют барьерные контрацептивы.

У относительно высокой доли студентов нарушено психоэмоциональное благополучие. Незначительное их количество ( $17,0 \pm 1,7\%$ ) полностью устраивает учеба в вузе, остальные не удовлетворены той или иной стороной учебного процесса. Почти каждый третий обучаемый жалуется на высокую учебную нагрузку ( $26,9 \pm 2\%$ ), а у каждого седьмого учеба отнимает слишком много времени ( $13,1 \pm 1,5\%$ ). Существенна доля лиц, не видящих перспективы дальнейшего трудоустройства ( $15,2 \pm 1,6\%$ ).

Следует отметить, что взаимоотношения с микросоциальным окружением студенты регулируют достаточно успешно. В основном ( $84,6 \pm 1,6\%$ ) молодые люди имеют хорошие отношения со своими родителями. В студенческих семьях также большинство опрошенных сумели наладить хорошие отношения ( $81,5 \pm 1,8$ ). Взаимоотношения с сокурсниками устраивают почти всех опро-

шенных ( $97,0 \pm 2,2\%$ ). Однако каждый десятый студент неудовлетворен взаимоотношениями с преподавателями ( $11,9 \pm 1,5\%$ ).

Выявлена тенденция зависимости между уровнем психоэмоционального напряжения (агрессия, раздражительность, тревожность) и алкоголизацией ( $r_{xy}=+0,3$ ), курением ( $r_{xy}=+0,2$ ), употреблением наркотических веществ ( $r_{xy}=+0,2$ ). Также эти качества негативно сказываются на взаимоотношениях в микросоциальном окружении ( $r_{xy}=+0,3$ ). Психоэмоциональное благополучие студентов взаимосвязано с психическими ( $r_{xy}=+0,4$ ) и физическими ( $r_{xy}=+0,3$ ) составляющими качества их жизни.

По результатам экспертных оценок среди психологических факторов первое место в плане негативного влияния на здоровье студентов занимают частые стрессовые ситуации ( $W=0,72$ ;  $p<0,001$ ).

О влиянии основных социально-психологических характеристик студентов на состояние их здоровья свидетельствует выявленная корреляционная зависимость между ними. Существует средней степени выраженности связь между состоянием здоровья студентов и такими характеристиками, как профессиональная направленность ( $r_{xy}=+0,44$ ), адаптационные способности ( $r_{xy}=+0,61$ ) и психоэмоциональная напряженность ( $r_{xy}=+0,65$ ). Прослеживается также тенденция зависимости состояния здоровья от уровня ответственности за его состояние ( $r_{xy}=+0,41$ ),  $p<0,01$ .

Следовательно, низкий уровень психологической составляющей здоровья студентов требует целенаправленной коррекции этой сферы их жизнедеятельности, поскольку она оказывает существенное влияние на образ жизни и состояние здоровья студенческой молодежи.

Результаты опроса экспертов из числа руководителей здравоохранения и образовательных учреждений о степени значимости для здоровья студентов негативных факторов образа жизни также показали, что первые ранговые места занимают курение, злоупотребление алкоголем, нерациональное, несбалансированное питание и употребление наркотиков. Коэффициент согласованности мнения экспертов высокий ( $W=0,75$ ;  $p<0,001$ ).

Студенты осознают, что соблюдение основных правил здорового образа жизни способствует сохранению здоровья. Для профилактики здоровья студенты считают необходимым, в первую очередь, правильно питаться ( $64,5 \pm 2,2\%$ ) и заниматься физическими упражнениями ( $58,1 \pm 2,2\%$ ), затем следует своевременное обращение к врачу ( $48,2 \pm 2,3\%$ ) и соблюдение гигиенических правил ( $42,8 \pm 2,3\%$ ). Но лишь треть студентов считают, что избавление от курения улучшит здоровье ( $32,9 \pm 2,1\%$ ). Следует отметить,



что доля студентов, считающих, что здоровье не зависит от собственных усилий ( $5,4 \pm 1\%$ ), незначительна.

Таким образом, наличие факторов риска здоровью, низкий уровень его субъективного ощущения, недостаточная ответственность за состояние здоровья, психоэмоциональное напряжение, сниженный адаптационный потенциал, акцентуированные черты и дезадаптирующие свойства личности, неадекватность профессионального самоопределения у значительной доли студентов требуют оптимизации всей системы сохранения здоровья студентов.

Эффективность мероприятий по сохранению здоровья студентов, в первую очередь, зависит от достоверности определения уровня здоровья обучаемых с выделением факторов риска и степени влияния этих факторов на состояние здоровья, определением групп риска. Для этого необходим достаточно чувствительный метод определения статуса здоровья студентов, в качестве которого целесообразно использование метода оценки качества жизни (КЖ). Детальное описание парадигмы исследования и концепции качества жизни в медицине представили А.А.Новик и соавт.<sup>24</sup>

Анализ полученных данных качества жизни студентов свидетельствует о том, что все показатели у них значительно ниже, чем у населения г. Санкт-Петербурга, за исключением показателя жизнеспособности (Ж), характеризующего жизненный тонус (бодрость, энергия и пр.), который имеет не столь резкие отличия. Сравнение с данными по г. Санкт-Петербургу было произведено ввиду того, что там впервые в России было выполнено популяционное исследование КЖ в соответствии с международными стандартами и полученные результаты могут использоваться при сравнительном анализе. Здесь следует отметить, что по данным А.А.Новик и Т.И.Ионовой, показатели КЖ населения Санкт-Петербурга значительно ниже, чем населения США.<sup>25</sup>

Нами, учитывая возрастную структуру студенческой молодежи, особо были проанализированы приведенные авторами показатели КЖ для возрастных групп 15-19 и 20-24 лет<sup>26</sup> и осуществлен сравнительный анализ с аналогичными данными по студентам, полученными в результате проведенного исследования. Так, если показатели ФФ для лиц данной возрастной группы г.Санкт-Петербурга были 79,6 балла, то у студентов г.Красноярска они значительно ниже (53,4 балла). Аналогичная ситуация наблюдалась в отношении остальных показателей (соответственно РФФ – 64,9 балла против 48,2; Б – 66,4 балла против 51,4; СФ – 68 баллов против – 46,1; РЭФ – 66,5 балла против 43,7; ПЗ – 58 баллов против 43,3; Ж – 56,2 баллов против 51,8; ОЗ – 54,1 балла против 45,3).

По результатам нашего исследования наиболее высокое значение среди критериев качества жизни студентов вузов, определяющих физический компонент их здоровья, имеет физическое функционирование (ФФ) – 53,4. В то же время показатель ролевого физического функционирования (РФФ) имеет более низкое значение – 48,2, что свидетельствует о значительном ограничении жизнедеятельности студентов вследствие проблем физического здоровья, несмотря на достаточно высокий уровень физической активности. Значительна роль болевых ощущений в ограничении повседневной деятельности студентов: среднее значение шкалы боли (Б) – 51,4. Этим показателям не противоречит низкий уровень общего здоровья (ОЗ) студентов – 45,3. Сравнительно высокое среднее значение шкалы физической активности студентов, несмотря на ограничение жизнедеятельности вследствие боли и проблем физического здоровья, а также невысокий уровень общего здоровья обеспечиваются, вероятно, расходом резервных возможностей их молодого организма.

При анализе психического здоровья студентов выявлена та же тенденция. При достаточно высоком уровне жизнеспособности (Ж) – 51,8, что характеризует студентов как относительно бодрых и энергичных, отмечаются ограничения жизнедеятельности молодых людей вследствие эмоциональных проблем (РЭФ=43,7), состояния психического здоровья (ПЗ=43,3) и социального функционирования (СФ=46,1).

Все составляющие качества жизни находятся в прямой взаимозависимости (от  $r_{xy}=+0,17$  до  $r_{xy}=+0,31$ ), причем ФСК с показателями физического здоровья имеет связь средней силы (от  $r_{xy}=+0,5$  до  $r_{xy}=+0,7$ ), с показателями психического компонента КЖ – слабую корреляционную связь (от  $r_{xy}=+0,1$  до  $r_{xy}=+0,3$ ). При слабой силе зависимости ПСК от составляющих физического компонента КЖ (от  $r_{xy}=+0,12$  до  $r_{xy}=+0,23$ ) имеется выраженной силы связь с составляющими психического компонента КЖ (от  $r_{xy}=+0,71$  до  $r_{xy}=+0,84$ ). Влияние ролевого физического функционирования, боли на повседневную жизнедеятельность студентов во многом определяется уровнем жизненного тонуса (Ж) и социальных связей (СФ), наличием эмоциональных проблем (РЭФ) и чувством спокойствия и уверенности (ПЗ) ( $r_{xy}=+0,4$ ). Жизнеспособность студентов и их психическое здоровье взаимообусловлены и определяются состоянием их жизненного тонуса, ощущением бодрости и энергии ( $r_{xy}=+0,7$ ). Коэффициент корреляции достоверен.

Показательно, что значение психического суммарного компонента (ПСК=43,4), характеризующего психическую составляющую здоровья, ниже значения физического суммарного компонен-

та (ФСК=51), отражающего физическое здоровье студентов, что свидетельствует о низкой способности респондентов к психосоциальной адаптации в период обучения в вузе при наличии резерва физического здоровья молодого организма. Подтверждением данного вывода служит корреляционная связь между показателями качества жизни и успеваемостью респондентов в вузе и школе. Если со школьной успешностью обучения связь КЖ практически не прослеживается (она слабоотрицательная,  $r_{xy}=-0,1$ ), то успешность обучения в вузе напрямую зависит от КЖ: чем выше показатели качества жизни студентов, тем выше их успеваемость в вузе ( $r_{xy}=+0,5$ ).

Показатели КЖ различаются в зависимости от пола студентов. У девушек качество жизни несколько ниже, чем у юношей, что не противоречит выявленным в результате исследования особенностям рискогенного образа жизни девушек-студенток и низкого, по сравнению с юношами, состояния их здоровья. Студенты первого курса также имеют более низкие значения показателей КЖ по сравнению со студентами-выпускниками, однако различия незначительны. От младших курсов к старшим изменяются не только характер патологии, но и восприятие собственного здоровья, его самооценка, поэтому интегральный показатель, характеризующий физическое здоровье старшекурсников и первокурсников, идентичен (ФСК 51 балл). Психический суммарный компонент у первокурсников несколько ниже (42,8 балла), чем у выпускников (44,3 балла) за счет меньших адаптационных способностей и высокого уровня психоэмоционального напряжения в начале обучения в вузе ( $p<0,05$ ).

Полученные данные свидетельствуют о низком уровне качества жизни студентов вузов. Значения показателей КЖ отличаются у студентов разных вузов, а также в зависимости от пола и курса обучения и в целом соответствуют негативным характеристикам, выявленным другими методами в результате исследования состояния здоровья студентов. Применение метода оценки качества жизни студентов в комплексе исследовании их здоровья дало возможность выявить насколько различные факторы влияют на повседневную жизнедеятельность респондентов, в каком направлении они оказывают влияние на физическую и психосоциальную составляющие здоровья студентов.

Анализ связей между качеством жизни студентов, связанным с их здоровьем, и факторами образа жизни позволяет наметить приоритетные направления эффективного оздоровления студенческой молодежи с учетом пола и курса обучения. Это, прежде всего, мероприятия, направленные на повышение психосоциальной

адаптации, положительной медицинской активности, организацию проведения досуга студенческой молодежи в период их обучения в вузе. Немаловажным для повышения качества жизни студентов является обеспечение их социальной поддержки, выраженной в материальной помощи нуждающимся. Чувствительность и воспроизводимость метода исследования качества жизни позволяют также оценить эффективность проводимых в отношении студентов мероприятий. Именно поэтому, на наш взгляд, комплекс мероприятий по оптимизации здоровья студентов должен базироваться на исследовании и мониторинге не только состояния здоровья студентов, факторов, его определяющих (в первую очередь, образа жизни), но и качества жизни.

---

<sup>1</sup> Гончарова, Г.Н. Оптимизация управления здоровьем студентов / Г.Н.Гончарова, Н.А.Горбач, А.В.Жарова. – Красноярск, 2004.

<sup>2</sup> Социальная гигиена (медицина) и организация здравоохранения / под ред. Ю.П.Лисицына. – М., 1999.

<sup>3</sup> Хруцкий, К.С. Аксиологический подход в современной валеологии : автореф. дис. ... канд. фил. наук / К.Хруцкий. – В. Новгород, 2000.

<sup>4</sup> См.: Гончарова, Г.Н. Указ. соч.; Медико-биологические и психосоциальные проблемы подросткового возраста / под общ. ред. В.Р.Кучмы и Л.М.Сухаревой. – М., 2004; Coleman, J.C. Understanding adolescence today: a review / J.C.Coleman // Child Soc. – 1993. – №7. – P.137-139; Determinants of Health Status: Implications for Health Policy Development // Amer. Journal Prevent. Med. – 1995. – №5. – P.25-26.

<sup>5</sup> См.: Дедков, Е.Д. Характеристика студентов старших курсов медицинского вуза / Е.Д.Дедков, Н.И.Вишняков, Е.Н.Пенюгина // Здравоохранение Российской Федерации. – 2003. – №4. – С.28-29.; Игнатова, Т.Н. Изучение здоровья студентов многопрофильного вуза и анализ факторов его определяющих / Т.Н.Игнатова, Д.Г.Дерябин, А.В.Котляров // Здоровье и образования в XXI веке : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. – М., 2003. – С.268-269; Медико-биологические и психосоциальные проблемы подросткового возраста ... – С.21-23.

<sup>6</sup> Миннибаев, Т.Ш. Образ жизни студентов старших курсов медицинского вуза / Т.Ш.Миннибаев // Здоровье, обучение, воспитание детей и молодежи в XXI веке : материалы междунар. конгр. – М., 2004. – Ч.2. – С.278-279.

<sup>7</sup> Агаджанян, Н.А. Образ жизни и здоровье студентов / Н.А.Агаджанян, В.В.Пономарева, Н.В.Ермакова // Материалы I Всероссийской научной конференции. – М., 1995. – С.5-9.

<sup>8</sup> Латышевская, Н.И. Гендерные различия в состоянии здоровья и качестве жизни студентов / Н.И.Латышевская, С.В.Клаучек, Н.П.Москаленко // Здравоохранение Российской Федерации. – 2004. – №3. – С.51-53.

<sup>9</sup> Игнатова, Т.Н. Указ. соч. – С.268-269.

<sup>10</sup> Stress among residents, medical students, and graduate science (MSc/PhD) students / J.A.Toews, J.M.Lockyer, D.J.Dobson, A.K. Brownell // Acad. Med. – 1993. – Vol.10. – P.46-48. ; Wolf, T.M. Stress, coping and health: enhancing well-being during medical school / T.M.Wolf // Med. Educ. – 1994. – Vol.28. – P.8-11.

<sup>11</sup> Габриелям, К.Г. Состояние здоровья студентов вуза и проблема курения / К.Г.Габриелям, Б.В.Ермолаев // Здоровье, обучение, воспитание детей и молодежи в XXI веке : материалы междунар. конгр. – М., 2004. – Ч.1. – С.232-234.; Гончарова, Г.Н. Указ. соч.; Низамутдинова, Р.С. Мониторинг показателей здоровья студентов и формирование здоровьесберегающей среды обучения / Р.С.Низамутдинова // Здоровье, обучение, воспитание детей и молодежи в XXI веке : материалы междунар. конгр. – М., 2004. – Ч.2. – С.335-337.

<sup>12</sup> Косарецкий, С.Г. Наркотики в подростково-молодежной субкультуре / С.Г.Косарецкий // Социал. профилактика и здоровье. – 2003. – №5. – С.10-15; Сорокин, В.М. Наркотики и подростковая субкультура / В.М.Сорокин // Подростки и молодежь в меняющемся мире (проблемы девиантного поведения) : сборник тезисов. междунар. конф. – М., 2001. – С.8-12.

<sup>13</sup> Шубочкина, Е.И. Образ жизни и его значение в формировании состояния здоровья подростков / Е.И.Шубочкина, С.С.Молчанова, А.В.Куликова // Здоровье, обучение, воспитание детей и молодежи в XXI веке : материалы междунар. конгр. – М., 2004. – Ч.3. – С.373-376; Шубочкина, Е.И. Факторы риска ухудшения здоровья девушек-подростков при профессиональном обучении // Экологические и гигиенические проблемы здоровья детей и подростков / Е.И.Шубочкина / под ред. А.А.Баранова, Л.А.Щеплягиной. – М., 1998. – С.289-300.

<sup>14</sup> Laursen, B. Reconsidering changes in parent-child conflict across adolescence: a metaanalysis / B.Laursen, K.C.Coy, W.A.Collins // Child Dev. – 1998. – Vol.69. – P.817.; Remschmidt, H. Psychosocial milestones in normal puberty and adolescence / H.Remschmidt // Horm. Res. – 1994. – Vol.41. – P.19-21; Wolf, T.M. Op.cit. – P.8-11.

<sup>15</sup> Алексеева, В.М. Изучение проблемы сохранения, укрепления и восстановления здоровья студентов-медиков с позиций экономической значимости (по данным социологического опроса) / В.М.Алексеева, М.В.Драбкина, К.М.Халецкий // Пробл. управления здравоохранением. – 2002. – №5(6). – С.66-67.

<sup>16</sup> Шилова, Л.С. Трансформация стратегий самосохранения и ценности здоровья в переходный период / Л.С.Шилова // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы : тезисы докладов и выступлений на II Всерос. социол. конгр. – М., 2003. – Т.3. – С.13-14.

<sup>17</sup> Социальная гигиена (медицина) и организация здравоохранения ...

<sup>18</sup> Гурвич, И.Н. Социальная психология здоровья : автореф. дис. ... докт. психол. Наук / И.Н.Гурвич. – СПб., 1998.

<sup>19</sup> Determinants of Health Status: Implications for Health Policy Development // Amer. Journal Prevent. Med. – 1995. – №5. – P.25-26.

<sup>20</sup> Гончарова, Г.Н. Указ. соч.

<sup>21</sup> Ваганова, Л.И. Санитарно-гигиеническое обучение и воспитание студентов-подростков / Л.И.Ваганова // Здоровье и образование в XXI веке : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2003. – С.117-118.

<sup>22</sup> Новик, А.А. Руководство по исследованию качества жизни в медицине / А.А.Новик, Т.И.Ионова. – М., 2002.

<sup>23</sup> Шиган, Е.Н. Методы прогнозирования и моделирования в социально-гигиенических исследованиях / Е.Н.Шиган. – М., 1986.

<sup>24</sup> Новик, А.А. Указ. соч.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же.

## **ПОДГОТОВКА МИЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Гутман М.Ю.,

доктор юридических наук, профессор  
Санкт-Петербургский университет  
МВД России  
(г. Санкт-Петербург)

Никулин А.Г.,

кандидат философских наук, доцент  
Санкт-Петербургский университет  
МВД России  
(г. Санкт-Петербург)

Современные темпы прогресса человечества во всех сферах общественной жизни, науки и техники, постиндустриальная эпоха, начавшаяся нонатехническая революция и в то же время резкий рост правонарушений и преступности требуют подготовки таких специалистов, которые имеют возможность и способны быстро адаптироваться к новым реальностям, успешно трудиться и жить в новых условиях. Однако потребность в высококвалифицированных специалистах, которых сегодня пытается готовить российское образование, как подчеркнул Президент России В.В.Путин, не удовлетворяется.<sup>1</sup> Именно это потребовало выдвижение в число приоритетных национальных проектов образование.

И эта проблема для нашей страны не нова. На различных этапах истории нашей Родины от ее решения зависело само развитие общества, не только возможность прогресса, но и само функционирование государства. В связи с этим достаточно обратиться к проблемам кадров в период становления новой государственности в России после октября 1917 г., вспомнить содержание «культурной революции», лозунг «Кадры решают все!» и др.

Формирование государственного аппарата в первые годы Советской власти из-за отсутствия кадров, подготовленных из рабочих и крестьян, не всегда было правильным и удачным. Поэтому поступала масса заявлений и писем во все органы власти, во все инстанции, всем руководителям, в том числе и В.И.Ленину. Так, П.Г.Шевцов в письмах к В.И.Ленину 19 ноября и 24 декабря 1918 г. писал, что «диктатура пролетариата выродилась в диктатуру низов преступного типа на местах», «нет диктатуры пролетариата, а есть произвол обнаглевших и разнузданных отбросов интеллигенции с бывшими преступниками и аферистами – провока-

торами, жандармами». «На ответственных постах у нас сидит масса в первую очередь надежных, но в то же время совершенно бездарных людей... их слишком много, они слишком серы»<sup>2</sup>.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что далеко не всегда рабоче-крестьянское происхождение чиновника, в том числе и многих сотрудников милиции, являлось залогом его высоких морально-нравственных и деловых качеств. Но, как правило, выходцы из рабочих и крестьян имели низкий общеобразовательный уровень, не имели специальной подготовки. Поэтому уже в 1918 г. начинают создаваться школы, в которых сотрудники милиции получали необходимый минимум общеобразовательной подготовки и юридических знаний. Даже те, кого принимали на учебу на факультет Советской милиции Рабоче-крестьянского университета им. Зиновьева, должны были посещать школу грамотности, которая была организована в 1919 г. и работала ежедневно.

Анализ 1 тысячи анкет, заполненных на сотрудников Петроградской городской милиции в 1919 г., свидетельствует о том, что более 5% из них были неграмотны или малограмотны. Следует обратить внимание и на то, что неграмотные были только среди сотрудников в возрасте от 20 до 25 лет и от 40 до 55 лет. Не было неграмотных среди сотрудников в возрасте от 25 до 40 лет, которые составляли 53,7% от всей численности личного состава.

Значительно сложнее обстояло дело с подбором кадров в сельскую милицию. В нее нередко принимали не только малограмотных, но и неграмотных, несмотря на то что Инструкция НКВД и НКЮ от 12 октября 1918 г. определяла, что в милицию могли приниматься граждане РСФСР, признававшие Советскую власть, достигшие 21 года, *вполне грамотные* (здесь и далее курсив наш – М.Г.) и пользовавшиеся избирательным правом. Эти требования были сохранены и в первом «Положении о рабоче-крестьянской милиции», утвержденном 10 июня 1920 г.

Однако трудности с подбором кадров в милицию привели к тому, что к концу 1920 г. в милиции Петроградской губернии 1366 человек были малограмотными и 412 безграмотными, что составляло 20,7% от численности личного состава и отрицательно сказывалось на результатах службы.<sup>3</sup> Множество неграмотных служили в милиции и в других регионах страны.

В 1920 г. в милиции Петроградской губернии были выявлены 185 сотрудников милиции, нуждающихся в обучении. 93 из них были полностью освобождены от службы и направлены на учебу в школу при Центральном милицейском клубе. Занятия с ними проводились ежедневно по шесть часов. В школе также читались лекции по естествознанию, географии и «политической грамоте». От-

делом управления Петросовета на организацию школ грамотности и районных милицеских клубов был выделен один млн. рублей. Большое внимание уделялось и повышению культурного уровня сотрудников. При научно-образовательной части Политпросвета Петрогубмилиции, сформированном в 1920 г., был создан постоянный штат лекторов, в числе которых были А.Кони, К.Чуковский и другие известные представители литературы, искусства и науки.<sup>4</sup>

Все это, а также умелый подбор кадров позволили уже к концу 1920 г. в милиции Петроградской губернии ликвидировать неграмотность среди сотрудников, направлять в подразделения милиции только лиц, прошедших специальную подготовку в школах и на курсах милиции. Несмотря на трудности, в первые годы Советской власти среди сотрудников милиции были ликвидированы неграмотность и малограмотность, была организована сеть различных школ и курсов для подготовки специалистов-профессионалов. Повысились эффективность службы и авторитет милиции, доверие к ней.

С тех пор прошло более 80 лет. В стране изменилась социально-политическая парадигма, другой стала система ценностей. Однако в настоящее время в связи с ростом преступности, серьезными проблемами в охране общественного порядка отношение к милиции изменилось. Доверие граждан к милиции оставляет желать лучшего. В выступлении на расширенном заседании Коллегии МВД России 17 февраля 2006 г. Президент РФ В.В.Путин подчеркнул, что объективная оценка показывает: в рейтинге доверия милиция находится на одном из последних мест среди других правоохранительных органов, государственных и общественных институтов. Такая ситуация прямо связана с низким уровнем профессионализма некоторых сотрудников милиции и с недостатками кадровой работы. Эта проблема в той или иной степени касается всей правоохранительной системы.<sup>5</sup>

Именно недостаточный профессионализм и нередко весьма низкие морально-нравственные качества сотрудников, проявляющиеся, прежде всего, в коррупции и бездушном отношении к гражданам, лежат в основе недоверия к правоохранительным органам. Это, с одной стороны, ведет к росту численности их рядов, так как приходится решать задачи не умением, а числом. В России на 100 тыс. населения приходится больше милиционеров, чем полицейских в большинстве развитых стран. В России, отмечает Генеральный прокурор РФ В.Устинов, самая большая в мире численность Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, но это количество не сопровождается ростом качества.<sup>6</sup>



Безусловно, некоторые положительные сдвиги в деятельности милиции уже заметны, о чем свидетельствуют статистические данные за 2005 г. На это обратил внимание Президент России В.В.Путин, подчеркнув, что «спад в работе основных служб и подразделений министерства преодолен... МВД немало сделало для укрепления внутренней безопасности страны, для улучшения работы по защите прав и свобод граждан». И далее он отметил, что «есть еще немало проблем, в том числе и системного характера».<sup>7</sup>

И это вполне понятно: без должного уровня профессиональной подготовки, залогом которого является общеобразовательная подготовка и соответствующее воспитание, в том числе и политическое, соответствующего материально-технического и бытового обеспечения сотрудников, служб и подразделений задачу по повышению эффективности деятельности милиции решить не удастся.

Об особой актуальности проблемы образования в России свидетельствует то, что образование вошло в число первоочередных национальных проектов, так как является одним из важнейших факторов роста общественного самосознания, нравственных ценностей и укрепления демократии. Сегодня специалист должен не просто обладать суммой знаний и навыков. Эти знания должны быть систематизированы, постоянно пополняться и совершенствоваться, позволять ему быстро адаптироваться к изменяющимся условиям.

Важно иметь в виду и то, что, к великому сожалению, у нас уровень подготовленности абитуриентов, направляемых на учебу в университет комплектуемыми органами, весьма различный, несмотря на то что конкурс велик, и прошедшие по конкурсу получили высокие баллы. Особенно это проявляется на первых курсах. Многие так и продолжают мыслить и оперировать конкретными образами, уровень абстракции очень низок, а ведь в высшей школе необходимо уметь абстрагироваться от конкретного.

Мы согласны с министром образования и науки РФ А.Фурсенко, который считает необходимым усилить требования к знаниям абитуриентов. Он пишет, что необходим «строгий контроль на входе», так как ряд вузов «готов принять кого угодно, лишь бы платили», а наличие в студенческой среде «паршивых овец» мешает учиться тем, кто пришел в институт за знаниями. «Двоечники не должны учиться в вузе ни платно, ни бесплатно».<sup>8</sup> Прием явно слабо подготовленных и не проявляющих усилий в овладении знаниями приводит к необходимости упрощения и примитивизации обучения, ведет к бесцельным затратам времени, в конечном итоге усредняет качество подготовки специалистов, снижает их конкурентоспособность.

Несомненно, учебные заведения МВД имеют особенности, связанные с большим дефицитом учебного времени и отрывом от учебы (внутренняя служба, участие в охране общественного порядка в городе и др.). Но это именно то, что позволяет в процессе преодоления трудностей закалять характер будущего специалиста, формировать его морально-психологические качества.

Как известно, в настоящее время заметно перепроизводство экономистов и юристов, но в то же время есть высокая потребность в хороших специалистах данного профиля. Одной из важнейших проблем, которую, на наш взгляд, надо решать незамедлительно, является использование всех возможностей для поднятия культа знаний, развития вкуса к самостоятельному мышлению, к критической оценке своих знаний. Курсанты взрослеют тогда быстрее, когда к ним относишься как к взрослым.

*Одним из стимулов повышения качества учебы, на наш взгляд, могла бы быть возможность получать обучаемыми одновременно два диплома, быть дипломированным специалистом. Более того, на ряде должностей необходимо иметь более широкие знания. Например, офицер-воспитатель должен быть не только специалистом в узкой сфере, но и быть специалистом более широкого профиля, иметь достаточную подготовку в области педагогики, юриспруденции. Почему бы не позволить нашим слушателям и курсантам получать не один, а два диплома: к основному – еще диплом педагога, историка, социолога, политолога и др.? Безусловно, это потребует увеличения времени на обучение, но ведь жизнь этого требует!*

*Да, это увеличит расходы на подготовку специалистов, но за малые деньги хорошего специалиста подготовить невозможно – должны быть хороший отбор абитуриентов, хорошая учебно-материальная база, высокоподготовленный, ответственный профессорско-преподавательский состав.*

---

<sup>1</sup> Путин, В.В. Выступление на встрече с представителями российского бизнеса 29 марта 2006 года / В.В.Путин // Российская газета. – 2006. – 29 марта.

<sup>2</sup> Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – С.13, 15.

<sup>3</sup> ЦГА СПб., ф.33, оп.2, д.93, л.19-20.

<sup>4</sup> См.: Первые годы Ленинградской милиции. – Л., 1967. – С.145.

<sup>5</sup> Путин, В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД РФ 17 февраля 2006 года / В.В.Путин // Российская газета. – 2006. – 18 февраля.

<sup>6</sup> Устинов, В.В. Закон – фундамент государства / В.В.Устинов // Российская газета. – 2006. – 6 февраля.

<sup>7</sup> Путин, В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД РФ 17 февраля 2006 года.

<sup>8</sup> Фурсенко, А. Двоечников не пустят в институт / А.Фурсенко // Российская газета. – 2006. – 29 марта.

## **ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИА**

Нескрябина О.Ф.,

доктор философских наук, профессор  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

В последние десятилетия стала популярной психологическая парадигма объяснения общественной жизни. Социологизм официального обществознания времен исторического материализма уступил первенство психологизму. Однако спор этих двух методологий имеет глубокие корни и его не стоит сводить к идеологической составляющей. Обе парадигмы имеют свой когнитивный ресурс и свои ограничения. Психологизм не работает в одиночку, так же как и его антитеза.

Давно известно, что сущность предмета находится и в нем самом, и в той системе, элементом которой он является. Средства массовой информации – часть общества. У этой части есть собственная социосфера (организация СМИ, движение медиапродукта, экономика СМИ), своя культуросфера (духовные ценности и смыслы) и своя психосфера – что и называется медиапсихологией. Сущность СМИ и их психосферы понятна, если известно, как устроен мир социума. Либо, что то же самое, психосфера рассматривается как элемент системы взаимодействий, в которые она вовлечена.

Но одно дело формулировка теоретической позиции, и иное – ее воплощение в конкретных решениях конкретных вопросов. Как реализуется идея системного единства гуманитарного знания применительно к медийной сфере?

Успех синтеза социального и психологического знаний зависит от состояния психологической парадигмы, работающей в пространстве медиа. В свою очередь, состояние медийной психосферы – производная многих факторов. Среди них такие: особенности журналистики как рода деятельности; психологический климат, существующий в медиасообществе; его отношение к науке, и в частности к психологической науке.

В журналистике особую значимость имеют: новизна сведений, скорость их обработки и передачи, сенсационность и игровая манера подачи информации. Если эти черты довлеют над аналитичностью и культурной ценностью информации, это оценивается как проявление журнализма в медиапсихологии.

«Журнализм» – стиль мышления с характерным для него принципом: новое – значит лучшее. По мнению некоторых исследователей, он проникает в гуманитарное знание, что проявляется в отсутствии стремления к синтезу, в слабой мотивации интегрировать экспериментально проверенное знание в новые схемы.<sup>1</sup> Журнализм отличает интерес к новым терминам и теориям с акцентом не на содержание, а на форму подачи сообщения. В результате предпочтение отдается не академической, а занимательной психологии сомнительного научного качества.

Из-за спешки в обработке информации и стремления к развлекательности в журналистике отдаются предпочтения простым и эффектным объяснениям. Это выражается в преобладании обобщений над дифференцированными психологическими оценками. Обобщающее суждение менее ответственно. Недавно в одной из научно-популярных программ (22 канал ТВ) психолог, рассказывая биографию Миклухо-Маклая, сделал акцент на том, что наш выдающийся соотечественник был авантюристом. По мнению психолога, у него отсутствовала четкая самоидентификация, как у всех авантюристов. Следовательно, Миклухо-Маклай мог ответить на вопрос «кто я есть», только совершив нечто экстраординарное. Однако осталось без объяснения: почему именно у авантюристов существуют проблемы с самоидентификацией и почему именно с ней. У легендарного ученого могли быть и более возвышенные мотивы, равно как и более прозаичные, для того чтобы совершать свои научные подвиги. Такого рода теоретизирования мало что проясняют и в личности ученого, и в духе авантюризма. Зато в нем присутствует занимательность, что зачастую только и требуется от медиатекста.

Иллюзию легкости вынесения психологических оценок поддерживают некоторые эксперты-психологи, приглашаемые в СМИ. Одно то, что многие из них соглашаются выносить суждения о мотивах поведения и характерах участников какой-либо программы, способно дезориентировать неспециалиста. Диалог в эфире психолога и журналиста, если он идет по поводу происходящего в студии, часто сводится к банальностям, что и понятно. Надо сказать, что в последние годы таких ситуаций в телеэфире стало заметно меньше.

СМИ представляют собой игровую реальность, поскольку одна из их основных функций – развлечение. При всем том журналисты не могут обходиться без аналитических суждений, так как это не в природе СМИ. На качество аналитики влияет репутация науки, создаваемая самими же масс-медиа.

В настоящее время снижены стандарты научности в отношении психологического знания. Научный подход зачастую не отделяется от квазинаучных и т.н. эзотерических учений, которые берутся предсказывать и программировать поведение человека. Это питает иллюзию, что человека легко понять и им можно манипулировать.

Присутствие психологического знания в медиапространстве несколько неадекватно. Оно и завышено, и занижено одновременно. Завышены претензии на объяснение социальных фактов и занижен ее образ. Занижение образа психологии проявляется в упрощенном объяснении.

В одной из передач «Белые пятна, черные дыры» (Канал «Культура» 14 октября 2005 г.) психолог рассказывал об отношении Петра Первого и царевича Алексея. По мнению ученого, сын был постоянным напоминанием о нелюбимой жене, сосланной Петром в монастырь. Данное объяснение (в основе своей фрейдистское) сильно упрощает ситуацию. Реальные причины носили более сложный характер, о чем известно историкам. И дело не в самом этом эпизоде, а в том, что суждение о давно минувших событиях не опирается на какие-то фактические основания, оно носит умозрительный характер и потому непроверяемо. Не хотелось бы, чтобы у телезрителей сложилось впечатление, что такой психологический дискурс являет собой научную норму.

Многое в отношениях журналистики и медиапсихологии объясняет коммерциализация СМИ. Реальные отношения рекламы, пиара и журналистики таковы, что журнализм в медиапсихологии фактически означает «рекламизм». Это неуклюжее слово обозначает такое же несимпатичное явление. Речь идет о проникновении в журналистику психологии рекламы. Яркий тому пример – слоган: «Нет проблем с доктором Курпатовым» и рассказ о 30 написанных им книгах. Поскольку речь идет о молодом человеке, можно представить качество этой печатной продукции. Понятно, что подобный пиар рассчитан на неопытную и не слишком образованную публику.

В последние годы подвергся эрозии (в числе многих других) принцип практики. Издаются книги с «зазывными» названиями вроде таких: «Практическая психология», «Психология – это просто» и т.п. Подобные названия можно отнести к т.н. «черному пиару», поскольку они вводят читателя в заблуждение.

Слово «практическая» в этих ситуациях означает наличие в издании приемов воздействия на сознание и поведение человека. При этом не предлагаются способы оценки действенности этих методов, без чего практичность теряет всякий смысл. Как прове-

рить, действительно ли работают манипулятивные приемы, описанные в какой-то книге? – Такой вопрос часто даже не ставится.

Практичность реально, но не явно, отождествляется с понятностью, а не с эффективностью. Понятность приравнивается к доступности изложения, а эта последняя подразумевает занимательность. Если понятно и просто, значит практично. Но это совсем не так. В конечном счете простые объяснения оказываются неверными, а поверхностная практичность иллюзорной.

Вот несколько штрихов к «словесному портрету» типичного учебника под названием «Занимательная психология для...». Авторы утверждают, что обучение общению в системе подготовки работников имярек профессии должно носить ярко выраженную прагматическую направленность; что данный принцип может быть реализован в результате применения активных форм обучения, таких как деловые игры и тематические дискуссии, решение задач и психолого-педагогический тренинг. Дальше в этом учебном пособии предлагаются устаревшие идеи и схемы, например Кречмера или Ломброзо, причем без всяких критических помет. Используется в этом пособии и словесная магия: «психотехника», «тренинг влияния» и др. Упражнения на «позы» укрепляют и без того закоренелые стереотипы восприятия.

В природе человека есть склонность совершать поступки, которые не отвечают его же собственным интересам. Поведение человека бывает неразумно и непредсказуемо. Однако склонность к парадоксальному реагированию еще не означает, что к нему надо всегда и всюду применять парадоксальные объяснения. Так же как принцип простоты, работающий в науке, не означает, что реальность проста. Как известно, объяснение должно быть простым, но не более чем само объясняемое явление. Мне кажется, что у нас есть тенденция злоупотреблять «перевертышами» и парадоксами. Например, самоуверенность трактуется как скрытый комплекс неполноценности, агрессивность – как компенсация внутренней тревожности и пр. и пр. Видимо, людям не очень психологически грамотным, такие объяснения кажутся глубокими или, по крайней мере, интересными, занимательными.

Иллюстрацией может служить рассказ психолога о Нильсе Боре, прозвучавший не так давно в передаче «Белые пятна, черные дыры» (телеканал «Культура», 14.10.04). Психолог сказала, что великий физик был человеком застенчивым, с низкой самооценкой. Он часто говорил о себе, что ничего особенного не придумал, что ничего не знает. Н.Бор был заиклен на своем интеллекте и требовал от него слишком многого. В соответствии с «формулой» классика психологии У.Джеймса самооценка личности прямо про-

порциональна уровню достижений личности и обратно пропорциональна уровню ее притязаний. Получается, что личность Бора укладывается в прокрустово ложе психологической формулы. Не правда ли, занимательно! Но поняли ли мы уникальную индивидуальность ученого? Думается, нет. Это обычно для крупных ученых – высоко ценить свой интеллект. Но далеко не все они так застенчивы, как Бор. А он, по словам самого же эксперта, выделялся на общем фоне. По словам психолога, о застенчивости Бора свидетельствует факт, что на аудиенции у датского короля физик несколько раз перебивал монарха словами: «это не я», когда тот по ошибке приписывал Бору чужие заслуги. Перебивать речь монарха – хороша застенчивость! Из всей этой истории следует, что нельзя пользоваться психологическими формулировками как физическими формулами.

Из сказанного можно сделать вывод, что в медиапространстве отечественных СМИ преобладает психологический инфотейнмент. Термин инфотейнмент (infotainment) возник в результате объединения двух слов: информация (information) и развлечение (entertainment) и выражает стремление продюсеров подавать новости в форме развлекательных передач или с оттенком развлекательности. Инфотейнмент зародился в 80-е гг. в США. Начавшееся в те годы падение рейтингов информационных программ вынудило журналистов изменять формат телевизионных новостей. Наши медиа переняли эту развлекательную стратегию. Принцип занимательности распространяется и на способы подачи психологической информации.

Было бы неверно ответственность за эту ситуацию возлагать только на одну сторону – на СМИ. Многое зависит от состояния психологического знания. Нерешенные проблемы психологии, множественность теорий и отсутствие единого языка описания психической реальности не способствуют росту авторитета академической психологии.

По-видимому, некоторые вопросы психологии не имеют единственного решения, потому что такова природа человеческой психики. Свобода, субъективность, проактивность и др. характеристики сознания задают ограничения для эмпирической проверки, а значит, и для выбора единственной теоретической схемы.

Многие трудности психологического анализа связаны с качеством языка психологического знания. Явная его особенность – терминологическая избыточность. Одна из причин этого явления – необходимость создавать цельный текст в ситуации, когда каждый ученый знает какую-то часть реальности и имеет собственные суждения по поводу некоторых конкретных ее аспектов. Поскольку

изменение содержания одного понятия влечет за собой изменение смысла других, приходится либо менять все термины, либо вводить такие, которые специально отражают отношение нового термина к традиционному. Так «умножаются сущности», как говорили в старину. Когда понятийных схем становится много, возникает потребность в их интеграции, в создании метатеорий и метатерминов. В результате возникают семантические «скрещивания», что усложняет восприятие. Кроме того, многие явления психики непредставимы в зрительных образах.

Психология чаще имеет дело не с суждениями факта, а с суждениями об отношениях. Такие понятия, как «мотив», «направленность», «личность» и др., нельзя представить. Это абстракции, визуализация которых зависит от личного опыта, от воображения, от уровня и качества образования.

Опыт дидактики свидетельствует: представимость – условие понимания. Поэтому в учебных, да и в академических, психологических текстах так много схем. Однако они представляют собой квазивизуализацию, так как не являются подобием, отражающим топографию психики. Схемы, публикуемые в книгах, приносят пользу их автору, но мало помогают читателю.

Важно учитывать и такое явление, как наличие конкуренции личного языка и языка учебной и научной литературы. Все люди в какой-то мере психологи. Чем больше индивид склонен к рефлексии, тем более сложным и индивидуализированным становится его собственный «толковый словарь» психологических понятий. Что, как ни странно, создает трудности при изучении психологии, потому что приходится соединять свое и чужое. Как известно, легче учиться заново, чем переучиваться. Можно предположить интерференцию индивидуальных и академических значений в семантике терминов «влечение», «характер», «темперамент», «сила Я», «саморегуляция» и др.

Добавляет сложности переводная литература. Она создает проблему совмещения самоанализа, сложившегося на базе родного языка, и терминов, пришедших из западной психологии.

Каким бы сниженным ни был образ науки в психосфере медиа, пока что научность является ценностью культуры. Это видно хотя бы из того, что опора на авторитет науки используется в целях пиара. Правда, для этого психологию частенько стремятся выдать за нейрологию, вероятно, потому, что приставка нейро- дает ассоциацию с естественнонаучным знанием. Пример тому – популярное НЛП (нейролингвистическое программирование), которое, строго говоря, является психоллингвистической суггестивной техникой. Есть такой манипулятивный прием – «присоединение». Ес-



тественные науки до сих пор вызывают большее доверие, несмотря на все гуманитарные революции, происходившие в прошедшем столетии.

Думается, для имиджа психологии важно не столько заигрывание с естественными науками, сколько умение проникать в суть социальных событий, не нарушая границ между социо- и психосферами там, где эти границы действительно существуют. И дело не в том, что существуют системные качества, которые, как обычно пишут, отсутствуют у элементов и появляются на уровне системы. Идея системности, неаддитивности не столько проясняет ситуацию, сколько добавляет в нее путаницы, как показывает опыт взаимодействия гуманитарного знания и т.н. системного подхода.

Существуют ситуации, когда аналогия между социальным и психологическим детерминизмом правомерна и, следовательно, эвристична. В одной из программ «Культурная революция» («Культура», март 2005 г.) обсуждалась тема: Восток и Запад – могут ли они понять друг друга. Историк С. Караганов высказал мнение, что Восток и Запад интегрированы в единое информационное, экономическое и политическое пространство и поэтому вынуждены понимать друг друга. Думается, что никакая интеграция не снимает проблему понимания. И здесь уместно, на наш взгляд, социологические обобщения редуцировать к психологии человеческих взаимоотношений. Никакая взаимозависимость не решает проблему взаимопонимания супругов или коллег в производственном коллективе и не снимает с людей ответственность за выстраивание отношений. Другая ситуация: если мы знаем из истории своей семьи, что дети повторяют ошибки родителей, то почему в обществе должно быть по-другому. Большой и еще не востребованной эвристической ценностью обладает аналогия между этническим сознанием и психологией семейных, родственных отношений.<sup>2</sup>

Общество и история масштабнее, чем психология отдельного человека, живущего в своем окружении. Но что меняет укрупнение масштаба? Становятся неразличимыми детали, но это не значит, что они исчезают или утрачивают значение.

С другой стороны, объяснение социальных процессов особенностями психологии человека часто неверно, а иногда этически неприемлемо. Так, в современных СМИ культивируется миф о том, что положение человека в обществе зависит от него самого. Согласно этому мифу, если индивид находится внизу социальной иерархии, это значит, что ему не хватило настойчивости, смелости либо каких-то иных личных качеств, чтобы подняться наверх. Это очень старая, простая и опасная идея. Она в какой-то мере ответственна за аномию, существующую в нашем обществе. В обыден-

ной психологии «аномия» имеет другое имя – «беспредел». Ведь известно из истории, из мировой художественной литературы, из жизненного опыта наконец, что люди, способные на сделку с собственной совестью, находятся в более выгодном положении. Они более свободны в выборе средств достижения целей. Если общество не обеспечивает достаточное количество возможностей, чтобы способные и амбициозные личности могли улучшать свое социальное положение, то проповедью равных возможностей оно провоцирует определенный «естественный» отбор – на верх социальной лестницы поднимаются люди, которых этические соображения сдерживают в меньшей степени. Об этом писали классики социологии и психологии Э.Дюркгейм, П.Сорокин и др.

Психология и социология «говорят» по-разному, но об одном и том же. При этом психологизация неверна и неэтична. Это что, противоречие? Нет. Все зависит от того, как понимать психику. Без социологического объяснения неполно психологическое, такая природа человеческой психики. Изнутри психосферы не видно отношение между образом реальности и самой реальностью. Известно, что человеку не дано понять, насколько точны его воспоминания. Существует только один надежный способ увидеть разницу между памятью и воображением – сравнить с реальностью, когда это возможно.

Если наши теории психического верны, то не должно быть никаких коллизий между психологией и социологией. И наоборот, полная социальная наука включает природу человека и законы работы его психики. Мы считаем, что психологизация означает не искажение отношений между социологией и психологией, как это часто представляется, а искажение «внутри» самой психологии, и как следствие этого появляются противоречия в системе социологических описаний.

В обществе как большой системе действует статистическая вероятность, а в поведении отдельного индивида – истинная (онтологическая) вероятностность. Если положение этого индивида в системе социальных взаимодействий таково, что от него многое зависит, то в этом месте социальная система приближается к истинно вероятностной системе. Благодаря этой закономерности в обществе ограничено действие закона усреднения, который проявляется в больших системах с однородными элементами.

«Мир современной массовой коммуникации – это мир индетерминизма, где... произвол отдельной личности способен дестабилизировать или, наоборот, уравновесить систему социальных связей и отношений»<sup>3</sup>.

Если это так, то на масс-медиа лежит огромная ответственность за состояние общества. Но думается, здесь есть преувеличение. Не в массовой коммуникации лежит эта область индетерминизма, а в «точках влияния». Эти точки могут находиться и в медиапространстве, но это не общий случай. Чаще масс-медиа выполняют роль среды, по которой «волны влияния» распространяются.

Конкретная ситуация содержит неопределенность – что в ней следует считать социальным, а что психологическим. Что на что влияет – часто не понятно. Если не особенно важно, как назвать какой-то элемент ситуации – социальным или психологическим (индивидуальным), то вопрос о влиянии, напротив, имеет смысл. Однако ответ на этот вопрос известен не всегда.

Отношения социологии и психологии просты в принципе. Но все очень сложно, когда мы переходим на уровень анализа конкретной ситуации: что в данном случае объясняют поведение человека, окружающая его среда (социум) или его диспозиции (личность). Природа человека необъяснима без теории общества: элемент и система взаимозависимы. Обратное также справедливо: знание человеческой природы необходимо для анализа состояния социосферы. И медиасферы как ее части.

Как известно, назначение психики состоит в том, чтобы быть инструментом ориентации в мире. Притом в ней присутствует не только отражение. Символизация, метафоризация, репрезентация – все это неотражательные по своей природе операции. В разных ситуациях проявляет себя то одна, то другая ипостась психического.

Перед гуманитарным знанием стоит задача теоретической реконструкции воздействия свойств человеческой психики на социум. Обычно речь идет о поисках универсальных измерений психосферы, значимых с точки зрения социально-исторической динамики.<sup>4</sup> Принято утверждать наличие некоторых свойств психики, которые закономерно проявляют себя в социуме, проявляют везде и всегда. Это естественная, но не единственно возможная постановка вопроса. В дополнение к ней нужна другая исследовательская программа: анализ не универсальных, а наоборот, уникальных свойств психосферы. И определение типов ситуаций, чувствительных к индивидуальным особенностям субъекта социального действия.

Потенциально все свойства, процессы и состояния психики могут играть самостоятельную роль в детерминации социального поведения. Актуально же большинство из них либо не проявляется либо элиминируется. Со всеми этими вариациями следует разбираться. Все свойства психосферы значимы для социосферы, но ка-

кое из них заявит о себе в конкретной ситуации – это не определено принципиально.

Со времен Фрейда стало привычным думать, что психологическое объяснение – это глубокое объяснение. Какова же эта глубина? Ретроспективное продвижение по цепочке причинных связей до первых детских впечатлений или до материнской утробы, где начинает работать генотип плода?

Если психика человека подчиняется законам детерминизма и если она функционирует как некая целостность, то причинно-следственные связи в ней образуют непрерывные последовательности. А если детерминизм и целостность характеризуют только крайние значения в континууме возможностей, то тогда необходим индивидуализирующий подход, ограничивающий глубину анализа и уровень обобщения.

Природа человека, выражающаяся в законах его психической деятельности, представляет собой сложное единство антиномичных свойств, таких как детерминизм-свобода, холизм-элементаризм, рациональность-иррациональность и др. Теоретическое единство антиномий психики приводит к парадоксальному результату – к ограничению анализа. Конкретная ситуация требует вполне определенной глубины проникновения. В некоторых случаях бывает достаточным поверхностное и непосредственное объяснение, а далеко идущие выводы оказываются неверными. Если русские любят петь хором, то из этого не следует ничего, кроме того, что они любят петь хором. Не выводится из этого факта никаких предположений о коллективизме или общительности, или о чем-то еще. Спекулирующий подобного рода довольно много в рассуждениях о культурных традициях, о менталитете народа и т.п.

Для медиааналитики важно чувствовать различия вечного и исторически изменчивого в человеке и социуме.

Политические аналитики масс-медиа в последнее время отмечают явление милитаризации власти в России и тенденцию к пересмотру журналистами оценок данного процесса. Вместо акцента на опасность множатся суждения, оправдывающие это явление сложившимся исторически менталитетом российского общества. Это уже серьезно. Думается, неверно искать причины авторитаризма в отечественной истории. Неверно и небезопасно, ибо такое заглубление причин служит оправданием антидемократических тенденций. Авторитаризм присущ природе человека, и в этом смысле он имеет глубокие корни. Но он может присутствовать в латентном состоянии, а может актуализироваться под воздействием объективных социальных факторов и провоцирующей информационной политики.

Если правильно трактуется природа психики, то в медиапсихологии не должно быть противоречий между социо- и психоаналитикой. А правильная трактовка – это учет противоречивой природы человека и как следствие этого – индивидуализирующий подход к анализу социальных событий.

---

<sup>1</sup> Коллинз, Р. Социология: наука или антинаука? / Р.Коллинз // Теория общества: Фундаментальные проблемы. – М., 1999. – С.64.

<sup>2</sup> Нескрябина, О.Ф. Индивидуальность на границе реального и идеального / О.Ф.Нескрябина. – Красноярск, 2001. – С.84-86.

<sup>3</sup> Мансурова, В.Д. «Культ личностей»: интересубъектная коммуникация как системообразующий фактор современных СМИ / В.Д.Мансурова // Журналистика в 2000 г. Ч.9. – М., 2001. – С.7.

<sup>4</sup> Розов, Н.С. Философия и теория истории. Кн.1. Прологомены / Н.С.Розов. – М., 2002.

## **МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ВНУШЕНИЕ И МАНИПУЛЯЦИИ**

Замышляев В.И.,  
кандидат философских наук,  
профессор  
Сибирский государственный аэро-  
космический университет им. ака-  
демика М.Ф. Решетнева  
(г. Красноярск)

Исторический возраст «паблик рилейшенз» как самостоятельного вида деятельности и общественного знания насчитывает сто лет. Чуть меньше возрастом введение первого учебного курса «PR» в одном из университетов США. Можно сказать, что потребность в этой специальности возникла на взлете капиталистического развития в конце XIX – начале XX вв. Но мировое увлечение этим видом социальной деятельности связано с коренными изменениями в постиндустриальном развитии, именуемом еще и постмодернизмом. Характерным для этого количественного и качественного скачка в развитии всего мира является феномен информации как новой формы социальной жизни, как переход из сферы тотально материального в сферу преимущественно информационно-интеллектуального. И закономерно стали употребляться парадигмальные термины «информационное общество», «информационная реальность», «информационный человек» и др. По аналогии со «способом производства» используется и понятие «способ ин-

формации», имеющий в результате новый вид капитала. Информационная экономика становится ведущей, динамично прибыльной в высокоразвитых странах.

По прогнозам к 2006 г. в США, «родоначальнице PR», общая занятость в сфере услуг составит 111 млн. человек, почти 80% всех работников. В их среде 87% кадров имеют высшую квалификацию. На рынке информационно интеллектуальных услуг востребованы и десятки тысяч специалистов «PR».

Если в обществе половина трудоспособного населения «перетекла» в сферу социальных услуг, то наступает пора постиндустриального развития. А при занятости этой же половины в сфере информационных услуг можно утверждать, что общество превращается в «информационное».

Россия, как общество и государство, только-только подходит к этому рубежу. В общей численности безработных в России насчитывается более 40% людей с высшим и средним специальным образованием. Кризисное расслоение на «бедных» и «богатых» связано и с проблемами потребления информации и деятельной занятости в ней.

### ***Информационное общество и массовые коммуникации (МК)***

Информационное общество имеет в своем рациональном основании ноосферную теорию (В.И.Вернадский и др.) о разумной деятельности человека, превратившем биосферное и околоземное пространство в информационное пространство для себя. С плотными слоями атмосферы сопрягаются плотные слои информации, отрицающей пространственно-временные ограничения, как было в индустриальную и особенно в доиндустриальную эпохи.

В исторически развивавшихся обществах всегда совершался обмен товарами (вещами), услугами (парными, семейными, групповыми), идеями (один ум хорошо, а два лучше). В обобщенном виде обмен делится на три типа: материальный, энергетический, информационный, преобладающий с середины XX в. Целостная общественная система включает все типы обмена, но тенденция развития каждого из них имеет историческую обусловленность.

Информационный обмен складывался из последовательных фаз, в число которых входят устная, письменная, книжная и компьютерная (электронная) фазы. Эти фазы коррелируются с историческими стадиями культур и цивилизаций. Не случайно американский ученый Д.С.Робертсон предлагает тождество в понятиях «цивилизация» и «информация». Во многих научных сочинениях на эту тему и современная культура объявляется «информационной» или «новой культурой аргументации». А цивилизационный уровень культуры определяется объемом электронной обработки

информации: от  $10^7$  бит отдельного человека (с условной нулевой отметкой) до  $10^{25}$  бит в информационном обществе с электронной обработкой информации.

Информационное общество развивается в единстве с системой массовой коммуникации, которая расширяется благодаря информатизации и компьютеризации. По сути, это единый глобальный процесс, все составляющие которого взаимосвязаны. Умаление или усиление какого-либо элемента в этом процессе опрокидывает наше сознание или в технократизм (преклонение перед техникой и технологией), или в идеализацию информационного продукта, который сам по себе приведет якобы к желаемому социальному порядку, к беспроblemному управлению в обществе. Для успешной реализации информационного целеполагания (или информационной телеологизации) требуются еще политическая и социальная стабильность в обществе, создание условий для информационного образа жизни.

Основой коммуникации является обмен информацией между двумя или (более) людьми. Коммуникационный процесс осуществляется на линии: источник – сообщение – получатель. Как правило, происходит кодирование в символах и знаках, адекватных пониманию принимающего информацию.

Сообщение всегда содержательно, опирается на средства передачи и предполагает личность (субъекта) совершаемого действия.

Коммуникация подразделяется на визуальную и вербальную. По известной народной поговорке: встречают по одежке (визуально), а провожают по уму (вербальное суждение). В сфере связей с общественностью наличествуют обе эти коммуникации. Исторически и актуально прослеживается координация визуальной и вербальной коммуникации с фазами информационного обмена: устного, письменного, книжного и компьютерного. Библейское утверждение «в начале было Слово», первобытная вербализация явлений и предметов в природе и общине указывают на первородный, главенствующий источник вербализации, отражающей наличие устной коммуникации. Сам естественный разговорный язык, его смысловые концепты содержат в себе уже в снятом виде реалии состоявшейся коммуникации. По опросам общественного мнения, проведенного в США, 83% респондентов поставили способность к устной коммуникации на первое место.

Существует еще перформансная коммуникация, как сообщение в пространстве, ритуалистика и пр. В настоящее время есть сообщения о том, что в гроб и в могилу с покойником кладутся мобильные телефоны – для связи с умершим, с его пребыванием на том свете. К перформансной коммуникации относятся, напри-

мер, клятва президентов при инаугурации; театрокрация; юродивые, шуты в средние века при царствующих особах и в обществе.

Замечено, что в разных вероисповеданиях отдается предпочтение разным коммуникациям. Католики, как считается, склонны к зрительному типу. Протестанты – люди слухового типа (повышенная реакция на Слово, на проповедь). В православии, кажется, сочетается и то, и другое – гармония «зрения» и «слуха», по мнению П.Флоренского. Православное пение столь же онтологично, сколь и живописное изображение. В китайской «традиции домостроения древний мифологический дух народа удивительно глубоко соединен со спекулятивно ученым духом мандаринов и магистров» (Г.Гессе. «Игра в бисер», С. 195). Здесь прослеживается преемственность поколенческой коммуникации. Современное американское искусство «диснейленда» (У.Дисней), наоборот, демонстрирует динамичность смены любых форм коммуникации, несвязанность ее с прошлым. Так как современное демократическое общество десакрализовано и секуляризовано, подвержено «массовой культуре», заражено китчевым искусством, модой, то ни о каком присутствии «святости» в коммуникации говорить уже не приходится. Поэтому коммуникация становится все более формально-поверхностной, обезличенной, без длительных обязательств и ностальгической памяти.

### ***Массовые средства коммуникации***

«Взрыв коммуникации» как «вызов времени» обусловлен появлением электронных средств передачи информации, обозначенной как «цифровая парадигма». Необходимо указать на развитие социальной коммуникации, прежде всего, за счет СМИ, телефонизации, телевидения, ЭВМ и компьютеров. Складывается «триумvirат» коммуникации: СМИ, телекоммуникации и электронная техника. Стоимость технических средств коммуникации с каждым годом возрастает и выражается в сотнях миллиардов долларов, что превышает годовые бюджеты таких стран, как Франция. О технологизации коммуникации легко судить хотя бы по такому факту – в Токио (Япония) сегодня более 26 млн. телефонов. Если выходом из социального кризиса 50-х гг. XX в. во многих странах стал автомобиль, то в наше время мир «спасается» информацией, бьющей, подобно нефти из скважин, из технических источников коммуникации. Рождается интернационал-утопия пользователей информации, «мировая деревня», интернет-коммуна.

Социальная реальность информации выражена в трех сферах: 1) СМИ – с передачей смысловых концептов информационной гуманитарности; 2) телекоммуникации – с акцентом на инженерию сообщения и надежность передачи («символ», «сигнал», «шум»);



3) цифровая информация (информатика) как «искусственный разум». Последнее считается как бы технически нейтральным, не затрагивающим ценностей традиционных культур.

Особенностью массовых средств коммуникации выступает монологичность, самореферентность, когда одни передают информацию, другие ее принимают, теряя идентичность, диалогичность «лицом к лицу». Метафорически в социологической литературе телевизор называли «жевательной резинкой для глаз» и «ящиком для идиотов». Однако визуальная коммуникация устраняет временные рамки и пространственные границы между людьми, создает новые «территории» общения, «свою публику – потребителя», возбуждает новостной интерес к одномоментному мировому устройству и международному положению. «Мировая деревня» держит врата информации открытыми, приручает к коммуникативности со-бытия и со-общения.

### ***Коммуникация и реклама***

Феноменом современной коммуникации, «главным социальным событием» развитого общества признается реклама. Благодаря ей нереальное выглядит как реальное, жизнь предстает как имитация, возникает личностная деконструкция, как бы отрицающая вербальный концепт: на вкус и цвет товарищей нет. Реклама убеждает объединиться и во «вкусе» и в «цвете».

Финансирование СМИ за счет рекламы формирует идеологию потребления «как дурную бесконечность». Обращение к иррациональному в человеке, к витальности, формирование стереотипов желания с призывом «не засохнуть», «оттянуться», «выложиться», «хрустеть» и пр. нагружают человека излишествами и неотвратимостью потребления.

Реклама квалифицируется как информативная (рассудочная), механистическая (стереотипизированная), суггестивная (чувственная, подсознательная). СМИ продают свою аудиторию заказчику рекламы. Получается так, что, подписываясь на печатную периодику, клиент, не ведая того, подписывается и на рекламные объявления, на продукт «массовой культуры». То же самое происходит и с телевизионными каналами и их вещательными программами. В некоторых странах с владельцев радиоприемников и телевизоров берется налог с «продаж» информации и рекламы.

Не обходится без рекламы и маркетинг. Сбыт продукции, прибыль зависят от спроса, от покупаемости товаров и услуг. А СМИ, конечно, влияют на побуждения потребителей, на коммерциализацию их сознания. Хомо сапиенс превращается в хомо экономикус не без участия рекламных СМИ, информационной политики сбыта.

Реклама вторглась и в гуманитарную сферу, в политическую деятельность, в имиджологию, даже в историческое познание и национальное самосознание. Интерпретация некоторых фактов, событий истории, роли личностей в ней подается подчас как новое сенсационное открытие, муссируется в СМИ, тем самым привлекая внимание читателей к неким бестселлерам или телеверсиям на исторические темы. Бывают в таких случаях и феноменальные обращения «назад в прошлое», «к истокам», к «золотому фонду классики». Один из последних примеров – телефильм «Идиот» по роману Ф.М.Достоевского (с актером Евгением Мироновым в главной роли). В книжных магазинах быстро раскупили залежавшуюся до того книгу с романом писателя.

Рекламно выставляются главы государств, члены правительств, депутаты, политологи, имиджмейкеры, бизнесмены-олигархи, лидеры политических партий, священнослужители, ведущие теле-шоу, экстрасенсы и т.д.

Достаточно заметной стала идеологизация рекламы, использование ее в целях формирования общественного сознания на альтернативности и безальтернативности политического и социального выбора. При этом применяются известные в теории и на практике способы, методы, приемы.

### ***Слово о словах***

«Нам не дано предугадать, как Слово наше отзовется...» – озабоченно выразился поэт Ф.Тютчев во второй половине XIX в. Ему же принадлежит знаменитый афоризм: «Мысль изреченная есть ложь» – после коммуникативного обращения «Поймет ли он, как ты живешь?». Другой поэт (В. Маяковский) в первой трети XX в. объявил «Слово – полководцем человеческой силы». И действительно, сколько было в мире полководцев, вождей, духовных пророков, которые вели людей Словом то в бездну, то к Великой Победе, то к самоотречению, то к непомерному Самовозвеличиванию – печатно, скульптурно, живописно, фотографически, киношно, телевизионно, радишно, в чем слово трансформируется, как бы перевоплощается и застывает в краске, в камне, в другом материале или даже в музыке, что тоже является текстом культуры, сопереживается и опять же переводится на изречение духа.

Поистине, слово есть первобытная, актуальная и вечная аргументация в коммуникации. Антитезой Слова признано Молчание, не-говoreние, объявленное в народе «золотом». И в египетской «Книге мертвых», и в китайской «Книге перемен», и в буддизме, и в ламаизме человеку заповедано испытание молчанием, не говорение всуе, не загрязнение рта дурной речью. Быть может, самая высокая награда для людей – дарение Слова. Оно прошло через ин-

тимные комнаты, через аристократические и эстетские салоны – беседы, через разговорные гостиные, через массовые аудитории... Наконец, СМИ превратили Слово в слова и разнесли их по всему свету, превращая дарение в обыденное демократическое говорение. Кто знает, когда возникло предупреждение: молчите, осторожно, стены имеют уши. Почему родилась закодированная, шифрованная шпиономания? А микрофоны в стенах, а подслушивающие устройства? А снятие наземной, даже комнатной информации приборами космических спутников? Все это, очевидно, потому, что в Слове сокрыта великая тайна, что Слово исторически, информационно энергоемко, особенно, если оно в Образе и в контексте.

Специалисты по связям с общественностью – современные жрецы Словонесения, со-общения, несущего единство логического и психического, чем и достигается Убеждение во взаимной договоренности.

Информационное общество начала XXI в. строится на системно-групповой и корпоративно-сетевой основе. Психическая реальность «информационного человека» включает три подсистемы: 1) когнитивную (познавательную), 2) регулятивную (волевою, поведенческую), 3) коммуникативную.

Целостное восприятие осуществляется при наличии прообраза и отражающего его образа. Это диалектика информации и коммуникации. Исключительным средством здесь представляется искусство, сюжет диалоговой игры с использованием коммуникативных символов и знаков.

### ***Внушение***

В диалогизации и в массовидности коммуникации непременно используется метод внушения. Стратегия внушения предусматривает *представления* (в пространстве), церемониал (во времени) и убеждение (в аргументации). С помощью внушения можно «дирижировать» историей, событиями, «хороводом масс», воинским походом и сражением, ксенофобией, расизмом, геноцидом и пр. Внушение – главнейшее средство в обработке обыденного сознания, в организации людей на иррационально-коллективное действие. Внушение постоянно оформляется в «манифесты», в «программы», в «кредо». В результате складываются некие верования в непогрешимых, в «единственных» – на все времена и для всех народов. Внушение окрыляется пропагандой: «белой», «серой», «черной» – открытой, полуоткрытой (с утайкой) и теневой. В боях «добра» и «зла» конструируется образ «врага» или «не-врага». Пишутся Ветхий и Новый Заветы, Законы Моисея и «Законы Геббельса», «Доктрина Даллеса», Международные декларации и пр. «ловушки» внушения.

При внушении часто прибегают к умственному упрощению, к ограничению информации, к настойчивому повторению («припевов», как в современной музыкальной попсе), к эмоциональному давлению. При этом не гнушаются дополнительными коммуникативными средствами, как то: музыкальный фон, подкрепляющий внушающего, или некий видеоряд в телекоммуникациях.

Внушение бывает преднамеренным и непреднамеренным, прямым или косвенным. Внушение выглядит порой как обоюдная сделка, как связь учитель и ученик, как «дистанционное обучение» и «образование взрослых».

Нравственная проблема в методах внушения не решена до сих пор. Как писал В.М. Бехтерев, «внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица – другому, прививанию, происходящему без участия воли (внимания) воспринимающего лица и нередко даже без всякого с его стороны сознания». Возможно, это спорно, ибо как внушить на вербальном уровне тому, кто «не сознает»? В судебной практике, например, незнание не освобождает от ответственности, следовательно, и внушенному есть за что отвечать, так как он наделен сознанием для восприятия внушения. И учитель спрашивает с ученика за знания, приобретенные в процессе внушения. Скорее всего, внушение строится на операциональной мифологизации сознания, на известных манипуляциях.

### ***Манипулирование***

В словаре иностранных слов манипуляция наряду с другими более всего техническими значениями переводится как «ловкая, мошенническая проделка». В PR-литературе манипулирование рассматривается как скрытное действие в коммуникации, осознанное или неосознанное, но связанное с социально-психологическим общением в совместной деятельности людей.

Во взаимоотношениях и в управлении манипулирование проявляется в четырех основных типах поведения манипулятора: 1) активный манипулятор, 2) пассивный манипулятор, 3) соревнующийся манипулятор, 4) «безразличный» (индифферентный) манипулятор.<sup>1</sup>

Центр управленческого консультирования (директор А. Пригожин) указывает на способы манипулирования в отношениях «начальник – подчиненный»: 1. Информационное манипулирование. 2. Комплекс «незаменимости». 3. Возложение на руководителя своей ответственности. 4. Навязанное решение. 5. Искажение информации от имени руководителя. 6. Сведение счетов. 7. Ограничение доступа. 8. Сговор группы влиятельных работников. 9. Доверительные отношения.

Во избежание указанных манипуляций есть древнейший способ среди людей в их отношениях: развитие и укрепление команды единомышленников и высокий статус честности в коллективной среде.

### ***Феномены манипуляции***

История человеческого бытия свидетельствует о наличии многих манипуляций. Одним из социальных феноменов манипуляции сказывается *обман*, как ложное, неверное со-общение. В обмане действует субъект. В объективированном виде обман становится результатом действия, достигающего цели. В обмане, как явлении, заложены онтологические, гносеологические, аксиологические и праксеологические аспекты. Эти смыслы так или иначе подводят наше сознание и действие к вопросу об Истине, Правде и Лжи. Правда не тождественна Истине, а Истина нейтральна ко Лжи. Истина, по философской методологии, всегда конкретна. Правда и Ложь – категории нравственно-психологические, имеющие разную ментальность в разных национальных культурах.

Обман выступает как социальный феномен коммуникации, отражающей и социальные противоречия. Индивидам и группам свойственно эгоистическое обособление. Его зооморфные начала есть в природе, в животном мире.

При разделении людей на классы возникает и социально-классовый обман в интересах неравноправного сотрудничества (взаимодействие противоположностей, диалектика социальной справедливости). Целью политического, социального обмана чаще всего является борьба за власть, за лидерство, за преобладание и владение. В кризисные, переломные периоды в истории обществ возникает «революционная целесообразность» в обмане. Так, В.И. Ленин писал: «Пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу». Во времена «холодной войны» действовала (против СССР) «доктрина Даллеса». В ней говорилось: «Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, живой страх друг перед другом, предательство, национализм, вражду народов и прежде всего ненависть к русскому народу – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение,

превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем опошлять и уничтожать основы нравственности. Будем всегда главную ставку делать на молодежь. Станем разлагать, развращать, растлевать ее» (С.Ю. Глазьев «Геноцид»). Такая вот установка на долгосрочный обман в межгосударственном идейно-политическом «холоде».

Вся мировая дипломатия, разведка и контрразведка пользуются средствами обмана, обольстительной ложью или разукрашенной правдой, одним словом, *дезинформацией*.

В психологическом плане «всякий человек есть ложь», что замечено в Ветхом Завете, в псалме 115 (ст.2). Призывы «жить не по лжи» (А.Солженицин) имеют очистительную нравственную силу, но всех человеческих проблем не решают. Известный русский императив «Не в силе Бог, а в правде» наполняет эту категорию универсальным содержанием, эмпирической потребностью совершенства в коммуникации, наделенной сопровождающим атрибутом социальной справедливости. Понятие русской соборности тоже связано с коллективной коммуникацией.

Категория Правда типологически выступает как 1) инструментальная, 2) нравственная, 3) рефлексивная. Правда психологически живее, чем истина, ибо последняя есть формула научной рациональности, не затрагивающей у большинства людей глубоких эмоциональных переживаний.

Обман, ложь, неправда не являются синонимами. В каждом из этих понятий содержится свой социально-психологический, аксиологический и праксеологический модус. В ложь больше верят, если она «большая». В неправде сомневаются, потому что она не столь очевидна. Обман – это процесс, в котором пребывают все люди, исполняя свои роли и меняясь ролями. Бывает и очарование обманом. Вспомним строчку А.С.Пушкина: «Я сам обманываться рад». Разочарование обманутых сопровождается удивлением, иронией, сарказмом и реже покаянием с признанием личных ошибок, переадресованных на некую трансценденцию: «бес попутал».

Все СМИ подвержены обману, сами являются его источником и средством тиражирования, информативного обеспечения. Что касается правды и кривды (неправды), то в СМИ всегда находится их вербальный эквивалент («что написано пером, то не вырубишь топором»). Этот эквивалент превращается в заблуждение: не ведают, что творят. Или прибегают к риторике «всегда есть что почитать» и надеются – «бумага все стерпит».

Незадолго до нашей эры знаменитый ритор Цицерон употребил латинское слово *cultura* (обработка земли) в качестве метафоры «обработка, возделывание человека». Рожденные в н.э. СМИ

манипулируют сознанием людей, «обрабатывают» их в «нужном» направлении.

### ***Мифы манипулирования***

Общим местом стало в современной науке указание на мифологизацию общественного сознания в условиях постмодернизма, на заряженность коммуникации модулями социальной мифологии.

Некоторые исследователи (Г.Шиллер «Манипуляции и запрограммированное сознание») выделяют пять социальных мифов, наличествующих и в коммуникации:

1. Миф об индивидуальном и личном выборе.
2. Миф о нейтралитете. Вера в нейтральность социальных институтов.
3. Миф о неизменной природе человека.
4. Миф об отсутствии социальных конфликтов.
5. Миф о плюрализме СМИ.

Касательно пятого мифа-выбора утверждается, что СМИ много, и они разные. На самом деле они все ангажированы и находятся в корпоративно-сетевой системе, рассчитанной на коммерческий успех. Например, в США 700 коммерческих телестудий. В стране выпускается ежегодно 200 художественных фильмов. Ежегодный доход от книгоиздания составляет 1 млрд. долларов. Гуманитарная вербальная и визуальная продукция поставлена на поток, как любая другая материально-товарная продукция.

Другой пример: «Государство в Германии не контролирует работу журналистов. Однако руководящие редакционные линии издательства и бизнес-политика средств массовой информации, ориентированная на получение прибыли, могут влиять на выбор тем журналистами и на освещение событий»<sup>2</sup>. Красноречивое признание о зависимости «свободы пера» от корпоративных интересов фирмы, идеологически сориентированной на политические интересы государства.

Вообще со «свободой слова», так широко разрекламированной в странах либерализма, происходят постмодернистские культбиты. Последний убедительный пример «свободы-несвободы»: преследование в США фотокорреспондентов, заснявших в Ираке гробы с погибшими американскими солдатами. Война в Ираке – реальность, а вот попытка президента Буша и его администрации успокоить американское общество в том, что все идет «как надо» и потери минимальны, – это, конечно, миф.

Современные политтехнологии сокрытия правды становятся все более изощренными, упакованными в мифологию запрограммированного сознания.

### ***Коммуникации и PR***

Как соотносятся PR-профессия и коммуникации? Из пятисот (!) определений этой специальности одно указывает на специфическую функцию в структуре менеджмента организации. PR призвана налаживать и укреплять коммуникации на линиях: организация и общественность. Предметом PR является коммуникация, объектом – внешний клиент, проблемой – субъект-субъектные отношения, связи. Образно говоря, PR – это «многорукий Шива», по-восточному, или «двуликий Янус», по-западному. Связь на «все четыре стороны», со всеми структурами современного общества: с потребителями и СМИ, с партнерами и с потенциальной общественностью, с государством и с органами управления, с инвесторами и «с собой» в управлении кризисом. Состояние PR-деятельности можно выразить и формулой философа Гегеля: «в себе – у себя – для себя».

Стратегия PR обеспечивает и организационную целостность учреждения, корпорации, предприятия, акционерного общества и др. Организационная деятельность в PR обусловлена тем, что думать надо глобально, а действовать локально. Социальный локус, обеспеченный многообразными коммуникациями, – это и есть PR-сущность.

PR-специалисту ничто человеческое не чуждо, следовательно, понимание им своего места в обществе, в социуме должно быть осознано в теории и в практике массовых коммуникаций XXI века.

Информационное общество, информационная реальность, региональные цивилизации, национальные государства, глобальная экономика, историческая ментальность народов – без знания этого «единства в многообразии» нельзя рассчитывать на долговременную перспективу, на устойчивое развитие и социальный успех в PR-деятельности.

---

<sup>1</sup> См.: Седова, М. Как подчиненные манипулируют своим начальником / М.Седова // PR в России. – 2002. – №4. – С.9-14.

<sup>2</sup> Хеллак, Г. Печать, радио и телевидение в Германии / Г.Хеллак // Presse, Horfunk und Fernsehen in Deutschland, Институт имени Гёте, 2003.



## НЕОЯЗЫЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Григорьева Л.И.,

доктор философских наук, профессор  
Красноярский государственный  
педагогический университет имени  
В.П.Астафьева  
(г. Красноярск)

На пике системного кризиса бывшего советского общества в 80-е – 90-е гг. взоры отечественных интеллектуалов-реформаторов были с надеждой обращены на Запад. Демократия, технократия, плюрализм и глобализм – все новое, альтернативное воспринималось как безусловно прогрессивное и актуальное для России. На данном историческом этапе триумфальная экспансия в Россию новых религиозных движений (НРД), прежде всего ньюэйджевско-глобалистического толка, в значительной степени определяла свежую расцветку обновившегося религиозного спектра. Кришнаиты и муниты, сайентологи и раджнешисты, бахаи и мормоны в начале 90-х гг. стали объектом пристального рассмотрения как специалистов-религиоведов, так и различных борцов с «новыми культами». В период 1990-1997 гг. и отечественные новоиспеченные НРД – Белое Братство Юсмалос, виссарионовская Община Единой Веры, рериховские движения – в своих вероучениях также декларировали общеглобалистический ньюэйджевский лозунг «религий много – Бог один!»

Однако уже вторая половина 90-х гг. стала временем все нарастающего разочарования россиян в западническо-глобалистических упованиях эпохи перестройки. Утрата Россией статуса сверхдержавы, разграбление накопленных богатств, природных ресурсов и бесценного человеческого потенциала, социальное расслоение, криминализация, мировоззренческая и нравственная дезориентация населения – все это стало причиной нарастающей апатии и депрессии, началом деградации и депопуляции народа. В сфере отечественных НРД эти процессы также начали все более явственно обнаруживать себя в падении активности и численности последователей международно-глобалистического крыла НРД и трансформации некоторых из них в «национально-традиционные» (например, в кришнаизме). Обратная сторона указанных процессов на рубеже XX-XXI вв. проявилась в России в спонтанном, взрывообразном нарастании протестно – националистических настроений,

возникновении и все большей активизации разнообразных, в том числе неорелигиозных национал-патриотических объединений.

Особое место среди них занимает широкий спектр вновь образующихся в рамках отечественных НРД неоязыческих движений. Исследование особенностей современного российского неоязычества в последние годы привлекает все большее внимание специалистов – религиоведов. Согласно имеющимся классификациям в современном отечественном неоязычестве может быть выделено не менее трех параллельных течений: ньюэйджевская эклектика экологического толка, интеллектуальный «ренессанс веры предков» отечественных национальных меньшинств (Якутия – Саха, Мордовия, Чувашия) и собственно национал – патриотические неоязыческие объединения русского возрождения.

В последнем варианте понятие именно «русского» в противовес «российскому» выделяет и подчеркивает национальный, а если еще точнее – ярко выраженный националистический акцент данного направления. Жесткое идеологическое размежевание, вплоть до откровенно враждебного противостояния, в указанных течениях сегодня достаточно определенно высвечивается как в текстах многочисленных (более 60-ти) сайтов в Интернете, так и в анализе литературы и периодики указанных движений.

Последнее из перечисленных разновидностей, движение русских национал – патриотических неоязычников, с нашей точки зрения, заслуживает сегодня особо пристально наблюдения и исследования не только специалистов-религиоведов, но и органов, контролирующих юридическо-правовые аспекты религиозной деятельности.

В апреле 2004 г. в старинном русском городе Калуге состоялся первый учредительный Съезд Славянских Общин, в результате которого образовалось крупнейшее в стране структурированное образование данного направления: Союз Славянских Общин (ССО). Автор данной статьи узнал о готовящемся мероприятии еще в феврале из информации, размещенной на сайте Владивостокской общины последователей Мегрэ – «анастасийцев» – еще одного параллельного рассматриваемому неоязыческому движению ньюэйджевского типа. Интересно то, что в самой Калуге, как выяснилось, о готовящемся форуме не знал никто из должностных лиц, курирующих религиозную сферу.

Мне удалось попасть на данное мероприятие, еще раз убедившись в том, что ни информация с Интернет-сайтов, ни даже специальная литература неорелигиозных движений не могут в полной мере отразить то, что составляет качественную характеристику исследуемого религиозного направления – ее внутренние

идеологические установки и катализируемые ими настроения. Именно последнее определенным образом создает, настраивает и стимулирует развитие процессов в исследуемой сфере.

Само мероприятие было проведено не в самой Калуге, а в тимирязевской сельскохозяйственной академии, находящейся фактически за городом, не привлекая внимания посторонних для движения лиц. Уже в вестибюле участникам слета предлагался достаточно широкий спектр специальной литературы. «Удар русских богов» Истархова, «Протоколы сионских мудрецов» и т.п., злобная антисемитская, антихристианская, антигосударственная тематика представленных для продажи текстов иллюстрировала характер и доминирующие настроения собравшихся «учредителей». Для того чтобы попасть в зал заседаний, требовалось предъявить документы и заполнить подробнейшую анкету, вносимую в специальный банк данных. На входе стояла специальная «служба безопасности» из накачанных парней, строго фильтрующая людей с пропусками-приглашениями. В отпечатанных типографским способом и заверенных печатью «Приглашениях», в частности, значилось: «На съезде нежелательны: – члены Круга языческой традиции (КЯТ), космополитической организации воинствующих интернационалистов; инглинги, как представители организации, дискредитирующей возрождающееся Славянское Движение;

**- а так же прочие болтуны, демагоги, провокаторы, христиане и сумасшедшие** (так выделено в тексте – Л.Г.). Нежелательных на Съезде лиц будет удалять служба безопасности». На первой странице был изображен герб движения: стилизованная восьмиконечная (двойная) свастика и две, копирующие эсэсовскую символику, молнии под ними.

Состав присутствующих был достаточно разнообразен: всего на съезд прибыли делегаты двадцати трех неоязыческих славянских общин, представляя достаточно широкий географический спектр. Самыми восточными оказались представители Омска, Томска и Иркутска. Большую часть прибывших составляли жители центрального европейского региона. Всего в зале находились 43 человека, в том числе только 4 женщины, три из которых выполняли функции технического персонала, и лишь одна оказалась делегатом съезда. Для подавляющего большинства движений НРД и их объединений такой дисбаланс не является характерным. Глобалистические ньюэйджевские культы одним из ярких отличий зачастую демонстрируют феминистические тенденции: от уравнивания прав мужчин и женщин в религиозной активности до заметного преобладания среди лидеров и идеологов движений представительниц прекрасного пола. Здесь же единственная среди высту-

павших со сцены неоязычница оказалась членом небольшой нью-эйджевской группы из-под Коломны, скорее, примыкающей к анастайцам-виссарионовцам. Ее эмоциональная речь с призывами переселяться на лоно природы и восстанавливать духовную и физическую экологию не получили поддержки у достаточно агрессивно настроенных в ее адрес ведущих. Подчеркнуто жесткий тон мероприятия задавался подавляющим мужским составом съезда.

Четыре десятка делегатов – мужчин по возрастной шкале распределились следующим образом: примерно десять человек – пенсионного и предпенсионного возраста, столько же молодых людей в возрасте не старше 30 лет. Ядро присутствующих составили люди зрелого возраста от 30 до 50 лет. Социология НРД показывает, что в рамках глобалистических контркультурных проектов зачастую ядро подобного рода движений составляет молодежь, проходящая определенную эпоху эпатажного антисоциального самоопределения. Современная социология НРД (А.Баркер, В.Зеленский, М.Штерин и другие) указывает на достаточно большую текучесть и неустойчивость состава ньюэйджевского движения в его разнородных модификациях. Здесь же состав присутствующих и в еще большей степени содержание их выступлений демонстрировали не столько тягу к эпатажу, сколько созревшие и нетрадиционно, протестно оформляющиеся настроения вполне сознательно самоопределяющихся в социально-политическом плане граждан. Прибыв на слет неоязычников, фактически мы оказались на политическом форуме, где неоязыческое оформление играло роль новой радикально-протестной идеологии, или альтернативной мировоззренческой платформы.

Два дня, 23 и 24 апреля, в закрытом режиме проходило активное обсуждение процессов объединения Славянских Общин и их консолидации против врагов России и русских как нации. К врагам были отнесены, во-первых, евреи, определенные национал-шовинистами в лучших традициях фашиствующих идеологий «жидо-масонами», во вторых, христиане, включая, или даже в особой степени выделяя, православную церковь, опять же как агента «распятого жида пархатого», в-третьих, современное российское правительство и наиболее заметные политические партии. Почти все выступления с мест, и особо речи и реплики руководящего состава, были напитаны такой откровенной ненавистью, агрессией и жаждой крови, что приглашение «освятить на заключительном языческом ритуале оружие тем, у кого оно с собой и зарегистрировано», прозвучало вполне органично для данной аудитории. Кстати, в июле текущего года на сайтах данного направления активно обсуждается вопрос об уместности проведения во время не-

языческих ритуалов «кровавых треб», то есть жертвоприношений. Пока речь идет о жертвоприношениях животных и птиц. Добавим от себя, что хотя подобные культовые предписания есть и в шиваизме, и в иудаизме, и в исламе, и в некоторых других течениях, прежде всего архаических и особенно традиционно-языческих, характер ритуала определяет доминирующее религиозное настроение (сравним, например, с вышеуказанными жертвоприношения в сатанинских объединениях).

Особую настороженность в такого рода движениях вызывает и тот факт, что во многих из них центральным элементом культа являются специальные «языческие бои», активно проходит обучение «русбою», то есть фактически создаются нелегальные боевые формирования. На внешнем же плане – на тех же многочисленных Интернет-сайтах, мы видим только нарядный фасад явления. Здесь размещаются пасторальные картинки-фотографии празднования «Купалы», «Перунова дня», где длиннокосые девушки в сарафанах и длинноволосые бородатые мужчины в косоворотках водят хороводы на фоне березок и синих рек.

Расцвет национал-шовинистических объединений политического и общественного типа в последние три-пять лет достаточно заметен. Мало кто в нашей стране не наслышан о баркашовцах или скинхедах. Их открытость и однозначность в действиях дают возможность, по крайней мере, адекватно воспринимать и оценивать происходящее. Но радикальное национал-шовинистическое неоязычество, как правило, не регистрирующееся или представляющее себя в качестве нового культурного ренессанса забытых отечественных традиций, в пестрой и разнородной массе неоязыческого антиглобалистского движения сегодня фактически выпадает из поля зрения государственных органов. При этом сегодня оно, несомненно, является зоной повышенной социально-политической напряженности.

В текущем году произошло официальное объединение шовинистически настроенных патриотов под вывеской неоязычества – Союза Славянских Общин. Пока они маргиналы. Но во что выльется их явно нарастающий радикализм, граничащий с экстремизмом, в ближайшие годы? Это будет зависеть и от изменений в реальной социальной жизни страны, и от позиции, которую займут в отношении данного явления государственные, в том числе правоохранительные органы.

## **СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ**

Коробицина Т.В.,

доктор медицинских наук, профессор  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

В последние годы в Красноярском крае, как и в России в целом, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, их немедицинское потребление приобрели значительные масштабы. Наркомания, наряду с токсикоманией и алкоголизмом, является одной из острейших проблем, дестабилизирующих и без того сложную социальную и криминальную обстановку, поскольку с увеличением спроса на наркотики растет и связанная с ними преступность. Причем преступления в этой сфере имеют высокую латентность и реальный уровень преступности существенно выше, чем зарегистрированный. Кроме того, наркотическая зависимость является также причиной многих правонарушений, не связанных непосредственно с незаконным оборотом наркотиков.

Значительное количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в общей структуре преступности, рост числа преступлений, совершаемых наркоманами, и недостаточная эффективность борьбы правоохранительных органов с преступлениями данной категории в условиях изменения законодательства и структурной перестройки всей системы противодействия незаконному обороту наркотиков обуславливают актуальность проведения научных исследований наркопреступности, в том числе социологических ее аспектов. Адекватная работа правоохранительных органов в области первичной и вторичной профилактики наркомании, предупреждение соответствующих криминальных действий в определенных социальных группах возможны только при целенаправленном изучении социально-демографических характеристик лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков.

Необходимо учитывать, что преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершают как потребители наркотиков, так и лица, не употребляющие психоактивные вещества. Поэтому вначале на основании изучения статистических данных ИЦ ГУВД и Управления судебного департамента Красноярского края мы анализируем социально-демографические характеристики всех лиц, совершив-

ших указанные преступления, в последующем рассмотрим аналогичные показатели потребителей наркотиков и больных, страдающих наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях наркологической службы края.

При изучении социально-демографической характеристики выявленных и привлеченных к уголовной ответственности лиц мы условно допускаем, что такая «выборка» является репрезентативной и в полной мере отражает аналогичные параметры преступной популяции в целом, включающей не только тех, кто совершил преступления, лица по которым не были установлены, но и представителей «латентной» преступности. Только в таком случае можно предлагать меры превенции, которые будут адекватны реально существующей криминальной ситуации.

При анализе данных о выявленных и привлеченных к уголовной ответственности лицах, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, на территории Красноярского края в 1996-2005 гг., нами было отмечено следующее. Динамика количества выявленных лиц на первый взгляд повторяет таковую общего числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, однако доля преступлений, по которым лицо, его совершившее, выявлено, начиная с 2001 г. стала существенно снижаться, и такая негативная тенденция продолжает прослеживаться до 2005 г. включительно.

Кроме этого, на наш взгляд, заслуживают особого обсуждения еще ряд моментов. В 1998-2001 гг. наблюдалось уменьшение до 6,8% доли преступлений, совершенных несовершеннолетними, однако в 2002 г. этот показатель вырос до 8,7% и продолжал увеличиваться в 2003 г. так же, как и доля лиц, совершивших преступления в возрасте 18-30 лет (с 65,3 до 67,2%). В 2003 г. одновременно со снижением доли преступлений, совершаемых лицами, не имеющими постоянного источника дохода (с 55,3 до 51,7%), лицами с уголовным прошлым (с 35,2 до 29,5%) и состоящими на оперативном учете (с 0,76 до 0,53%), почти вдвое выросла доля деликтов, совершенных учащимися, студентами (с 7,9 до 13,1%), а также рабочими и служащими (с 23,7 до 29,3%).

Такая динамика показателей отражает определенные успехи, достигнутые правоохранительными органами в области вторичной профилактики, когда усилия направлены на работу с уже известным криминальным, асоциальным контингентом. Вовлечение в криминальную деятельность молодежи может рассматриваться как свидетельство низкой эффективности первичной профилактики преступлений.

В 2004-2005 гг. тенденции молодежной преступности изменились в лучшую сторону: произошло небольшое снижение показателей количества преступлений несовершеннолетних, лиц в возрасте 18-30 лет, учащихся, студентов. Однако нельзя исключить вероятность того, что эта динамика обусловлена декриминализацией ряда правонарушений в связи с перерасчетом крупного и особо крупного размеров количества наркотических средств и психотропных веществ. В этот же период отмечено увеличение доли преступлений, совершенных лицами с уголовным прошлым (с 29,5 до 40,2%) и состоящими на оперативном учете (с 0,53 до 5,7%), что может свидетельствовать об определенных упущениях в превентивной работе.

Это является наиболее сложной проблемой, потому что если соотнести негативные тенденции выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, практически «не работающую» ст.230 УК РФ (склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ) и «помолодевшую» преступную популяцию, то можно прогнозировать дальнейшее ухудшение наркоситуации в крае. Для преодоления такого положения необходимо адекватное проведение мероприятий психогигиены и первичной профилактики зависимости от психоактивных веществ. Эти аспекты ранее нами уже обсуждались.<sup>1</sup>

Исследование проблем, связанных с незаконным оборотом наркотиков, было бы неполным без изучения показателей работы Красноярского краевого наркологического диспансера. Мы проанализировали данные экспертного отдела о количестве случаев выявления наркомании у лиц, прошедших судебно-наркологическую экспертизу, и количестве освидетельствованных для установления факта употребления наркотиков и состояния наркотического опьянения.

При изучении данных по экспертизе потребления наркотических веществ мы учитывали то, что наркотизация выявляется при задержании преступника далеко не всегда, и поэтому экспертная статистика отражает только тенденции наркопотребления и преступности наркоманов. На протяжении 1997-2000 гг. отмечался рост числа подэкспертных потребителей наркотических веществ: с 2644 (в 1997 г.) до 3981 обследованных (в 2000 г.). В 2001 г. было отмечено некоторое уменьшение числа лиц, направленных на экспертизу, что в принципе соответствует динамике количества преступлений, зарегистрированных в этот временной период.

В 2002 г. произошло еще более выраженное снижение числа обследованных СНЭК (по сравнению с 2001 г. на 915 (24,7%) человек). Причем уменьшение количества экспертиз было макси-



мальным в июле-августе и несколько менее выраженным в последующие месяцы 2002 года и обусловлено, вероятнее всего, введением в действие УПК РФ, упростившего процедуру добровольной сдачи наркотических средств и психотропных веществ. Как следствие лица с зависимостью от наркотиков не попадали на экспертизу, не получали в последующем лечения и оставались потребителями наркотиков, участвуя в их незаконном обороте. Такая тенденция сохранилась и в 2003 г. Однако в 2002 г. прослеживался ряд благоприятных моментов: среди направленных на экспертизу возросла доля лиц, у которых были выявлены ремиссия наркомании (с 6,6 до 10,1%), эпизодическое употребление наркотических веществ (с 18,2 до 31,5%) и наркомания не была диагностирована (с 9,4 до 13,3%). В 2003 г. эти цифры составили 12,2%, 27,8% и 11,6% соответственно.

Большого внимания заслуживает тот факт, что подавляющее большинство (75-85%) потребителей наркотиков, прошедших судебно-наркологическую экспертизу в 1997-2002 гг. – лица моложе 30 лет. В том числе доля подростков 14-18 лет среди подэкспертных, снижавшаяся в 1999-2001 гг., вновь возросла в 2002 г. с 9,7 до 12,7%. Именно подростками – токсико-, наркоманами определяется антисоциальный эффект наркомании в обществе. Во-первых, из-за большой разрушительности и жестокости их правонарушений, во-вторых, из-за легкости вербовки подростковых наркотизирующихся групп взрослыми преступниками, в-третьих, вследствие особого прозелитизма наркоманов-подростков<sup>2</sup>. Кроме того, мировая практика показывает: чем младше возраст пораженных, тем динамичнее растет конкретная форма наркотизма. Доминирующей у подэкспертных остается опийная наркомания (определить лабораторными методами употребление человеком героина в настоящее время на оборудовании, имеющемся в распоряжении судебно-химической лаборатории, невозможно, и героинисты попадают в эту группу). Поскольку в 97% случаев лицами с зависимостью от опиатов совершаются имущественные преступления, то ожидать снижения их числа на территории региона в ближайшее время не приходится.

Наметившееся в 2003 г. улучшение показателей оценить в динамике невозможно, поскольку изменившиеся условия работы СНЭК после законодательной отмены принудительного лечения наркомании и алкоголизма привели к кардинальной смене всей системы судебно-наркологической экспертизы. В 2004 г. проведено всего 282 экспертизы, в 2005 г. еще меньше.

Кроме показателей работы судебно-наркологических экспертных комиссий, нами была проанализирована динамика коли-

чества освидетельствованных для установления факта употребления наркотиков и состояния наркотического опьянения. Данные по медицинскому освидетельствованию в 1999-2003 гг. на первый взгляд выглядят более чем благополучно: число лиц, у которых было выявлено наркотическое опьянение или факт употребления наркотических веществ, резко сократилось в 1999 г. в шесть раз по сравнению с 1998 г. и остается на достаточно низком уровне в последующем. Только в 2004 г. количество выявленных случаев увеличилось и несколько приблизилось к уровню 1998 г.

Однако нужно учесть следующее: установить состояние наркотического опьянения или факт употребления наркотического вещества можно только после лабораторного определения конкретного вещества, вызвавшего опьянение или употребленного. Введение в действие приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации №289 от 05.10.1998 г. «Об аналитической диагностике наркотических средств, психотропных и других токсических веществ в организме человека» ограничило возможности вынесения соответствующих заключений. Так, до сегодняшнего дня условия для требуемого освидетельствования (в соответствии с вышеназванным приказом) имеются в крае только в краевом наркологическом диспансере, в ряде крупных районных центров и Норильском психоневрологическом диспансере, где развернуты химико-токсикологические лаборатории. Их мощность не позволяет обеспечить потребность краевых лечебно-профилактических учреждений в необходимом объеме аналитической диагностики, особенно в призывной период. Без развертывания работы химико-токсикологических лабораторий на базе всех межрайонных психоневрологических диспансеров число освидетельствованных наркопотребителей по-прежнему не будет отражать реальной картины.

Как было уже указано выше, лица, допускающие немедицинское потребление наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, представляют серьезную угрозу обществу вследствие особой криминальности их поведения и прозелитизма, однако их всеобъемлющий учет проблематичен. Потребление наркотиков носит скрытый характер, поскольку не только осуждается в обществе, но и влечет за собой административную ответственность по ст.6.9 и ст.20.20 КоАП РФ. Медицинский скрининг для выявления всех, проживающих на территории, потребителей наркотических средств и психотропных веществ отсутствует, так как нет соответствующей нормативной базы, и наркологическая служба работает больше по обращаемости лиц, страдающих зависимостью. Тем не менее изучение официальной статистики медицинской службы представляет определенный интерес.

Анализ сведений о лицах, допускающих немедицинское потребление наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ и состоящих на учете (по данным Управления здравоохранения администрации Красноярского края), в сравнении с цифрами прогноза показал, что на учете в органах здравоохранения состоит в среднем 10-12% реального количества потребителей. Если считать такую выборку относительно репрезентативной и что выявленные закономерности действительно наблюдаются во всей наркотизирующейся популяции, то можно говорить о крайне негативном развитии ситуации.

То, что 68% состоящих на учете – потребители опиатов, а 2/3 из них являются потребителями героина, отражает соответствие спроса предложению наркорынка, в структуре которого в настоящее время преобладают наркотики опийной группы, включая героин. Более серьезна в прогнозном отношении динамика количества потребителей – женщин. Если в 1996 г. среди всех учтенных потребителей наркотиков женщины составляли только 9%, то к 2002 г. их доля увеличилась до 37,4% и остается стабильно на высоком уровне, и это несмотря на то, что женщины в гораздо меньшем, чем мужчины, проценте случаев попадают в поле зрения наркологов. В 1996 г. только 6,6% женщин употребляли опий, о героинистках в этот период вообще не было данных. По прошествии всего пяти лет среди потребителей опия, состоящих на учете, 38,2% – женщины, среди героинистов их уже 41,4%. Практически 2/3 состоящих на учете потребителей – лица 18-30 лет. Из тех, кто снимался с учета в связи со смертью, у 98,4% смерть наступила в результате употребления наркотиков, то есть не удалось достичь ремиссии наркомании.

Почти 40% учтенных, как потребители наркотиков, лиц не имели постоянного источника дохода, более 9% ранее совершали преступления (37% деликтов были связаны с наркотиками), следовательно, являются наиболее криминогенной частью наркоманов, склонных к совершению имущественных преступлений.

Выше нами уже была отмечена криминальность поведения больных наркоманией. Именно этот диагноз был у 34% потребителей, совершивших преступления и административные правонарушения. Почти половина преступлений и правонарушений (47%) совершались потребителями опиатов, подавляющее большинство которых (82%) употребляют героин. Это может в определенной мере отражать более высокий уровень криминальности поведения при героиновом варианте зависимости, поскольку среди зарегистрированных потребителей опиатов героинисты составляют 66,7%. По данным А.А.Габиани, потребители опийных наркотиков в 97%

совершают ненасильственные преступления, чаще имущественные.<sup>3</sup> Для выяснения правомочности данного утверждения применительно к современной ситуации на территории Красноярского края необходимо отдельное исследование, так как в статистических документах выявленные преступления потребителей не подразделяются по составам для каждого варианта зависимости. Исходя из имеющихся материалов, можно говорить только о том, что более половины преступлений потребителей психоактивных веществ все-таки связаны с незаконным оборотом наркотиков. Причем наиболее активны в этом плане именно потребители героина. Они в 68% случаев совершали преступления в этой сфере.

Среди лиц, находившихся на принудительном лечении по постановлению суда в связи с совершением преступления, 64% уклонялись от него. В то же время, если учесть, что в период применения принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией, в среднем только 7% учтенных больных наркоманией лечились добровольно, становится очевидным, что после того, как п.«г» ч.2 ст.97 УК РФ утратил силу, количество пациентов в учреждениях наркослужбы должно уменьшиться.

Действительно, в 2003 и 2004 гг. существенно снизилось (с 9811 до 4672) количество лиц, состоящих на учете с диагнозом наркомания и вновь поставленных на учет. В то же время среди наблюдающихся по поводу употребления наркотиков 52% – это подростки, в 19% случаев – дети. Естественно, что в наркологическом диспансере в 2004 г. находились на принудительном лечении наркомании уже только 19 человек. За 9 месяцев 2005 г. поставлено на учет больных наркоманией на 33% больше, чем за весь 2004 г. (274 человека), снизилось количество лиц, поставленных на учет в связи с наличием токсикомании или употребления наркотических и токсических веществ. Однако динамика соотношения всех указанных показателей отражает, скорее, проблемы раскоординации действий правоохранительной и медицинской служб, нежели социальное благополучие региона.

Изученная общая характеристика лиц, связанных с незаконным оборотом наркотиков, была бы неполной без изучения судебной практики по данным преступлениям. Рассмотрение дел в судах Красноярского края по различным составам преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ выглядит следующим образом. Подавляющее большинство из осужденных в 1999-2003 гг. по ст.ст.228-233 УК РФ были осуждены по ст.228-1. Однако в среднем 20-23% лиц осуждались по ч.ч.3 и 4 ст.228 (8-9% и 12-15% соответственно), в первую очередь в связи со сбытом нарко-

тических средств и психотропных веществ в особо крупных размерах и совершением деяний группой лиц по предварительному сговору. Менее одного процента преступлений, связанных со сбытом, квалифицировались судом по ст.228-2 УК РФ. В 2004 г. произошел существенный рост количества осужденных по ч.1 ст.228-1 УК РФ от 8.12.2003 г. (до 10,3%) и он продолжился в 2005 г. (доля таких осужденных составила в его первом полугодии 27,2%). Иные составы преступлений представлены в единичных случаях: ст.229-1 – 1-2 осужденных, ст.ст.229-3 – от одного до пяти человек, ст.ст.230-1 и 230-2 – 2 человека за 6 лет, ст.231-2 – до 15-20 лиц, ст.232-1 – от 2 до 15 осужденных ежегодно.

Социально-демографический состав лиц, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, аналогичен выше приведенной характеристике лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Лица моложе 30 лет составляют от 58 до 75% осужденных (доля несовершеннолетних колеблется по годам от 6,2% (в 2003 г.) до 9,1% (в 2005 г.)), женщины – от 14,7 до 20%. Несмотря на то что 67,2-73,5% осужденных имеют законченное среднее и более высокое образование, от 51,7% до 58,5%, являясь трудоспособными, нигде не работают.

Изучение приговоров судов по уголовным делам по ст.ст.228-233 УК РФ, вынесенных в 1999-2003 гг., показало, что от 55,4 до 67,2% лиц осуждались к лишению свободы условно, и только 32-39% из числа осужденных должны были реально отбывать наказание. К тому же у большинства срок лишения свободы не превышал 5 лет.

Ситуация несколько изменилась в 2004-2005 гг.: уменьшилась доля условных осуждений к лишению свободы (до 53,3-48,8%), несколько увеличилась доля лиц, осужденных к лишению свободы на срок свыше 5 лет. Однако введение в декабре 2003 г. разнообразия форм наказания в виде крупных размеров штрафов, исправительных работ по ст.ст.228-233 УК РФ не изменило практику применения этих мер к осужденным.

После введения в действие обсуждаемого ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» если и можно было ожидать, что работа правоохранительных органов, а также наказание за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, будут более адекватны сложившейся наркоситуации, то практика это не подтверждает. Отмена принудительного лечения наркомании и алкоголизма, а также принятый в последующем документ, регламентирующий размеры средних разовых доз наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов,

приведший фактически к декриминализации героина, скорее всего, окажут в дальнейшем негативное влияние на процесс противодействия незаконному обороту наркотиков.

---

<sup>1</sup> Коробицина, Т.В. Проблемы и возможности комплексной профилактики потребления психоактивных веществ / Т.В.Коробицина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : материалы конф. – Красноярск, 2006.

<sup>2</sup> Пятницкая, И.Н. Наркомании: Руководство для врачей / И.Н.Пятницкая – М., 1994.

<sup>3</sup> Габиани, А.А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы / А.А.Габиани. – М.: Мысль, 1990.

## **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРОСТИТУЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Мартынова Э.И.,  
доктор философских наук, профессор  
Красноярский Торгово-экономический институт  
(г. Красноярск)

В последние годы в России обострилась проблема борьбы с проституцией. Сложность ситуации заключается в том, что данное социальное явление – многогранно. В первую очередь, это проблема экономическая. В результате серьезных изменений, произошедших в российском обществе 90-х гг., были закрыты многие предприятия, где до этого трудились миллионы женщин. Ониполнили собой ряды безработных. Среди последних женщины составляют – 65%.

Оставшиеся на работе месяцами не получали заработную плату, детские пособия и т.д. Не все женщины смогли приспособиться к новой рыночной реальности. Поэтому немалая их часть вынуждены были избрать проституцию как источник получения дохода. Одни уезжали «на заработки» за границу, другие выходили на улицы городов и загородные трассы. Третьи попадали в сети коммерческого секс-бизнеса. Сегодня последний, так же как и торговля оружием, наркотиками, относится к числу самых выгодных видов нелегального бизнеса, приносящего хозяевам огромные сверхприбыли. По некоторым сведениям, более 50 тысяч российских женщин и подростков, точнее детей, проданы в рабство. По другим, эта цифра в 10 раз больше.

По данным ООН, сегодня Россия занимает первое место в мире по объемам поставок живого товара на невольничий рынок, Причем 92% людей доставляются с целью сексуальной эксплуатации.

Примером подобного рода можно назвать «воронежское» и «краснодарское» дела. Так, в августе 2004 г. была раскрыта преступная группа, поставлявшая малолетних девушек из Воронежской области в Москву. За каждую единицу живого товара вербовщики получали по 20 тысяч рублей. Хозяевам притона каждая из малолеток приносила прибыль до 80 тысяч рублей ежемесячно. На момент задержания преступников в борделе трудились 22 работницы в возрасте от 15 до 17 лет.

Примерно по такому же сценарию развивалось и второе «воронежское» дело.

Старшеклассники одной из школ организовали театральную труппу. Они были приглашены для выступления в Нью-Йорк. Там девочек продали в публичный дом. У них изъяли документы, оставили без денег, чтобы исключить возможность побега домой. Когда об этом узнали американские стражи порядка, они возбудили уголовное дело в отношении американских и российских граждан и возвратили школьниц на родину.

По такой же схеме строилось и приглашение Краснодарского танцевального ансамбля в США. И подобных примеров множество.

Принятие Госдумой законопроекта «О противодействии торговле людьми» может нанести удар по организованной системе секс-бизнеса.

Проблема проституции – также и социальная. Среди «жриц любви» не встречаются (за редким исключением, главным образом лица с психическими отклонениями) представительницы состоятельных классов.

Большинство проституток составляют нигде не работающие женщины, одинокие матери, студентки, учащиеся старших классов и средних специальных заведений. Хотя есть и мужчины, занимающиеся этой деятельностью, все же у российской проституции «женское лицо».

Чтобы расплатиться за учебу в вузе, некоторые студентки летом выезжают на курортные места в России и за рубежом.

Если говорить о социальном портрете уличных проституток Красноярска, то, по данным главного врача по профилактике и борьбе со СПИДом и с инфекционными заболеваниями Л.Рузаевой, он таков: 13%, занимающихся коммерческим сексом, – моложе 18 лет, среди них 46% – приезжие. 33% от числа опрошенных, приехав на учебу, занимаются проституцией с целью получения дополнительного заработка. Основная часть среди уличных проституток – разведенные и незамужние. Замужних – 7%.<sup>1</sup>

Женская бедность приводит многих представительниц слабого пола в ряды неимущих слоев населения, являющихся основным источником пополнения многочисленной армии проституток.

Поэтому заявленные Правительством борьба с нищетой и бедностью, обеспечение женщин хорошо оплачиваемой работой являются одними из основных путей борьбы с проституцией.

Проблема проституции – это и нравственная проблема. Она извращает отношения между полами, которые отличаются примитивизмом, цинизмом, грубостью, страшной несправедливостью.

Мужчина становится пошляком, утверждает во мнении, что все в обществе, в том числе и женские ласки, продается. Здесь нет и речи о чести и достоинстве женщины, об ее уважении, а тем более преклонении перед ней. Она для него – сексуальный товар, который тем дороже, чем моложе и привлекательнее.

Проституция убивает в женщине человека, личность. Ей нужно забыть, что она живой человек, имеющий душу, мысли, чувства. Занятие безнравственным промыслом ведет к потере остатков женской стыдливости, проститутки теряют человеческий образ и свыкаются с позором. У них остается одно умение – разжигать самые низменные страсти у людей и получать выгоду от пороков.

Депутат Красноярского горсовета В.Жуковский, разработчик закона о нравственности, считает, что борьба с проституцией – это не только борьба с теми, кто предоставляет услуги сексуального характера, но и в целом с этим опасным социальным злом, разрушающим нашу мораль, культуру, общество. В Законе Красноярского края «Об охране общественной нравственности» ставятся задачи ограждения несовершеннолетних от вредного воздействия продукции, создающей угрозу их моральному и физическому развитию, защиты прав и свобод граждан в сфере общественной нравственности.

Известно, что некоторые ночные клубы превратились в притоны разврата, а отдельные газеты рекламируют их деятельность.<sup>2</sup>

Закон о нравственности также выступает против правонарушений в сфере нравственности, совершаемых с целью получения коммерческой выгоды.

Он упорядочивает условия публичной демонстрации кино и аудиовидеопроизведений, продажи продукции эротического характера, изготовления и распространения рекламы.

Закон обеспечивает права и ответственность организаций, осуществляющих данную деятельность. Данный закон является одним из первых в России.

Нельзя не выделить среди лиц, занимающихся проституцией, и тех, кого принуждают к этому не острая нужда или насилие, а про-



стое любопытство, желание пожить «красивой жизнью». Они рассматривают свой бизнес как возможность заработать «на булавки».

На слушаниях Красноярского молодежного парламента выступил один из таких «работников» секс-бизнеса. Он сказал, что благодаря проституции купил себе квартиру и машину и теперь хочет заработать на дорогую мебель. Выступавший не стеснялся своей «профессии», а даже гордился ею.

Встречаются подобные ему и девушки из вполне благополучных семей. Они не только морально ущербны, но и оказывают своими отсталыми взглядами на жизнь разлагающее влияние на неустойчивую в нравственном отношении часть молодежи.

Для таких главными причинами занятия безнравственным ремеслом будут не столько экономические, сколько падение нравов в российском обществе, понижающийся уровень культуры людей и недостатки нравственного, полового воспитания молодежи.

В Красноярске существует комиссия по охране общественной нравственности, создано специализированное подразделение милиции по профилактике правонарушений в сфере общественной нравственности. Речь идет об объединении усилий различных структур и ведомств с целью улучшения нравственного воспитания населения, что тоже будет представлять собой вклад в дело усиления борьбы с проституцией.

Проституция – это и медицинская проблема.

Известно, что лица, занимающиеся проституцией, относятся к группе риска, которая аккумулирует и распространяет заболевания, передаваемые половым путем.

По данным В.Жуковского, ежегодный прирост венерических заболеваний в России составляет 600 тысяч человек.

В последние годы наблюдается также подъем заболеваемости ВИЧ-инфекцией, в основном передающейся половым путем.

Л.Рузаева отмечает, что раньше этот показатель не превышал 2-3%. Сегодня доходит до 25%. В течение 2003 г. заболеваемость среди женщин возросла в 19 раз. Они рожают ВИЧ-инфицированных детей, которых потом нередко оставляют на попечении государства.

Чтобы приостановить этот негативный процесс, надо усилить половое просвещение людей, особенно молодежи. Сегодня многие медики сводят свою деятельность среди этих групп населения в основном к раздаче предохранительных средств.

Первичную профилактику они проводят в местах скопления женщин, занимающихся коммерческим сексом.

В то же время необходимо проводить больше бесед, лекций о становлении новых отношений между полами, основанных на любви, взаимоуважении и взаимопомощи.

Замечено, что на мужчин больше действует цифры и факты о распространении венерических заболеваний, чем беседы на тему морали и нравственности. Женщин же больше волнует последняя сторона вопроса.

И, конечно, необходима пропаганда здорового образа жизни, исключающего половую распущенность, утверждающего физическое, психологическое и нравственное здоровье нации.

Проблема проституции заботит также работников правоохранительных органов. Дело в том, что нередко проституция и преступление идут рядом, рука об руку. Можно привести немало примеров, когда проститутки добавляли пациенту в вино сильнодействующие вредные вещества, а когда тот терял сознание, они его грабили.

Нередко проститутки выступают в роли приманки клиентов, приводят их к определенному подъезду или проходному двору, где тех уже поджидают преступники.

Сами проститутки тоже не застрахованы от жестокости, насилия как со стороны сутенеров, так и своих клиентов.

Известен случай, когда клиенты, попользовавшись услугами девушек, выгнали их из дома без одежды на мороз. Девушкам повезло. Остановился пожилой водитель и подобрал замерзших проституток.

Бывает, клиент заказывает девушку для себя, а встречает ее целая компания, которая насилует проститутку.

Древнейшая профессия очень опасна, за нее некоторые отдают жизнь.

Так, два приятеля неплохо провели вечер с одной проституткой. Через некоторое время выяснилось, что у них появилось венерическое заболевание. Мужчины решили, что в этом вина их прежней проститутки. Они пригласили ее за город, насильно влили в рот бензин и подожгли.

Некоторые девушки считают, что будут чувствовать себя в безопасности, если у них появится «крыша над головой» в лице сутенера. Но и здесь они не защищены от грубости и произвола. Так, в г. Ачинске была создана фирма «Лоза желаний». Больше половины в ней составляли несовершеннолетние девушки в возрасте от 13 лет, в основном из неблагополучных семей.

Хозяин платил им по 100-150 рублей за клиента. За любое непослушание жестоко избивал. «Сотрудницам» фирмы приходилось выезжать по вызову в сутки десятки раз.

Сутенер получил 9 лет лишения свободы в колонии строгого режима.<sup>3</sup>

Однако законодательство России еще требует совершенствования. Так, за сводничество сейчас не предусматривается никакого

наказания. Поэтому в Красноярске, как и в других городах страны, широко существуют многочисленные фирмы, предоставляющие сексуальные услуги клиентам, выступающие не как притоны, а как посредники между проститутками и потребителями этих услуг.

Введение наказания за сводничество значительно уменьшило бы число этих фирм, а также привело бы к отмене публикаций объявлений в газетах об оказании проститутками услуг сексуального характера.

Сегодня сводничество широко использует эту лазейку в законодательстве.

В Уголовном кодексе РФ есть четыре статьи, имеющие отношение к данному явлению: 151, 240-242.

В ст.151 говорится о наказании за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, в том числе и занятие проституцией.

В ст.240 – о вовлечении в занятие проституцией с применением шантажа, угроз и насилия. Если это делает одно лицо, то он наказывается штрафом в размере от 200 до 500 минимальных размеров оплаты труда либо лишением свободы до 4 лет. Если этим занимается группа лиц, то штраф разнится от 700 до 1000 минимальных размеров оплаты труда. Или предусматривается лишение свободы от 3 до 6 лет. Такой же штраф грозит содержателям притонов для занятий проституцией либо их лишают свободы до 5 лет.

Статья 242 наказывает за незаконное распространение порнографических материалов или предметов.

Распространение и рекламирование порнографических материалов предусматривает штраф от 500 до 800 минимальных размеров оплаты труда либо лишение свободы до 2 лет.<sup>4</sup>

В последнее время вопрос о борьбе с проституцией неоднократно поднимался и в Государственной Думе. Там проводились парламентские слушания, посвященные борьбе с работоторговлей. А депутат Госдумы А.Вульф разработал проект Федерального закона «О регулировании услуг сексуального характера».

Представитель высшего законодательного органа не осуждает проституцию как социальное зло, не исследует причины его возникновения. Он предлагает стихию сексуального рынка укротить с помощью государства. Речь, следовательно, идет о легализации, узаконивании проституции, о поступлении в доход государства денежных средств от занятий безнравственным промыслом.

Нужно сказать, что на сегодняшний день существуют три точки зрения на решение проблемы проституции.

Согласно одной из них (регламентисты) всех проституток следует поместить в публичные дома, где бы они находились под медицинским контролем, не покидали бы стены этих заведений и

не влияли в отрицательном плане на нравственность окружающих. Владельцы же публичных домов платили бы налоги от своих доходов государству и находились под его контролем.

Противники жесткой регламентации (аболиционисты) напоминают о правах граждан, говорят о том, что жизнь в борделе ведет к ограничению свободы «жриц любви», выглядит как многолетнее тюремное заключение. Да и постоянный медицинский контроль не избавляет проституток и их клиентов от вероятности венерических заболеваний.

Многие считают, что хотя «деньги не пахнут», взимание государственного налога с проституток – безнравственное явление. Так, профессор Красноярской медакадемии В. Прохоренков говорит: «Легализовать то, что государство стыдится, – плохо. Нельзя этого делать. Везде – в Японии, США, Испании – власть отделяет себя от этого неприличного явления. Легализовать же проституцию, да притом в России, – немыслимо. У нас государство поощряет тягу населения к православию, которая культивирует в народе духовность. И что, параллельно с этим власть будет взимать налог с проституции? Значит ей придется планировать поступления от этого бизнеса в государственный бюджет?»<sup>5</sup>.

Сторонники третьей точки зрения, к которым относит себя и автор данной статьи, считают, что прежде чем разрабатывать стратегию борьбы с проституцией, нужно глубоко изучить причины возникновения данного социального явления.

Об этом было заявлено представителями науки, женской общественности, представителями Законодательного Собрания Красноярского края на «круглом столе», посвященном проблемам борьбы с сексуальной эксплуатацией и торговле людьми (2003 г.). Мероприятие было организовано Красноярским филиалом ассоциации женщин с университетским образованием России. Участники «круглого стола» направили обращение в Госдуму, в котором высказали свое отношение к данному вопросу. Они выразили категорическое несогласие с точкой зрения, предусматривающей введение государственного регулирования проституции.

Легализация доходов от нее равносильна узакониванию полученных средств от нелегальной торговли оружием и наркотиками.

Сама такая концептуальная постановка вопроса о решении проблемы проституции является неверной.

Речь должна идти не о государственном регулировании стихийного рынка сексуальных услуг, а об искоренении причин, порождающих проституцию.

Не соглашаясь в принципе с предложенным А. Вульфом законопроектом «О регулировании платных услуг сексуального характера», участники «круглого стола» предложили депутатам Госду-

мы подготовить другой, который можно было бы назвать «О борьбе с проституцией в Российской Федерации». Сегодня это явление в России достигло невиданных размеров и приобрело характер национального бедствия.

Политики говорят о построении в России рыночной экономики, демократического государства. А некоторые криминальные элементы рассматривают это как оправдание вседозволенности, распущенности, получения огромных сверхдоходов от теневого бизнеса.

Женская общественность считает, что в основе всех социальных преобразований должна лежать нравственность. Женщины выступают за строительство гуманного, высоконравственного общества. В нем не должно быть места проституции – социальному злу, разрушающему нравственные устои государства.

Из истории известно, что падение многих, казалось бы, незыблемых империй, как, например, Римская, начиналось с падения нравов.

Нравственность – не довесок к политике, экономике и т.д. Это основа, стержень всех общественных реформ. Многие из них были обречены на провал потому, что игнорировали нравственность.

Итак, причины, порождающие проституцию, многогранны. Бедность, безработица, резкое расслоение общества на бедных и богатых, а также падение нравов, духовности и культуры населения, отсутствие соответствующей просветительской работы, недостаточная разработанность правового обеспечения данного вопроса – все это является питательной почвой для распространения проституции.

Многогранно также само это социальное явление (данная проблема имеет нравственный, психологический, правовой и т.д. аспекты).

Сложную структуру представляет собой система организации коммерческого секса. Это огромное число агентов, выискивающих «живой товар» во многих странах мира, охранники, сопровождающие девушек к местам назначения; лица, обеспечивающие помещения, ведущие бухгалтерию, и крупные дельцы секс-бизнеса, которые держат под своим контролем всю эту криминальную систему и получающие огромные сверхдоходы от организованной проституции. Трудности борьбы с этим явлением заключаются и в том, что работорговцы имеют хорошую «крышу» над головой: подкупленных адвокатов, готовых в любой момент заступиться за своих хозяев, отдельных работников милиции, покрывающих их, государственных чиновников, самих пользующихся услугами проституток. Большую выгоду от торговли женщинами получает и

пресса, публикующая мошеннические объявления на страницах своих изданий.

Исходя из учета вышеназванных обстоятельств, приходим к выводу о необходимости комплексного подхода к решению этой многосложной проблемы.

С этой целью необходимо создать специальную комиссию, состоящую из законодателей, правительственных чиновников и представителей общественности, СМИ.

В нее следует включить работников Министерства труда и социального развития РФ, которое выделило в качестве отдельного направления вопросы трудоустройства женщин, повышения квалификации их труда и обеспечения достойного заработка.

Необходимо открытие центров реабилитации проституток, пострадавших от насилия. Министерство здравоохранения должно усилить профилактическую работу среди населения по предупреждению венерических заболеваний, обратить особое внимание на группы риска, к которым относятся и занимающиеся проституцией, на санитарное, медицинское просвещение людей.

Министерству печати и информации, культуры РФ тоже следует усилить работу в этом направлении. Больше давать материалов, рассказывающих о борьбе с проституцией, показывать всю изнанку этого явления, а не живописать о «красивой жизни» проституток.

Министерству юстиции необходимо пересмотреть законы, действующие в этой сфере жизни граждан, дополнить соответствующими статьями УК РФ.

На проблему борьбы с проституцией следует обратить внимание и Министерству образования РФ. Именно среди школьников развернули сегодня свою работу торговцы живым товаром.

Не могут не вызывать тревогу и школьные сочинения, в которых ученицы говорят о своей мечте стать валютной проституткой.

Организация различных конкурсов красоты, обещания предоставить за границей легкую, хорошо оплачиваемую работу – все это современные приемы дельцов секс-бизнеса, о которых также следует рассказывать школьникам.

Министерству внутренних дел необходимо изучить и распространить положительный опыт борьбы с проституцией в России и за рубежом, с теми работниками милиции, которые пользуются услугами «жриц любви» и прикрывают деятельность секс-мафии.

Необходимо выработать единую комплексную программу борьбы с проституцией в РФ, создать координационный совет, объединяющий усилия вышеназванных государственных учреждений и общественных организаций в решении этой проблемы.

Руководствоваться в данной работе следует принципом: «Бороться надо не только с проститутками, но и с проституцией – сложно организованной криминальной системой».

Учитывая, что подавляющее большинство, занимающихся безнравственным ремеслом, женщины, следует рассматривать эту борьбу с проституцией как составную часть женского вопроса.

Положение женщины в обществе является критерием общественного прогресса. Об этом в свое время писал французский социалист-утопист Ш.Фурье: «Развитие данной исторической эпохи всегда можно определить степенью продвижения женщин по пути к свободе, так как в отношениях между женщиной и мужчиной, между слабым и сильным полом наиболее отчетливо выявляется победа человеческой природы над зверьем. Степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации»<sup>6</sup>.

Эти слова не утратили своей актуальности и в современных условиях развития нашего общества.

---

<sup>1</sup> Кто виноват и что делать? : материалы встречи за «круглым столом» // Красноярский рабочий. – 2003. – 23 февраля.

<sup>2</sup> Подкова вместо виагры // Комок. – 2002. – №3. – 22 января.

<sup>3</sup> Ночная бабочка. А кто же виноват? // Городские новости. – 2004. – 7 декабря.

<sup>4</sup> Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 1999.

<sup>5</sup> Красноярский рабочий. – 2003. – 23 февраля.

<sup>6</sup> Цит. по книге: Маркс, К. О женском вопросе / К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин. – М.:1978. – С.125.

## **РУССОИСТСКИЕ ЗАМЕТКИ: ПРОСВЕЩЕНИЕ И ТОТАЛИТАРИЗМ**

Ибрагимов Р.Н.,  
доктор философских наук  
Абаканский филиал заочного обу-  
чения Сибирского юридического  
института МВД России  
(г. Абакан)

...Вроде бы ясно – антонимы. Плодами Просвещения принято считать либерализм, правовое равенство, приватность, уважение к личности и ее самоуважение, прогресс науки и техники, а также доступ к их продуктам. Тоталитаризм же уничтожает свободу, юридическое равноправие заменяет кастами военных и/или бюрократов, а если и сохраняет, то лишь в качестве пустой декларации. Уважение к личности он нивелирует вместе с самой личностью.

При тоталитаризме замирают в своем развитии культура, наука и техника, а доступ к их плодам превращает в маркер социального успеха. Кошмар!

В настоящее время, после повторения в 1917 г. связки «взлет интеллектуальной культуры – установление тоталитарного режима», после З.Фрейда и К.Г.Юнга, М.Фуко и Ж.Деррида, энтузиазм и восхищение в отношении Просвещения сменились гораздо более осторожным отношением, чем прежде. А ведь действительно, после вспышек Просвещения наступали периоды тоталитарных правлений. После энциклопедистов были Робеспьер и Наполеон, после немецких романтиков – Бисмарк, после русских «серебряных» интеллигентов – Сталин. И Гитлер был человеком богемного воспитания.

Но очумелых соловьев Просвещения и сейчас хоть отбавляй – не случайно наше время с его бумом всеобщего высшего образования называют Неопросвещением. Образовательные формы и программы множатся, как мухи после дождя. Количество охваченных и вовлеченных в них людей тоже растет в геометрической прогрессии. При этом достигнутые рубежи и показатели воспринимаются и подаются как нечто совершенно недостаточное, нуждающееся в радикальном углублении и расширении. Человечество натурально шантажируют XXI веком: сунуться в него с немытым невежественным рылом просто не могли. Постиндустриальное общество, видимо, должны населять люди, у которых количество дипломов об образовании должно превышать количество книг на личной полке.

Невольно задаешься вопросом: если плоды Просвещения действительно так сладки, если его преимущества столь очевидны – зачем тогда прикладывать столько усилий и темперамента для его пропаганды? Я сейчас не имею в виду предвступительные кампании вузов, ссузов. Их томительная суэта понятна – внебюджет, «косильщики» и т.п. Речь идет о серьезных аналитических материалах, прогнозах и оценках. Почему в них тоже делается вид, что ничего не происходит, что нет этих стратегических проблем и опасностей? И главное – не является ли избыточная пропаганда *необходимым условием* (здесь и далее курсив наш – Р.И.) существования общества Просвещения?

Применительно к современным условиям ответ лежит на поверхности. Образование, бывшее сначала допуском к тайне, далее – к статусу, сейчас все прочнее закрепляется в статусе *услуги*, рынок которых живет по законам свободной конкуренции. И потребителя необходимо не просто проинформировать, его надо *обольстить*. Хоть качеством, хоть дешевизной, хоть легкостью образо-



вания, хоть перспективой профессионального роста, хоть легальной возможностью уклониться от армейской службы.

Но вот вам наблюдение: социологически выраженное и осязаемое воодушевление на грани истерики в вопросах воспевания учености встречается не только в XX, но и в XVIII, и в XIX вв. Особенно старались французы: присущее им даже тогда чувство тонкого юмора изменяло им в «борьбе с невежеством» настолько часто, что эти потуги можно рассматривать как социально-статистически осязаемую величину. Особенно усердствовали на Святом Писании: чуть ли не каждый энциклопедист «пометил» эту «территорию», доходя порой до откровенной пошлости и порнографии. Досталось и политическим институтам. Главными пунктами обвинений служили *несоответствие законам Разума*, основа на суевериях, мифах, предании, ассоциируемых с Ложью, на насилии, несправедливости и тирании (читай – тоталитаризме).

XIX в. продолжил эту тенденцию в несколько ином жанре. Поскольку у новой идеологемы уже были политические завоевания, поскольку социальная почва была уже взрыхлена, озабоченная просветительством публика, если это было возможно, пыталась просто игнорировать монархическую государственность, церковь и патриархальные институты. Хотя остроумцы были и здесь: один Лео Таксиль чего стоит! Позитивистские грезы еще отдавали наивностью минувшего века, но образование становилось все более массовым и прагматичным. Хотя все основные данные для постановки проблемы парадоксального соотношения просвещения и тоталитаризма уже были, общество и его передовые умы были в полной уверенности, что знания несут освобождение и процветание, а в ужасах Французской революции виноват кто угодно, но только не сама идеологема Просвещения. То есть уже здесь становится заметно, что сила Просвещения – не в правильности, не в доказательности его идей. Оно с этого момента показывает себя силой не интеллектуальной, а социально-политической.

Это наблюдение позволяет исследовать соотношение Просвещения и тоталитаризма как однопорядковые явления, без опаски «смешать километры с килограммами». Обратимся к социологическому оформлению Просвещения.

За сто-двести лет до Дидро пласт интеллектуалов новой, светской формации был относительно невелик. И если они и представляли собой какую-то силу, то только не социальную. Формы их самоорганизации были зачаточны, а число невелико. Они – и только они! – были силой духовной. Они – Бэкон, Декарт, Бруно – были сильны потому, что их идеи были убедительны, а не потому,

что могли «свистнуть» себе в поддержку сотню-другую тысяч экзальтированных демонстрантов.

Просветители – по-своему французы, по-своему немцы – подошли к делу совершенно иначе. Они начали бороться за умы тех, кто никогда не откроет новых законов, не создаст новых лекарств, приборов, методик. Они начали формировать тех, кто будет – нет, не научным деятелем – а *верить* в науку. Они сформировали *публику*, тех, кто, раскрыв рот, будет слушать умные латинизмы и делать то, «что доктор прописал».

Ради чего и против кого это делалось, исчерпывающе сказано было ими самими. Но за громами и молниями, метаемыми против старых церкви и государства, не совсем заметен оказался еще один объект «конструктивного реформирования» – традиционный уклад, сформировавшийся естественным, без всяких планов и революций, путем. На первый взгляд простой крестьянин или цеховой рабочий были предметом неустанной заботы просветителей, от лица третьего сословия они и выступали. Их угнетенное положение они собирались изменить. Но можно изменить, развивая, а можно и – отменяя.

Проблема состояла и состоит в том, что развитие образования, расширение сферы его действия, углубление и специализация все больше оттесняют и оттеняют *естественные* механизмы социализации. А европейский феодализм был продуктом именно естественно-исторических процессов, а не изобретения. Он натурально вырастал из почвы во всех смыслах этого слова. Даже бюрократические революции позднего средневековья были следствием не интеллекта, а характеров Вильгельма Завоевателя, Ришелье, Людовика XIV, герцога Альбы и др.

Патриархальный крестьянин или рыцарь не могут научить отпрыска философии или высшей математике. Но то, чему они его учат, дается, *во-первых, энергетически наименее затратно*, с минимальными усилиями, как бы само собой.

Заложенные природой механизмы подражания никуда не деваются из нашего социального обихода. Они долговечнее и надежнее тех, которые опираются только на рациональные способы генезиса информации. Аналогия надежнее дедукции и индукции, они – ее скрытое усложнение. Поэтому хват косы, копья или рубанка не нуждается в теории хвата, экономнее просто подсмотреть его у мастера и – скопировать. И это не унижает мастерства косаря, мечника или столяра, ибо никакой профессор не сможет сравниться с ними в их деле.

«Фирменным» цивилизованным способом приращения и ретрансляции знания является челночное индуктивно-дедуктивное

обращение к абстракциям. Взятые сами по себе индукция и дедукция не плохи и не хороши, если не конкретизировать, ради каких целей они применяются. Бытовые навыки, которые обычно нарабатываются и передаются аналогически, тоже можно подвергнуть теоретизированию. И перед вступлением в брак молодые люди будут требовать друг от друга сертификаты об умении мыть посуду, надевать носки, вытираться полотенцем, пользоваться столовыми приборами и писсуаром... Кстати, в отношении отдельных индивидов такая необходимость уже назрела. Но это – *уроды*, то есть величины, которыми можно пренебречь. И интересны они как раз в контексте настоящей темы. А именно: *кто ж сертификаты-то выдавать будет?!!*

Этот фантастический сам по себе пример показывает вполне реальную потенцию. Оперирование абстракциями энергетически более затратно и менее естественно, следствием чего является объективное интеллектуальное неравенство. Оно совершенно очевидно для всех специалистов, но идеологически маскируется фантомом всеобщего образования. При этом математический закон или юридическую норму *невозможно* объяснить без приведения *примера*, то есть все той же аналогии. Получается, что традиционное мышление может обойтись без абстракций, а абстракции в ходе образовательного процесса без аналогий – никуда!

Природу не изменить, но можно изменить виртуальную «заванеску», и та политическая система, которая проявит в этом отношении больше *воли*, преуспееет в современном мире сильнее прочих. Государство с сильной волей – где-то мы это уже слышали! *Развитие образования в современных формах и масштабах исподволь формирует социальный заказ на тоталитаризм.*

Во-вторых, в традиционном обществе взрослая ответственность возлагается на отпрыска гораздо раньше, чем на цивилизованного молодого человека. Деревенщина раньше и легче готов к возложению на себя ответственности. Он живет в жестком мире: его встречает в этой жизни материнская грудь и отцовский тумак, он дерется и мирится со сверстниками до седых волос, он не в состоянии отличить возвышенную любовь от сексуального влечения. У него обветренное лицо и пахнет изо рта.

Но уже в пять лет он несет ответственность за гусей, которых пасет, в десять – за все деревенское стадо, в пятнадцать – за качество поковки или сруба, которые сделал под руководством отца. Он живет словом «надо», а не словом «хочу». Для них свобода имеет самый простой, и поэтому самый надежный смысл – воля. Он может быть свободным в самом прямом смысле этого слова – он зависим от других в наименьшей степени, и он готов

самостоятельно возложить на себя ответственность за этих других. Эти другие – обозримый социум, семья или община, и у него, по крайней мере, есть шанс самостоятельно влиять на них.

В этом смысле цивилизованный социум напоминает конструкцию из «доминошек», где все опирается на всех, а опорных элементов – минимум. Выдерни их – повалится вся система. Бабы, не желающие рожать, и мужики, не способные ничего защитить, могут казаться умными и «навороченными», но не их количество определяет здоровье общественного организма. Оно определяется «точками опоры», и чем их больше, тем лучше.

Дитя Просвещения находится в мягком, но неизбежном плену социально-педагогической системы до той поры, когда пора его цветения уже начинает клониться к упадку. Он взрослеет – если взрослеет – когда его деревенский однокашник уже имеет двух-трех детей. Он – гомункулюс, все более и более искусственное существо. Евроамериканское общество сначала придумало для него искусственное вскармливание, потом – оплодотворение, а теперь уже и клонирование.

Он – плод столь же искусственного воспитания, не семьи, численность которой обозрима и на решения представителей которой он может влиять, а многомиллионной, необозримой системы образования и воспитания. Ученик в школе и студент в вузе имеют дело только с ее представителями, которые сами – рабы инструкций, приказов, программ и методик. Министерский чиновник – не садист и не тупица, просто между ним и учеником – уйма опосредований, а цепочка эта – вертикальная, что бы там ни говорилось о заботе о подрастающем поколении. Ибо министр только и делает, что меняет систему, а ученик практически лишен шансов осуществить конструктивное вмешательство. Он может только учиться хуже, но это (с нашими навыками виртуализации реальности) дело поправимое.

Странно, но при всем при том среди функций образовательных учреждений (образование, воспитание, формирование, социализация) отсутствует та, что напрашивается сама собой – *управление*. Система управляет и создает объекты, наилучшим образом подготовленные к дальнейшей управляемости. Обратный пример: ребенок, игнорирующий школу, вызывает непропорционально большую озабоченность, даже если это – не хулиган, а приверженец домашнего образования. Современная система образования не только создает социальный заказ на тоталитаризм, она сама является механизмом его демографического генезиса.

Ах да, гуманизм!.. Педагог, образовывающий и воспитывающий ученика увещеваниями, гуманнее крестьянина или ремеслен-

ника, применяющих в этой ситуации тумак. Он тактичнее и деликатнее. Деликатность педагога – тема особая, деликатная...

Не вдаваясь в излишние подробности, не желая обидеть обладателей *природной* деликатности, хочу отметить, что *профессиональная* деликатность имеет особую историю и особый социологический портрет.

Кратко об истории. ПедГуманизм современного типа зарождался вовсе не в трудах К.Песталоцци или Ф.Меланхтона. И в широкое употребление запущен был вовсе не с подачи деятелей Просвещения. Все случилось на 150-200 лет раньше, когда с новой редакцией демонологии выступил и Игнатий Лойола и его преемники-генералы ордена иезуитов. Именно в «Наставлениях» Лойолы произошел отказ от «хирургического» подхода к Злу и провозглашение «профилактического», представляющего собой отслеживание, мониторинг грешных побуждений человека на протяжении всей его жизни и мягкая, но настойчивая их коррекция. Особое внимание уделялось детству, ибо в средневековье ребенок представлялся неистощимым источником деструктивной энергии, которую из него нещадно выколачивали. Поэтому главным приложением усилий ордена стало образование, которое в XVII в. и системой-то еще не было. Системой – насыщенной коллежами, многотысячными кадрами, библиотеками, полиграфией, конференциями и пр. – ее сделали как раз иезуиты. Общие принципы и смысл этой «шелковой» диктатуры, которую сейчас называют *учебно-методической работой*, вырабатывались сотнями и тысячами работников иезуитского образования, спаянных железной дисциплиной и осознанием священного долга. Это подлинная социологическая предыстория педагогической системы. Светские просветители «присоединились» гораздо позже. *Мягкий, незаметный характер порабощения и привычки к рабству – следствие иезуитских корней педагогики.*

Заморачивание этого обстоятельства обратно пропорционально выпячиванию имен педагогических гениев с их гуманистическими принципами и идеями, якобы стоящих у истоков современной системы образования. Я.А.Каменский, К.Песталоцци и др. действительно стоят там, но они являются социологической величиной лишь с определенными оговорками. Как являются ими В.Ф.Шаталов и Ш.А.Амонашвили. Это гении, и хотя бы поэтому они – исключение из правила. Их появление в обществах величина малая и постоянная, и никакая эпоха не имеет на них исключительного права, в том числе Просвещение и Неопросвещение. Эпохи могут различаться способами их социальной кооптации, ретрансляции их опыта. Вот институциональные механизмы *под-*

*ражания гениям* – это социология!.. Но есть Карузо, и есть сосед, напевший что-то из Карузо под бутылочку... Поэтому репрессии, манифестации тоталитарного типа отношений по отношению к гениям социологически столь же нормальны, как и их иконизация.

Та же ситуация и с гениями другого рода – с детьми. Иезуитская учебно-методическая работа имеет в образовании смысл, лишь когда объектом является ученик, не способный без этого подспорья нормально освоить учебную программу. Единственные из детей, кто, казалось бы, подлинно родные для Просвещения – это вундеркинды. Они – образец для подражания, по ним – отдельные сводки и отчеты, их, всматриваясь в своих чад, пытаются обнаружить родители. Но именно они усваивают сложные умения и навыки *естественно*, само собой, без направляющих усилий педагога. И именно они называются «чудом» (Wunder), и относятся к ним как к чуду, как к исключению из правила.

Поэтому единственное оправдание Просвещения не в том, что оно генерирует гениев, а в том, что оно просто позволяет (если позволяет) им существовать. **Просвещение не есть антагонист тоталитаризма, оно готовит для него почву и является как генетической, так и идеологической почвой последнего.**

## Раздел 2

# МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

### ЭЙДОС УЧЕНОГО

Блажевич Н.В.,  
доктор философских наук, профессор,  
Тюменский юридический институт  
МВД России  
(г. Тюмень)

Какими качествами должен обладать идеальный ученый? Какие качества позволяют ему плодотворно искать научную истину, способствуют научному познанию? А как найдёшь истину, если в обсуждаемом вопросе оказываешься невеждой?! Знания, обширные знания – это первое условие результативности ученого. Подлинному ученому всё интересно, он читает одинаково увлечённо, скажем, книги по психологии и минералогии, по социологии и астрономии. Он имеет знания о многом, но о чём-то его знания особенно глубоки и обширны. Это то, чем он постоянно занимается, что связано с его специализацией, что его постоянно интересует. Наука получает пользу лишь от тех, замечает современный методолог науки П.Фейерабенд, кто занимается своим делом.<sup>1</sup> Научная деятельность – вещь сложная и длительная. Недаром в народе говорят: «Век живи, век учись, а дураком помрёшь». Любое образование одностороннее, и нужны усилия, чтобы преодолеть эту односторонность. Филолог знает многое из жизни писателей, особенности литературного процесса в ту или иную эпоху, в той или иной стране. Но знания законов природы и законов развития общества не приходят сами собой. Однако с каким апломбом нередко рассуждают об обществе актёры, журналисты, писатели! Как же – они учителя человечества. Истинному ученому больше подходит ответ Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю!». Сам Сократ в истории философии воплощает образ идеального философа: человека, устремленного к поиску мудрости.

Идеальный ученый ценит истину превыше всего. Такой ученый убежден, что знание – это высший дар жизни, что сама истина важнее всяких убеждений, идеологий и общественного мнения. Для идеального ученого смысл его существования состоит в поиске истины. П.Фейерабенд обращает на это внимание, когда пишет, что ученый «приобретает подлинное достоинство только в том

случае, если порывает с боязливым конформизмом и оказывается способным перешагнуть через фундаментальные категории и убеждения»<sup>2</sup>.

Ученый, занимая активную позицию в решении проблемного вопроса, становится субъектом научной деятельности. Субъект научной деятельности – это управляющая подсистема, стремящаяся овладеть предметом научного познания и снять возникшее научное разногласие. Субъект научной деятельности имеет сложную структуру. В этой структуре следует учитывать внешнюю и внутреннюю стороны.

Проблема внешней структуры ученого – это проблема включенности его в социальные традиции, это вопрос о конкретном вкладе ученого в решение научной проблемы, это вопрос о различении в нем социального и индивидуального. Идеальному ученому известно, что многие научные вопросы, которые он пытается решить, не новы, что есть определенные традиции в их решении. По сути, ученый примыкает к какой-то научной школе, к какому-то научному сообществу, к какому-то научному движению. Через его индивидуальную позицию проявляется и дух общества, и дух эпохи.

Таким образом, в научном познании участвуют субъекты-индивиды, субъекты-коллективы и субъекты-сообщества. Субъект-индивид явно или неявно представляет в научном результате не только свою позицию, но и позицию научного коллектива или сообщества. Так, соискатель ученой степени, готовясь к защите диссертации, должен определиться, к какой научной школе, к какому научному направлению он относится. Для эффективного ведения научного поиска субъекту-индивиду следует изучить существующие научные традиции в решении научных проблем, учесть «плюсы» и «минусы» имеющихся решений и не забывать, что на ошибках учатся.

Личностные качества ученого имеют и внутреннюю структуру. В первом приближении она представляется как гармония его познавательных потребностей и способностей. Потребность ученого есть форма проявления объективной необходимости в решении научных вопросов. Осознание этой необходимости формирует познавательный интерес ученого. Интерес и осознание своих познавательных способностей порождают когнитивную установку ученого. Благодаря когнитивной установке, познавательный интерес ученого концентрируется и обращается в цель. Настоящий ученый – это человек, наделенный могучей силой воли, ибо ему часто приходится испытывать огромные интеллектуальные нагрузки. Его мысль способна к невероятному напряжению. Он горит желанием сделать знания полезными для процветания общества.



Для достижения цели ученым избираются определенные средства и проектируются мероприятия. Комплекс мероприятий и средств, направленный на достижение цели научного познания, составляет исследовательскую программу ученого. Если программа определена достаточно ясно и четко, то она способствует активизации ученого, организует его поисковую деятельность. Программа направляет ученого к тому, чтобы неизвестное сделать известным. Для реализации программы научной деятельности ученым разрабатывается план. План научной деятельности является трансформацией программы в упорядоченную систему предварительно принятых решений и спроектированных на определенную совокупность операций и процедур. План является знаковой формой цели ученого. План позволяет ученому проводить мысленные эксперименты, отбирать оптимальные варианты поведения, сокращать возможные ошибки.

Однако наличие познавательных потребностей – это всего лишь одна сторона личностных качеств ученого. Другую сторону составляют познавательные способности. Познавательная способность – это комплекс психических процессов и свойств, определяющих качество и эффективность выполнения ученым задач научного познания. Способности выражают не только меру освоения ученым определенных познавательных отношений проблемной ситуации, но одновременно являются и эталоном его познавательной активности в научном поиске.

Познавательные способности, прежде всего, проявляются в интеллектуальных возможностях ученого. Выделяют два уровня интеллекта – рассудок и разум. Первый представляет собой оперирование формами мысли по строго заданной схеме, шаблону, без осознания самого научного метода, его границ и возможностей. Второй уровень интеллекта означает оперирование абстракциями с осознанием их содержания и природы. Идеальный ученый превосходит по своему интеллекту средний тип человека. Разумная интеллектуальная деятельность ученого всегда связана с его стремлением выйти из сложившейся системы научного знания в новую, она составляет подлинно творческое начало в поиске научной истины.

Поисковый, исследовательский тип научной деятельности связан с проявлением ученым нестереотипного мышления, с мыслительным процессом, выходящим за пределы привычных, известных познавательных ситуаций. Главное в поисковой научной деятельности – способность её субъектов выработать метод научного исследования предмета, то есть способность преобразовать наличную систему знания в определенные нормы, правила, регулятивы

научного исследования предмета. Таким образом, способность к интеллектуальному творчеству является компонентом личностной структуры ученого.

На пересечении когнитивной установки, программы научной деятельности и творческой способности возникает стиль мышления ученого. Стиль научного мышления выражает, с одной стороны, свойственную ученому схему мыслительной деятельности, а с другой – степень усвоения им знаний, накопленных всем обществом. Первая сторона – это парадигма ученого, определенный способ видения им мира, постановки и решения научных задач, а вторая – тезаурус. Научный тезаурус – это определенная часть интеллектуального багажа ученого, которая способна трансформироваться в регулятивные принципы и может служить программой управления его деятельностью, то есть быть методикой научной деятельности. Таким образом, как основные, так и производные элементы личностной структуры ученого имеют общую направленность на выработку методики научной деятельности. Методика научной деятельности отображается на выработке норм поведения ученых.

Первой нормой поведения ученого является критическое отношение к самому себе, что помогает избегать голословных утверждений, логических ошибок. Р.Мертон, автор знаменитой работы «Амбивалентность ученого», подчеркивает, что ученый обязан тщательно проверять свои результаты, чтобы в них не проскользнула ошибка.<sup>3</sup> Подлинный ученый осознает, что очень мало знает, и стремится узнать больше. Но ученый критически относится и к высказываниям других людей. Ничего не принимать на веру – вот правило, которым руководствуются идеальные ученые. Особенно это относится к сообщениям о фактах.

Люди часто лгут, ошибаются, им может показаться что-то, чего не было. Вот в некоторых газетах прошло сообщение, что некая женщина недавно шла по Кривоколенному переулку в Москве и услышала стук копыт по мостовой, потом увидела карету. Из неё выпорхнул Пушкин в цилиндре, в плащ-накидке, с тросточкой в руке. Такие яркие видения бывают у больных истерией. За факт мы не можем признать то, что женщина «увидела». Конечно, она рассказала о Пушкине другим людям в Москве, её рассказ подхватил журналист и разнёс по всей Москве. А в 1997 г. в солидной газете «Труд» появилось сообщение: германский психиатр Рихард Бланк изучал состояния колдунов в Кении. Однажды колдун Мвабамбе впал при нём в транс. Бланк услышал из его уст фразу, произнесённую на немецком языке: «Люди планеты, не трогайте атом, клетку и космос». Когда колдун пришёл в нормальное состояние, учёный расспросил его. Оказалось, что колдун безграмотен, немецкого языка не знает.

Когда читаешь такое сообщение, возникает мысль о халтуре. Ни один серьезный учёный не пойдет на встречу в научных целях с кем-либо без средств фиксации результатов наблюдения. Бланк не смог подтвердить своё сообщение ни фонозаписью, ни кадрами видеосъёмки. Это сообщение не проверишь, фактом он не является. Поэтому можно думать что угодно: Бланк солгал, чтобы получить известность, немцу могла послышаться фраза на немецком языке, которая могла звучать не раз в голове учёного, задремал, и фраза приснилась и т.д. Ученый должен опираться только на достоверные сообщения, только на факты, взятые в связи с другими однородными фактами. Он не должен торопиться подхватывать любое сообщение.

От ученого требуется знать все относящиеся к области его интересов работы предшественников и современников. Вместе с тем он должен сохранять самостоятельность мышления.<sup>4</sup> Ценятся те ученые, которые не только много знают, но которые и умеют мыслить, умозаключать, доказывать оригинально, самостоятельно, умеют взглянуть на вещь с неожиданной стороны, всесторонне. Вспомним, умный, по Демокриту, имеет дар правильно мыслить, правильно говорить и правильно поступать. Идеальный ученый никогда не утверждает что-то, не указав, по отношению к чему он это утверждает. Он предлагает оппоненту разъяснить, в каком смысле он что-то утверждает, в каком отношении. Современное мышление – это мышление в строгих отношениях. Объективность утверждений – ключ к истине. Умонастроение ученого, его менталитет характеризуются, прежде всего, страстным желанием найти объективную истину, познать действительное положение дел. Идеальный ученый боится односторонности в оценке событий и людей. Накопление и систематизация знаний – ключ к мыслительной лаборатории ученого. Критический пересмотр существующих систем знания – механизм прогрессивного движения.

Деятельность ученого, по наблюдениям выдающегося американского методолога науки Ф.Франка, состоит из трех частей: выдвижения научных принципов; вывода логических заключений из данных принципов для получения относящихся к ним наблюдаемых фактов; экспериментальная проверка наблюдаемых фактов. Деятельность ученого осуществляется благодаря трем способностям его души. Если экспериментальная проверка совершается благодаря способности фиксировать чувственные впечатления, а вывод логических заключений требует способности мышления, то выдвижение научных принципов происходит не только на основе рационального, но и внерационального способа постижения бытия. Ф.Франк отмечает, что «способность, которая необходима для получения общих принципов науки, мы можем назвать воображением»<sup>5</sup>.

Представление эйдоса ученого можно завершить качествами, которые выделял немецкий социолог Макс Вебер. Он видел долг ученого в неустанном преодолении себя, инерции собственного мышления. Настоящий ученый должен иметь призвание к научной деятельности, заниматься наукой со страстью. Макс Вебер писал, что «страсть является предварительным условием самого главного – вдохновения. ...Одним холодным расчетом ничего не достигнешь. Конечно, расчет тоже составляет необходимое предварительное условие. Внезапная догадка не заменяет труда. И, с другой стороны, труд не может заменить или принудительно вызвать к жизни такую догадку, так же как этого не может сделать страсть. Только оба указанных момента – и именно оба вместе – ведут за собой догадку. Но догадка появляется тогда, когда это угодно ей, а не когда это угодно нам. Научный работник должен примириться также с тем риском, которым сопровождается всякая научная работа. Личностью в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П.Фейерабенд. – М., 1986.

<sup>2</sup> Там же. – С.334.

<sup>3</sup> Мертон, Р. Амбивалентность ученого / Р.Мертон. – М., 1965.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Франк, Ф. Философия науки / Ф.Франк. – М., 1964. – С.112.

<sup>6</sup> Вебер, М. Избранные произведения / М.Вебер. – М., 1990. – С.110-112.

## **«ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ» НАУКА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ (ИНТЕГРАЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)**

Князев Н. А.,

доктор философских наук, профессор  
Сибирский государственный аэро-  
космический университет им. ака-  
демика М.Ф.Решетнева  
(г. Красноярск)

Термины «постиндустриальное (информационное) общество» и «постнеклассическая наука» появились в литературе второй половины XX в. почти одновременно. Они отражали существенные изменения, произошедшие к тому времени в развитии общества и познания, и служили своеобразными хронологическими метками

как противопоставление друг другу двух исторических эпох. Этот исторический переход от одного типа общества к другому интерпретировался в научной литературе по-разному. Д.Нейсбит, например, связывал наступление новой эпохи, прежде всего, с переходом стран от промышленной экономики к экономике информационной.<sup>1</sup> В концепции Э.Тоффлера<sup>2</sup> о трех основных технологических революциях в истории общества («Трех волн» в истории цивилизации) понятие сверхиндустриальной цивилизации являлось обобщением новейших трансформаций социума, всесторонних преобразований в социальном и индивидуальном бытии, многомерном воздействии на социальный прогресс. Такое обобщение выражается в наступлении Третьей технологической революции (Третьей волны) в развитии цивилизации, основанной на использовании новейших достижений в области электроники, ЭВМ, космического производства и биоиндустрии. Д.Белл<sup>3</sup> связывал приход постиндустриализма с коренными изменениями в социальном порядке. Главный потенциал этих изменений он усматривал в некоем инварианте социальных и политических систем современных стран – третичном секторе (сфере услуг) и грядущем росте его доли по сравнению с аграрным и промышленным секторами как в совокупной рабочей силе развитых стран, так и в структуре внутреннего национального дохода. Это, по Беллу, возможно с повышением роли технологического фактора, науки, образования, расширением влияния профессиональных менеджеров и технократов и, следовательно, качественным изменением места теоретического знания и информации в общественном производстве.

Ведущие российские ученые в области исследования постиндустриального (информационного) общества А.Н.Авдулов и А.М.Кулькин<sup>4</sup> считают, что невозможно понять природу информационного общества, опираясь лишь на его проявления. Информационное общество порождено в первую очередь наукой и инновациями. Наукоемкие технологии и наукоемкие отрасли квалифицируются ими как «основная движущая сила экономики»<sup>5</sup>. Следуя этой концепции, мы и рассмотрим в данной работе ряд актуальных, с нашей точки зрения, проблем социального взаимодействия, центральное место в котором занимает наука.

Современная наука отличается широкомасштабным проникновением во все сферы общественной жизни, коренным изменением способа своего существования в дисциплинарном, деятельностном и организационном аспектах. Именно этими радикальными переменами объясняется актуальность глубокого философского и методологического анализа ее как социальной целостности. Исследование способа существования науки как целостности пред-

полагает в качестве своего предмета не только внутринаучные факторы, связанные, прежде всего, с развитием научного знания, но и область непосредственного ее взаимодействия с социокультурной действительностью. Только с позиций современной теории сущности науки, учитывающей область ее социального взаимодействия, можно раскрыть основные тенденции развития науки, границы и возможности применения ее духовного потенциала, способ ее встраивания в различные структуры и уровни институциональной, культурной и экономической жизни общества.

Конечно, междисциплинарное взаимодействие продолжает оставаться предметом актуальных исследований как относительно самостоятельный аспект общих интеграционных процессов в науке. Так, современные синтетические процессы в научном знании, соединившие между собой самые отдаленные друг от друга области науки и техники, впервые проявились в *кибернетике* (здесь и далее курсив наш – Н.К.) – науке о законах управления техническими, биологическими и иными самоорганизующимися системами. Полвека назад Н.Винер назвал кибернетику принципиально новой отраслью науки, которая соединяет математику, электронику и технику связи с физиологией нервной системы и психологией. Вслед за кибернетикой мощное объединительное движение в научных и научно-технических областях знания было подхвачено системным анализом, в результате чего появилась отрасль *системология*. Исследования в области освоения человеком информационной реальности стали развиваться в рамках интегрального комплекса *информатика* (а затем *информология* и *виртуалистика*). Дальнейший путь науки к представлениям об однородности, изотропности в бесчисленном многообразии явлений неорганического, органического и социального мира связан с исследованиями процессов самоорганизации, которыми стала заниматься *синергетика*. Ее еще называют наукой о неустойчивости, о процессах возникновения и становления порядка из хаоса. Крупномасштабное интеграционное объединение научных дисциплин в единые комплексы потребовалось также и в других современных областях познания. Так, обладателями широкой потенциальной приложимостью своих концептуальных положений и конструктов в различных теоретических разработках стали *ритмология* (наука о закономерностях периодических движений), *симметриология* (наука о повторяемости и сохраняемости каких-либо структур предмета при проведении с ним определенных преобразований), *оптимология* (общенаучная область знаний, нацеленная на анализ процессов получения наилучших или наихудших результатов). Претендентами на такого же рода междисциплинарные пути познания сложных

природных или экологических процессов являются *глобалистика*, теория *коэволюции* общества и природы, а также *космогенез* (теория о существовании Вселенной).

Однако следует заметить, что тенденции междисциплинарности и практической направленности современного знания определили в конечном счете качественно новый аспект в содержании исследовательской деятельности – проблемно-ориентированные формы исследований. Именно они явились стимулом интенсивного взаимодействия науки с социокультурными факторами. Доминировавший ранее принцип дисциплинарности (или принцип «специализации» ученых) трансформировался сначала в принцип «разделения труда» между учеными. Этот факт был замечен в литературе начала 80-х гг. прошлого столетия: «Современный ученый, занимаясь, казалось бы, узкой проблемой, работает в условиях значительной интеграции науки и культуры, в силу чего эта проблема может оказаться и очень часто оказывается как бы сквозной, выходящей за рамки традиционных границ и имеющей не только специально-научное, но и мировоззренческое значение»<sup>6</sup>. Постепенно глубина и дифференциация процесса взаимодействия между наукой и социокультурной ее обусловленностью достигли такого уровня развития, что данный процесс стал для ученых особым, интеграционным предметом исследований. На это актуальное направление философско-методологического анализа обратил внимание В.С.Степин. Он впервые подчеркнул, что отношение между развитием науки и ее социокультурными факторами трансформировалось из простого их взаимодействия и взаимообусловленности в процесс интеграции. «Автор, – пишет в 1992 г. о характере своих собственных исследований В.С.Степин, – с 70-х гг. занимался выяснением конкретных путей и способов интеграции социокультурных факторов в логику порождения нового знания»<sup>7</sup>. Эпистемологические и методологические исследования, поясняет данную мысль В.С.Степин, обнаружили, что процесс порождения нового научного знания не может быть раскрыт только в рамках взаимодействия теории и опыта. Социокультурные факторы во многом определяют выдвижение новых научных идей, изменение идеалов научного исследования, норм и эталонов обоснованности, доказательности и организации знаний.

Таким образом, исследование интеграционных процессов между наукой и обществом – качественно новая ступень в развитии социологии, философии и методологии современной науки. В условиях глубокой взаимосвязи науки как социальной целостности со всеми сферами общественной жизни и тем самым превращения ее в глобальное явление современности стало недостаточным сво-

дять науку только к научному знанию, а его интеграцию рассматривать только как синтез на основе слияния (или комплексного объединения) предметов и методов различных дисциплин. Такие узкие рамки рассмотрения интеграционных явлений заслоняют внимание от исследования сложных процессов синтеза и взаимодействия науки с другими сферами общественной жизни, другими социальными институтами. Именно эти сложные, динамические процессы между наукой как целостностью, с одной стороны, и различными общественными сферами жизни – с другой стали в последние десятилетия качественно новым предметом исследования философии и методологии науки. Речь идет об интеграции науки с материальным производством, социальной сферой управления и услуг, экономикой и образованием. На наш взгляд, именно с этих концептуальных позиций необходимо рассматривать формирование таких важных для социологии и социальной философии понятий, как *общественные связи, социальные технологии, образовательные технологии, (гео)политические технологии* и т. д.

Если процесс интеграции научных дисциплин (под более крупную, более масштабную структуру) происходит на основе объединения в нечто качественно новое их предметов и методов, то процесс интеграции науки как целостности с другими сферами общественной жизни происходит на принципиально иной объединительной основе. В качестве такой объединительной основы, на наш взгляд, может выступать:

- единство научных, производственных и экономических целей, интересов (например, при разработке и реализации инновационных проектов, при создании наукоградов и технопарков);
- единство научных и образовательных задач (при создании, например, качественно новых, конкурентно способных образовательных нововведений);
- единство научных, образовательных и предпринимательских интересов (в целях, например, существенного увеличения дохода от предоставления образовательных услуг);
- единство научных и экономических интересов (для достижения максимальной прибыли, укрепления конкурентоспособности в рыночных условиях);
- единство научных и управленческих целей (для достижения, например, оптимального менеджмента на основе новейших разработок в области методологии науки; для совершенствования процесса управления кадрами в образовательных учреждениях; в целях создания корпоративной основы взаимодействия между наукой, образованием и предпринимательством; в целях оптимизации любых сфер социального управления).



Причем в качестве структурной основы участия науки в перечисленных направлениях интеграции выступают: научное знание, научная деятельность и научная организация. Это дает возможность дифференцировать исследования интеграционных процессов соответственно по трем направлениям: знаниевому, деятельностному и институционально-организационному.

Заметим, однако, что если интеграция между наукой и культурологической составляющей общества уже стала предметом активных исследовательских разработок философов и методологов, то этого нельзя сказать о другой, не менее важной стороне взаимодействия науки и общества. Речь идет об интеграции науки с цивилизационной (а не только с культурологической) составляющей общества, хотя, конечно, обе эти стороны диалектически связаны друг с другом – каждая из них выступает формой существования другой. Мы полагаем, что в области современных теоретических и методологических исследований науки как целостности существует настоятельная необходимость дифференцировать эти процессы на два отдельных (хотя, подчеркиваем, взаимосвязанные между собой) направления. В одном из них акцентируется внимание на интеграционных процессах науки с культурологической составляющей общества, а во втором – на интеграционных процессах науки с его цивилизационной составляющей. К области интеграции науки с цивилизационной составляющей общества мы относим, прежде всего, интеграцию науки со сферой материального производства, с общественными структурами управления, социальной политикой инновационного проектирования, социальными технологиями, различными структурами связей с общественностью, а также системой образования и другими социальными институтами (институтом власти, институтом права и т.д.).

Интеграцию науки как социальной целостности с внешними по отношению к ней сферами общественной жизни необходимо рассматривать как выражение *социального* взаимодействия, как одну из форм реализации принципа всеобщей связи явлений. Социальный вид взаимодействия, в котором наука выступает в качестве главного, системообразующего фактора, сопровождается формированием специфических структур и связей между образующими систему компонентами. Эти структуры подчинены одной задаче – создать оптимальные условия для функционирования потоков научного знания, концентрировать их теоретический потенциал там, где наметились наиболее сложные и ответственные проблемы данного структурного комплекса. Наука как социальная целостность накапливает такие базы знаний, которые адекватны развитию и выполнению задач интегрального комплекса. Она способ-

на поэтапно производить экспертно-прогностический анализ состояния всех звеньев комплекса в отдельности и в целом, находить свои собственные, оптимальные организационные формы для взаимодействия с рынком, образованием и материальным производством. В данном аспекте наука призвана выступать как средство разрешения социальных противоречий с целью придания гармоничных форм сосуществования человека в обществе. Мы полагаем, что именно эти характеристики интеграции должны лечь в основу любого современного инновационного проекта.

Для нового, постиндустриального, этапа развития общества характерны принципиальные изменения и в содержании, и в способах взаимодействия всех его структурных составляющих. Эти изменения выражаются, прежде всего, в массовом проявлении интегрированных форм социального взаимодействия, на равных основаниях охватывающих не только науку, производство и образование, но также сферу услуг, рынок распределения продукции всевозможного назначения и средства информационно-технологического обеспечения. Стремительное развитие процессов в данном направлении, все более приобретающих статус различного рода технологий и предъявляющих к конечному продукту деятельности в любой сфере общества требования особой экономической эффективности, обусловило рождение термина *инновация*.

Под инновацией обычно понимают конечный результат основанной на новейших научных достижениях деятельности, получивший в качестве нового продукта устойчивый спрос и реализацию на рынке. Данное понятие должно, на наш взгляд, тоже рассматриваться в аспекте интеграции науки с социокультурной сферой ее непосредственного взаимодействия. Актуальность такого «интегрированного» подхода к сущности инновации возникает, очевидно, в следующих условиях:

- при разработке и реализации крупномасштабных (регионального или федерального уровней) инновационных проектов, особенно если они непосредственно связаны с исследованиями в области социального проектирования и социальных технологий;

- при разработке и обосновании долгосрочного прогноза на предмет устойчивой реализации конечного продукта деятельности в условиях рынка (особенно для таких сложных интегрированных комплексов, как «наука-образование», «наука-производство-образование», «образование-предпринимательская деятельность» и т.д.);

- при осуществлении социального и научно-технического планирования на длительную перспективу, сопровождающегося научно обоснованными, концептуально подкрепленными дейст-

виями в области управления и «перепроектирования» инновационной деятельности.

В таких сложных исследовательских ситуациях уже невозможно ограничиваться социально-эмпирическими и социально-экономическими представлениями об инновации. Здесь требуется разработка совершенно нового методологического направления, основанного на интегрированной концепции постиндустриальной действительности, в которой существует инновация, развивается инновационная деятельность. Соответственно, и в социальной природе инновации должны, на наш взгляд, найти свое отражение фундаментальные процессы, присущие именно постиндустриальному типу общества и определяющие главный вектор его развития. Раскрытие философско-методологических оснований инновационной действительности в целом как атрибута постиндустриального (информационного) типа цивилизации вооружает исследователей глубоким теоретическим пониманием зависимости между инновационными явлениями повседневной социально-экономической, научно-технической, предпринимательской деятельности и фундаментальными основами способа существования инновации в современном обществе.

Этот фактор отражает ее интеграционную природу инновации. Инновация является интегрированным продуктом особых, свойственных только информационному обществу, процессов социального взаимодействия. В качестве примера рассмотрим с инновационных позиций одну из важнейших составляющих в современном процессе социального взаимодействия – интеграционные процессы между наукой и образованием.

Наиболее активные и существенные стороны интеграционных процессов общества зарождаются, отражаются и концептуализируются в современной науке, в характере, закономерностях ее собственного развития, поэтому и составляют основу любой инновации. В силу неуклонно углубляющегося взаимодействия между инновационной деятельностью и наукой интеграционная составляющая познавательного процесса становится весьма значимой стратегией научной рациональности. Она выражается в стремительном накоплении форм, уровней и направлений интеграции в процессе освоения научной рациональностью всех сфер жизнедеятельности общества, в том числе и образования. Эта стратегия распространяется и на область философско-методологических исследований инновационной деятельности, конечной целью которых является раскрытие ее онтологических, гносеологических и методологических аспектов. Актуальность постановки такого рода исследовательских задач свидетельствует о том, что сам объект

исследования (в нашем случае институт образования, образовательная деятельность в вузе) достиг в своем развитии необходимой зрелости.

Исходя из проведенного нами анализа считаем возможным заключить, что методология исследования образования (прежде всего высшего образования) как компонента современного общества должна быть ориентирована на следующие положения общего и частного характера:

1. «Инновационность» (как общественное явление, как реальность) – это качественно новая ступень в развитии социального взаимодействия, продукт интеграции науки, производства, управления, экономики и образования. Сущность инновационной реальности раскрывается не на основе принципа аддитивности этих составляющих и даже не на основе принципа интенсивных форм их взаимодействия (хотя оба принципа обуславливают зарождение любой инновации). Инновационная реальность – это синтез указанных компонентов общества, ведущий к их системному взаимодействию, характеризующемуся самоорганизацией и синергетическими закономерностями развития (т.е. фрактальностью, диссипативностью этого системного комплекса). Такой комплекс требует активного взаимодействия с правовыми, властными структурами общества (или региона), а также с малым и средним бизнесом.

Очевидно, что в роли ведущей стороны такого инновационного синтеза может выступать какая-либо одна сторона (или несколько сторон) из всей указанной совокупности интегрирующих друг с другом компонентов общества. Так, ведущей стороной развития инновационного процесса могут оказаться новейшие разработки в области науки и технологии или фундаментальная экономическая проработка регионального научно-технического инновационного проекта. Ею может быть и инновационная проработка сложного социально-практического проекта на основе новейших подходов к социальным исследованиям и социальных технологий. И, наконец, ведущее место в интеграционных процессах может принадлежать также новейшим разработкам в области образования (например, создание в регионе или в пределах российского образовательного пространства Национального университета). Именно этот, по нашему мнению, принципиально новый характер социальной интеграции создает основу для появления «нетипичных», синтетических направлений и видов взаимодействия между интегрирующими компонентами, определяющими перспективные направления их развития, в том числе и в области высшего образования.

2. Интеграция науки и образования в аспекте инновационной деятельности предполагает вполне определенную, новаторскую

форму выражения данного процесса, а именно подведение под разработку и реализацию крупномасштабных инновационных проектов качественно новой образовательной базы (или ее составляющей). В оптимальной форме это может произойти только при определенном, адекватном инновационным требованиям состоянии системы образования. Она должна удовлетворять, на наш взгляд, следующим возможностям:

- способностью к микро- или макромодернизациям, воспринимающим суть подлинно инновационных процессов в образовании;

- созданием силами ученых вуза для организаторов и менеджеров, участвующих в разработке и реализации инновационного проекта регионального масштаба, системы методологических спецсеминаров и спецкурсов, направленных на освещение (прояснение) актуальных вопросов интеграции науки, производства, рынка и образования в интересах наиболее эффективного решения проблем разработки и реализации «Проекта»;

- разработкой на основе указанной системы спецкурсов и методологических семинаров качественно новых образовательных программ для подготовки специалистов в области таких специальностей, как, например, «менеджер-методолог инновационных проектов», «методологический менеджмент», «социально-технологический менеджмент», и т.п., призванных наиболее эффективно решать перспективные и оперативные вопросы разработки, реализации и функционирования «Проекта»;

- внедрением в высшие учебные заведения «элитных» курсов и спецкурсов на базе методологических исследований в процессе разработки и реализации крупномасштабных инновационных проектов, а также на базе научно-практических методологических семинаров;

- обеспечением подготовки высококвалифицированных специалистов указанных специальностей на основе аспирантуры и докторантуры (в том числе и по ряду философских специальностей, например, 09.00.08 – философия науки и техники, 09.00.11 – социальная философия);

- осуществлением философско-методологических исследований структурных и уровневых особенностей производства, предпринимательства и управления на основе интеграции науки и образования, а также их связи со всей совокупностью процессов интеграции в обществе;

- проведением фундаментальных исследований на предмет разработки базовых положений корпоративной этики как в рамках инновационного проекта в целом, так и в отношении частных ас-

пектов корпоративной деятельности (корпоративных отраслей), в том числе и в аспекте связей с общественностью.

Проблема интеграции образования как в мировом, так и в региональном масштабах, проблема единства унификации и диверсификации образования должна решаться, на наш взгляд, именно с позиции понимания законов интеграции больших систем. По большому счету такая «идеальная» способность взаимодействующих друг с другом систем является социально-онтологической основой корпоративного взаимодействия. Однако по отношению к отдельным социальным компонентам (в нашем случае образованию) принципы корпоративности хотя и определяются спецификой внутренних законов существования данной системы, тем не менее существенным образом зависимы и от внешних интеграционных факторов, детерминированы общими законами интеграционного сосуществования больших систем. При этом инновационный аспект корпоративных отношений должен рассматриваться в контексте фундаментальных положений этики и культуры и в неразрывном единстве с региональными особенностями их проявления. Можно, наверное, утверждать, что коммуникативность в ее инновационном выражении и есть корпоративность.

3. Из проведенного нами анализа следует, что «инновационность» не сводится только к производственно-экономическим, рыночным характеристикам. Она имеет вполне насыщенное социокультурное содержание. И это становится методологическим основанием для осуществления целенаправленных исследований по таким вопросам, которые играют определяющую роль в развитии инновационного климата:

- социальная политика региона; активная разработка вопросов социальной антропологии, региональной корпоративности; единство наукоемких технологий, передовых социальных технологий и, конечно, информационных технологий (как бы новое, интегрированное содержание «наукоемкости»);

- методология исследования инновационного региона (системный подход, синергетический подход); фундаментальная методологическая проработка всех звеньев инновационного процесса (в отдельности и в целом); перманентная методологическая экспертиза (методологический мониторинг) инновационной системы и ее инфраструктуры.

Инновационный процесс регионального масштаба занимает особое место в социокультурном развитии общества. Дело в том, «что через институт инновационного предпринимательства осуществляется культурная опосредованность инноваций. Успехов в инновационном развитии добиваются страны, где основное внимание

и ресурсы концентрируются на социальных нововведениях, обеспечивающих адаптацию общемировых технико-технологических достижений к особенностям национальной культуры и национального духа. Это объясняется не только тем, что опора в инновационном развитии на собственную культуру обеспечивает более высокий уровень трудовой мотивации дисциплины и т.д., но и тем, что само нововведение понимается как явление, лежащее в сфере спроса, а не предложения»<sup>8</sup>. Мы полагаем, что такая постановка вопроса, такой взгляд на единство инновационных и социокультурных связей должны иметь определенную «проекцию» в инновационной системе высшего образования. Чтобы вузу не утратить способность эффективным образом влиять на инновационную ситуацию в регионе, чтобы органично вписываться со своими экономическими интересами в интегрированную инновационную реальность, необходимо очень внимательно проводить линию в отношении развития не только экономической и научно-технической составляющих образовательного процесса, но и в отношении к социогуманитарной его составляющей. Современным обществом, современным высококвалифицированным специалистом востребованы не только профессиональные знания, но и три важнейших компонента социогуманитарной составляющей высшего образования: интеллектуальный, духовно-культурный и философско-методологический. Эти компоненты во многом определяют, делают оптимальным процесс социализации личности в современных условиях инновационной действительности.

---

<sup>1</sup> Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит ; пер. с англ. М.Б.Левина. – М., 2003. – С.7-8.

<sup>2</sup> Тоффлер, Э. Будущее труда / Э.Тоффлер // Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступит. ст. П.С.Гуревича. – М., 1986. – С.250-275.

<sup>3</sup> Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д.Белл. ; ред. и вступ. ст. В.Л.Иноземцева. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004.

<sup>4</sup> Авдулов, А.Н. Контуры информационного общества / А.Н.Авдулов, А.М.Кулькин. – М., 2005.

<sup>5</sup> Там же. – С.27.

<sup>6</sup> На пути к единству науки / под ред. В.И.Купцова и Й.Хорвата. – М., 1983. – С.4.

<sup>7</sup> Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С.Степин. – М., 1992. – С.4.

<sup>8</sup> Гордиенко, А.А. Постнеклассическая наука и инновационное предпринимательство / А.А.Гордиенко // Философия образования / гл. ред. Н.В.Наливайко ; НИИ ФО НГПУ. – 2004. – №3. – С.29.

## ЭТАЛОНЫ АРГУМЕНТАЦИИ В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Яскевич Я.С.,

доктор философских наук, профессор  
Белорусский государственный эконо-  
мический университет  
(г. Минск)

В историческом развитии науки выделяют три крупных этапа в эволюции науки и соответственно три типа научной рациональности: 1) классическая наука (в двух ее состояниях: додисциплинарная – XVII-XVIII вв. и дисциплинарно организованная наука – конец XVIII – первая половина XIX вв.); 2) неклассическая наука (XIX в. – середина XX в.); постнеклассическая или современная наука (последняя треть XX в.)<sup>1</sup>.

Магистральной линией науки Нового времени, специфицирующей сущность происходящей в ней научной революции, становится наметившийся еще в античности (у Аристотеля) процесс преодоления дихотомии мира идеализированных конструкций и эмпирического материала и проявившийся в поздней схоластической логике в виде отдельных разработок индуктивной методологии, а также в эпоху Возрождения в ориентации на опытное изучение природы. Причиной этому были не только когнитивные процессы, происходящие в это время в науке, покидавшей «башню из слоновой кости» и нацеленной на предметно-преобразующую деятельность, но и социокультурные предпосылки. Наука, обретая собственную независимость, вместе с этим, а может быть и в силу этого выходила за рамки абстрактно-теоретических построений, расширяла возможности дедуктивной аргументации, обогащалась прагматическими параметрами и измерениями.

Пересмотр идеалов аргументации научного знания сопровождался радикальным переломом в науке XVII в., который явился следствием общего социокультурного прогресса и означал установление новой мировоззренческой парадигмы, предполагающей суверенность науки, ее освобождение от канонического мышления священного писания и трудов отцов церкви и формирование новых критериев истины. «Чистое знание», знание ради знания не устраивало технологически развивающееся общество. В науке происходят мощные *аксиологически-целевые трансформации* (здесь и далее курсив наш – Я.Я.), детерминированные социальными заказами общественной жизни и производства, хотя между социальными процессами и трансформациями в научно-познавательной



деятельности, конечно же, не существует однолинейной, жестко фиксированной связи. Через многоуровневые опосредованные структуры такая связь все-таки заявляла о себе, отражая дух эпохи и предписывая *когнитивно-прагматические и операционно-технические параметры научным программам и разработкам*, ибо только при достаточно развитом капиталистическом производстве возникают широкие социальные возможности, позволяющие сознательно развивать специальные науки в современном смысле этого слова.

«Величественный период» классической науки, завершившийся становлением дисциплинарного естествознания, формированием термодинамики и электродинамики, развитием химии, биологии, геологии, физической химии, экономической статистики и других областей, приводил к пересмотру традиционных приоритетов методологического сознания. Прежде всего, происходит явный отход от безусловной необходимости классической схемы обоснования «если..., то...», значимой для механистических процессов, где начальные условия задают строго детерминированный, предсказуемый, однозначный результат. Высказанная еще Эпикуром мысль об отклонении атома от прямой линии, его «свободе», необратимом характере развития получает естественнонаучное обоснование благодаря развитию термодинамики и статистической физики. Обоснование научного знания во вновь открытых областях не ограничивалось традиционными динамическими подходами как самыми надежными и «элементарными», описывающими поведение объектов в соответствующей системе строго однозначным образом, а все больше нуждалось в статистическом методе, концепциях случайности, сложности и необратимости.

Для понимания и принятия научных положений приходилось прибегать к философско-методологическому анализу статуса различных познавательных процедур и методов научно-познавательной деятельности, а также к прагматически-технологическим, «производственным» средствам и аргументам для обоснования отстаиваемых концепций. Высокоразвитая классическая наука подводила ученых к изучению тайн микромира, к революционной ломке общих представлений, понятий, способов обоснования. Этому способствовали великие открытия на рубеже XIX-XX вв.

Радикальные изменения, происходящие в науке на рубеже XIX-XX вв., сопровождались изменениями в духовной культуре, философских основаниях научного познания, революционными открытиями в различных областях, что приводило к сильнейшей ломке эталонов аргументации классического рационализма. Переход к неклассической науке был подготовлен всем ее предшест-

вующим развитием, где в процессе становления дисциплинарного естествознания зарождались нетрадиционные идеалы научного знания, включались идеи развития, необратимости, случайности, непредсказуемости.

В этом процессе приоритетное значение приобретало философское осмысление происходящих в науке трансформаций, ибо менялись представления о материи, движении, пространстве и времени, происходили ломка оснований научного поиска, перестройка фундаментальных понятий и принципов, отказ от гомогенного опыта, ориентация на интеграцию различных способов обоснования, возникающих в отдельных областях. Повышение теоретичности релятивистской науки обуславливает особую значимость операциональной определимости в обосновании научного знания, содержательной интерпретации абстрактных объектов теории в процессе постоянного соотнесения с предметным миром исследуемой реальности.

Через описание квантово-механических процессов в ткань научного знания входят единый в своей основе вероятностный стиль мышления, альтернатива, многовариантность и гибкость. Введение таких параметров было обусловлено процессом развития, прежде всего, квантовой теории. После того как стремительно и быстро был разработан математический аппарат квантовой механики, с необходимостью возникла потребность в интерпретации математических формализмов.

Неклассическая наука наработала такие эталоны аргументации научного знания, которые основывались на включении субъекта в структуры социальной и познавательной деятельности, невозможности элиминации самой деятельности из основных понятий и выводов, учете средств наблюдения изучаемых явлений и объектов, операциональной определимости теоретических понятий, единства «определенности» и «измеримости», доказательности и конструктивности изучаемых теоретических объектов, привлечении вероятностных, статистических методов, категорий многомерности, альтернативности, поливариантности и гибкости. С особой силой они заявляют о себе в современной науке в связи с постижением сложных и сверхсложных систем.

В развитии постнеклассической (современной) науки можно выделить ряд концепций и подходов, благодаря которым можно зафиксировать механизмы формирования идеалов и норм аргументации научного знания, наполняющие структуру научного поиска ценностными ориентирами и гуманитарными транскрипциями, вводя в науку «стрелу времени», концепции историзма и уникальности исследуемых систем, их «самобытности», «способности к

истинному изменению», хаотичности, внутренней случайности, необратимости, непредсказуемости и многовариантности. Какие это концепции, области исследования и подходы?

Механизмы, трансформирующие идеалы аргументации современного научного знания, особенно интенсивно входят в науку во второй половине XX в. через разработку концепции ноосферы, идей нелинейной, «сильно неравновесной» термодинамики (школа И.Пригожина), синергетики, современной космологии, развитие системных и кибернетических подходов, идей глобального эволюционализма, так называемого «антропного космологического принципа». Рассмотрим некоторые из этих концепций, чтобы выявить гуманитарно-ценностные ориентации и границы современной науки.

Вхождение «человекоцентристских» аргументов четко наблюдается, прежде всего, в *концепции ноосферы В.И.Вернадского*, основанной на идее целостности человека и космоса, а также целостности современной науки, в которой стираются грани между ее отдельными областями и происходит специализация скорее по проблемам, чем по специальным наукам. Задача научно строить мир, с точки зрения Вернадского, отказавшись от себя и стараясь найти какое-нибудь независимое от природы человека понимание мира, ему не по силам, это иллюзия.

Современная наука обогащает учение о ноосфере новыми данными астрофизики и космологии, что позволяет рассматривать представления Вернадского о возникновении жизни и разума на Земле как результат самоорганизации материи во всей Вселенной, то есть космического процесса, в котором человеческий разум становится основным фактором его развития, детерминируя возможность наступления эпохи ноосферы.

Доминирующие в науке длительное время представления о принадлежности самоорганизации лишь живым системам постепенно утрачивали свои позиции под напором накопленных фактов, свидетельствующих о возникновении порядка из хаоса, новых структур и самоорганизации при определенных условиях и в неорганических системах. В настоящее время рассматриваются различные сценарии самоорганизации в широком классе неравновесных физических, химических, биологических и социальных систем: в физике (гидродинамика, лазеры, нелинейные колебания); в электротехнике и электронике; в химии (реакция Белоусова-Жаботинского); в биологии (морфогенез, динамика популяций, эволюция новых видов, иммунная система); в общей теории вычислительных систем, в экономике, экологии, социологии.

Важнейшими характеристиками самоорганизующихся систем являются их *нелинейность, стохастичность (непредсказуемость), наличие большого числа подсистем, открытость, необратимость (неповторимость)*. Фундаментальность проявлений этих характеристик в различных областях, биологические и космические факты, а также данные о необратимых процессах в области элементарных частиц приводят к революционным концептуальным изменениям в наших представлениях о мире. Термодинамический и синергетический подходы задают методологическую установку на поиск и исследование альтернативы природной тенденции к хаосу и деградации, фиксируемой вторым началом термодинамики. В качестве такой антитезы выступают диссипативные («рассеивающие») структуры или системы, которые отличаются более дифференцированным и более высоким по сравнению с предшествующим им уровнем организации и упорядоченности.

В рамках данного подхода, несомненно, возникает потребность в пересмотре сложившихся идеалов аргументации научного знания. Это связано не только с признанием неотъемлемости таких понятий, как вероятность, неопределенность, плюрализм, многовариантность, непредсказуемость и т.д., при формулировке доказываемых в науке положений и привлекаемых для этих целей аргументов, но и изменением формы отношений между доказываемой мыслью и мыслями, с помощью которых обосновывается истинность и приемлемость аргументируемого тезиса, то есть *меняется само понятие логического следования*. Эта форма связи становится более гибкой, многоплановой, «релевантной», исключая строго однозначный подход, поскольку появляется *«вектор возможностей» развития системы в точках бифуркации*, когда система теряет стабильность и способна развиваться в сторону многовариантных режимов функционирования. Несмотря на то что в такие моменты нельзя обосновать и предсказать характер развития системы с «желаемой» точностью, тем не менее анализ причин усиления слабых флуктуаций до огромных, воздействующих на дальнейшее развитие системы, а также обоснование возможных вариантов развития «расшатанной» системы, далекой от равновесия системы вполне рациональный и необходимый акт. При этом «раздвигаются» рамки материальной импликации, не предполагающей содержательной, смысловой связи между антецентом (первым членом предложения «если... то») и консеквентом (вторым членом импликации), и преобладающей формой аргументации становится строгая импликация, учитывающая смысловую связь между ее членами и использующая понятие «возможно» и релевантные отношения следования.

Предполагается также оценочный анализ возникающих вопросов и возможных вариантов ответов на них. Что произойдет, если..., какой ценой будет установлен порядок из хаоса, какие последствия вызовет такое слабое «воздействие» на систему, как..., какова значимость того, что погибнет и что возникает, если... – такого рода вопросы свидетельствуют о необходимости отказа от позиции бесприкословной «манипуляции» и жесткого контроля над изучаемыми системами.

Глубинные мировоззренческие переориентации в способах описания и аргументации научного знания, связанные с развитием учения о биологической эволюции и ноосфере, неравновесной термодинамики и синергетики способствовали возрождению в 60-70-е гг. XX в. *принципа глобального или универсального эволюционизма*, посредством которого описываются закономерности эволюционного процесса – в неживой природе, живом веществе и обществе. Язык глобального эволюционизма позволяет на современном этапе нарисовать некоторую целостную, непротиворечивую картину мира. Но самое главное, *через разработку принципа глобального эволюционизма, являющегося стержневой, фундаментальной, общей «конструкцией», происходит включение человека в эволюцию мирового процесса, что детерминирует глубокую мировоззренческую переоценку роли, места и сути современной науки.*

С этой точки зрения эволюция материи во Вселенной выступает как процесс постоянного совершенствования форм ее самоорганизации, о чем свидетельствуют и данные современной космологии о конструктивной роли необратимых процессов (космологический эволюционизм), и учение об эволюции Ч.Дарвина, раскрывающее процесс совершенствования растительных и животных организмов (биологический эволюционизм), и факты о нестабильности элементарных частиц (физика элементарных частиц).

Космическая эволюция, рассматривающая процесс самоорганизации материи, начиная с «большого взрыва», выделяет две ветви эволюции материи, одна из которых связана с микропроцессами, так как приводит к образованию элементарных частиц, атомов и молекул, из которых построены макротела, другая – с макропроцессами, от кристаллов до галактик и супергалактик. Независимо от принимаемой модели эволюции Вселенной (стандартной ли, расширяющейся ли Вселенной или др.) самоорганизация материи на различных ее уровнях является несомненным фактом. Мир предстает при таком подходе как единая целостная система, в которой «самобытность», «исключительность» и «своеобразие» элементов детерминирована свойствами целого, а при изменении определенных условий (управляющих параметров) в системе образуются качественно новые структуры.

Таковы специфика саморазвивающихся систем и их отличие от сложных самоорганизующихся, ибо в саморазвивающихся системах «каждый вновь возникающий уровень выступает как порождение предшествующего, но он начинает управлять ими по принципу обратной связи и трансформирует их»<sup>2</sup>.

Концептуальные подходы о взаимосвязи и взаимообусловленности человека и Вселенной, синтез данных физики элементарных частиц, молекулярной биологии и космологии «молодой» Вселенной привели к появлению «антропной аргументации» и «антропных аргументов», выявляя тем самым «параллель между историей Вселенной и ее логической структурой».

Сформулированный в 1973 г. В.Картером *«антропный космологический принцип»* предметом своего анализа делает условия реализации реальной истории, событий (которые в принципе могли бы и не осуществиться), если бы не было чрезвычайно «тонкой подгонки», «подстройки» численных значений универсальных физических параметров, и в результате не существовало бы физиков, способных размышлять над этими проблемами, то есть речь идет о происхождении и обусловленности системы законов Вселенной (номической ее структуры), определяющих ее строение и эволюцию. Если бы законы, которые определяют процесс самоорганизации материи во Вселенной, были иными, то нас просто не было бы: в мире все происходит так только потому, что мы есть в нем.

Обновление современного естествознания, его открытость, отход от концепции жесткого детерминизма и независимого субъекта, господствующего над миром, фиксация необратимости, вероятности, «свободы выбора», альтернативы в процессе аргументации, обогащают и трансформируют само понимание наук о человеке.

Современная наука с особой тщательностью нивелирует различие между естественными и гуманитарными науками, делает их едиными, и фактором такого объединения выступает человек, человеческое общество. Это свидетельствует о сближении естественнонаучного и гуманитарного знаний, его интеграции в единую науку. Те идеи, которые получили физико-математическое обоснование в естествознании, с необходимостью входят в социально-гуманитарное знание, в результате чего человек и общество уже не могут рассматриваться с позиций жесткого детерминизма, единой модели развития, однолинейности, отказа от выбора, альтернативы, случайности, непредсказуемости, а система ценностей, «наработанных» в рамках философско-гуманитарного знания, становится неотъемлемой шкалой и точкой отсчета в естественнонаучном поиске.

Отказ от жестких средств обоснования научного знания, учет различных, действующих на систему параметров и обращение к концепциям случайных, вероятностных процессов демонстрируют на современном этапе и многие медицинские дисциплины. Кризис советской клинической психиатрии, как отмечают некоторые исследователи, во многом объясняется «пристрастием» к линейному принципу, согласно которому каждая (психическая) болезнь должна включать единые причины, проявления, течение, исход и анатомические изменения (то есть одна причина дает одинаковый эффект). Такая «жесткость» в формулировке тезиса (постановке клинического диагноза), как свидетельствует современная медицина, ничем не оправдана, ибо нельзя не учитывать тот фактор, что как неповторимы физические и духовные свойства отдельных индивидов, так индивидуальны проявления и течение болезни у отдельных больных.

Аргументация на основе «непогрешимого», «объективного», «непредвзятого» клинического метода, изложения «без личного толкования» является несостоятельной не только с логической точки зрения, демонстрируя неадекватность претензий клинического метода на индуктивное выведение законов, ибо в данном случае, как справедливо указывает Н.А.Зорин, система постановки клинического диагноза представляет собой не что иное, как суждение по аналогии, или индуктивное доказательство, когда на основе повторяемости симптомов и синдромов конструируется представление о законе (нозологической форме), но и в морально-психологическом плане, поскольку лечение адресуется не к личности, как декларируется клинической психиатрией, а к болезни, то есть лечится «болезнь, а не больной».

Отход от однолинейности и жесткости, обращение к теориям случайных процессов, диссипативных структур приведут, как считают некоторые специалисты, к обновлению психиатрии, ибо понятие болезни будет вероятностным, а ее возникновение в ряде случаев – принципиально непредсказуемым. В психиатрии появится свобода воли в ее термодинамическом выражении, что повлечет за собой и изменение суждения о «норме» и болезни, размывание «границы» между нормой и болезнью широким спектром адаптационных реакций, а суждение о «нормальном» будет изменяться вместе с обществом и в зависимости от модели медицины.

Осознание чрезвычайной сложности и целостности объекта исследования ставит современную психиатрию перед необходимостью включения в ее аргументационную систему описаний различного уровня (биохимического, поведенческого, социального), подобно принципу дополнительности Н.Бора, гибкости и многовари-

антности в постановке диагноза болезни, ориентации на конкретного человека во имя фундаментального принципа медицины – «лечить не болезнь, а больного» и избежания этических «перекосов» (гипердиагностики и, наоборот, презумпции болезни и т.п.).

Этические и аксиологические аргументы с неизбежностью «пронизывают» и другие медицинские дисциплины. Такая медико-биологическая наука, как танатология, изучающая причины, признаки и механизмы смерти, с особой остротой ставит проблему «этической аргументации» при пересадке органов (как избежать этического перекоса: прежде чем донорский «живой» орган может быть изъят, сам донор должен быть «мертвым»); при продлении жизни больного с помощью аппаратуры (какие аргументы будут этически вескими при отключении аппаратуры, то есть по сути дела «умертвлении» больного); при решении вопроса о сохранении жизни обреченных от неизлечимых болезней больных (насколько этически идеалы медицинской этики, приписывающей бороться за жизнь «до конца», если больной предпочитает «легкую смерть») и т.д.

Вхождение в науку «человекоцентристских» ориентиров и аксиологических параметров, «обострение» рефлексии и все более сильное звучание тезиса об ответственности ученых за применение результатов науки, использование которых может пойти как на благо человечества, так и на его истребление, отмечается уже во второй половине 40-х гг. XX в. В реальной науке и ее этике, писал М.Борн, произошли изменения, которые делают невозможным сохранение старого стиля служения знанию ради него самого. Мы были убеждены, что это никогда не сможет обернуться злом, поскольку поиск истины есть добро само по себе. Это был прекрасный сон, от которого нас пробудили мировые события. А.Эйнштейн предостерегал, что существует опасность полного самоуничтожения человечества, которую нельзя отбрасывать со счета.

Современная наука, решая когнитивные, внутренние проблемы не может не учитывать место и роль человека в этом мире, его цели и ценности, способы познания, то есть возникает необходимость расширения философско-методологической рефлексии при обязательном включении в ее сферу человеческого компонента, задающего целостность, взаимообусловленность отдельных элементов исследуемых областей. Основным ценностным критерием такой рефлексии становится установка на осознание социально значимых пределов теоретического поиска, дополнение его культурно-этическими параметрами и гуманистическим ориентирами, своеобразное преодоление отчуждения человеческого мира, возникающего на уровне абстрактных теоретических построений.



---

<sup>1</sup> Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С.Степин. – М., 1992. – С.9.

<sup>2</sup> Степин, В.С. Эволюционный стиль мышления в современной астрофизике / В.С.Степин // Астрономия. Мировоззрение. – М., 1979. – С.116.

## **ВОПРОШАТЬ ИЛИ ИСЧИСЛЯТЬ: МАРТИН ХАЙДЕГГЕР И ПРОБЛЕМА СТОЛКНОВЕНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ**

Еворовский В.Б.,  
доктор философии  
Институт философии Националь-  
ной академии наук Беларуси  
(г. Минск)

*Мышление столь же мало поддается переводу, как и поэзия. Конечно, его можно передать описательно. Но как только пытаются дать буквальный перевод, все изменяется.*

Мартин Хайдеггер<sup>1</sup>

Обращаясь к Хайдеггеру, мы первоначально ставили перед собой проблему понимания в процессе межкультурного диалога. Суть круга интересующих нас вопросов обозначена через эпиграф и может быть развернута в следующую цепочку.

- Каким образом возможен перевод мышления?
- При помощи каких ветрил осуществляется путешествие из одной культуры в другую?

- Как стать полностью понятым вне своего родного дома?
- Есть ли для этого простые рецепты и доступные средства?

Современное духовное сообщество интернационально, дети разных культур обречены на постоянное общение, обмен мнениями, совместное смыслотворчество. Однако передача не всегда означает усвоение, а использование (даже абсолютно грамотное) словоформ чужого языка может не только не приблизить передаваемый смысл, но и исказить его. С другой стороны, стремление быть понятым злободневно не только для ученого-гуманитария, но и для любого человека, обращающегося со своими горестями или радостями к представителю другой культуры, натываясь при этом

на трагедию непонимания. Живая история эмиграции наглядное тому свидетельство.

Внешнее сходство иногда подыгрывает иллюзии внутреннего подобия. Представители различных ветвей европейской культуры, одетые примерно в одинаковые костюмы, имея тождественные точки опоры в интеллектуальных достижениях, на поверку оказываются совершенно разными в своих собственных попытках осознания Универсума.

Тем не менее как все частное эти попытки объединяет нечто общее, пусть до конца неосознаваемое и непостижимое. *Все мы люди, как с одинаковыми страстями, так и с видимо похожим «смыслом человеческой жизни»* (здесь и далее курсив наш – В.Е.). Именно этот полумифический код (обозначенный Кантом как нравственный закон) априорно определяет ту миссию, с которой мы все ненадолго приходим в этот подлунный мир, является первой универсальной составляющей, единой для всех представителей рода человеческого вне зависимости от всех других приобретенных различий.

*Nosce te ipsum*<sup>2</sup>. Уяснение всегда потаенного смысла человеческой жизни, той сакральной цели, для которой эта сама загадочная вещь существует в подлунном мире, всегда считалось первым и главным для философии, неким наказом, полученным свыше. Универсальная (наверное, не только для европейской, западной традиции мышления, но и для всей цивилизации вообще) проблема познания самого себя.

Как отмечает Хайдеггер в *«Вопросе о технике»*:

*Всегда непотаенность того, что есть, идет одним из путей своего раскрытия. Всегда человек властно захвачен судьбой раскрытия потаенности. Однако его судьба – никогда не принудительный рок. Ибо человек впервые только и делается свободным, когда прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие, приходя так к послушанию – но не к безвольной послушности.*<sup>3</sup>

Чувства, эмоции страсти, знаменующие человеческие радости и горести, – любимый предмет поэтического вдохновения. Разгадывание «кода человеческой жизни» – нелегкий удел философов. А имея в виду то, что *Homo sapiens* как любая *«Ding an sich»* никогда не сможет открыться нам полностью, спекулятивная рефлексия смысла человеческой жизни дело еще и неблагоприятное. Поэзии, видимо, легче через совместное горение с воспеваемыми душами просто угадать знамения вечного, отражаемые в страстях блики **«жизненного кода»**.

*Говорить о стихотворении можно лишь следующим образом: нужно быть выше того, что называется стихотворением, нужно пребывать вне его и пребывать над ним.*

*Где права и где знания, которые помогали бы это осуществить? Отсутствуют. Следовательно, попытка разговора о стихотворении была бы слишком самонадеянной. Но как же иначе?<sup>4</sup>*

Как писал Хайдеггер в своем комментарии к стихотворению Гельдерлина **«Возвращение на Родину / Сородичам»**:

*История по отношению к «историям», как горная цепь по отношению к горам, – это изначально объединяющая и определяющая основная канва сужденного судьбой.*

*Но если это торжество есть сущностный источник истории некой человечности и если поэт происходит от этого торжества, то поэт становится основателем истории некой человечности. Он подготавливает то поэтическое, на котором как на своей основе зиждется историческая человечность.<sup>5</sup>*

Быть певцом калькулятивной культуры – это одно, претендовать на роль ее мудрости – это совсем другое. Хайдеггер неоднократно отмечал, что в структуре технологической эпохи измерение – эта не средство ее постижения, но внутренний принцип, организующий все и вся.

*Исчислять – в широком сущностном смысле – значит, брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т. е. ждать от него результата. В этом плане всякое опредмечивание действительного есть исчисление, все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результатов из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметов посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или иная системно-серийная взаимосвязь.<sup>6</sup>*

Мартин Хайдеггер иногда рассматривается как последний представитель западной философской традиции. Как он сам неоднократно отмечал, именно европейская философия, черпающая свои истоки в античности, породила современную науку, технику и само технологическое мышление, легшее постепенно в основу этого типа цивилизации и ставшее из формы ее постижения самой сутью существования.

Исчисление, измерение, расчет со временем затмили своего прародителя – спекулятивное осмысление, передолив на первый взгляд более прямые пути и к исконной философской задаче – определению человеческой судьбы, которая как любая система необходимо должна подвергаться измерению. Пугающие последствия в

появления техники как неминуемого посредника между человеком и бытием Хайдеггер отчетливо видел.

*Существо техники покоится в поставе<sup>7</sup>. Его власть отвечает судьбе исторического бытия. Последняя всегда посылает человека на тот или иной путь раскрытия потаенности, поэтому человек постоянно ходит по краю той возможности – а значит, приближается к тому, – что будет исследовать и разрабатывать только вещи, раскрытые по образу поставы, все измеряя его мерой. Тем самым закроется другая возможность – что человек все раньше, глубже и изначальнонее будет вникать в существо непотаенного и его непотаенности, принимая эту требующуюся для ее раскрытия принадлежность к ней как свое собственное существо.<sup>8</sup>*

В интервью, данном Мартином Хайдеггером французскому журналу *L'Express*<sup>9</sup>, понимание философом своей миссии выражается через следующий диалог.

**Корреспондент.** Вас, мсье, считают последним философом западной традиции, завершающим ее и вместе с тем пытающимся открыть новый способ вопрошания. Сегодня кризис университетов сопровождается недоверием к самому смыслу философии. Для большинства она не имеет права на существование, она стала бесполезной.

**Хайдеггер.** Это как раз то, о чем я всегда думал. В своем курсе 1935 года «Введение в метафизику» я уже это утверждал: философия всегда несвоевременна. Это чудачество (*une folie*).

В этом же интервью Хайдеггеру задается еще один знаменательный вопрос: «К какому времени Вы себя относите? К далекому будущему?» Философ отвечает: «Или, может быть, к далекому прошлому... "Самое древнее в мысли – позади нас и, однако, вновь возникает". Мы приходим слишком поздно к богам и слишком рано к Бытию...».

Подлинная философия всегда претендовала на вечность, а философ, становившийся великим, редко вписывался в сиюминутность настоящего, эта истина внутри нашего цеха является почти прописной. Хайдеггер одновременно смог пережить свою эпоху и остаться вне всяких времен, в стороне от ужасающих коллизий той Европы, которая динамично и трагически менялась на протяжении его достаточно долгой жизни. Между тем вопрос о принадлежности к тому или иному времени или об отстраненности от него может быть адресован не только отдельным личностям, но и целым народам, цивилизациям, большим культурам. Современный опыт нашего совместного существования на географически непрерывном европейском пространстве убедительно это показывает.

Единое настоящее для тех или иных наций-современников (связанность чьих судеб на уровне обыденного жизненного опыта со всей очевидностью прослеживается и с точки зрения здравого смысла не вызывает сомнения) сущностно оказывается иллюзией. Налицествовать одновременно физически совсем не означает быть когнитивной одновременностью, ибо те, кто имеет разные судьбы, обычно переживают отличную историю. Поэтому многообразные настоящие, одновременно существующие в одной темпоральной лакуне, это все же качественно отличные образования и как относительно автономные субъекты могут подвергаться обычным исследовательским процедурам: сравнению, сопоставлению, различению.

Если каждое из одновременно существующих настоящих имеет свою собственную историю, историю не в историографическом, а в ее истинном понимании той формы бытия, что подвинуло к жизни ту или иную сущность, то мы можем предположить и возможность явления на одном поле настоящего нескольких *die Ereignisse*, имеющих отличную историю появления. Конечно, истории персональных сущностей не обладают достаточными для спекулятивного осмысления отличиями. Но на уровне макрокultur и цивилизаций данная дифференциация становится той явью, которая уже имеет все шансы быть постигнутой. Игнорирование же отличий приводит к непониманию, к той тщетности межкультурного диалога, о которой мы говорили выше.

#### **Нижеследующее является тому наглядным примером**

Одним из самых распространенных клише для ушедшего в небытие советского режима было обозначение его как тоталитарного. С точки зрения политического анализа это, безусловно, правильно, но совершенно недостаточно для характеристики всех особенностей советского мировоззрения. *Lévi-Strauss* для описания примитивных обществ использовал название *холодные*; перефразируя этот термин, современные исследователи иногда называют почившее советское общество **замороженным**, то есть как бы застывшим в общей динамике европейского социального времени. И в этом была виновата отмеченная выше тоталитарность.

**«У советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока»**, – таким был один из первых пореволюционных лозунгов. Но был и второй призыв, который как бы дополнял первый: **«Вперед Европы всей»**. Советскость была нашей первой цивилизационной характеристикой, второй была европейскость, которую на этом пространстве никто не отрицал. **«Потому что мы китайцы, таков был обычно ответ китайцев на то, почему они придерживаются определенной традиции и обычаев»**<sup>10</sup>. Если бы мы

задали подобный вопрос советскому человеку, то в одних случаях получили бы ответ в духе нашей первой (советской) принадлежности, а во многих других – согласно второй (европейской). Короткая традиция европеизации России и более длинная восприятия европейских традиций Беларусью принесли свои плоды. Многие ментальные конструкции на этом пространстве были подвергнуты коренному изменению, в том числе традиции образования, литературные, философские и научные каноны. Хотя Советская власть существенно уменьшила влияние Европы, однако объективно не могла перечеркнуть те достижения европеизации российского пространства, которые были получены Россией за годы после воцарения Петра Великого. Однако дальнейшая логика развития советского геополитического континуума уже совершенно выпадала из всех имевших позже общеевропейских процессов. Именно таким был путь *«заморозки»*. Социум, который принял левое крыло гегельянства как свою государственную идеологию, остался, конечно, частью Европы, но Европы очень специфической.

Так, парадигма истории культуры европейского типа (это главный образец для «технологического времени» Хайдеггера<sup>11</sup>) может быть описана как *das Gerede*, где предрасположенность к измерению и вычислению превосходит стремления к размышлению и медитации, «моя история» имеет приоритет над «нашей историей», история, претендующая на научность, как огня чурается идеологизации, а историческая память пробует ограничивать себя промежутком индивидуальной жизни.

Посткоммунистический мир – это явление весьма обратное. Мы имеем здесь грандиозное стохастическое нагромождение различных «промежуточных» социальных состояний, так до конца еще отклассифицированный набор метанарративов и метаисторий, неспецифическим образом объединяющих в себе как все достижения, так и все ошибки и неудачи интеллектуальной европейской традиции двадцатого века.

В нашей восточноевропейской реальности **мировоззренческий плюрализм** соединяется еще с одним интересным явлением, которое может быть обозначено как *темпоральная неоднозначность сообщества исследователей*. Очевидным является факт, что западноевропейская философская и методологическая традиция на протяжении нескольких столетий является тем образцом, на котором строятся практически все социальные и гуманитарные исследования. Однако философия Северо-Западного Арела Мира<sup>12</sup> (СЗАМ) находится в постоянной транзиции, претерпела и продолжает претерпевать определенные изменения, которые, хотя и

не полно, но захватывают то оригинальное сообщество ученых, для которых и в рамках которых эта традиция разрабатывалась.

Что касается усилий по осмыслению социальной реальности, производящихся на периферии СЗАМ, то тут картина использования различных методологических подходов отличается большим разнообразием. Во-первых, налицо ситуация запаздывания, когда пик моды на того или иного философа возникает на периферии уже тогда, когда в стране происхождения его книги находят свое место только на раскладах букинистов. Во-вторых, это запаздывание носит не прямолинейный, а асинхронный характер, когда ученые, живущие в одно время и работающие над одним предметом, не могут прийти к согласию не оттого, что собрали разный первичный материал, но мыслят в рамках различных категориальных аппаратов. Так, среди современной белорусской философской общественности можно наблюдать баталии славянофилов с постмодернистами, сторонников структурализма с ортодоксальными марксистами, приверженцев идеологии раннего национализма с убежденными глобалистами и либералами. Мы не думаем, что такая ситуация является оригинальной чертой сугубо белорусской философии.

С точки зрения абстрактной эстетической теории увеличивающаяся сложность объекта, которым является в данном случае восточноевропейское сообщество ученых, придает ситуации своеобразные изящество и красоту. Потому мы ни в коей мере не собираемся предлагать каких-либо рецептов по преодолению этих сложностей, а констатируем факт. С другой стороны, подобное на раннюю античную мифологию буйство самых разнообразных и несопоставимых красок в наших духовных исканиях и социальном конструировании, как оказалось, не поддается адекватному измерению даже при помощи самого изощренного инструмента, что зачастую повергает западную институциональную социологию в шок. Примеров такого межкультурного непонимания легион, а их экспликации, перешагнув «научные» рамки, становятся сюжетом для анекдотов.

Несоответствие постсоветской социальной реальности никаким выверенным масштабам в частности порождает все нарастающий пессимизм<sup>13</sup> как у так называемых «советологов», так и у представителей институциональной социологии (с ее ярко выраженным калькулятивным мышлением<sup>14</sup>). Такого рода пессимизм связан, прежде всего, с ощущением неадекватности применяемой методологии для интересующего ученого объекта. Неудачи в получении адекватного знания о постсоветской действительности не есть, однако, следствием кризиса текущей научной парадигмы калькулятивной социологии и не свидетельствуют об этом кризи-

се. Калькулятивная социология эффективна только для социальной действительности, построенной в соответствии с тем же самым вычислительным образцом. Однако, как мы показали выше интеллектуальный фон современной постсоветской действительности не калькулятивный, но медитативный. Поэтому эта гротескная смесь философских спекуляций<sup>15</sup>, мифологических стенаний и идеологических доминант не поддается никакому измерению. Это наглядно свидетельствует, что наше восточноевропейское социальное есть другая форма истории или, используя терминологию Хайдеггера, иное *das Ereignis*. Что есть наше восточноевропейское *das Gerede*? Как описать то, что заведомо не поддается описанию? Следуя духу хайдеггеровской традиции, – только через стихотворение. Например, через следующие широко известные строки Федора Тютчева:

*Умом Россию не понять,  
Аршином общим не измерить:  
У ней особенная стать –  
В Россию можно только верить*<sup>16</sup>

Перед нами типичная медитативная парадигма, гениально зафиксированная Тютчевым в 1866 г. Однако очевидно, что эта форма *das Gerede* не была рождена Тютчевым и пережила поэта. Этот образец остался доминирующим и теперь, для того чтобы стать удобной формой явления для любого возможного *das Ereignis* на обширных пространствах прежней Российской империи.

Феноменология Хайдеггера – это, прежде всего, консервативная Утопия и представляет романтическое воспевание некоторого мифологизированного царства медитативного созерцания. Это есть, наверное, одна из причин, по которой основанная на этой концепции герменевтика становится эффективной при анализе замороженных культур (подобно постсоветской социальной действительности), основанных, как правило, на презентистских или романтических моделях времени.<sup>17</sup> Одновременно предлагаемое мыслителем «задумчивое плавание над реальностью» есть универсальный компонент любого философского мышления, являющегося третьей стороной при пересмотре любых научных парадигм. Именно поэтому феноменология в состоянии сыграть роль посредника в межкультурном диалоге. Медитативные подходы к анализу социальной реальности всегда всесторонни, ибо проповедуют нередукционистское схватывание, пусть и через жертву, с математической точностью ради *полного уважения всех человеческих способностей, понятых перспектив повседневной жизни*<sup>18</sup>.

*В отличие от вещей, просто стоящих под вопросом, и от всего, о чем не стоит вопроса, достойное вопрошание само по се-*



*бе впервые только и дает нам ясный повод и ненавязанную отправную точку, благодаря которым мы оказываемся в состоянии отзываться на то и призывать то, что обращено к нашему существу.*

*Странствие по пути к достойному вопрошанию – не авантюра, а возвращение домой.<sup>19</sup>*

Всем нам предстоит дорога домой ...

---

<sup>1</sup> Беседа сотрудников журнала «Шпигель» р. Аугштайна и г. Вольфа с Мартином Хайдеггером 23 сентября 1966 г. (Nur noch ein Gott kann uns retten : Spiegel-Gesprach mit Martin Heidegger am 23. September 1966 // Der Spiegel. 30. Jg. – №23, 31. Mai 1976. – S.193, 196, 198-199, 201, 204, 206, 209, 212, 214, 217, 219).

<sup>2</sup> Познай самого себя.

<sup>3</sup> Heidegger, Martin. Die Frage nach der Technik (1949) / Хайдеггер, Мартин. Вопрос о технике (1949) // Электронный ресурс. – Режим доступа: [http://www.heidegger.ru/documents/tom7/vopros-o\\_tehnike.doc](http://www.heidegger.ru/documents/tom7/vopros-o_tehnike.doc).

<sup>4</sup> Heidegger, Martin. Das Gedicht (1968) / Хайдеггер, Мартин. Стихотворение // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.heidegger.ru/raboty/tom4/stihotvorenie.doc>.

<sup>5</sup> Heidegger, Martin. Heimkunft. An die Verwandten (1944) / Хайдеггер, Мартин. Возвращение на родину / Сородичам (1944) // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.heidegger.ru/documents/vosvratshenie.doc>

<sup>6</sup> Heidegger, Martin. Wissenschaft und Besinnung (1954) / Хайдеггер, Мартин. Наука и осмысление // Электронный ресурс. – Режим доступа: [http://www.heidegger.ru/documents/tom7/nauka\\_i\\_osmislenie.doc](http://www.heidegger.ru/documents/tom7/nauka_i_osmislenie.doc).

<sup>7</sup> Постановом мы называем собирающее начало той установки, которая ставит, т.е. заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего-в-наличии. Постановом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим (Heidegger, Martin. Die Frage nach der Technik (1949) / Хайдеггер, Мартин. Вопрос о технике (1949) // Электронный ресурс. – Режим доступа: [http://www.heidegger.ru/documents/tom7/vopros-o\\_tehnike.doc](http://www.heidegger.ru/documents/tom7/vopros-o_tehnike.doc)

<sup>8</sup> Хайдеггер, Мартин. Вопрос о технике (1949)...

<sup>9</sup> L'Express. – 1969. – 20-26 Oct. – P.79-85 // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru/old/1/interview.htm>.

<sup>10</sup> Hanez Ulf, 1992, A Network of perspectives // Cultural complexity : studies in the social organization of meaning / Ulf Hannerz New York : Columbia University Press. – P.92

<sup>11</sup> Cf. Sipiora. – M., 1991. Heidegger and epideictic discourse: The rhetorical performance of meditative thinking. Philosophy today, fall 1991, 239-253; Robbins Brent Dean (1998) A Reading of Kuhn in Light of Heidegger as a Response to Hoeller's Critique of Giorgi. In Janus Head, 1. Electronic document retrieved on December 29 2005. Available at: <http://www.janushead.org/JHSummer98/BrentRobbins.cfm>

<sup>12</sup> Мы имеем в виду здесь Западную Европу и США.

<sup>13</sup> Cf. Beckert, J. (1992). «Civil Society in East and West», Freie Universitat Berlin; Sztompka, P. (1992). Civilizational competence: A prerequisite of post-Communist transition. Electronic document retrieved on June 13, 2000. Available at: <http://www.friends-partners.ru/newfriends/audem/audem92/Sztompka.html>;

---

Alexander, J.C. (1991) «Real Civil Society: Rethinking Democratic Capitalism in Eastern Europe», Los Angeles: UCLA.

<sup>14</sup> This calculation is the mark of all thinking that plans and investigates. Such thinking remains calculation even if it neither works with numbers nor uses an adding machine or computer. Calculative thinking computes. It computes ever new, ever more promising and at the same time more economical possibilities. Calculative thinking races from one prospect to the next. Calculative thinking never stops, never collects itself. Calculative thinking is not meditative thinking, not thinking which contemplates the meaning which reigns in everything that is. (Heidegger, M. (1966) Discourse on thinking. New York, Harper & Row. – P.12).

<sup>15</sup> Наиболее наглядные примеры из современной истории восточнославянского мышления: Акудовіч, Валянцін. 1998 Мяне няма: Роздумы на руінах чалавека / Валянцін Акудовіч. – Мн. : Бел. гуманітар. адукац.культур. Цэнтр. Babkou, 1999; Бабкоў Ігар, 1999, МУЗЭЙ «ЭЎРОПА», Фрагменты, №1-2'1999; Гуревич, Арон. Историк у верстака // Отечественные записки. – 2004. – №5; Зверева, Галина. Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории / НЛО. – 2005. – №74.

<sup>16</sup> Тютчев, Ф. Умом Россию не понять... / Ф.Тютчев // Федор Тютчев. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. – Ростов-на-Дону, 1996. – С.128.

<sup>17</sup> Cf. Hartog François, 1988, The mirror of Herodotus : the representation of the other in the writing of history, Berkeley : University of California Press.

<sup>18</sup> Giorgi Amedeo, 2005, Remaining Challenges for Humanistic Psychology, Journal of Humanistic Psychology. – Vol.45. – № 2, 214.

<sup>19</sup> Heidegger, Martin. Wissenschaft und Besinnung (1954) / Хайдеггер Мартин. Наука и осмысление (1954) // Электронный ресурс. – Режим доступа: [http://www.heidegger.ru/documents/tom7/nauka\\_i\\_osmislenie.doc](http://www.heidegger.ru/documents/tom7/nauka_i_osmislenie.doc).

## **МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ФИЛОСОФСКОГО И НАУЧНОГО ТЕКСТОВ (ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ)**

Казакова Н.Т.,

доктор философских наук, профессор  
Красноярский государственный аг-  
рарный университет  
(г. Красноярск)

Слова известного французского философа и методолога науки XX в. Гастона Башляра – автора трудов «Философия не» и «Новый рационализм», – *Пути поэзии и науки изначально противоположны. Все, на что может надеяться философия, – это достичь взаимодополнительности между поэзией и наукой, соединить их, как пару точно пригнанных деталей* (здесь и далее курсив наш – Н.К.), – не утратят основополагающего смысла, если вместо слова «поэзия» мы подставим слово «философия». Думается, что мы не

погрешим против истины и против замысла автора этих строк, так как многим хорошо известно его знаменитое определение поэзии: «Поэзия есть метафизика мгновения».

Перифраз как нельзя лучше объясняет задачи и надежды уже автора настоящей работы, в которой предполагается обосновать принцип взаимодополнительности философии и науки, чтобы выявить общие методологические основания анализа философских и научных текстов. Однако прежде чем говорить о задачах и надеждах данной работы, следует сказать о причине, побудившей меня – человека, профессионально занимающегося философией, – взяться за исследование такой «прикладной» проблемы, каковой является анализ текстов.

Во-первых, назрела потребность в обобщении опыта многолетней работы с аспирантами и студентами, занимающимися научно-исследовательской работой в различных областях научного знания, как социально-гуманитарного, так и естественнонаучного и технического.

Во-вторых, нестационарное участие в дискуссиях о соотношении философии и науки, о месте философии в подготовке специалистов негуманитарных научных дисциплин сформировало свой, собственный, взгляд на эти вопросы.

В-третьих, решение об отмене кандидатского минимума по философии и переход на кандидатский экзамен по истории и философии науки обусловили необходимость в публичной апробации философского видения не просто структурного содержания новой дисциплины «история и философия науки», а в осмыслении методологических принципов и методических приемов, используемых при обращении к мировому научному наследию – текстам известных и малоизвестных философов и ученых.

Трудно переоценить актуальность этой проблемы, ведь тексты являются тем теоретическим и методологическим фундаментом, который определяет не просто архитектуру научного исследования, а ее содержательный каркас. Думаю, что невозможно найти более или менее серьезную научную работу, в которой бы ее автор не обращался к философским текстам, не говоря уже о текстах своих собратьев по научному цеху. Поэтому очень большое беспокойство вызывают открытые призывы некоторой части околофилософской аудитории отказаться в познавательной деятельности от эссенциалистской стратегии эпистемологического вопрошания в пользу конкретных форм культурологической духовной практики. Соглашусь с такой постановкой вопроса, если проблема находится в дискуссионном пространстве любителей интеллектуальных изысков, если же это методологическая позиция

ученых-профессионалов, то я с ней не согласна. Я убеждена, что такой позиции нужно противостоять, и в связи с этим предлагаю несколько тезисов, позволяющих «найти» общие методологические и методические основания анализа текстов как научных, так и философских.

Первый тезис: философия и наука являются не только взаимодополнительными, но и взаимопересекающимися областями мировоззрения. Основная тенденция, проявляющаяся в истории философии, заключается в ее теоретизации, в преобладании рационального (понятийного) дискурса вопрошания над художественным (образным). Достаточно сравнить философские тексты Платона, Аристотеля, Плотина и сочинения Декарта, Гегеля, Маркса, не говоря уже о современных философах, чтобы понять эволюцию философии в сторону науки, притом что наука к этому времени уже успела «отпочковаться» от философии. Однако связь между философией и наукой не утратилась вследствие их дифференциации, а приобрела диалектический характер.

Второй тезис: одной из важнейших тенденций развития всей, и в особенности современной, науки является ее «философизация», что выразилось в насыщении научного пространства иррациональными и внерациональными формами знания, выходом за пределы опыта и эксперимента в область «философских проектов» и «умозрительных конструкций», поэтического воображения и мистического озарения. Достаточно обратиться к научным текстам Исаака Ньютона, Альберта Эйнштейна, Константина Циолковского, Имре Лакатоса, Карла Поппера и других, чтобы согласиться с предлагаемым суждением.

Третий тезис: эффективное познание особенностей и закономерностей становления и развития науки возможно только «со стороны» философского познания. Философия как метафизика не исчерпывается банальным семантическим соответствием «после» физики, то есть то, что идет после физики. Приставка «мета» имеет еще такое значение, как «над», то есть над физикой, «до», то есть до физики. Следовательно, философия (независимо от своей «партийной» принадлежности) не утратила свою метанаучную способность и является вполне адекватным инструментом проникновения в сущность и существование такого сложного мировоззренческого феномена, каковым является наука. Другое дело, что философия должна усовершенствовать свой категориальный и методологический аппарат с тем, чтобы с его помощью наука могла больше и дальше проникать в тайны мира. Именно такая задача дает некоторые основания противникам философии говорить о том, что теперь философии уготована роль «служанки» науки, как

она якобы когда-то «прислуживала» религии, политике. Решительно возражаю против такого упрощенного представления об отношениях науки и философии. Тандем «философия-наука» существует и функционирует на равноправных условиях, подтверждением чему являются успехи как одной, так и другой форм познания, не раз бывавших в условиях жесточайшего кризиса и выходящих из него при помощи друг друга. Иллюстрацией сказанному может быть кризис естествознания в начале XX в., когда именно философия способствовала его преодолению, и кризис философии в конце XX – начале XXI вв., когда уже наука помогает философии выйти из кризиса.

Таким образом, оговорив общие методологические основания философии и науки, обратимся к заявленной теме настоящей работы. Для этого представим себе наличие особой коммуникации между философским и научным сознанием, в пространстве которой и осуществляется «взаимодействие», «взаимопересечение», «взаимодополнительность» его предметных и проблемных областей.

На мой взгляд, областью, в которой имеет смысл искать подобную «коммуникацию», может быть сообщество исследователей, связанных между собой содержательно или текстуально. Основной единицей данной коммуникации (связи) является текст. Текст (статья, реферативный обзор, монография) может рассматриваться как «продукт» научного сообщества, в котором закрепляются результаты исследования какой-либо проблемы и имена его автора или авторов. Каждый текст сохраняет свою актуальность лишь строго определенное время. Так, специалисты института научной информации общественных наук (ИНИОН) «вычислили» сроки жизни научных публикаций: статьи (журнальные статьи, публикации научных докладов) – 2-3 года; обзоры периодики и обзоры научных собраний – до 5 лет; монографии (индивидуальные и коллективные) – 5-7 лет и столько же учебники и учебные пособия, а также хрестоматии к ним. После этого срока информация безнадежно устаревает и теряет актуализацию. Такая временная актуализация не затрагивает тексты, которые принято считать «классическими», – классические тексты находятся вне времени, потенциально они актуальны всегда, и именно тогда, когда оказываются востребованными временем. Таким образом, при выборе «информационного потока» (литературы) исследователем должны учитываться две хронологические составляющие: настоящее и прошлое. К первой относится массив публикаций современного научного знания (тексты, в которых результат научного исследования, находящийся в некоторой связи с другими результатами и компонентами дисциплинарного знания, коррелируется с научно-

исследовательской программой или парадигмой определенного отрезка времени). Ко второй относится историческое наследие классического научного знания (тексты, в которых результаты, получившие статус «истинных» в конкретную историческую эпоху, теряют «привязку» к данному времени и могут быть (часто должны быть) инкорпорированы в структуру основополагающих и нормативно-ценностных представлений любого типа научной рациональности). Это не значит, что исследователь всенепременно должен проникнуть в «образ» мыслей живших когда-то людей. Это значит, что исследователь должен понять их тексты как вклад в базовую конвенцию, которая принимается настоящим научным сообществом и выражает определенную форму дискурса.

Другим очень важным требованием при отборе массива публикаций для информационной обработки является «отсылка» к работам авторитетных, имеющих высокий профессиональный статус, (не обязательно подтвержденный официальными дипломами), ученых и философов. Для получения такого высокого статуса гораздо более перспективным и значимым являются не должности, звания и степени, а, во-первых, так называемый «индекс цитирования», когда на его работы ссылаются коллеги по научному цеху, и, во-вторых, так называемый «институт наставничества», когда ученик (аспирант, докторант), проходя подготовку под влиянием своего учителя, выполняет роль «катализатора» в процессе создания и функционирования его школы. Наличие собственной школы и признание коллег являются самыми объективными признаками научного авторитета. Персоналистическая составляющая указывает, чтобы понять и правильно интерпретировать такие тексты, нужно учитывать как интенции их авторов, так и ту эпоху, которая их детерминировала. Последнее вовсе не противоречит тому, что было сказано выше по отношению к классическим текстам в их прагматической нагруженности. Говоря о временной составляющей классических текстов, выводящей за рамки «образ» мыслей автора текста, имелось в виду, что исторические (классические) тексты должны интерпретироваться не как вневременные источники информации, а как целенаправленные действия, способные оказывать влияние на изменение принятого в данное время дискурса. Строго говоря, любой текст (современный или классический), с одной стороны, соблюдает базовые положения принятого дискурса, а с другой – пытается изменить его.

В контексте соблюдения этих положений анализ текста приобретает значение объективного средства для преодоления межконцептуальных разногласий и позволяет сократить до приемлемой величины степень субъективных разночтений. Это очень важ-

ное замечание, поскольку анализ текста есть специальная процедура своего рода интеллектуального препарирования формы и содержания, сущности и явления не только самого текста, но и контекста и подтекста, а также «текста в тексте».

Прежде всего, следует сказать, что текст (философский, научный) как объект анализа предполагает выделение двух его ипостасей. Первая ипостась раскрывается в отношении к тексту как «первичной знаковой реальности», своего рода «информационной единице» со своей структурой, языком, средствами выражения, количеством информации и т.п. Вторая ипостась раскрывается, прежде всего, в отношении к тексту как «миру», наполненному смыслами: семантическими, этимологическими, эпистемологическими, методологическими, метафизическими и т.п. Эти смыслы как раз и требуют научной или философской экспликации с последующим использованием ее результатов в собственной научной, исследовательской деятельности (диссертационной, реферативной, дискуссионной и т.п.).

Итак, осуществив титанические усилия по составлению «библиографического списка» и убедившись в том, что он репрезентативен по отношению к генеральной совокупности (массиву публикаций по данной проблеме), вы, наконец, приступаете к анализу выбранного текста. Что же входит в алгоритм аналитической работы? С чего начинается процедура анализа?

Пока что текст является «вещью в себе», а необходимо, продолжая кантовскую аллюзию, чтобы он (текст) стал «вещью для нас». Для этого необходимо выделить устойчивую структуру анализируемого текста. Как правило, она представлена в оглавлении (содержание работы), но очень часто уважающие своего читателя авторы эксплицируют, структурируют содержание текста в «Предисловии» к работе или во «Введении» к ней. В случае отсутствия авторской трактовки архитектоники текста субъект анализа должен осуществить такую структурную реконструкцию самостоятельно. Описание должно включать в себя представление субъекта анализа (только в том случае, если автор работы этого не сделал по каким-то, известным только ему, причинам) того, чем (какими причинами) было детерминировано означенное автором работы проблемное пространство данного текста. То есть аналитик должен как бы «проникнуть» в авторский замысел, определить для себя границы проблемы, за пределы которых он (субъект анализа) не имеет права выходить. Чтобы быть релевантным такое описание должно осуществляться в соответствии с языком оригинала и принципами того научного направления, в «эшелоне» которого находится анализируемая публикация, а также базовыми конвен-

циями дискурсивного и парадигмального пространства того времени, когда была написана данная работа.

В аналитической процедуре большое значение имеет соблюдение принципа целостности текста. Даже в том случае, когда анализируется всего лишь фрагмент какого-то фундаментального труда. Целостность предполагает рассмотрение фрагментов тех или иных структурных единиц текста (отдельных глав, разделов) в органичной связи с целым.

Следующим важным методологическим принципом первичной обработки текста является принцип историзма, который предполагает не только ответ на вопрос: «когда была написана эта работа?» Принцип историзма требует сопоставить анализируемый текст с текстами этого же автора, написанными ранее, а также текстами других исследователей, на работы которых автор ссылается в настоящем труде, либо присоединяясь к ним, либо полемизируя с ними. Другими словами, прежде чем переходить к содержательному анализу текста, Вам необходимо составить библиографический обзор по анализируемой работе как «pro» – «за», так и «contra» – «против» той проблемы, которая выступает в качестве концептуальной основы текста. Эта информация, как правило, содержится в ссылках, примечаниях авторского текста. Если Вы ощущаете дефицит такого рода информации, полезно обратиться к справочным, лучше академическим изданиям, где Вы найдете нужную информацию как по персоналиям, так и по концепциям. В результате такого анализа Вы определяете объект и предмет анализируемой работы, а также цели и задачи, которые поставил ее автор.

Только после этого Вы можете приступить к содержательной части анализа, в которой может быть выделено два основных пласта: философско-методологический (логический) и рефлексивный (репрезентативный). В первом случае определяется теоретико-методологическая составляющая исследования: методы, принципы, категориальный аппарат и т.п., для каждого уровня данного исследования – эмпирического и теоретического. Эмпирический и теоретический уровни присутствуют в любом тексте, как собственно научном, так и в философском, другое дело, что в частнонаучном превалирует эмпирическая, или фактологическая база, а в философском – умозрительная. Внутри частнонаучного знания тоже наблюдаются различия; скажем, для математических текстов первостепенное значение имеет правильное формально-логическое построение (умозрительное), а для работ естественнонаучного характера более существенное значение имеет экспериментальный (эмпирический) материал. Однако несмотря на существенные различия между ними, есть и общие, в соответствии с избранной ме-



тодологией, требования, которым подчиняются исключительно все тексты. В математических текстах, несомненно, превалирует строгое доказательство в виде определенной последовательности формул, в естественнонаучных – «тысячекратно» проведенных экспериментов, в философских – рационального дискурса, а во всех вместе, несомненно, превалирует необходимость строгого соответствия логическим законам, логической культуре мышления.

Таким образом, мы имеем все необходимое для перехода к анализу основного содержания текста, в который входит, во-первых, содержательное описание явлений и феноменов, участвующих в формировании проблемного пространства текста, и, во-вторых, истолкование их смыслов, причем с разных позиций – автора, читателя и как бы текста самого по себе, дистанцированного и от автора, и от читателя. Суть дела заключается в знании, понимании и умении находить ключевые термины и строить с их помощью сообщение, фиксирующее основные положения работы. Для этого Вам необходимо оптимизировать, как бы свернуть анализируемый текст, то есть провести вспомогательную для содержательного анализа работу.

Рассмотрим несколько способов выделения главной информации в тексте. Первый способ базируется на выявлении частоты терминов и определений, которые использует автор в работе. Предполагается, что существует прямая зависимость между информационной насыщенностью понятий и их использованием в тексте.

Второй способ основан на присущей текстам особенности располагать наиболее важные в информационном плане мысли в начале или конце текста, того или иного раздела или главы. Причем ключевые моменты занимают разные позиции в текстах различного жанра. Так, научные тексты чаще всего строятся по принципу от общего к частному, в соответствии с рациональным императивом дедуктивного метода. Значит, самая важная информация расположена либо в начале книги, главы, параграфа, фрагмента, абзаца, где формулируются базовые определения, основные тезисы, либо в конце, где подводятся итоги, делаются выводы и обобщения. Остальная же часть текста посвящена разворачиванию содержания этих принципиальных положений в виде подборки аргументов, различных примеров, рисунков, схем, графиков, анализа иных точек зрения. Зная упомянутые особенности научных и философских текстов, а также в зависимости от целей анализа обработку информации можно организовать оптимально. Если Вас интересует суть авторской позиции или самые общие выводы, их следует искать в начале или конце текста. Если же Ваша цель в

том, чтобы уяснить авторскую аргументацию, особенности рассуждения иных авторов, ищите их в середине текста.

Третий способ предполагает в качестве ориентиров так называемые «лексические индикаторы» – словосочетания, которые предваряют наиболее важную информацию текста. К числу таких индикаторов относятся слова «таким образом», «поэтому», «следовательно», «доказано», «подведем итог» и т.п.

Итак, ориентируясь на вышеизложенные правила, начинаем читать текст. Первое чтение направлено на то, чтобы уяснить, о чем идет речь в самом общем плане (то есть выделяем проблемное поле текста); второе чтение заключается в том, чтобы последовательно избавиться от «информационного шума», то есть тех слов и словосочетаний, которые являются избыточными, не несут в себе важного семантического смысла и выполняют стилистические задачи. Такую операцию оптимизации текста необходимо прекратить до того, как информация начнет утрачивать смыслополагающую ясность. Собственно, такой прием обычно используется при конспектировании лекций и текстов. Третий раз вы читаете текст, полученный в результате сворачивания информации, и проверяете себя на предмет соответствия логических требований к информации.

Среди этих требований нужно выделить: ясность, точность, последовательность и доказательность, которыми априори обладал анализируемый текст. Если же, вопреки нашим ожиданиям, текст не соответствовал этим требованиям, то Вы должны критически обозначить низкий уровень логической культуры автора текста, и по возможности устранить (элиминировать) семантическую неопределенность или терминологическую неясность информации. Сказанное относится не только к тексту, но и к контексту, и даже подтексту. Высказывание, взятое вне контекста, допускает самые разнообразные смыслы. Контекст играет роль своеобразного преобразователя некоторого стандарта, поэтому каждый информационный фрагмент получает свое звучание в новом стилистическом ракурсе. Не бывает информации безотносительной к контексту, всякая информация порождается, транслируется и воспринимается в определенном контексте. Можно сказать, что контекст, как правило, снижает уровень семантической неопределенности.

Рефлексивный пласт содержательного анализа текста определяется таким неотражательным методологическим принципом, как репрезентация. В нашем случае репрезентация предстает как восприятие и представление познаваемого в процессе рефлексии объекта и предмета анализа с помощью существующих в научной и культурной практике эталонов-посредников – моделей, символов, вообще знаковых, в том числе языковых, логических, математиче-

ских систем. В арсенале познавательной репрезентативной деятельности находятся следующие операции: интерпретация, категоризация и конвенция. Интерпретация может рассматриваться как истолкование, придание предметных смыслов осуществляемому в опыте рефлексии восприятию текста на основе представлений, культурных образцов и эталонов, которыми обладает субъект анализа. Категоризация является процессом отнесения познаваемого в опыте репрезентации объекта анализа к «естественной» (для данного направления или научной дисциплины) системе категорий, к некоторому классу множества, в качестве которого могут выступать не только номинация материальных предметов, но и сенсорные и перцептивные образы, гносеологические стандарты и в целом обобщения, несущие в себе совокупный эпистемологический опыт. И, наконец, конвенция, или соглашение, как выход за рамки непосредственного (собственного) субъективного опыта путем принятых в научном сообществе или введения особых научных норм и идеалов, знаков, символов на основе договоренностей и соглашения субъектов познания. Последнее особенно важно при анализе философских текстов, которые характеризуются многозначностью, неопределенностью, открытостью и ярко выраженной субъективностью. Несмотря на то что частнонаучные тексты характеризуются точностью, однозначностью смыслов, строгостью определений и интересубъективностью, – эти операции применяются и при их анализе.

В заключение для закрепления вышеизложенных рекомендаций и более эффективного применения в собственной аналитической практике предлагаю обратиться к классическим примерам анализа и философских, и научных текстов, которыми являются, например, «Философские тетради» В.И.Ленина<sup>1</sup>. Строго говоря, Ленин анализировал работы своих предшественников (Г.Гегеля, Л.Фейербаха, К.Маркса, Ф.Энгельса и др.) с целью защиты идей диалектического и исторического материализма, поскольку марксизм был идеологической платформой революционного движения в России. Зачастую такой анализ представлял подготовительную часть работы по пропаганде собственных идей, поэтому труды предшественников в «Философских тетрадях» представлены в форме конспектов, заметок, фрагментов, рецензий и т.п. В качестве примера анализа философского текста можно обратиться к конспекту книги основоположников марксизма «Святое семейство», а в качестве примера анализа научного текста – работ Ф.Даннемана «Как создавалась наша картина мира» или М.Ферворна «Биогенная гипотеза».

Таким образом, философия при всей ее строгости и сбалансированности онтологических, гносеологических, аксиологических детерминант может служить теоретико-методологической основой экспликации эпистемологического знания только в том случае, если с ее помощью можно будет осуществлять обобщение эмпирического материала и интерпретацию его результатов. Я же выражаю признательность и благодарность уважаемым коллегам, авторскому коллективу учебного пособия «Философия науки» под редакцией С.А.Лебедева, Л.А.Микешин<sup>2</sup>, чтение которых и подвигло на написание настоящей работы, основные идеи которой были апробированы на методологическом семинаре с аспирантами и магистрантами Красноярского государственного аграрного университета.

---

<sup>1</sup> Ленин, В.И. Философские тетради : полн. собр. соч. / В.И.Ленин. – Т.29.

<sup>2</sup> Философия науки : учебное пособие для вузов / под ред. С.А.Лебедева, Л.А.Микешин. – М., 2005.

## **«МЕТОД» В ФИЛОСОФИИ И В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ**

Климович Л.П.,

доктор юридических наук, профессор  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

Методология общей теории судебной экспертизы включает в качестве необходимых элементов методы и методики практической экспертной деятельности. В свою очередь, комплекс методов экспертного исследования является составной частью любой методики, при этом выбор совокупности методов при проведении конкретной экспертизы определяется содержанием экспертной задачи, а также объемом исходных данных об объекте исследования, представляемых на экспертизу. Поэтому анализ и систематизация методов судебно-экспертного исследования имеют большое значение для развития теории судебной экспертизы. Все это в конечном итоге направлено на достижение объективности и достоверности результатов экспертного исследования.

Рассмотрим общетеоретические положения о методах судебной экспертизы. Но сначала обратимся к понятию «метод».

Слово «метод» происходит от греческих слов «μετα» – «вдоль» и «ὁδός» – путь, что дословно может быть обозначено как

движение вдоль пути. Словари русского языка определяют метод в широком смысле как прием, способ или образ действия<sup>1</sup>, как способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь<sup>2</sup>, прием – как отдельное действие, способ в осуществлении чего-нибудь<sup>3</sup>, а способ – как действие или систему действий, применяемых при осуществлении чего-нибудь<sup>4</sup>. Таким образом, с позиции лингвистики метод – это действие или система действий в процессе теоретического исследования или практического осуществления какой-либо деятельности.

С позиций философии и логики ученые по-разному определяют сущность метода. Проведенный анализ позволил выделить следующие шесть различных подходов к содержанию данного понятия:

1) «система регулятивных принципов практической или теоретической деятельности человека» (О.М.Сичивица<sup>5</sup>);

2) «совокупность принципов и приемов теоретического использования» (В.П.Первой<sup>6</sup>);

3) «способ поведения в какой-либо области...» (В.А.Штофф<sup>7</sup>);

4) прием, способ достижения определенных результатов в познании и практике (П.В.Копнин, А.А.Грицанов и В.Л.Абушенко, Н.И.Кондаков, В.С.Швырев<sup>8</sup>);

5) определенная совокупность (система) приемов, операций, правил, ведущих к достижению цели, изучению явлений и закономерностей природы, общества, мышления (Г.А.Подкорытов, В.А.Штофф, П.В.Попов, А.А.Грицанов и В.Л.Абушенко, А.Г.Сpirкин, Н.И.Кондаков<sup>9</sup>);

6) способ построения и обоснования системы философского и научного знания (А.Г.Сpirкин<sup>10</sup>).

Представляется, что определения, данные О.М.Сичивицей, В.А.Штоффом, А.Г.Сpirкиным и сторонниками пятого подхода, в большей степени раскрывают содержание метода научного познания, в то время как сторонники четвертого подхода дают универсальное определение метода. Также следует отметить, что определение, даваемое сторонниками пятого подхода, может быть отнесено к содержанию понятия методики, а не метода. Ряд ученых, и в частности В.С.Швырев, допускают возможность смешения понятий «метод» и «методика».<sup>11</sup>

Наиболее удачным, на наш взгляд, можно считать определение метода, данное Н.И.Кондаковым: «это путь, способ исследования и преобразования действительности на основе знания закономерностей развития этой действительности»<sup>12</sup>. Н.И.Кондаков также отмечает, что «методы – это правила действия, стандартные и од-

нозначные; нет стандарта и однозначности – нет правила, а значит, нет и метода, нет и логики»<sup>13</sup>. П.В.Копнин по этому поводу замечает: «Конечно, правила меняются, ни одно из них не является единственным и абсолютным, но поскольку оно правило действия субъекта, то оно должно быть определенным и стандартным»<sup>14</sup>.

Из представленного анализа подходов становится очевидным, что метод – это элементарный, выработанный на основе знания объективных закономерностей, стандартный способ (правило) теоретического или прикладного исследования, направленный на достижение определенного результата или решение некоторой задачи. Такое определение метода позволяет отграничить его от понятия «методика», которая, во-первых, является практическим приложением использования научно обоснованных методов исследования, во-вторых, представляет собой определенный алгоритм (порядок), последовательность действий, в том числе применения различных методов.

П.В.Копнин выделяет объективную и субъективную стороны метода: «Познанные закономерности составляют объективную сторону метода, возникшие на их основе приемы исследования и преобразования явлений – субъективную..., причем в методе первая должна переходить во вторую. В гносеологическом отношении этот переход означает переход истинности в правильность. ... В силу того, что метод основывается на объективно-истинной теоретической системе, он по существу не может быть неправильным. Неправильным может быть практическое применение метода субъектом, в частности распространение сферы его действия за пределы предмета, закономерности которого отражены в теоретической системе, лежащей в основе данного метода»<sup>15</sup>.

Вышеприведенное суждение подчеркивает значение объективной природы метода и необходимость теоретического обоснования системы методов, применяемых в определенном виде деятельности. В связи с тем, что для нас представляет интерес существенная характеристика методов судебно-экспертной деятельности, и в силу специфики этой деятельности (являющейся частью правоохранительной деятельности) необходимо обозначить требования, определяющие возможность применения метода. Наряду с научной обоснованностью метода, которая обеспечивает возможность получения достоверного результата, ученые указывают следующие требования: допустимость к применению в уголовном судопроизводстве, законность, этичность, безопасность применения метода для эксперта, требование сохранения объекта.<sup>16</sup> Бесспорно, правильно мнение о том, что «главное, чем определяется допустимость метода в экспертном исследовании, – научная обоснован-

ность, надежность, возможность получения с его помощью достоверных результатов»<sup>17</sup>.

Обратимся к сущностной характеристике метода (системы методов) судебно-экспертной деятельности. В работах по судебной экспертизе акцентируется внимание на том, что необходимо разграничивать методы науки и методы практической деятельности, а также, что совокупность методов, входящих в методику, образует познавательную систему предметно-практической деятельности эксперта. Из этого следует, что понятие метода судебно-экспертной деятельности более содержательно по сравнению с понятием научного метода. Наиболее удачным, на наш взгляд, является понятие методов судебной экспертизы, данное в Энциклопедии судебной экспертизы и ряде других изданий: методы экспертной практической деятельности представляют собой системы действий и операций по решению практических экспертных задач, которые формируются и основываются на:

- 1) соответствующих научных методах;
- 2) характере и свойствах объекта деятельности;
- 3) опыте решения конкретных практических задач, в том числе на алгоритмических правилах и разработанных самим экспертом эвристиках<sup>18</sup>.

В представленном определении раскрываются источники формирования методов и их функциональное назначение. Вместе с тем представляется необходимым внести в определение некоторое уточнение, подчеркнув функциональные возможности метода (или их совокупности): каждый метод (или их совокупность) применяется для решения определенного круга задач<sup>19</sup>. Кроме того, учитывая вышеизложенное, важно отметить, что метод или система методов судебной экспертизы входят в содержание экспертной методики.

Важным в познании сущности экспертного метода является раскрытие его структуры, которая в ряде работ разных авторов (А.М.Зинин и Н.П.Майлис; Ю.Г.Корухов, Т.В.Аверьянова, Е.Р.Россинская и др.) содержит три элемента:

- обосновывающую часть (раскрывает научную базу формирования (происхождения) метода и возможные результаты его применения);
- операционную часть (действия, приемы и операции осуществления метода);
- техническую часть (материальные и технические средства, позволяющие реализовать метод).

Не меньшее значение в раскрытии познавательных возможностей того или иного метода, группы методов (что, в свою очередь, определяет допустимость метода, а также возможность

оценки результатов экспертного исследования) имеет классификация методов. Она же позволяет определить перспективные направления научных исследований по разработке новых методик и модернизации существующих. О значении систематизации и самой системе методов судебно-экспертного исследования писали Т.В.Аверьянова<sup>20</sup>, Р.С.Белкин, А.И.Винберг и Н.Т.Малаховская, А.И.Винберг и А.Р.Шляхов, Ю.Ф.Воронин, Ю.М.Воронков, Г.П.Васкаргян, И.А.Журавлева и В.Е.Корноухов, А.М.Зинин и Н.П.Майлис, Е.Р.Россинская, А.Х.Тригулова, авторы пособия «Основы судебной экспертизы», Энциклопедии судебной экспертизы и другие ученые.

В научной литературе предлагаются различные основания классификации методов судебных экспертиз:

- степень общности и субординации;
- целевое назначение и результаты;
- характер получаемой информации (свойства и признаки объектов);
- стадии экспертного исследования (методы, применяемые на стадиях: подготовительной, аналитической, сравнительной синтезирующей);
- области наук, из которых заимствованы методы (математические, физические, биологические и т.д.).<sup>21</sup>

Представляется, что применительно, например, к классу судебно-экономических экспертиз наиболее информативной и значимой для разработки методик решения конкретных экспертных задач, то есть для использования в практической деятельности, является их классификация по степени общности и субординации (как универсальное основание классификации методов судебной экспертизы любого класса).

Обратимся к анализу подходов к классификации методов судебной экспертизы по степени общности и субординации. Большинство ученых едины в том, что существуют четыре группы методов исследования:

- всеобщий диалектико-материалистический метод<sup>22</sup>;
- общие или общенаучные методы;
- частнонаучные методы; или частные инструментальные и иные вспомогательно-технические приемы (А.И.Винберг и А.Р.Шляхов); или общеэкспертные (Е.Р.Россинская);
- специальные методы, то есть монообъектные, приспособляемые для исследования конкретного, единичного объекта (Т.В.Аверьянова), или методы, функции которых выполняют спе-



специализированные методики экспертного исследования (А.И.Винберг и А.Р.Шляхов), или частноэкспертные методы (Е.Р.Россинская).

Появление представленной выше системы методов закономерно, так как источником ее формирования послужила классификация методов познания. Так, Б.М.Кедров предлагал деление методов на общие (диалектический метод), особенные (применяемые во всех науках, но соотносимые с какой-либо одной формой движения материи) и частные (действующие в каждой отдельной отрасли науки и связанные со специфическим характером отдельных форм движения материи)<sup>23</sup>. П.В.Копнин предложил деление методов на философские и специальные, положив в основу деления теоретические системы, из которых возникают методы. Специальные методы ученым сгруппированы следующим образом: специальные общенаучные, применяемые различными науками; частные специальные методы, вырабатываемые применительно к той или иной области знания, в их числе и частные специальные методы, имеющие очень узкое применение, образующие частные приемы исследования в отдельных науках, которые, по мнению ученого, правильнее называть методиками.<sup>24</sup> Общие методы научного познания ученые-философы подразделили на уровни в зависимости от характера организации знания, однако позиции ученых по этому поводу различны.

Так, О.М.Сичивица рассматривает методы эмпирического исследования; методы, используемые на эмпирическом и теоретическом уровнях исследования; методы теоретического исследования. В.А.Штофф, П.В.Попов разделяют методы эмпирического и методы теоретического уровней познания. Сопоставление перечня методов, отнесенных каждым из ученых к той или иной группе, позволило выявить также различные подходы. Так, к методам эмпирического исследования О.М.Сичивица относит наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, В.А.Штофф – наблюдение, различные формы научного эксперимента, описание, способы группировки, систематизации, анализа и обобщения научных фактов, а П.В.Попов – наблюдение, измерение, эксперимент и описание.

Несмотря на то что в ряде работ по судебной экспертизе высказывается мнение, что применительно к познавательно-практической деятельности судебного эксперта деление методов на уровни (эмпирический и теоретический) не является целесообразным, нельзя отрицать тот факт, что в судебно-экспертной деятельности будут преобладать методы эмпирического уровня, отнесенные к группе общих (общенаучных) методов судебной экспертизы.

В классификации общих методов судебной экспертизы, как и в философских классификациях методов, среди ученых также от-

существует единый подход. Так, Т.В.Аверьянова в их числе указывает наблюдение, сравнение, описание, измерение, эксперимент, моделирование, исторический метод; А.И.Винберг и А.Р.Шляхов – наблюдение, измерение, описание, планирование, эксперимент, моделирование, построение гипотез, методы прикладной математики, программно-математические методы применения ЭВМ; авторы методического пособия «Основы судебной экспертизы» и А.М.Зинин и Н.П.Майлис – наблюдение, измерение, описание, эксперимент, моделирование.

По всей видимости, противоречие мнений обусловлено тем, что судебная экспертиза динамично развивается, что, в свою очередь, способствует поиску и внедрению в экспертную практику современных и эффективных методов, появляющихся в связи с развитием науки и техники. В связи с этим, а также в связи с интеграцией и дифференциацией знаний в судебной экспертизе, о которой писали последние годы Е.Р.Россинская (2002), В.Н.Хрусталева (2002), Ф.Г.Аминев (2003, 2004), можно предположить, что в ближайшие годы потребуются совершенствование существующей классификации методов судебной экспертизы. Основопологающим методом в разработке такой классификации может стать комплексный научный подход, примененный Б.М.Кедровым при построении классификации наук<sup>25</sup>.

---

<sup>1</sup> Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. – М., 1996. – С.440.

<sup>2</sup> Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, А.Н. – 3-е изд. стер. – М., 1996. – С. 346.

<sup>3</sup> Там же. – С. 580.

<sup>4</sup> Там же. – С.746.

<sup>5</sup> Сичивица, О.М. Система методов научного познания / О.М. Сичивица. – М., 1972. – С.4.

<sup>6</sup> Первой, В.П. Современные методы научного познания и их использование в криминалистике / В.П.Первой // Российский следователь. – 2002. – №2. – С. 11.

<sup>7</sup> Штофф, В.А. Проблемы методологии научного познания : монография / В.А.Штофф. – М., 1978. – С.7.

<sup>8</sup> Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки / П.В.Копнин. – М., 1974. – С.508; Новейший философский словарь / сост. А.А.Грицанов. – Мн., 1998. – С.420; Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб и доп. – Мн., 2001. – С.628; Кондаков, Н.И. Логический словарь / Н.И.Кондаков ; отв. ред. Д.П.Горский. – М., 1971. – С.301; Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии РАН; научно-редакционный совет : пред. В.С. Степин. – М., 2001. – Т.2. – С.551.

<sup>9</sup> Подкорытов, Г.А. О понятии научного метода / Г.А.Подкорытов // Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права.– 1962. – Вып. 2. – №11. – С. 73; Штофф, В.А. Указ. соч. – С.7; Метод

дологические основы научного познания : учебное пособие / под ред. П.В.Попова. – М., 1972. – С.195; Новейший философский словарь / сост. А.А.Грицанов... – С.420; Философский энциклопедический словарь / ред. колл. С.С.Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – М., 1989. – С.358; Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И.Кондаков. – М., 1975. – С.348.

<sup>10</sup> А.Г.Сpirкин. Указ. соч. – С.358.

<sup>11</sup> Метод / В.С.Швырев // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии РАН; научно-редакционный совет : пред. В.С. Степин. – М., 2001. – Т.2. – С.552.

<sup>12</sup> Кондаков, Н.И. Указ. соч. – С.349.

<sup>13</sup> Там же. – С.348-349.

<sup>14</sup> Копнин, П.В. Указ. соч. – С.512.

<sup>15</sup> Там же. – С.508-509, 512-513.

<sup>16</sup> Зинин, А.М. Судебная экспертиза : учебник / А.М.Зинин, Н.П.Майлис. – М., 2002. – С.32-33.

<sup>17</sup> Основы судебной экспертизы. Ч.1. Общая теория : методическое пособие для экспертов, следователей и судей / отв. ред. Ю.Г.Корухов. – М., 1997. – С.245.

<sup>18</sup> Энциклопедия судебной экспертизы / под ред. Т.В.Аверьяновой, Е.Р.Росинской. – М., 1999. – С.224; Зинин, А.М. Указ. соч. – С.32; Основы судебной экспертизы... – С.244.

<sup>19</sup> О том, что «содержание метода не сводится только к системе операций, а предполагает знание о задачах и целях исследования...», подчеркивает философ П.В.Попов в работе: Методологические основы научного познания / под ред. П.В.Попова. – М., 1972. – С.204.

<sup>20</sup> См.: Аверьянова, Т.В. Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований / Т.В.Аверьянова. – Алма-Ата, 1991; Аверьянова, Т.В. Методы судебно-экспертных исследований и тенденции их развития : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.09 / Т.В.Аверьянова. – М., 1994.

<sup>21</sup> Винберг, А.И. Общая характеристика методов экспертного исследования / А.И.Винберг, А.Р.Шляхов // Общее учение о методах судебной экспертизы : сборник научных трудов. Вып.28. – М., 1977. – С.61-64; Основы судебной экспертизы... – С.247-248; Зинин, А.М. Указ. соч. – С.37;

<sup>22</sup> А.И.Винберг и А.Р.Шляхов (См: Указ. соч. – С.64), А.И.Винберг и Н.Т.Малаховская, А.Х.Тригулова в этой же группе методов указывают методы традиционной логики. Между тем как таковое понятие традиционной логики подвергалось критике еще в 1966 г. в работе И.С.Нарского: «...никакой традиционной логики в наши дни реально уже нет. Ориентироваться в наши дни на традиционную формальную логику – значит толкать науку и преподавание вспять примерно на столетие» (См.: Нарский, И.С. О положении в логике и ее месте в университетском образовании / И.С.Нарский // Философские науки. – 1966. – №3. – С.102). Но вместе с тем П.В.Копнин отмечает, что «формальная логика сохраняет свое значение как учение о выводном знании, о законах и формах вывода одного суждения из систем других, ранее образованных; она составляет часть научного учения о доказательстве, его формах, строении и о связях суждений о нем» (См.: Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки / П.В.Копнин. – М., 1974. – С.362). Видимо, по этой причине ученые в области судебной экспертизы придают такое первостепенное значение логическим методам. Но причисленные А.И.Винбергом и А.Р.Шляховым к методам традиционной логики абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедук-

---

ция, сравнение, формализация и ряд других методов в теории познания относятся к общим методам, то есть применительно к классификации методов судебной экспертизы, ко второму уровню.

<sup>23</sup> Кедров, Б.М. Предмет и взаимосвязь естественных наук / Б.М.Кедров. – 2-е изд. – М., 1967. – С.35-50.

<sup>24</sup> Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки /П.В.Копнин. – М., 1974. – С.515, 521.

<sup>25</sup> Кедров, Б.М. Классификация наук. Прогноз К.Маркса о науке будущего / Б.М.Кедров. – М., 1985. – 543 с.

## РЕЛИГИЯ И ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Жуковский В.И.,

доктор философских наук, профессор  
Красноярский государственный  
университет  
(г. Красноярск)

Копцева Н.П.,

доктор философских наук, профессор  
Красноярский государственный  
университет  
(г. Красноярск)

Если религию понять и принять как связь (установленную или восстановленную) с Абсолютным, то в этом определении два термина имеют наиважнейшее значение: «связь» и «Абсолютное». Кроме того, в определении религии как связи в неявной форме подразумевается тот субъект, кто связь с Абсолютным будет устанавливать или восстанавливать и который может быть назван «человек». Таким образом, налично религия подразумевает три составляющие: человека, Абсолютное и связь между ними.

Логически Абсолютное определяется, прежде всего, как антитеза относительному, временному, обусловленному, частично-му, многому и т.п. Любое понятие определяется с помощью отграничения от своей противоположности, каждое качество осуществляется за счет отделения себя от других качеств. В связи с этим практически все, имеющее отношение к человеку, требует предположения противоположности, по отношению к которой человеческое отделяет себя от не-человеческого (временное от вечного, обусловленное от безусловного, частичное от целостного, многое от единого, относительное от абсолютного).

С другой стороны, существует непосредственный опыт Единого, который человек имеет в своем самосознании. Человек осознает себя как абсолютное единство всех разрозненных душевных состояний. Наше душевное содержание всегда более или менее является необъединенным, и полное объединение есть лишь наша цель, поэтому человеческое самосознание постоянно видит себя отраженным в душе неодинаково и в те или иные моменты смотрит на себя различно, видит себя в зеркале рассудка различным образом. Но разделяется не само человеческое бытие, не сам индивид, по своей природе постоянно самотождественный и единый, а разделяется то содержание, которое индивид видит в своей душе и под определениями которого он опосредованно познает и признает себя. Единство самосознания, которое существует по природе, имеет собственное содержание. Это содержание – та или иная форма идеи безусловного, Абсолютного. Признаки Абсолютного – всеохватность, самоопределенность, внутренняя свобода.

Таким образом, человек имеет опыт Абсолютного как минимум в двух аспектах: аспекте логического мышления и в аспекте единства самосознания. В том и в другом случае бытие Абсолютного выступает основой и для логического мышления, и для единства самосознания.

Третья ипостась бытия Абсолютного, данная человеку в его опыте, – это самоопределение индивида по отношению к другим людям. Здесь единство самосознания и требования логического мышления выступают в качестве основы для уникальной формы, свойственной данному индивиду, который собственные человеческие качества конституирует, отталкиваясь от человеческих, но иных качеств других людей. Тем самым Абсолютное принимает форму социального, которое одновременно объединяет людей в единое человеческое целое и разъединяет их друг от друга на множество конкретных и уникальных индивидуальностей.

Четвертая ипостась Абсолютного – это синтез логического мышления, опыта самосознания, социальной реальности, а также опыта мира (природы), т.е. высшее единство, под которое человек способен подводить все то, что только может быть им зафиксировано вовне и внутри себя – единство Вселенной, Природы, Космоса и т.д. Каждый факт, фиксируемый в сознании или других формах отражения реальности, ограничен от другого в пространстве Единого, которое выступает условием фиксации, его полем и априорной основой.

Пятая ипостась Абсолютного проявляется в философском обобщении, когда вся сфера человеческого получает именование опыта и ставится вопрос об основании этого опыта. Очевидно, что

основание для опыта не фиксируется самим опытом, и тогда возникает проблема, с одной стороны, подлинности основания или его поддельности, а с другой стороны, решение этой проблемы выталкивает человека к поиску достоверных форм Абсолютного, как основы логического мышления, самосознания, социальности, космичности и т.д.

Все вышесказанное фиксируется как бы «задним числом», поскольку первейшая фиксация себя в качестве человека уже всегда констатирует поиск-человеком-оснований-вне-себя. Человеческое всегда определяет себя по отношению к не-человеческому. Но этот поиск заранее обречен, поскольку Абсолютное и человечески относительное суть полные противоположности, тогда как их встреча предполагает момент тождества, что в данном случае невозможно ввиду взаимного отрицания Абсолютного и относительного, единого и многого, конечного и бесконечного. Но необходимость познания Абсолютного и относительного через друг друга уже предполагает их неразрывную связь, а значит, и онтологическую форму этой связи. Коль скоро речь идет об основании любого опыта человека, то онтологическая форма связи Абсолютного и относительного – это пространство, в котором Абсолютное полагает себя в относительное, а относительное полагает себя в Абсолютное. В этом взаимном полагании они усваивают те формы взаимоотношения, в которых, во-первых, это полагание вообще возможно; во-вторых, где Абсолютное и относительное могут зафиксировать себя, свое своеобразие; в-третьих, в которых Абсолютное и относительное могут встретиться максимально «бережно», не искажая друг друга, но и проявляя насущную нужду друг в друге для себя и для другого.

Онтологическая форма связи Абсолютного и относительного а) вбирает в себя и Абсолютное, и относительное, но не сводится ни к тому, ни к другому, ни к их сумме, ни к их взаимоотрицанию; б) представляет собой новое качество по отношению и к Абсолютному, и к относительному как отдельно, так и к их сумме и их взаимоотрицанию; г) раскрывается в особой форме, для которой характерна принципиальная амбивалентность, единство противоположностей: реальности и не-реальности, бытия и не-бытия.

Амбивалентность онтологической формы связи Абсолютного и относительного, бесконечного и конечного, вечного и временно-го – сущностная характеристика, имеющая самое непосредственное отношение к человеческому существованию. Онтологическая форма связи Абсолютного и относительного производится самим человеком и одновременно дана ему извне. Она в одно и то же мгновение производится и созерцается как внешняя. Следова-

но, в мире производства человеком множества вещей можно встретить такие вещи, которые, с одной стороны, произведены им самим, с другой стороны, их производство только «руками человека» категорически отрицается. Одновременно эти вещи различаются как функциональные и не-функциональные. Функциональные вещи закреплены во времени и пространстве для исполнения конкретной нужды и потребности человека. Не-функциональные вещи оправдываются тем, что их существование имеет отношение к самим основам человечности. Более того, речь идет, скорее, о вещи и не-вещи одновременно. Содержание абсолютности в онтологической форме связи Абсолютного и относительного заставляет отрицать любое конкретное качество (в языке это достигается приставкой «не»), содержание относительности оставляет за собой право использовать конкретные понятия для характеристики этой связи.

Можно ли в сфере человеческого бытия совершенно точно указать на наличие вещей, которые одновременно произведены и созерцаемы как данные извне, а также имеют набор конкретных качеств определенной вещи и в то же время в некотором отношении (в соотнесенности с Абсолютным) эти качества «исчезают»? Разумеется, это особые вещи, сущность которых всегда находится в становлении и никогда не «становится» окончательно. Онтологическая форма связи Абсолюта и человека – это постоянное становление, процесс становления этой связи, где «ставшее» как таковое всегда отсутствует, всегда ускользает. Понятием, которое, с одной стороны, указывало бы на процессуальность, вечное становление, а с другой – имело бы точное содержание, поскольку вне конкретного содержания научное исследование невозможно, становится понятие «знак». Знак всегда указывает на то, что стоит за ним. Как онтологическая форма связи Абсолюта и человека знак, будучи конкретным, указывает на Абсолютное, будучи ограниченным, указывает на безграничное, будучи обусловленным, указывает на безусловное, будучи частью семиотической системы, указывает на всецелое, что определяет самое эту систему.

Таким образом, можно указать на базовые спецификации онтологической формы связи человека и Абсолюта (= религии): 1) она имеет форму вещи, которая одновременно произведена человеком и созерцаема им как нечто, данное извне; 2) она одновременно вещь и не-вещь, выступает как знак, указывающий и на себя, и на то, что стоит за ним; 3) она есть постоянный процесс, постоянное становление и поэтому может быть «схвачена» только в диалектике живого отношения Абсолюта и человека, выражена в терминах «отношение», «взаимодействие», «взаимополагание», «процесс».

Среди многообразия видов человеческой деятельности, целью которой является то или иное вещественное производство, необходимо выделить производство особых вещей, которые отвечают вышеперечисленным спецификациям. Это есть не что иное, как деятельность по производству художественных вещей, деятельность в сфере искусства. Из многих видов именно художественная деятельность выделяется, прежде всего, своей утилитарной бесполезностью. В сфере искусства производятся *не-функциональные* (здесь и далее курсив наш – В.Ж., Н.К.) в бытовом отношении вещи.

Этот нефункциональный аспект художественного производства сразу же разделяет мир второй природы (= мир человеческого производства) на составляющие: мир функциональных вещей и мир вещей с позиции бытовой необходимости нефункциональных.

Необходимость такого элемента второй природы, как мир функциональных вещей, прежде всего, питается требованиями физического выживания человека. *Деятельность по производству произведений искусства следует рассматривать как необходимую для восстановления целостности человека.*

Целостность человека понимается в нескольких аспектах: а) целостность самосознания как основы разрозненных душевных состояний человека, каждое из которых он должен возводить к единству всецелого «Я»; это достигается трансцендентальным «помещением» своего душевного мира внутрь объективного единства, всецелостности, абсолютности; б) целостность оснований всего опыта человека, где его разрозненное и функционально ориентированное действие получает абсолютное основание, а значит, становится осмысленным (желанным, повторяющимся, отрефлексированным, социально приемлемым и т.п.); в) целостность человека и мира, которая недоступна человеку в его «естественном» состоянии; изначально человек застает себя в состоянии «заброшенности», разорванности, «отпадении» от «великого круга жизни», от симфонии Вселенной, где каждое живое существо имеет «свое место». То, что в человеческом существовании фиксируется как «зло», «заблуждение», «безобразие», «хаос» онтически изначально, тогда как «добро», «истина», «красота», «порядок» достигаются усилиями, целенаправленной деятельностью, познанием, творчеством, специальным нравственным деянием. Продукты этих усилий – своеобразные «костыли», «протезы», которыми заменяются «естественные» состояния человека с целью «искусственного» вписывания его в симфонию мира, где конечное, временное, обусловленное, конкретное находится в постоянной взаимообуславливающей связи с Абсолютным, безграничным, единым целым.



В деятельности человека, имя которой «искусство», достигаются все три аспекта целостности человека, поскольку искусство существует, воспроизводится и имеет смысл только тогда, когда осуществляет эту свою цель, которая, кроме него, нигде более не осуществляется.

*Вывод первый:* Абсолют дан человеку в качестве основания его опыта, но при этом не может быть никакой другой его формы, кроме той, которую человек имеет в живом процессе отношения с ним. Вне процесса отношения говорить о реальности Абсолюта как основания целостности человека бессмысленно и недопустимо.

*Вывод второй:* определяя религию как связь человека с Абсолютом, необходимо поставить и решить вопрос об онтологической форме этой связи; предварительный анализ показал, что онтологической формой связи человека и Абсолюта выступает человеческая деятельность в форме искусства, понимаемого как производство особого рода нефункциональных и в то же время архифункциональных вещей, способных выступить знаком, указывающим на процесс восстановления целостности человека и Абсолюта.

Обобщая все существующие дефиниции понятия, «искусство» можно определить как мастерскую деятельность. Искусство – это искусная деятельность по производству продуктов второй природы. В случае если мир второй природы производится немастерски, то он не искусство. Если же он производится искусно, то издавна и поныне эту деятельность принято называть словом «искусство»: искусство работы токаря, ораторское искусство, искусство шитья и т.д.

Поскольку искусство – это мастерская деятельность художников по производству неких вещественных нефункционально функциональных продуктов, то в поисках специфики связи человека с Абсолютом посредством искусства логически корректно обратиться к самому подобному продукту, имя которого – *произведение искусства*. Именно в произведении искусства в снятом виде зафиксировано все: и подготовка художника, и традиция, в которой он профессионально и личностно воспитывался, и творческая манера создания работы, и стиль, определяющий произведение. В этом мастерском продукте деятельности зафиксированы способы и его сохранения, и потребления. Все, что разворачивается в огромный мир искусства, в снятом виде содержится в произведении искусства. При этом важно, что исходя из произведения искусства как про-изведенной из небытия в существование вещи можно обнаружить уникальность и особость этого про-изводства, а также понять, чем она отличается от любой другой повседневной работы, причем тоже мастерски исполненной.

Второй момент, который логично вытекает из искусности произведений искусства, – это качество предметности самой произведенной вещи. Если человеком продукт искусно произведен, то это означает, что он относится не к естественному первой природы, а к искусственному миру второй природы, не-естественному по отношению к первой природе. Кульминация искусственности проявляется не только в самом произведенном продукте, но искусственность – это, прежде всего, процесс, цикличность, движение от замысла через производство к продукту, который затем постепенно хронологически сходит на нет, исчезает из наличного бытия.

Третий момент, связанный с произведением искусства, – это ответ на вопрос: «Зачем эти искусно сделанные искусственные вещи во все века истории производятся людьми»? В отличие от первых двух моментов – искусности и искусственности, – не позволяющих еще развести между собой миры функциональных и нефункциональных продуктов второй природы, ответ на вопрос «зачем?» позволяет данное различие высветить. Произведениям искусства свойственен особый искус, связанный напрямую не с заразительностью бытовой функциональностью творений архитектуры, скульптуры или живописи, а с их соблазнительностью религиозной архифункциональностью.

Таким образом, вокруг каждого произведения искусства создается искушающее пространство, где иницируется общение с ним. Центр притяжения подобного взаимодействия – это произведение-вещь, обладающая тремя качествами: особой искусностью, особой искусственностью и особым искусом.

Следуя онтологическому доказательству бытия Бога, необходимо признать бытие Совершенного, Абсолютного, Бесконечного, по отношению к которому все другое определяется как несовершенное, относительное, конечное, ограниченное.

Принимая данное положение о бытии Совершенного в качестве аксиомы, человека следует определить как конечное существо, стремящееся к Совершенству. Отсюда и берет свое начало мастерская деятельность, поскольку любое искусное деяние – это путь к Совершенству. Поскольку есть мастерская деятельность, постольку налицо и желание Совершенства. Вне стремления несовершенного к высшему Совершенству в мастерской деятельности нет никакого смысла.

Таким образом, искусство как мастерская деятельность – это стремление к высшему совершенству.

В качестве совершенного образца для искусства выступает природа, но не как сумма первоприродных вещей, которые почему-то необходимо копировать, а как образец творческого принци-

па жизни. Природа, созданная божественным Совершенством, предоставляет возможность не-совершенным художникам учиться у Совершенного, причем учиться самому производству произведений. Мастера, создавая искусственные произведения искусства, не копируют продукты, произведенные Совершенным, но учатся искусности про-изводства из небытия в бытие совершенных вещей.

Утверждение тезиса о бытии Совершенного связано с проблемой репрезентации, где Совершенное и несовершенное, Бесконечное и конечное, Абсолютное и относительное взаимопределяют друг друга.

Одной из наиболее представленных в культуре форм Абсолюта выступает содержание понятия «Бог». В знаменитом словаре В.И.Даля слово «Бог» определяется как «Творец», «Создатель», «Вседержитель», «Всевышний», «Всемогущий», «Предвечный», «Сущий», «Господь», «Предвечное существо», «Создатель Вселенной». Даль замечает: «Богом называют также вообще высшее существо, по понятию того народа, о коем говорится». Гегель в книге «Философия религии» определяет Бога так: «Абсолютно истинное, в себе и для себя всеобщее, всеохватывающее, всесодержащее и придающее всему устойчивость... Бог есть абсолютно истинное вообще, из которого все исходит и к которому все возвращается, от которого все зависит и вне которого ничто не имеет абсолютной, истинной самостоятельности»<sup>1</sup>. Философ справедливо указывает, что в первоначальной форме Бог есть содержание субъективного мышления, прежде всего, существует в нас и для нас как то, что нами помыслено. В таком случае понятие «Бог» должно еще быть выстроено в своей полноте. И как содержание субъективного мышления, и как объект культа, и как понятие «Бог» уже всегда результат, возникающий на границе отношения Абсолюта и человека. Содержание Абсолюта для человека – ничто. Никакая числовая структура и никакое качество не адекватны полноте Абсолюта, которая даже в качестве точки Единого ускользает и от мышления, и от ощущения, и от образа, и от понятия. Когда же Абсолютное определено как Бог, оно уже получило определенную форму в соприкосновении с человеком, где человек наделил его «высотой», качеством творящего, свойством «совершенства» и даже качеством своей основы. Поэтому во всех религиях существует содержание, которое видимым образом «отрицает» собственное представление Бога, явленное в культе этой религии. Можно вспомнить и знаменитый «Гимн Насадия» религии Вед, и первую главу древнекитайского трактата «Дао дэ цзин», и настойчивые указания Торы на то, что Бога никто и никогда не

видел, и напоминания Корана о сокрытости лика Аллаха «тысячью покрывалами», а также необходимость принять лишь верой непостижимый догмат о Троице в христианской религии.

На языке философии «ничто-жность» качеств Абсолюта определяется как «трансцендентность». В немецкой классической философии подчеркивается, что познание, стремящееся к Абсолюту, может быть только трансцендентальным, то есть способным исследовать то, как трансцендентное встречается в опыте человека, а значит, исследовать не трансцендентное само по себе, а его трансцендентальное проявление. В трактате «Критика чистого разума» И.Кант зафиксировал исходную точку трансцендентальной философии: «Разум тщится познать бесконечное, но не может этого сделать».

На границе стремления человека к Абсолютному возникает особое пространство, где содержание понимания принципиально двояко. С одной стороны, это содержание фиксируемо, поддается рефлексии и возобновляемо. С другой – оно каждый раз подвергается фальсификации и сообщает о себе, что оно не то, что представляется буквальному, непосредственному пониманию. Онтологической формой такой подвижной амбивалентности содержания выступает знак. Например, вербальное понятие «Бог» – знак, указывающий на постоянство и жизненную необходимость для человека исходить в своей деятельности из бытия Высшего творящего существа, дающего все возможные блага для существования (прежде всего, закон, порядок, осмысленность и т.п.).

Однако Бог – это всегда уже определенная структура, имеющая конкретную (чувственную) форму. В данном случае речь идет о трех буквах русского алфавита: «Б», «О» и «Г», интеграция которых в слово «БОГ» создает знак, отсылающий нас к содержанию этого слова. Поскольку вербальное мышление – лишь одна из возможных форм мышления человека, то буквенный знак – лишь одна из возможных форм знака, выражающих данное содержание. Визуальное мышление оперирует визуальными знаками, аудиальное мышление – знаками аудиальными, тактильное или вкусовое – тактильными или вкусовыми знаками.

Таким образом, фиксируя себя в качестве человека в момент своей связи-отграничения с Абсолютом, человек всегда фиксирует в ней не Абсолют как таковой и не себя, а Абсолют в форме отношения к себе и себя в форме отношения к Абсолюту. Тем самым и человек, и Абсолют репрезентируют себя друг другу в онтологической форме взаимоотношения.

Абсолют-сам-по-себе ни в каких репрезентантах не нуждается. Сам-для-себя Абсолют образов не имеет, в этом смысле он

полностью и всецело самодостаточен. Однако вне репрезентанта нет качества абсолютности как проявленного качества. Бесконечное потому и является бесконечным, что таковым оно определяет себя по отношению к конечному. Через репрезентант возникает новое пространство, где фиксируется противоречие между несовершенным и Совершенным, относительным и Абсолютным. Из этого следует, что их встреча осуществляется не в произведении искусства как вещи, а в пространстве идеального отношения человека-зрителя с произведением-вещью.

Место встречи конечного и Бесконечного – это именно идеальное отношение, которое возникает через репрезентант. Встречаясь с репрезентантом в форме произведения искусства, человек встречается не с ним самим, а через него с Абсолютным и Совершенным. Он экстраполирует информацию, которую получил при общении с репрезентантом на иное по отношению к репрезентанту. Например, православный верующий вступает в отношение не с иконой, а через нее с тем, что стоит за ней, с Богом.

Таким образом, репрезентация нужна для взаимопроявления «конечного» и «бесконечного», человека и Абсолюта. Без такового взаимопроявления нет ни содержания «человек», ни содержания «Абсолют». Репрезентация – это ситуация, при которой в пространстве репрезентанта встречаются две эти стороны и, собственно, впервые взаимопроявляются.

Можно сказать, что *произведение искусства есть знаковый посредник в пространстве идеального (репрезентативного) отношения человека и Абсолюта.*

Акт репрезентации содержит в себе три основные составляющие:

1) выделение в некоторой чувственно воспринимаемой предметной среде объекта или его знака, который признается субъектом относительно совершенным, эталонным, репрезентативным;

2) положение этого эталона (репрезентанта) в субъективный мир индивида посредством интериоризации схемы действия с образом;

3) экстраполяция знания о конкретных свойствах эталона на более широкую реальность, чаще всего недоступную в прямом опыте, а потому сверхчувственную.

Функциональный мир второй природы изначально в качестве образца берет конечный эталон, и вещь, созданная в соответствии в этом эталоном, конечна. Однако смысл и суть истина конечного не в конечном, а в его противоположности. Следовательно, в мире второй природы должны быть вещи, которые выводили бы конечность к ее истинности, придавали бы смысл ей самой. *Мир иллю-*

*зорно-конечных вещей есть сфера произведений искусства.* Как вещь второй природы, каждое художественное творение с необходимостью имеет функцию. Однако внутренняя целостность произведений искусства изменяет их функцию. Теперь это особая функция – спасти целостность человека.

Произведение искусства как иллюзорно-конечная и функционально-нефункциональная вещь есть единство чувственного и рационального, конкретно-единичного и абстрактно-всеобщего.

Абсолют всегда дан в отношении к человеку, как и человек определяет себя через отношение к Абсолюту-не-человеку. В актах взаиморепрезентации определяется их способ фиксации взаимопознания. Отношение, о котором идет речь, всегда живое и непосредственное. Но фиксируется оно в акте рефлексии и в момент фиксации распадается на две базовые стороны. То в отношении человека и Абсолюта, что имеет непосредственную и конкретную форму, фиксируется чувственностью, со стороны человека имеет характер чувственного познания, а со стороны Абсолюта – конституируется в его чувственный образ. То, что в этом отношении имеет опосредованную и абстрактно-всеобщую форму, со стороны человека имеет характер рационального познания, а со стороны Абсолюта – конституируется в его рациональный образ. Но поскольку живое отношение человека и Абсолюта неразделимо, то наиболее адекватный репрезентант должен сочетать в себе инициацию чувственно-рационального познания и конституирование чувственно-рационального образа Абсолюта. Единство чувственного и рационального в познании – это сущностная его характеристика, и лишь в конкретной культуре человеческой исследовательской деятельности она, как правило, разделяется на чувственное и рациональное познание. Однако качество живого непосредственного целостного познавательного отношения репрезентируется специальным образом именно в художественной деятельности. Художественной деятельности как по производству произведения искусства в акте художественного творчества, так и при потреблении данного произведения искусства в акте его отношения с реципиентом сущностно принадлежит синтетическое качество одновременности чувственности и рациональности. Каждый чувственный акт художественной деятельности имеет смысл лишь в его указании на рационально-всеобщий характер, и наоборот, рационально-всеобщая структура всегда представлена здесь непосредственно-чувственным образом.

Каждое произведение искусства существует как онтологическая форма связи человека и Абсолюта, и можно утверждать, что единичное произведение искусства претендует на то, чтобы быть

адекватным репрезентантом идеального отношения человека и Абсолюта. Но в силу неисчерпаемости как свойств Абсолюта, так и самоопределения человека по отношению к этим свойствам, ни одно единичное произведение предела адекватности не достигает. Вернее, достигает, но в аспектном отношении, абстрагированном от всей полноты взаимоотношения человека и Абсолюта. Поэтому произведение искусства всегда одновременно конкретно-единично (в меру своей адекватности полноте живого отношения человека и Абсолюта) и абстрактно-всеобще (в меру своей схваченности данного аспекта отношения, абстрагированного от возможных других аспектов).

*Вывод третий:* в процессе производства и потребления произведения искусства как онтологической формы связи Абсолюта и человека познавательная деятельность происходит наиболее адекватно своей цели: а) ее собственное состояние совпадает с ее предметом – восстановление целостности человека выступает формой и целью производства и потребления произведения искусства; б) познавательная деятельность осуществляется в синтетическом мышлении, где чувственное и рациональное, с одной стороны, сохраняют свою специфику (конкретность и абстрактность, непосредственность и опосредованность, ограниченность и всеобщность), а с другой – взаимоотно определяют друг друга, выступают друг для друга *alter ego*.

*Вывод четвертый:* производство и потребление произведений искусства как онтологической формы связи Абсолюта и человека является первичной ячейкой каждого схватывания процесса отношения Абсолюта и человека. В силу деятельностной специфики производство и потребление произведения искусства выступает максимально адекватной формой их взаимоотношения. Искусственность произведения искусства, его искусность и искус позволяют предельно корректно зафиксировать Абсолютное и человеческое в их живом процессуальном взаимоотношении и взаимополагании.

Адекватность и корректность такой онтологической формы связи Абсолюта и человека, которой является произведение искусства, обусловлены тем, что собственное существование произведения искусства имеет диалектическую форму отношения художника и художественного материала в процессе производства художественного творения, а также отношения произведения-вещи и зрителя в процессе потребления художественного творения.

*Произведение искусства есть художественный образ как пространство игрового диалога-отношения человека в качестве зрителя и произведения искусства в качестве вещи.*

Поскольку художественное творение выступает онтологической формой отношения Абсолюта и человека, постольку внутри построения художественного образа двумя участниками диалога-отношения – произведением-вещью и зрителем – можно выделить два ключевых процесса, собственно и создающих данную онтологическую форму:

1) осознание своей подлинной конечности зрителем, вступившем в пространство диалога-отношения с произведением искусства;

2) преобразование зрителем себя и выход за границы собственной конечности в реальное отношение с Абсолютным, бесконечным, всецелым, когда собственно произведение искусства становится «прозрачным» и выполняет свою миссию пространства-моста, вводящего человека в подлинное отношение с реальностью Абсолютного.

Осуществление этих процессов и означает содержание онтологической формы связи человека и Абсолюта.

Необходимо подчеркнуть, что в мире функциональных и по-настоящему конечных вещей осознание своей временности и конечности для человека невозможно. Функциональность вещи, возникающая в момент отношения человека с этой вещью, с одной стороны, оттягивает на себя те частичные нужды и потребности человека, которые данной функциональностью покрываются, а значит, человек становится «человеком-удовлетворяющим-свою-конкретную-потребность» и через это его существование приобретает частичный смысл. С другой стороны, утилитарные нужды и потребности неисчерпаемы, поскольку обслуживают биологический процесс жизни. И в их неисчерпаемости возникает иллюзия смыслотворения всецелого человеческого существа.

Что касается построения художественного образа, то оно сопряжено со всем спектром взаимоотношений человека и Абсолюта. Душевные состояния человека востребуют единой абсолютной основы, которой нет в конкретике функциональности. Художественный образ поступательно выстраивается, задействуя одновременно плотские, душевные и духовные способности человека. При этом его плотские навыки (например, к зрительному ощущению) неотрывны от способностей душевных и даже может быть духовных, востребуются ими и ими же оправдываются. Так, построение визуального художественного образа невозможно без актуализации зрительной способности человеческого глаза. Но сама зрительная способность имеет здесь значение лишь постольку, поскольку оказывается в состоянии придать движение душевным переживаниям для выведения их в сферу единого и всецелого Духа. На определен-



ном этапе структурирования художественного образа этот процесс переходит из плотской в душевную сферу существования человека, а в дальнейшем предполагает умение зрителя и произведения-вещи довести состояние душевности до перехода на уровень Духа.

Процесс строительства художественного образа в качестве моста между конечным и бесконечным всегда связан с рефлексией зрителя над собственной конечностью. Произведение искусства порождает у человека как острое чувство собственной конечности, так и желание восстановления религиозной связи конечного с бесконечным. Другими словами, *желание религии как единства человека с Абсолютом возникает не где-то в стороне от кристаллизации художественного образа, а в самом этом процессе.*

Здесь для человека-зрителя возможны два пути: во-первых, остановиться на достигнутом, чтобы пестовать те моменты построения художественного образа, которые демонстрировали силу человеческих возможностей, всячески игнорируя незавершенность этого процесса и те его векторы, которые указывали на ограниченность всех собственно человеческих возможностей. Второй путь связан с разрывом границы конечности внутри художественного образа и переходом на уровень, где конечное проникает в бесконечное и Абсолютное. Эта встреча, соединяющая разрыв, и есть онтологическая форма отношения человека и Абсолюта, то есть религия.

С уверенностью можно заявить, что *произведение искусства – дом бытия религии.* Что означает здесь выражение «дом бытия»? Как известно, этими словами М.Хайдеггер определил «язык» («язык – это дом бытия»). Выражение «дом бытия» означает, что некоторые человеческие содержания не принадлежат самому человеку, а даны ему изначально, всегда, неистребимо и в каком-то смысле необъяснимо. Поскольку человек «уже-всегда-имеет-их-в-самом-себе», ему невозможно отделить их от себя и сделать эти структуры «объектом» познавательной деятельности. Не человек владеет ими, а они «пред-создают», задают основу человеческого существования. В своем словаре В.И.Даль определяет точно и кратко: «дом есть строение для житья». Таким образом, дом – структура, которая задает форму, меру, способ жизни человека, отграничивает его от всего остального мира и одновременно вписывает в мир того, кто находится «в доме».

Слово «бытие» неопределимо. На бытие можно указать как на то, что определяет присутствие человека «при-себе», «при-мире», «при-других-людях», указывает на актуальность этого присутствия «здесь-и-теперь», изначально имеет характер «заброшен-

ности» человека в мире и разворачивается в его существовании как «забота-о», в том числе и забота-о-своем-существовании.

Слово «религия» определено как «связывание человека и Абсолюта».

Таким образом, выражение «произведение искусства есть дом бытия религии» означает, что именно *посредством произведения искусства религия осуществляется как живая структура, связывающая человека и Абсолют в процессе построения художественного образа*, сущностно сопровождающегося: а) осознанием человеком своей настоящей конечности; б) вступлением человека в реальность отношения с Абсолютом на предельном уровне построения художественного образа, где собственно произведение «исчезает», исполняя свою миссию и выводя человека через диалог-отношение с собой в место, где он и Абсолют встречаются для настоящего взаимополагания.

*Произведение искусства не задним числом востребуется религией, а имеет качество религиозности как атрибут построения художественного образа.* И не только. Выступать границей встречи человека и Абсолюта для произведения искусства свойственно всегда от процесса его производства до акта его потребления. Мастер – это такой человек, который вмещает в себя эту границу. С одной стороны, художник принадлежит миру конкретного социума, конкретному историческому времени и историческому пространству, обладает всей совокупностью данных общественных отношений, свойственных своей исторической эпохе (способу производства, типу культуры и цивилизации, социопсихологическому виду, социальной страте и т.п.). С другой стороны, художник есть тот человек, кто создал произведение искусства в процессе взаимоотношения с художественным материалом, и в этом своем значении он всегда выходит из берегов своей эпохи и своего времени, называется «бессмертным», «божественным», «великим», «гением», его значение определяется для человечества в целом и т.д. Мастер, сотворивший произведение искусства, – определенный аспект онтологической формы связи человека и Абсолюта. Его деятельность адекватно характеризуется как деятельность пророка, героя, святого, миссионера.

Другим аспектом онтологической формы связи человека и Абсолюта выступает художественный материал. Среди огромного множества вещества первой природы художественный материал выделяется способностью по своим природным качествам репрезентировать отношение с Абсолютным. В глине, камне, бумаге, сюжетах, мифах и легендах – всем том, что способно выступить материалом для производства произведения искусства, обнаружи-

вается способность совмещать в себе качество конкретности и всеобщности. Например, глина способна принимать «любую форму», впрочем, так же как и камень, бумага или дерево. Миф способен быть интерпретирован для любого исторического времени и любого социального пространства. Обстоятельства жизни прототипов произведения искусства (как художественный материал) таковы, что способны выступить субстанциональными формами для каждого человеческого существа. Художественный материал всегда несет в себе качество границы конечного и бесконечного. Именно этой особенностью и определяется его выбор среди бесконечного множества вещества первой или второй природы.

Продукт отношения мастера и художественного материала – произведение искусства как вещь – специальным образом создается для исполнения миссии – быть границей-связью конечного и бесконечного (человека и Абсолюта). Вне качества быть границей вещь, произведенная мастером в отношении с художественным материалом, не является собственно произведением искусства.

Человек-зритель, вступая во внефункциональное отношение с произведением искусства как нефункциональной вещью, также имеет конечную цель, не связанную с утилитарной полезностью, данной в повседневном опыте, а призванную внести целостность и единство как в сенсорную жизнь его плоти с ее потребностями, так и в мир его психических переживаний. И то, и другое достигается выведением конечных потребностей плоти и души в бесконечный мир Духа. Данное «выведение» невозможно в «естественной» реальности, оно осуществляется лишь в виртуальной иллюзорности игры и поэтому имеет закрыто-открытый характер. Пространство для выведения плоти и души в сферу Духа, где только и возможен реальный диалог с бесконечным и Абсолютным, – это пространство отношения зрителя с произведением-вещью, то есть пространство построения художественного образа. Обладая особой заразительностью, произведение-вещь инициирует создание художественного образа так, что вначале разоблачает свои и зрителя конечные состояния, а затем предлагает человеку осмыслить конечность в контексте продолжения существования уже как подлинного, вошедшего в реальное отношение с бесконечным и черпающим из этого отношения осмысленность, в том числе и для сферы отношений в контексте утилитарности и функциональности его повседневного опыта.

Абстрагирование от произведения-вещи, от ее посреднической миссии в процессе выведения обеих сторон на границу их отношения в принципе возможно и, как правило, то, что остается в контексте этого абстрагирования, получает название «религии как

части культуры», «конфессиональной религии», «конкретного культа» и т.д. Однако такое абстрагирование никогда не происходит «до конца». Религиозное переживание полностью сконцентрировано на конкретном (художественном) образе, содержание которого определено как взаимоотношение человека и Абсолюта, уже – человека и Бога. Религия правильна лишь тогда, когда связывает человека и Абсолют, конечное и бесконечное в живом отношении, в живом процессе их пограничного со-существования. Событие религии – обретение адекватного образа Абсолюта в его ближайшем отношении к человеку. Максимальное число общих точек границы человека и Абсолюта создает этот образ. Внутри данного образа не-Абсолют – это человек, а не-человек – это Абсолют.

Абстрагирование от энергии связи человека и Абсолюта в процессе производства и потребления произведения искусства также возможно и имеет название «искусство как таковое», «мир художественных произведений», «художественное творчество» и т.д. Однако и этот вид абстрагирования имеет предел, поскольку произведений искусства в качестве вещей создано огромное множество, их наличное количество превышает возможности одного человека и даже всего человечества вступить в процесс отношения со всеми этими вещами. Критерий оценки вещи в качестве произведения искусства, критерий ее ценности, критерий ее жизнеспособности заключается в мере обладания энергией посредничества между человеком в его конечности и эталоном его целостности, когда конечные свойства и качества укореняются в бесконечном и всецелом основании. *Произведение искусства в своей правильности есть то, что способно выполнить миссию места встречи и воссоздания лиги человека и Абсолюта.*

Для корректного определения религиозной основы творений изобразительного искусства необходимо остановиться на рассмотрении отношения к религии «родителей» произведения искусства – художника и художественного материала, – а также обратить внимание на религиозный характер их совокупления друг с другом в процессе про-изводства произведения-вещи.

### **Художник**

Каждый человек обладает в той или иной степени сформированным синтетическим мышлением, однако лишь художник в среде создателей продуктов «второй природы» является носителем воистину развитого визуального мышления, посредством которого во взаимодействии с художественным материалом он, выступая в единстве «искусственности», «искусности» и «искуса», способен про-изводить из небытия в бытие не функциональные в бытовом отношении вещи в качестве произведений искусства. «Искус-

ность» художника – это характеристика квалификации, умелости, мастерства создателя произведений изобразительного искусства. «Искусственность» художника в этом случае понимается как некая особенная духовно-материальная деятельность в границах определенной профессиональной сферы, которая извне подобных границ предстает в качестве чего-то «экстраординарного», «исключительного», «феноменального», «неестественного». «Искус» же художника есть тот соблазн, что удерживает на протяжении жизни производителя художественных творений в границах его профессии.

«Искусность» художника можно представить в виде нескольких квалификационных ярусов: собственно «искусность» в качестве минимального уровня умения, компетентности, профессиональной подготовленности; «суперискусность» как уровень виртуозного владения мастерством создания художественных творений; «метаискусность» в качестве уровня поствиртуозности с преодолением супермастерства, теряющего здесь значимость и самоценность.

«Искусность» как ярус «техне» – это та планка художнических ориентаций в сфере умений, правил, выучки, ниже которой о творении ценностей искусства не может быть и речи. Обобретении квалификационной метки «искусности» в средневековых ремесленных цехах, например, свидетельствовало образцовое изделие (шедевр), которое должен был исполнить и представить на суд компетентного жюри художник для получения звания «мастер».

«Суперискусность» («супер» – лат. «сверху», «над») как ярус «техне» – это показатель наивысшего технического умения в области производства произведений искусства. Вместе с тем «суперискусность» – это холодность, манерность, кокетство, бравада превосходством, жажда первенства. Подобный уровень «искусности» связан с изощренным владением прежде освоенными навыками, виртуозной обработкой чего-то уже полученного, поэтому вектором своим «суперискусность» обращена к сложившемуся в прошлом и ориентирована преимущественно на самоутверждение художника через манерность формальных и содержательных сторон его произведений.

«Метаискусность» («мета» – гр. «после», «за», «через») как ярус «техне» – это показатель качества «искусности», обнаруживающий своего рода иронизацию художника над собственной прошлой виртуозностью. По отношению к суперискусным действиям, основанным на правилах традиционных навыков, здесь наблюдается некоторое дистанцирование от освоенных прежде норм как свидетельство того, что этап обычного ремесленного порождения художественных вещей прошел. Именно в области «метаи-

скуности» случается собственно «искусность» как моделирование «первоприродных» принципов творчества при создании произведений «второприродных».

«Искусный» художник творит в ложе рутинных художественных правил стиля, метода, направления, школы, «Суперискусный» художник – это мастер, постоянно лидирующий в стиле, методе, направлении, школе с хроническим стремлением доказать всем окружающим и самому себе, что он лучший в данной профессии. «Метаискусный» художник – это творческий гений. Иммануил Кант в «Критике способности суждения» записал: «Посредством гения природа предписывает правила искусству... Гений есть талант (Дар Божий) создавать то, для чего не может быть дано определенное правило, а не умение создавать то, чему можно научиться, следуя определенному правилу... Продукты гения являются образцом, то есть служат примером, руководством или правилом суждения»<sup>2</sup>.

«Искус» художника может быть понят как «желание», «потребность», «хотение», «стремление», «воление», «нужда», «соблазн» мастера в качестве «искусника» творить произведения искусства. Причем цель подобного творения предстает: во-первых, как «самоутверждение», во-вторых, как единство личного «самоутверждения и соучастия в самоутверждении социума» и, в-третьих, как единство личного «самоутверждения и соучастия в самоутверждении Полноты Бытия». Производство произведений искусства – это всегда авторское усилие, личностное самоутверждение. Но при этом «личность» может предстать либо как «личинность», то есть эгоцентрированность художника на собственной персоне и ее первенствующем положении во вселенной, либо как «антилишность», то есть «нужность» художника-героя некоему социальному организму, либо как «ликность», то есть как Абсолютное, проявленное через конкретный лик, избранного художника-пророка.

«Искус» религиозного самоутверждения художника: 1) прославиться, стать знаменитым; 2) разбогатеть; 3) попасть в сферу избранных, слой элиты; 4) максимально самовыразиться, проявить свои потенции; 5) художественно познать окружающий мир; 6) продлить свою жизнь после смерти (память потомков, вещи-произведения из «вечных» материалов и пр.); 7) извести, извлечь из небытия в бытие произведения искусства в качестве вещей «второй природы» и получить от результата «дозу адреналина»; 8) получить «дозу адреналина» от процесса производства произведений; 9) достичь предельного мастерства в профессии; 10) открыть художественно новое, оставив «след» в искусстве (синдром Колумба).

«Искус» самоутверждения и соучастия художника в религиозном самоутверждении социума: 1) прославить своей художественной деятельностью кого-либо или что-либо (семью, род, религию, страну, нацию, профессию, время и пр.); 2) быть художником-идеологом, то есть «социализатором» людских масс; 3) быть художником – эстетическим воспитателем народа; 4) быть художником – этическим воспитателем социума; 5) быть художником – выразителем доктрин определенной религиозной конфессии.

«Искус» самоутверждения и соучастия художника в самоутверждении божественной Полноты Бытия: осуществить художественными средствами «метаискусную» коммуникацию между конечным человеком и бесконечным Богом посредством репрезентанта произведения искусства.

«Искусственность» художника может быть раскрыта трояким образом. Во-первых, как стремление мастера индивидуально эволюционировать в профессии «художник» и преодолеть собственными усилиями состояние профанной равности с прочими людьми в их конечности. «Искусственность» художника предстает в качестве инициативной службы самому себе, своему эгоцентризму.

Во-вторых, как проявление через мастера как элемента или органа человеческого сообщества определенной «художнической» функции, необходимой для эгоцентрической жизнедеятельности социального организма. «Искусственность» художника предстает в качестве героической службы социуму. Герберт Спенсер в своей работе «Социальный организм» вслед за Платоном, Гоббсом и др. замечательно показал сходство социального и индивидуального организмов: «Хотя в первоначальном неразвитом состоянии индивидуального и социального организмов почти не существует взаимной зависимости их частей, части эти постепенно приобретают взаимную зависимость, которая, наконец, делается так велика, что жизнь и деятельность каждой части обуславливаются жизнью и деятельностью прочих частей»<sup>3</sup>.

В-третьих, как реализация посредством художественной деятельности Дара в качестве откровения свыше, божественной избранности. В этом случае «искусственность» художника есть пророческая служба Абсолюту. В Ветхом Завете, например, описывается сцена назначения лично Господом мастера, который должен художественно сотворить Скинию Завета в качестве места встречи людей с Богом: «И сказал Господь Моисею, говоря: Смотри, Я назначаю именно Веселиила, сына Уриева, сына Орова, из колена Иудина. И Я исполнил его Духом Божиим, мудростию, разумением, ведением и всяким искусством, работать из золота, серебра и меди, резать камни для вставляния и резать дерево для всякого

дела. И вот, Я даю ему помощником Аголиава, сына Ахисамахова, из колена Данова, и в сердце всякого мудрого вложу мудрость, дабы они сделали все, что Я повелел тебе» (Вторая книга Моисеева: Исход. Гл. 31, ст. 1-3).

Позволительно разделить «искусственность» художника «одномерного», «двухмерного» и «трехмерного». «Искусственность» художника «одномерного», в котором преимущество имеет плотское начало, есть созидательная деятельность человека, живущего «во плоти» и творящего «по плоти». «Искусственность» художника «двухмерного», в котором плоть и душа сосуществуют друг с другом, – это творчество человека, живущего как тело (целое души и плоти) и создающего «душевно-плотские» произведения. «Искусственность» художника «трехмерного», в котором плоть, душа и дух находятся в пондерации, есть творческая активность человека, способного про-изводить религиозные произведения искусства, могущие связать в единое целое конечное и бесконечное. «Трехмерный» художник имеет Дар творить «плотские», «душевные» и «духовные» произведения искусства. «Одномерному» же художнику отпущено создавать только сугубо «плотские» художественные поделки.

Через героическую деятельность «трехмерного» художника в процессе про-изводства произведения-вещи осуществляется движение «снизу-вверх», от конечного человека к бесконечному Абсолюту. Однако через пророческую деятельность «трехмерного» художника осуществляется и обратное движение «сверху-вниз», от бесконечного Абсолюта к конечному человеку. В том и другом случаях художник на религиозной службе. В первом случае он на службе у каждого человека человечества, жаждущего путем расконечивания своей конечности войти в сферу Всеобщего. Во втором случае мастер на службе Абсолютного, придавая сущности Всеобщего чувственно конкретные формы. Художник втягивается в пространство религиозного служения, в сферу производства произведений искусства, где вне зависимости от своих личностных качеств и потребностей он вынужден осуществлять действия по решению и его эгоцентрически религиозной проблемы, и проблем социоцентрически религиозных, и космоцентрического масштаба религиозных задач, и задач религиозно абсолютоцентрических. Тем самым художественная деятельность приобретает всеобщий характер. И хотя все личностные потребности и качества внутри осуществления этой деятельности остаются, характер деятельности ведет художника за собой, из-за чего в личной деятельности мастера возникает и социальное, и общечеловеческое качество религии.



### ***Художественный материал***

Художник в качестве «родителя» производит произведение искусства не один, а в процессе совокупления с другим «родителем», именуемым «художественным материалом».

*Художественный материал – это вещество, потенциально в мире существующем и сотворенном отвечающее сущности бескачественного и бесконечного Абсолюта.* Именно в этом диалектика его «искусственности» (быть одновременно всем и ничем), «искусности» (мастерство стать всем из ничего) и «искуса» (соблазн произвести все из ничего).

Архетипом художественного материала как корректного репрезентанта Абсолюта является глина, взаимодействующая с художником при производстве произведений искусства еще в эпоху палеолита. Глина же, наряду с огнем, воздухом и водой, также применяемых с древности при создании произведений, есть стихии, то есть не что иное, как кирпичики-элементы, из которых сложено, сконструировано Мироздание. Материал стихий избрал сам Творец для процесса производства «первой» природы как мира «естественного». И этот же материал предлагается художнику и выбирается им для творческого соития в процессе производства произведений «второй» природы как мира «искусственного».

В качестве художественного материала в «узком» смысле слова выступают: земля, металл, камень, вода, дерево, огонь, холст, краски, бумага, графит, воздух, пластмасса и т.д. и т.п. С одной стороны, каждый художественный материал ограничен по своим техническим характеристикам, с другой – неограничен, поскольку проявить свойства материала можно всегда до известного уровня, лишь частично освоив его бесконечные потенции.

В качестве художественного материала в «широком» смысле слова может выступить спектр тем и сюжетов от общих религиозно-мифологических до единичных обыденных, поскольку всеобщее как субстанциальное свойство, абсолютный носитель всех свойств, связей и отношений, присуще всякому явлению, потенциально скрывая себя в нем.

### ***Взаимодействие художника с художественным материалом***

Производство художественных произведений принято представлять как процесс, длящийся от акта возникновения художественной идеи в голове автора до факта освоения произведения в виде продукта реципиентом. В подобном процессе вычленяют ряд этапов: а) зарождение замысла (идеи) грядущего произведения; б) материальное воплощение данного замысла; в) функционирование произведения-вещи в качестве предмета художественного воспри-

ятия. Творческий диалог художника с материалом искусства предстает в этом случае как изготовление некоего чувственно доступного передатчика художественной информации, польза от которого возрастает по мере корректности донесения замысла от творца искусства до зрителя. Получается, что прямое общение художника с камнем, глиной, металлом, красками и пр., которое зачастую растягивается от нескольких дней до многих лет, важно не столько само по себе, сколько потому, удалось или не удалось мастеру корректно овестить свою художественную идею. Работа по материализации замысла выглядит в этом случае как нечто рабское и подчиненное внешней цели. Однако с уверенностью можно сказать, что есть собственная благая цель и ценность у диалога художника с художественным материалом, не связанная напрямую с изображением и выражением замысла. Производство из небытия в бытие произведения искусства как посредника отношения конечного человека и бесконечного Абсолюта происходит не где-то в стороне от акта совокупления мастера искусства с материалом искусства, а именно в самом этом религиозно сакральном акте?

Выход художника и художественного материала на контактную границу друг с другом – это силовое действие *связи*, то есть динамическое сцепление и удержание предметов. При подобной связи «родители» (художник и художественный материал) объединяются, что приводит в результате к количественному изменению разных в союзе друг с другом, где каждый из связанных продолжает сохранять в той или иной мере свою качественную определенность, не снимая и не растворяя ее в произведении-вещи как чем-то третьем, сплошном, целостном.

Соитие художника и художественного материала становится творчески религиозным тогда, когда их связь в границе приложения друг к другу изменяет себя на *отношение*, ибо в противоположность динамически связанным разным все члены отношения мыслятся положенными в субстрат собственно отношения как единство целого и растворены в нем, снимая себя в некоей самостоятельной устойчивости. Знаковым выражением отношения служит произведение-вещь, где бытие отдельных качеств лишается прежней обособленности. Произведение-вещь есть внешняя запись кооперативного эффекта отношения, случившегося между художником и художественным материалом. Но чтобы между разными («своим» и «иным») возникло отношение, их нужно вначале связать, соположить, совместить так, чтобы между «своим» и «иным» возникла общая граница, в которой они оба окажутся снятыми, лишенными непосредственного и обособленного друг от

друга бытия. При таких условиях «свое» и «иное» не могут одновременно «быть связанными» и «находиться в отношении».

У понятия «отношение» очень много общего с понятием «игра». Прежде всего, это то, что им обоим свойственна релятивность существования (самостояние нового качества при «отношении» обусловлено взаимоотношенностью сторон и их отрицательным единством; самостояние нового качества при «игре» обусловлено «признанностью», «положенностью» и «представленностью» играющих партнеров).

Во-первых, онтологический статус игры и отношения – нематериальное бытие. Йохан Хейзинга писал: «Вместе с признанием игры, хотим мы того или нет, следует признать и дух. Игра, какова ни была бы ее сущность, не есть нечто материальное. Уже в мире животных она вырывается за границы физического существования. С точки зрения мира, мыслимого как детерминированный, то есть как чисто силовая часть, игра есть в полном смысле слова нечто избыточное. Лишь через вторжение духа, который сводит на нет эту безусловную детерминированность, наличие игры становится возможным, мыслимым, постижимым»<sup>4</sup>. Аристотель, введший в философию термин «отношение», обозначил им род бытия. В свое время Лейбниц указал, что поскольку отношение не удаётся свести ни к субстанции, ни к акциденции, то отношение имеет очень специфическую форму своего существования – оно идеальное. Как форму положенности и представленности одного через другое, то есть как нечто идеальное, рассматривал отношение и Гегель<sup>5</sup>.

Во-вторых, и отношение, и игра возможны только в случае, если кроме «своего» налицо «иное». Согласно классической философии отношение имеет стороны, так как оно рефлексия в иное; таким образом, оно имеет свое собственное различие в самом себе; и стороны его – это самостоятельная устойчивость, так как они в своей безразличной разности друг относительно друга надломлены в самих себе, так что устойчивость каждой из них точно так же имеет свое значение лишь в соотношении с другой стороной. Принято выделять бинарные, трехчленные и многочленные отношения.<sup>6</sup> Что же касается игры, то, по мнению большинства исследователей игровых процессов, игра в «одиночку» вообще не бывает: чтобы игра состоялась, «другой» не обязательно должен в ней участвовать, но всегда должно наличествовать нечто, с чем играющий ведет игру и что отвечает встречным ходом на ход игрока.

В-третьих, как отношение, так и игра есть взаимодействие, то есть действие «своего» на «иное», и наоборот. Отношение в этом случае раскрывается как окачественное действие, форма участия

сополагаемых противоположностей, как движение сторон навстречу друг другу со стремлением выйти за рамки собственных границ и проявить себя через другое. Игра также получает свое существование через совершение обоюдных действий партнеров. Понятие движения взад и вперед настолько центрально для сущностного определения игры, что безразлично, кто или что выполняет это движение. Игра – это совершение движения как такового.<sup>7</sup>

В-четвертых, свои действия стороны отношения и партнеры игры совершают не хаотически, а согласно внутреннему распорядку правил. Анализируя протекание процесса отношения, Гегель выделил здесь правила «признанности», «положенности» и «представленности», обязательные для органически связанных друг с другом этапов, граней, аспектов рефлексии, ведущей к результату нового качества. Описывая же признаки феномена игрового движения, различные исследователи единодушны в том, что игра устанавливает порядок, она сама есть порядок. Малейшее отклонение от порядка мешает игре, вторгается в ее самобытный характер, лишает ее собственной ценности. Стоит лишь играющим отойти от порядка специфических игровых правил, и мир игры тотчас рушится.

В-пятых, правила отношения и игры носят сугубо соревновательный характер борьбы. В теории рефлексии Гегеля всякое отношение качеств «своего» и «иного» активно и напряженно. Стороны отношения, десантируя в другое качество часть собственного содержания, всячески пытаются это другое качество себе подчинить и не допустить при этом подчинения ему. Попеременно перехватывая друг у друга инициативу, стороны в борьбе взаимно изменяют «свое» и «иное» до той поры, пока между ними не останется какого-либо существенного различия. Подобная борьба отличается настойчивостью и риском, ибо изменения, производимые отношением, касаются не только количества, но и качества соотносимых сторон. Однако то же можно сказать и об игре. Йохан Хейзинга, например, подробно разбирая этимологию слова «игра», пришел к уверенному выводу, что в архаических культурах понятия «борьба» и «игра» просто не разделялись.<sup>8</sup>

В-шестых, правила общения «своего» и «иного» как в случае отношения, так и при игре имеют значения лишь в специфически обособленном пространстве взаимодействия различных. Если обратиться к словарям, то с этимологической точки зрения слово «отношение» близко по смыслу к словам, обозначающим пространство: место, основание, бока, стороны, члены отношения. Новое качество как этап отношения есть своеобразная площадка слияния воедино через взаимоизменение прошлых «своего» и «иного». Что же касается игры, то замкнутость и ограниченность

– один из ее главных отличительных признаков. Всякая игра всегда разыгрывается в определенных границах места и времени, протекает в обозначенном и обособленном игровом пространстве.

Признаки общности отношения с игрой можно и дальше множить, однако сказанного достаточно для осознания близкого родства этих форм взаимодействия. Кстати, подобное осознание приходит только к тем, кто готов в отношении художника и материала искусства признать нечто большее, нежели просто труд по овеществлению замысла. Когда же за творческим взаимодействием «своего» и «иного» признается лишь ценность производства материального аналога идеи, даже весьма тонкие исследователи склонны не замечать очевидное, расценивая его как невероятное. Например, Йохан Хейзинга, с легкостью обнаруживавший игровые моменты практически во всех сферах человеческой деятельности, именно отношение художника с художественным материалом во всех своих исследованиях принципиально отказывался именовать игрой.

Столь пристальное внимание к сравнению признаков игры и отношения необходимо было для того, чтобы возможен стал следующий шаг в поисках религиозной ценности творческого диалога художника с художественным материалом.

Известно, что отношение – это не вещь и не свойство, но способ или средство проявления свойств участвующих во взаимодействии сторон. Согласно диалектике Гегеля свойства получают свою видимость через отношение. Возможное свойство выявляется вовне и становится действительным свойством через эманацию, то есть через исход и истечение каких-либо признаков от порождающей их основы. В некотором смысле свойство совпадает с понятием качества. Благодаря свойствам качество становится собой в соотношении с «другим». Но тогда до эманации свойств качество бескачественно и неопределенно.

Проникая в тайники сущности игровых процессов, аналитики давно заметили, что инобытие и тайна игры выражается в переодевании. Переодевающийся или надевающий маску «играет» иное существо. Он и есть в игре это иное существо. Однако в силу обнаруженного родства между игрой и отношением «масочность», знаменующая игру, каким-то образом должна дать о себе знать и в завязке отношения.

Ролевые личины, которые «надевают» на себя художник и художественный материал в начальный момент их отношения, логически правильно обозначить «*ничто*» как качественную непроявленность сторон друг для друга. Действительно, сами по себе конкретный художник и особенный художественный материал до их взаимодействия очень даже определены и, благодаря прошлым

отношениям с кем-то и чем-то, характер их известен, однако до вступления в конкретное и уникальное творческое отношение свойства этих «родителей» произведения-вещи не проявлены друг перед другом, находясь в свернутом и потенциально бесконечном бытии инкогнито «ничто».

Каждый из участников при выходе на игровую площадку творческого отношения суть пустая абстракция для другого. Оба есть «ничто» как Абсолют в себе. Их различие еще не положено, и хотя их двое, что предполагает две вещи, каждая из которых обладает тем определением, которым не обладает другая, но «ничто» есть именно то, что совершенно лишено определений. Следовательно, первичные различия художника и художественного материала как «ничто» и «ничто» есть лишь мнимое, совершенно абстрактное различие, которое одновременно различием и не является.

«Ничто» есть потенциально бесконечное, определенное негативно как не-конечное. В соответствии со своей сущностью подобное «ничто» должно снять с себя в качестве этого лишь негативного определения и определить себя позитивно, то есть должно снять свою абстрактность, обособить себя от себя, положив тем самым в себе момент конечности. Это и достигается отношением в игре масок «ничто» и «ничто», благодаря чему оба абстрактно бесконечные «ничто» проявляют собственные конечные свойства друг через друга. При этом конечные свойства художественного материала как репрезентанта Абсолюта – это свойства оконечивающего себя бесконечного, тогда как конечные свойства художника как человека – это свойства обесконечивающего себя конечного. Художественное отношение, создавая условия для проявления свойств обоих игровых «ничто», своей процессуальностью «растворяет» свойства как художника, так и художественного материала, что находит выражение в кооперативном эффекте нового качества зачатого ими совместно произведения искусства.

Получается, что абстрактно бесконечное «ничто», эмануруя из сферы неограниченности и безусловности в сферу *«ничто»* как условное бытие, отрицает себя определенностью. Однако это «ничто» конечное, проявив потенциальную абсолютность «ничто», имеет свое бытие не в себе самом, а находит то, что оно есть, в другом, и это другое есть бесконечное. По Гегелю, конечное – то, что свою истину имеет в бесконечном; оно есть не оно само, а его противоположность, бесконечное как отрицание конечностей и выход в новую бесконечность и безусловность. Тогда одно отрицание есть конечное, а другое (отрицание отрицания) – бесконечное. Истинная же бесконечность предстает как единство обоих. Лишь оба этих момента в их совокупности составляют природу

бесконечности и его истинное тождество. Только такое целое есть понятие бесконечности. Подлинную бесконечность следует отличать от абстрактной бесконечности «ничто», от Абсолюта в себе, ибо в таком обличии «ничто» – негативное, лишенное определенности бесконечное. Истинная бесконечность имеет в себе определенность, что в случае творческого отношения художника и художественного материала наглядно предстает, чувственно являет себя как иллюзорно-конечное произведение-вещь.

Важно отметить, что любая игра чревата своеобразным раздвоением каждого из играющих партнеров на собственно игрока и того, кому игровую маску демонстрируют в виде чего-то особенного, необычного, «понарошкового» или «невзаправдашного». Ребенок играет в полном самозабвении. Но он играет и знает, что играет. Спортсмен играет с безмерной серьезностью и с отчаянной отвагой. Он играет и опять-таки знает, что играет. Музыкант уходит в игру. Тем не менее он играет и вполне осознает, что играет. Не в меньшей степени подобное раздвоение характерно и для отношения. Отношение всегда есть единство отношения с другим и отношения с собой.

Сказанное позволяет представить игровой диалог художника с художественным материалом не только в качестве субъектно-объектного отношения, но и отношения субъектно-субъектного, то есть в виде творческого взаимодействия, на игровой площадке которого художественный материал может выступить как нечто массочно очеловеченное (неодушевленное «нечто» превращается в одушевленное «некто»).

Получается, что творческому диалогу художника с материалом искусства свойственен *«анимизм»* – ритуально-игровое «приписывание» неодушевленным предметам душевных и Духовных свойств. Скульптор-искусник, например, взаимодействуя с гранитом, мрамором или песчаником, независимо от своей принадлежности к той или иной религиозной конфессии свято верит, что разные камни обладают разными характерами, зачастую фиксируя всевозможные душевные свойства даже у различных глыб одной и той же каменной породы. Живописец, работая с холстом и красками, будучи мастером, прекрасно понимает тонкости характера красочных смесей, допустим, кадмия или хрома, кобальта или охры, называя одни «получившиеся» цветовые соединения своего художественного произведения живыми, а другие «не получившиеся» мертвыми; просто и легко отличает наровисто-неуживчивую душу холста одного какого-нибудь сорта от покладисто-спокойного характера холста другого сорта. Художник-график при творческом отношении со специфическим материалом изящно

вскрывает душевные свойства бумаги, картона, сангины, мела, туши, акварели и пр. С уверенностью можно сказать, что анимизм составляет один из наиболее постоянных элементов всякого творческого отношения художника и художественного материала во все времена истории искусства. Русский живописец Василий Кандинский писал: «Всякий «цвет» и «форма», возникшие с помощью руки художника, являются существами с собственной жизнью и неизбежно вытекающим отсюда воздействием. Зритель непрерывно подвержен этому психическому воздействию»<sup>9</sup>.

Анимизм есть результат игрового отношения художника и материала, взаимного растворения свойств каждого друг в друге, что приводит к про-изведению произведения-вещи в качестве своего рода кентавра – «материало-художника» как «не живого живого». Те составляющие мастера и художественного материала, которые при художественном отношении остаются «вне игры», ответственны за максимальное подчеркивание уникальных свойств каждого из партнеров взаимодействия, при этом постепенно ограничивая, ограничивая, отграничивая оппонентов друг от друга и проявляя качественное своеобразие «своего» и «иного». Те же составляющие мастера и художественного материала, которые при творческом отношении находятся «в игре», ответственны за максимальное растворение сторон взаимодействия в новом качестве «материало-художника» с постепенной потерей качественного различия игровых оппонентов.

---

<sup>1</sup> Гегель, Г.В.Ф. Философия религии : в 2 т. / Г.В.Ф.Гегель. – М., 1976. – Т.1. – С.273.

<sup>2</sup> Кант, И. Критика способности суждения / И.Кант. – М., 1994. – С.180, 181.

<sup>3</sup> Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г.Спенсер. – Мн., 1998. – С.272.

<sup>4</sup> Хёйзинга, Й. Человек играющий. Статьи по истории культуры / Й.Хёйзинга. – М., 1997. – С.23.

<sup>5</sup> См.: Современный философский словарь. – Лондон-М., 1998. – С.624-625.

<sup>6</sup> См.: Гегель, Г.В.Ф. Наука логика : в 3 т. / Г.В.Ф.Гегель. – М., 1971. – Т.2. – С.150.

<sup>7</sup> См.: Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г.Гадамер. – М., 1988. – С.151.

<sup>8</sup> Хёйзинга, Й. Указ. соч. – С.55.

<sup>9</sup> Кандинский, В.В. Точка и линия на плоскости / В.В.Кандинский. – СПб., 2001. – С.73.



# КРАТКАЯ (КУНГУРСКАЯ) ЛЕТОПИСЬ XVII ВЕКА – ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ «ВЗЯТИЯ» СИБИРИ

Чмыхало Б.А.,

доктор филологических наук,  
профессор,  
Красноярский государственный  
педагогический университет имени  
В.П.Астафьева  
(г. Красноярск)

## *1. Проблема ценности личности*

XVII в. – «бунташный» не только в русской истории, но и в литературе. Привычные «древние» жанры наполняются в это время новым содержанием, меняя свою структуру. Появляются профессиональные авторы, а старые принципы показа человека и общества эволюционируют, обогащаясь оригинальными приемами. Одной из важнейших примет времени стало осознание ценности личности, проникнувшее в жанры с, казалось бы, вполне устоявшимся консервативным подходом к проблеме «героя».

Это во многом обозначает уникальную роль XVII в. в историко-литературном процессе. Д.С.Лихачев, чьи идеи во многом предопределили появление данной работы, вполне справедливо замечал: «XVII век в России принял на себя функцию эпохи Возрождения, но принял в особых условиях и в сложных обстоятельствах, а потому и сам был «особым», неузнанным в своем значении»<sup>1</sup>. Действительно, русская литература не переживала Ренессанса, но ей в XVII в. пришлось столкнуться с задачами, которые на Западе решались именно в эпоху Возрождения. Не в последнюю очередь это касается роли личности в творчестве, а, следовательно, недвусмысленно заявленного права автора на художественный текст.

Но, пожалуй, еще большее значение имело отражение проблемы ценности личности в самом произведении. Не в последнюю очередь это было связано с расширением «потребителей» литературной продукции (читательского «круга») и усилением индивидуального начала в трактовке тех или иных событий, что сказалось на дифференциации жанров и возрастании их количества. Но и в традиционных для русской литературы жанрах, таких, например, как летописание, происходят изменения, отражающие новое понимание роли человека в исторических событиях, что «подстегивало» развитие сюжетности, изобразительности, в конечном итоге, способствовало секуляризации историко-литературного процесса. Для сибирского летописания XVII в. весьма характер-

ным выглядит соединение художественности с собственно «историческими» задачами, где большое значение имеют как традиции, так и требования нового «демократического» читателя.

Краткая (Кунгурская) сибирская летопись – первая иллюстрированная история Сибири. В ней мы находим ряд новых и интересных фактов о Ермаке и его «сибирском взятии». Текст Кунгурского летописца обрабатывался в первой половине XVII в., а дошел до нас в составе «Истории Сибирской» (начало XVIII в.) тобольского сына боярского Семена Ульяновича Ремезова (1642 – после 1720 гг.). Летопись была издана фотолитографическим способом в 1880 г. к 300-летию присоединения Сибирского царства к Российской державе. В 2007 г. этому поистине эпохальному событию исполняется 425 лет.

Ремезов – историк, этнограф, писатель, художник, ставший в Петровскую эпоху «дворянином по выбору» – был первым, кто составил атлас «сибирских земель». Ему принадлежат карты Сибири и планы сибирских городов. Кроме того, насыщенная биография Ремезова буквально слеплена из различных «городовых, степных, станичных, лыжных и нартенных служб», которые делают его выдающимся и разносторонним деятелем своего времени.

Важно, что Кунгурский летописец был создан по горячим следам событий. Доступное же издание 1880-го г. сегодня имеет ряд очевидных дефектов. Сохранилось, например, только 68 из 154 иллюстраций. В современном переиздании 2003 г.<sup>2</sup> воспроизведены по другим публикациям лишь несколько утраченных рисунков, хотя и это, конечно, обнадеживающий шаг на пути воссоздания облика оригинала.

Общепризнанно, что Кунгурский летописец имеет ярко выраженную фольклорную основу. На жанровую специфику летописца в ряде своих работ настойчиво обращала внимание известный исследователь филологических древностей Сибири Е.И. Дергачева-Скоп. Опираясь современным понятием «память текста», она определила, на какие этапы делится создание произведения, выделяет протографы и архетипный текст. Исследователь справедливо считает, что литературная история памятника может быть прочитана именно в области «памяти текста». Его редакторы не были книжниками, а содержание летописца отчетливо делится на три практически независимых фрагмента: 1) статьи, сделанные по модели «хронографической» части летописи Ремезова; 2) «устную летопись» – рассказ Богдана Брызги; 3) созданную в канцелярии Строгановых «скаску». Именно наличие оригинальных фрагментов повлекло и разнообразие точек зрения на жанровую природу памятника.

Широко известно, что Герман Тимофеевич Поволский, прозванный Ермаком (*ермак* – малый мельничный жернов, по Далю), грабил в конце XVI в. по рекам Каме и Волге. Скрываясь от гнева царя Ивана IV и его воевод, заплутал на реке Чусовой и двинулся к Строгановским городкам.

Как эта вольница была повернута на Сибирь, по этому поводу имеются разнообразные мнения, кстати, в большинстве своем черпающие аргументацию именно в сибирском летописании XVII в. Кунгурский летописец, дошедший в составе «Истории Сибирской» С.У.Ремезова и отражающий демократический взгляд на события «взятия», как одну из самых важных развивает тему «идеальности» Ермака.

Здесь, безусловно, сказывается влияние казачьего фольклора, «устных летописей», где он был самой популярной фигурой. Эти летописные известия ставят в центр всех событий завоевания Сибири личность Ермака. Возглавляемый им отряд – «меч обоюдоострый» самой истории. Выдающиеся полководческие качества казачьего атамана авторитетно подтверждают *правильный* (здесь и далее курсив наш – *Б.Ч.*) ее ход. Поэтому вполне объяснимы, и даже закономерны, попытки позднейшей канонизации Ермака, которая усилила бы его положительный, идеальный статус нравственным авторитетом православия.

Что касается понятия «идеального» героя, то мы подчеркнем его особо выраженный положительный характер. Ведь вполне ясно, что может быть и идеальный злодей! Оно практически тавтологично слову «ценный» в значении «важный», «превосходный». В действиях Ермака отразились также особенности официальной христианской историософии Московской Руси, которая подчеркивается богоизбранностью его миссии: «Искони всевидец христианский наш Бог, творец всея твари, зиждитель дому своего и снабдитель винограду и мысленных овец, чадебно предповеле проповедатися через Сибирь евангелие в концы вселенныя на край гор Тобольску граду имениту. Велия Господь Бог наш христианский еже подает рабом своим от рождения, якож Самсону исполинство, тако Ермаку Тимофееву сыну Поволскому даде силу, спех и храбрость смлада, во единство сердца и вседушно храбрствовати»<sup>3</sup>.

Термин «провиденциализм» происходит от латинского *providentia*, что означает истолкование исторического процесса как реализацию замысла Бога. Провиденциальные мотивы характерны уже для самых ранних летописных известий о Сибири. Это согласуется с тем обстоятельством, что сибирское летописание возникло по официальной инициативе, придавая жанру дополнительные функ-

ции, которые можно определить как историко-юридические, когда рассказ о прошлом закреплял существенный этап настоящего.

Ермак пришел не только для того, чтобы «очистить место и победить бусорманского царя Кучума». Не менее важная задача «заворуя» Ермака «разорите боги мерския и их нечистивыя капища». Провиденциальные обстоятельства только усиливают «идеальность» Ермака. В рассказе о «мужестве и храбрости, собранного и водимого атаманом Ермаком Тимофеевым» отряда его предводитель выступает не как отдельная личность, а, скорее, как представитель казачества, корпорации (обычно – «Ермак со товарищи»). Это идеальный герой, отражающий свойственные казачьей среде нормы поведения.

Так, по сути дела, идеализируется не конкретный человек, а его миссия в истории. И отряд Ермака (при всей сложности организации!) рассматривается как единое целое, что существенно облегчает выполнение исторической задачи: «Было у Ермака два сверсника, Иван Колцев, Иван Гроза, Богдан Брызга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литаврщики и барабанщики, сотники и пятидесятники и десятники с рядовыми и знаменщики чином, да 3 попа, да старец бродяга...»<sup>4</sup>.

Лишь два эпизода, как, например, в официальной Есиповской летописи (1636 г.), созданной в Тобольском архиерейском доме, показывают Ермака «индивидуально», отдельно от дружины. Даже в рассказе о написании важнейшей грамоты о взятии Сибири Савва Есипов не изменяет этому правилу, говоря, что «Ермак с товарищи» послали казаков в Москву с известием для Ивана IV об этом событии. Хотя с технической точки зрения трудно представить создание документа «сообща», всем казацким кругом.

В противоположность Ермаку хан Кучум – «гордый», одинокий, поэтому его гибель – это наказание «от Бога». Отрицательная оценка Кучума распространяется на весь народ Сибирского царства, обозначающийся одним емким словом – «поганные».

Очевидно, что у Ремезова по сравнению с Есиповской летописью явно усложняются характеристики «нечистивых» татар и самого «сибирского царя». Прикрепленные к последнему традиционные эпитеты «злокозненный», «злочестивый» не всегда соотносятся с глубинными мотивами и значением его поступков. Кучум страдает, когда воины показывают ему свои раны, скорбит, принимая символизирующие гибель Сибирского царства подарки Ермака. Не будет преувеличением подчеркнуть, здесь Ремезов вплотную подходит к осознанию контрастности и сложности человеческого характера, что позволяет ему уйти от схематичности официальных трактовок Саввы Есипова.

Интересно сравнить с летописными известиями корпус современной им житийной литературы, где, конечно, были по-прежнему сильны требования канона и православные традиции. Сибирская агиография этого периода, призванная по сути своей продуцировать «идеальные типы», представлена оригинальными житиями Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского. Первый, мальчик-приказчик из «златокипящей» Мангазеи, – «сиделец и промышленный человек». Житие же Симеона Верхотурского представляет «тип гуляющего человека» (С.В.Бахрушин).

Таким образом, памятники сибирской агиографии XVII в. вплотную соотносятся не с типологией русской житийной литературы, а, скорее, со структурой населения восточной «украины». При этом каждый святой покровительствует определенной группе, являясь ее воплощением, идеально оформленным и легендарно осмысленным. В этой очевидной патронажности и заключается «прикладной» характер агиографии Сибири.

Заметим, что именно в создании «идеальных» образов реализуется, прежде всего, общий принцип *дополнительности* областной литературы. «Местные» темы и проблемы как бы «вдвигаются» в общерусскую литературу, вместе с тем происходит дополнение существующего литературного репертуара в интересах местного читателя. Так образуется в рамках системы древней русской литературы специфика «сибирской школы» XVII в.

## **2. Время и пространство.**

### ***Текст летописи и «текст» миниатюры***

Показ человека в литературе Сибири XVII в. сопровождается новым восприятием времени, которому Д.С.Лихачев дал название «внутреннего». Это время, прежде всего, психологическое, субъективное.

Здесь исторические события тесно переплетаются с личными переживаниями. Отсюда его приблизительность, которая так не вяжется с хронографическими традициями русской литературы. Поэтому, по выражению того же Лихачева, для автора важно показать все не как «было», а как обычно «бывало». Многократность действий отражает растущее понимание сложного устройства жизни, а их длительность – указание на важность и значимость происходящего. Все это указывает на формирование нового понимания роли личности в истории.

Мы ставим перед собой более ординарную задачу – попытку включения в филологическую структуру памятника миниатюр, принадлежащих Ремезову, исходя из того, что в древнерусской литературе особую роль играет связь слова и изображения в памятниках, сочетающих пластический и филологический подходы к

действительности. Эту связь, вслед за Д.С.Лихачевым, можно обозначить как *взаимопроникновение*.

Во-первых, миниатюры Кунгурской летописи носят ярко выраженный сюжетный характер. Они не только основываются на литературном тексте, но и выступают параллельно ему. Влияние иллюстраций сказывается на самом письменном источнике, который отвечает системе изобразительных координат. Таким образом, 154 рисунка Кунгурского летописца существенно корректируют текст памятника. Тем более что автор, С.У.Ремезов, мастерски владел искусством иллюстрирования. Его эрудированность, литературность позволили создать лицевой список, где изобразительный канон расширял и существенно дополнял словесный портрет, преодолевая тем самым свойственный средневековой недостаток наглядности.

Итак, создатель текста и миниатюрист одно лицо – Ремезов. В перспективе это достаточно интригующая постановка проблемы. Главный вопрос в том: чего же *не мог* выразить Ремезов словом? И решал эту задачу с помощью иллюстраций.

Попутно мы получаем возможность судить и об его осведомленности, и о самом *типе* восприятия исторического события и многом другом. Важно и то, что связь между текстом и иллюстрациями фиксируется не только в области сюжетики изображения. Она – в идеологии Ремезова, в его «картине мира», в его возможностях дифференцировать или, напротив, интегрировать факты действительности.

Также любопытный вопрос: что чему предшествует? Слово изображению или изображение слову? «Оживающее» изображение – один из распространенных приемов древнерусских миниатюристов. Тут, наверное, нелишне вспомнить о картографических работах Ремезова, которые в то время требовали и серьезной художественной подготовки.

Ценность территории подчеркивалась «украшенностью» рассказа о ней. Вместе с тем летописный текст предназначался к многократному прочтению, поэтому одними из главных требований была понятность и связанная с ней этикетность описаний. Поэтому летопись отличалась особым отношением к слову. Стилю Ремезова характерны повествовательность, тщательный отбор сюжетов, ответственность в построении образов и их характеристиках.

Сегодня общепризнанно, что понятие стиля выходит за пределы языка и относится ко всем элементам произведения, в том числе – к его форме. В его исследовании важны *все* элементы. Поэтому вполне вероятно, что особенности стиля являются общими для литературы и живописи. Иллюстрации Кунгурского летописца

ясно свидетельствуют о «монументальном» подходе Ремезова к изображаемой действительности.

Здесь мы можем отметить четкое выделение главного (по представлениям Ремезова!) при достаточно разнообразной трактовке второстепенных деталей. Вполне ясна попытка увидеть все «сибирское взятие» в целом, создать своеобразную «эпопею» на материале похода Ермака. Д.С.Лихачев не только вводит термины «повествовательное пространство» и «повествовательное время», но и пытается определить их взаимодействие. «Хотя по природе своей изобразительное искусство статично, изображается всегда какой-то определенный момент, неподвижный, оно постоянно стремилось к преодолению этой неподвижности – либо к созданию иллюзии движения, либо к повествовательности, к рассказу»<sup>5</sup>.

Изображения сопровождали рассказы обо всех ключевых событиях присоединения Сибири. Обозначенные в тексте произведения получали наглядное развитие в миниатюрах. Конечно, при этом Ремезов как иллюстратор испытывал ряд сложностей. Главная из них – большое пространство «сибирского края», «правдивое» изображение которого требовало серьезной информированности, ведь нужно было освоить не какой-то конкретный ландшафт, а различные его модификации. Здесь Ремезову, конечно, существенно помогали его картографические знания.

Вторая проблема – связанная с пространствами Сибири «идея» динамичности. Иначе как в постоянном движении нельзя было «освоить», закрепить за собой сибирский край. Здесь Ремезов в полной мере призвал на помощь возможности рисунка, позволяющего быстро (эскизно!) сообщить большой объем информации, «растянуть» изображаемое во времени.

Поэтому миниатюры Кунгурского летописца напоминают живописное повествование, лишённое всякой статики. Они отражают события как бы в процессе из развертывания. Таким образом Ремезов достигает суммарного эффекта передачи в рисунках «длящегося» времени за счет «освоения» больших пространств, что еще раз подтверждает мысли Лихачева об изначальной связи этих категорий.

Например, перемещение отряда Ермака из одного места в другое изображается в миниатюрах одновременным показом начала и конца движения. Это позволяет создать представление о процессе в целом. Ремезов активно использует при этом прием «повествовательного уменьшения» (Д.С.Лихачев), что позволяет подчеркнуть значимость объекта изображения.

Например, масштабно уменьшены ландшафтные ориентиры. Этот прием «старших» русских летописей позволяет не рассказы-

вать, а лишь обозначать маршрут движения, как обозначают его, например, дорожные знаки. При этом преимущества в пространстве миниатюр закреплены за наиболее важными аспектами событий. Акцентируется только то, что заслуживает того. Бывает, что изображаются мелко казаки отряда Ермака и войска Кучума. Но это обстоятельство объяснимо тем, что Ремезов ставил перед собой задачу повысить «емкость» рисунка. Уменьшая размеры изображаемого, он «втискивал» в пространство миниатюры возможно большее количество людей, подчеркивая тем самым масштаб военного события и увеличивая временной охват его показа.

Об этом можно судить по миниатюрам, посвященным «первой брани» с войсками Кучума<sup>6</sup>, а затем и последующим военным столкновениям<sup>7</sup>. Для них характерны «многонаселенность», стремление Ремезова «заклЮчить» в пространство возможно большее количество военных эпизодов. Тем самым достигалась задача «растянуть» их содержание во времени. Хотя надо отметить, что ряд сцен характеризуется в этом смысле экономностью, связанной, трудно сказать, или со сроками работы или же с соображениями создать систему художественных намеков, будящими читательское воображение.

При этом Ремезов большое внимание уделяет композиции рисунка. Часто композиционными «рубежами» в миниатюрах Кунгурского летописца выступают русла рек Сибири, изображенные схематично, как бы с высоты птичьего полета. Они «делят» пространство рисунка на отдельные элементы, позволяя даже в рамках одного изображения повторять одних и тех же действующих лиц. Действия «на природе» обуславливают введение отдельных черт сибирского пейзажа, который, однако, довольно условен, по своему символичен.

Чтобы показать намерения своих героев, автор Кунгурского летописца также использует своеобразную систему «знаков». Но особые трудности ожидали Ремезова, когда он намеревался изобразить «речи» действующих лиц. Здесь были важны не только слова текста, но даже куда более – жесты рисунков. Они достаточно красноречивы и свидетельствуют о широкой палитре эмоций. Отчетливо можно различить позы послушания, согласия, скорби.

Вот, например, миниатюры, изображающие пребывание в ставке Ермака дворецкого Кучума-Кутугая<sup>8</sup>. Прибыл он к Ермаку в качестве пленника, попав в руки казаков при сборе ясака. Жесты главных героев миниатюр, Ермака и Кутугая, многозначительны, каждый из них «остановлен» Ремезовым именно в тот момент, который наиболее важен для трактовки события. Действительно,



«язык» рук символичен и многое может сказать понимающему его. «Знаком» говорения, как известно, является жест благословения. Важность положения Ермака подчеркивается тем, что атаман не покидает своего кресла в шатре, благосклонность – почти одинаковым положением рук, протянутых по направлению к Кутугаю. И действительно, как явствует из текста летописца: «Ермак же отпустив их к Кучуму честно и подарив, и Кучуму и трезуб гостинца, и всем женам челобитье, князем и мурзам и протчим людям посла, и сказа, яко вспять возвратися в Русь»<sup>9</sup>.

С.У.Ремезов стремится оснастить свои миниатюры дополнительными символами и аллегориями, усложняющими «образ» Сибири. Это особенно важно, если учитывать время создания летописи, когда чрезвычайное внимание уделялось риторикам барокко. Вообще символическое мышление свойственно этому автору «переходного периода» в истории русской литературы и даже подчас доминирует в описании края:

*«Шуица с персты – Березов с подрабцы;  
Правое с украины крыло – Тара от степи и Ямыш;  
Шуее крыло – по Камени Полым до Зеленчика...  
Пространная слава – Лена с жильем;  
Шуяя с сапогом – сословные Мангазея с ясаком»*<sup>10</sup>.

Это строки из «Похвалы» Сибири Ремезова, относящиеся к концу XVII в. Надо отметить, что такой подход для Ремезова, по выражению Лихачева, «одновременно *отвлечение* повествования и *конкретизация* этих символов и аллегорий»<sup>11</sup>. Даже шапки действующих лиц на миниатюрах являются одним из способов «обозначения» противника.

Действие миниатюр Кунгурского летописца разворачивается в плоскости листа, но профильные движения заметно преобладают над фасными, потому что «фасное изображение позволяет представить предмет наиболее репрезентативно как неподвижный»<sup>12</sup>. Анфас ярко фиксирует неподвижность персонажа, но, с другой стороны, способствует узнаванию героя. Таким образом Ремезовым часто изображается сам Ермак, потому что он – главный герой «сибирского взятия» и, конечно, требует особого места в миниатюре.

Важно учитывать и особенности композиции миниатюр. Последние «перевернуты», то есть север находится внизу. Поэтому закономерно меняются местами восток и запад. Движение казаков (да и вообще вся колонизация Сибири!) осуществлялось с запада на восток, «встречь солнцу». Данная горизонталь в этом случае, как правило, обозначает и время событий, более ранние из них в соответствии с повествовательной последовательностью изображаются слева.

Географические представления у Ремезова достаточно точны, что не в последнюю очередь связано с его деятельностью картографа. Поэтому ему вполне удастся рассказать историю Сибири изобразительными средствами. Более того, Ремезов владеет показом элементов одного и того же события. Для этого он использует несколько изображений, стремясь подчеркнуть элементы действия. Он старается охватывать его развитие за целый промежуток времени. Поэтому деление пространства миниатюр, как уже отмечалось, сибирскими реками – это, по сути дела, выделение *элементов сюжета*.

Особого внимания заслуживает своеобразное «парение» персонажей миниатюр. Это также композиционный элемент, потому что один эпизод повествования не должен угнетать другой. Поэтому и в «вертикальной» композиции миниатюры можно усмотреть определенный «порядок», где внизу, как правило, располагаются наиболее ранние события. Но эта последовательность, как можно судить по миниатюрам Ремезова, нередко нарушается, потому что нижняя часть изображения приобретает статус главного места действия. Сцены, скажем, небесных знамений обычно же располагаются наверху. Это вполне согласуется с наблюдением Д.С.Лихачева: «Низ миниатюры соответствует ближайшему к зрителю плану, ближайшему – и во временном и в пространственном отношении»<sup>13</sup>.

Все крупные исторические события обычно изображаются вне интерьера. Кунгурский летописец не представляет исключения, что связано, в первую очередь, с задачами сообщения событиям масштабности. В этом смысле присоединение Сибири – факт, который не может быть интерпретирован в пределах какого-либо интерьера. Даже в описанном выше общении с дворецким Кутуга-ем кресло Ермака находится за пределами его шатра.

На каждой странице Кунгурского летописца присутствуют небольшие куски текста. Их размер несопоставим с размерами миниатюр. Они расположены вверху страницы, как бы раскрывая (и дополняя!) смысл изображенного на ней.

Миниатюры и текст связаны между собой не только в информационном, но и эмоциональном смысле. Их роднит графика, господство линии, ритм. Стиль миниатюр связан с характером текста, дополняет его «ритмичность» одинаковостью одежд, симметричным расположением одинаковых по росту фигур. Ритм можно усмотреть в повторениях на миниатюрах направлений полета стрел, устремленности копий и т.д. Это и есть то, что можно назвать церемониальностью. Это своеобразный «парад» Ермакова воинства, «историческая риторика» (Д.С.Лихачев). Все лица на

миниатюрах передаются одинаково, точнее, в двух регистрах (казаки и люди Кучума). Только, пожалуй, облик Ермака имеет индивидуальные черты, хотя и он изображается как типичный представитель казаческой корпорации.

Это, конечно, средневековое искусство, которое устроено по другим канонам. Искусство церемониальное и условное, трактуемое обстоятельство с провиденциальной точки зрения. Вместе с тем именно оно помогает широко оценить историю присоединения Сибири, не отвлекаясь на детали и житейские подробности.

Мы хотим подчеркнуть, что иллюстрации – это больше чем просто особый комментарий к произведению С.У.Ремезова. Иллюстрации являются своеобразным *текстом*, который характерен наибольшей «правдивостью» (с точки зрения современного человека!). Вместе с тем, миниатюры подчинены словесному диктату, несут в себе определенные его компоненты. «Независимость» иллюстраций заключается в адекватности изображения (реально-исторические детали), которое только подчеркивает выявленный в тексте провиденциальный символизм действий Ермака и Кучума.

---

<sup>1</sup> Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы / Д.С.Лихачев. – СПб., 1999. – С.405.

<sup>2</sup> Ремезов, Семен. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) / Семен Ремезов. – Иркутск, 2003.

<sup>3</sup> Там же. – С.18.

<sup>4</sup> Там же. – С.29.

<sup>5</sup> Лихачев, Д.С. Указ. соч. – С.300.

<sup>6</sup> Ремезов, Семен. Указ. соч. – С.56.

<sup>7</sup> Там же. – С.64, 66, 68-69 и др.

<sup>8</sup> Там же. – С.51-52.

<sup>9</sup> Там же. – С.52.

<sup>10</sup> Чмыхало, Б.А. Литература Сибири XVII-XVIII вв. / Б.А.Чмыхало. – Красноярск, 1983. – С.54.

<sup>11</sup> Лихачев, Д.С. Указ. соч. – С.305.

<sup>12</sup> Там же. – С.306.

<sup>13</sup> Там же. – С.312.

## И.В. СТАЛИН И ГРУППЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА

Чуринов Н.М.,

доктор философских наук, профессор  
Сибирский государственный аэро-  
космический университет имени  
академика М.Ф. Решетнева  
(г. Красноярск)

*«И родилась Благодать – истина, а не Закон»*

Иларион Киевский

«Слово о Законе и Благодати»

В данной статье доказывается, что в идеологическом соревновании с Западом можно устоять, лишь располагая встречной, надежно блокирующей совокупностью идей и теорий.

Во всяком обществе есть обиженные властью, наркоманы – потенциальные разносчики опасных заболеваний, различные подразделения криминалитета, тайные или явные недоброжелатели народа, группы тенденциозного самоутверждения в науке, культуре, в структуре различных ветвей власти, в этнической структуре общества, в экономике (например, в структуре так называемых эффективных собственников); сторонники тоталитарных религиозных формирований и политических партий и т.д. Следовательно, есть также и соответствующая социологическая категория («группа риска»), которая является обобщающей характеристикой социума, определяющего своей антиобщественной деятельностью некоторое направление развития деструктивных событий в стране. В иных отношениях группа риска раскрывается как точка роста социальной энтропии, то есть по-русски – смуты.

Многообразие групп риска образуют спектр направлений жизнедеятельности общества, на каждом из которых его (общество) может подстерегать серьезная опасность. Таким образом, оно (общество) не должно выпускать из-под контроля ни одно из этих направлений, ни одну из групп риска, отслеживать возникновение новых групп риска, быть готовым к противодействию их устремлениям, и руководство страны должно быть весьма осмотрительным при принятии соответствующих решений.

В 1932 г. в Берлине в издательстве под крикливым названием «Гранит» вышла книга Л.Д.Троцкого под не менее крикливым названием «Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополне-

ния к литературе эпигонов». Судя по содержанию книги, перед читателем предстает верный ленинец, вождь революции, с которым В.И.Ленин не соглашается только в мелочах, и разногласия с Лениным у него возникают лишь в рабочем порядке. Троцкий доказывает, что он выдвигал правильные лозунги, стратегии и тактики работы партии и советского государства, направо и налево раздает характеристики своим оппонентам, особенно Сталину. Он выступает страстным проводником тлетворной идеи К.Маркса о мировой революции. В дальнейшем подобные идеи и теории мы будем называть спекулятивными идеями и теориями независимо от того, кто выдвигал их: Маркс, Троцкий, фон Хайек, Мюрдаль или кто-либо еще.

Читая книгу, чувствуешь перо прожженного политического проходимца, который изворачивается и крутится, доказывая свою правоту, оперируя различными заметками в газетах, неизвестными протоколами, сюжетами из жизни и т.д. Только сюжеты, составившие ему недобрую славу, он или обходит или отделяется мимолетными фразами. Особо он раскрывает, так сказать, сильные стороны его теории «перманентной революции», проникаясь заботой о «трудящихся массах нашей страны и всего мира» (с.134), восхищаясь, как «красная гвардия храбро умирает» (с.126), заботясь о «сохранении оружия в руках рабочих» (с.123), критикует М.И.Калинина за «курс на крепкого «середнячка», под именем которого проходит никто другой, как кулак или кандидат в кулаки» (с.136). Данное положение Троцкого показывает, кто же, как ни его единомышленники, доводили до абсурда практику коллективизации сельского хозяйства.

В книге воспроизводится речь, произнесенная в июне 1927 г., которая отчасти воспринимается как нечто комичное: «Мы заявляем: сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот. До тех пор, пока вы не вгоните нам в рот кляп, мы будем критиковать этот сталинский режим, который иначе подорвет все завоевания Октябрьской революции... Эту грязную, гнусную, чисто сталинскую кампанию против оппозиции вы обязаны были бы прекратить...»<sup>1</sup>. Это он доказывает членам Центральной Контрольной Комиссии. И далее провозглашает: «Я слышал, что вы собираетесь снять Муралова с военной Инспекции за то, что им подписано заявление 83-х ... За оппозицию вы вышвыриваете лучших... нужно побольше веры в международную революцию, чем у многих из вас. С чего началось это обвинение в маловерии? С пресловутой теории о построении социализма в одной стране. Мы не поверили в эту теорию Сталина ... оппозиция доказывает свою верность и свое мужество именно

тем, что в труднейший период сползания и зажима не сдается, а собирает вокруг себя наиболее ценные боевые элементы»<sup>2</sup>. Кто такая эта оппозиция, кто эти подписанты в составе 83-х человек, если не троцкисты?, кто такие эти «наиболее ценные боевые элементы», которых оппозиция собирает вокруг себя?, кто разделяет взгляды Троцкого, если не его единомышленники, возлагавшие надежды на мировую революцию и выступавшие против Сталина, сомневавшегося в этой, неизвестно для чего замысленной спекулятивной идее? Разве можно предположить, что указанная Троцким оппозиция имела только близкие цели и не заботилась о длительной тайной подрывной работе, исподволь встраиваясь в «сталинский режим», давая этому «режиму» все необходимые клятвы в верности ему?

Руководствуясь классовым подходом, в 1927 г. он обосновывает необходимость нового этапа междоусобицы в нашей стране: «нынешний режим обезличивает авангард пролетариата, потому что не дает возможности сказать открыто и честно, откуда надвигается опасность, — а опасность угрожает пролетариату от непролетарских классов. Весь последний период состоит в том, что пролетариат политически свертывается, а остальные классы развертываются ... не — рабочие классы расширяются, раздвигают локти, а пролетариат свертывается, сжимается. Повторяю: как в материальной сфере буржуазные классы расширяются... точно так же и в политике, а наш *партийный режим усиливает классовое свертывание пролетариата*. Это основной факт»<sup>3</sup>. Троцкий вновь и вновь повторяет: «Без международной революции не построишь социализма. Без правильной политики, рассчитанной на международную революцию... не только не построишь социализм, но погубишь и советскую власть. Надо, чтобы пролетариат понял это»<sup>4</sup>. Развивая идеи международной революции, о противостоянии в Советском Союзе пролетариата и непролетарских классов, Троцкий не обеспокоен тем, что подобная политика является убийственной для нашей страны, и прежде всего для русского народа. Но что показательно, именно эти идеи, так сказать, объединяли оппозицию и тайную, и явную. Отметим, что спекулятивная теория мировой революции, международной революции — иступленно пропагандируется оппозицией. Согласно данной теории фактически провозглашалось, что в ходе мировой революции народы должны принести себя в жертву. Во имя чего должно осуществляться такое самоубийство или во имя кого?

Троцкий пишет: «Кто думает, что мы можем построить социализм, даже в том случае, если капитализму удастся разбить пролетариат на несколько десятков лет, тот ничего не понимает ...

Мы можем победить только как составная часть мировой революции. Нам необходимо дотянуть до международной революции, даже если бы она отодвинулась на ряд лет. Направление нашей политики имеет в этом отношении решающее значение. Правильным революционным курсом мы укрепим себя на ряд лет, укрепим Коминтерн, продвинемся по социалистическому пути вперед и достигнем того, что нас возьмет на большой исторический буксир международная революция... Вы делаете ставку на крепкого крестьянина, а не на батрака, не на бедняка... В партии у нас сейчас ставка на секретаря, а не рядового партийца..., а не рядового пролетария. Не на революционного углекопа»<sup>5</sup>. Читая подобные тирады Троцкого, не верится, что он рассуждает обо всем этом всерьез, что он не пытается кого-то «водить за нос», что втайне он не смеется над тем, что говорит сам, полагая, что его читают или слушают не как комедианта. И можно было бы задаться вопросом: на кого он рассчитывает, произнося подобные речи, если бы за всеми его выпренными эскападами не чувствовалось настораживающей тенденциозности.

В другой речи, бурно поддерживаемой его единомышленниками, Троцкий восклицает: «Мы слишком ясно видим завтрашний день и готовим его. Никогда не было в сердце оппозиции такой несокрушимой убежденности в своей правоте, никогда не было такого единодушия, как сейчас.

Зиновьев, Каменев – Совершенно правильно!»<sup>6</sup>.

Возникает вопрос: что же «готовят» данные оппозиционеры? Рассуждая о возможной войне против СССР, Троцкий вопрошает: «Неужели оппозиция думает, что руководство Сталина не в состоянии обеспечить победу СССР? Да думает!

Зиновьев – Правильно»<sup>7</sup>.

Чувствуется, что Троцкий, Каменев и Зиновьев, критикуя Сталина, еще ничего не боятся, что явная часть оппозиции еще находит возможной открытую войну против Сталина. И, наконец, Троцкий – этот бывший военный министр, велеречиво пишет о себе, о своем отношении к репрессиям и расстрелам: «Военная работа была жесткая работа. Она не обходилась без нажимов, принудительных мер, репрессий и пр. Немало было задетых самолюбий, чаще всего – в силу неизбежности, но нередко и по ошибке»<sup>8</sup>. Он резонерствует, призывает к тому, чтобы его поняли. Репрессии рассматриваются им как нечто неизбежное, он полагает, что репрессии могут быть сочтены как оправданные, если даже они осуществляются и «нередко по ошибке».

Далее он сообщает: «Гусев, который написал даже брошюру «Наши разногласия». В этой брошюре впервые, кажется, и пущена

отравленная сплетня о расстреле коммунистов (не дезертиров, не изменников, хотя бы и коммунистов, а – коммунистов как таковых)»<sup>9</sup>. Здесь Троцкий признается, что он расстреливал коммунистов. Он оправдывает себя тем, что это были якобы не коммунисты, а, прежде всего, дезертиры и изменники. Он уже не ведет речь о «задетых самолюбиях», о «силе неизбежности» и о том, что творилось «нередко и по ошибке».

И вот в позерской речи перед членами ЦКК он сообщает: «Мы, оппозиционеры, вместе с вами расстреливали белогвардейцев... по какой главе Сольц собирается нас расстреливать? (шум в зале). Тут не надо шутить, революция – дело серьезное. Расстрелов никто из нас не пугается. Мы все – старые революционеры. Но надо знать, по какой *главе расстреливать*. Когда мы расстреливали, то твердо знали по какой главе»<sup>10</sup>. Троцкий знает, о чем говорит. По его распоряжению были расстреляны многие тысячи донских казаков; десять тысяч русских офицеров в Крыму, так сказать, в превентивном порядке; осуществлялись расстрелы каждого пятого или десятого солдата перед строем и т.д. и т.п.<sup>11</sup>

Кто же такая эта «оппозиция», которая кичится тем, что она отличилась в расстрельных делах? Троцкий называет своих единомышленников «оппозицией», хотя, судя по похождениям, эти «оппозиционеры» ничем не отличаются от самой настоящей группы риска.

Придя к власти в 1924 г. И.В.Сталин столкнулся с мощной группой политического риска – «оппозицией», разветвленной, жестокой, занимавшей высокое общественное положение и пользующейся влиятельной международной поддержкой. Политическое движение, которое она (группа политического риска) оформила, получило название «троцкизм» – по псевдониму его одиозного вдохновителя и организатора-авантюриста Л.Д.Троцкого.

И.В.Сталин, к тому времени прошедший, как говорится, огни, воды и медные трубы политической жизни, об этой группе риска и общественных слоях, из которых она происходит, безусловно, знал все. Иногда вероломные деяния данной группы риска вызывали в нем нескрываемое возмущение, но он справлялся со своими чувствами перед лицом необходимости решения главных задач. В коллизии с троцкистами Сталин рос как руководитель мирового масштаба:

а) в 1924 г. перед Сталиным простиралась страна по существу еще находящаяся в пропасти национальной катастрофы. Это была страна голодная, разутая, раздетая, измотанная войнами:

– поражение в русско-японской войне – 550 тыс. убитых и бесчисленное количество раненых;



– поражение в I мировой войне – миллионы убитых и миллионы раненых;

– иностранная интервенция целого ряда государств в 1918 г. (в том числе США, Англия, Франция, Германия, Япония и т.д. – разбойничьи военные операции, массовые казни русских людей, концлагеря и пр.);

– гражданская война, завершившаяся в 1922 г., в ходе которой все ведущие посты в Советском Правительстве, в Красной Армии, в системе исполнения наказаний, в руководстве органами внутренних дел, ЦК ВКП(б) и т.д. оказались под властью троцкистов. Это были такие же авантюристы и социальные экспериментаторы, как ныне Чубайс, Гайдар, Ельцин, Немцов, Явлинский и т.п. Оккупация троцкистами органов власти продолжалась до конца 30-х гг.;

б) в начале 30-х гг. стала очевидной подготовка международной реакцией новой мировой войны, и это была подготовка к войне против СССР;

в) необходима была срочная индустриализация страны;

г) необходимо было противостоять проискам троцкистов во всех сферах общественной жизни на уровнях формально-определенной и формально-неопределенной разрушительной деятельности;

д) необходимо было срочно выйти из разрухи и после двух десятилетий войн привлечь общество к дисциплинированному производительному труду. Все это приходилось делать в экстремальных условиях. (При Сталине открывались одни заводы за другими, а ныне реформаторы, исполненные спекулятивными идеями о рыночной экономике, напротив, закрывают одни заводы за другими);

е) зная о необходимости срочных и жестких мер по организации спасения страны, троцкисты, тем не менее, стремились навязать стране решение своих собственных задач, которые нельзя было квалифицировать иначе как способ самоутверждения данной социальной группы. О том, что это были за задачи, можно судить по результатам приватизации, по результатам «нового мышления» и «радикальных реформ» горбачевско-ельцинского времени, когда группе политического риска вновь удалось, так сказать, сорваться с цепи и подобно маньякам кромсать страну.

Сталин немало сделал, чтобы минимизировать группу политического риска, и это не только предвоенные репрессии. Он хорошо знал не только основные слои общества, из которых эта группа политического риска рекрутируется. Эти слои общества находились под его неослабным вниманием. Но он знал места же-

ланных объектов ее целеустремленности и контролировал кадровый состав этих объектов. Он отслеживал состав реализуемых этой группой политических технологий, смело выводил на все уровни управления страной тех, кто был ему единомышленниками. Он постоянно изучал все стороны активности мировых правительств, их давления на нашу страну и не допускал чрезмерной зависимости СССР от других стран и правительств. Он изучал возможные направления злонамеренной деятельности троцкистов.

К 1924 г., за двадцать лет неимоверного хаоса и жесточайших испытаний страны, указанная группа политического риска политически оформилась, созрела, определила контур желаемого будущего, заняла командные посты в государстве, в партийном руководстве, идеологические высоты, определила своих врагов, основные ее мишени и т.д. Она предстала настолько мощной силой, противостоять которой и справиться с которой мог человек самоотверженный, готовый к отражению спекулятивных идей и теорий, клеветы и наветов, к предвзятости, к недопониманию его и даже осуждению со стороны неопытных потомков. Сталин ко всему этому был готов. Он ставил перед собой высокие гражданские цели: спасение страны. Нужно было отвести страну от неминуемой гибели. И он сделал это. Сталин доказывал своим единомышленникам (доказывал и словом, и делом), что не отступит от своего и тем самым не подставит их. Он создавал широкое поле народной поддержки. Он оставлял для группы политического риска только область маргиналитета, оказывалось, что против него могут бороться только маргиналы. Он оттеснял деятельность группы политического риска за пределы правового поля.

Однако Сталин хорошо понимал, что троцкисты действовали так для того, чтобы доводить до абсурда исполнение тех задач, которые он ставил. В статье «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» он пишет: «Артель еще не закреплена, а они уже «обобществляют» жилые постройки, мелкий скот, домашнюю птицу, причем «обобществление» это выражается в бумажно-бюрократическое декретирование, ибо нет еще налицо условий, делающих необходимым такое обобществление. ... Спрашивается, кому нужна эта головотяпская «работа» по сливанию в одну кучу различных форм колхозного движения? Кому нужно это глупое и вредное для дела забегание вперед? Дразнить крестьянина-колхозника «обобществлением» жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще *не разрешена*, когда артельная форма колхозов еще *не закреплена*, – разве не ясно, что такая «политика» может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам? Один из таких

ретивых «обобществителей» доходит даже до того, что дает приказ по артели, где он предписывает «учесть» в трехдневный срок все поголовье домашней птицы каждого хозяйства», установить должность специальных «командиров» по учету и наблюдению, «занять в артели командные высоты», «командовать социалистическим боем, не покидая постов», и – ясное дело – зажать всю артель в кулак. Что это – политика руководства колхозом или политика его *разложения и дискредитации*? Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели *начинают* со снятия с церкви колоколов. Снять колокола, – подумаешь какая р-р-революционность!»<sup>12</sup>. Подобные «революционеры», доводя до абсурда решение актуальных задач, успевали сделать многое. А теперь вина за эти дела возлагается на Сталина, поскольку в его эпоху якобы он должен отвечать за все, а группа политического риска – ни за что.

В сталинское, суровое во всех отношениях время, когда нужно было всегда держаться начеку, когда все советское общество было преисполнено ожиданий фашистской агрессии и работало изо всех сил, чтобы обеспечить возможность спасения, когда обществу было не жалко никаких сил, чтобы обезопасить себя, тогда все, что стояло на пути созидания, все, что противостояло созиданию, становилось предметом ненависти, общество этого никому не могло простить. Именно тогда возникло и укоренилось в сознании людей понятие «враг народа». Конечно, в то время циркулировали и более цивилизные понятия «правые уклонисты», «ревизионисты», «ренегаты», «перерожденцы» и т.п., но советское общество приняло понятие «враг народа», оно требовало казни «врагов народа», то есть приведения их к покаянию. И враги народа действительно трепетали и знали, что они ни у кого не получают поддержку и защиту.

В данной статье мы не будем писать особо о невинно пострадавших в ходе противодействия «врагам народа». Отметим лишь, во-первых, реально группа политического риска была; и, во-вторых, данная группа политического риска, обосновавшаяся в так называемых силовых структурах государства (НКВД, разведка, армия и т.д.), точно так же, как и в период массовой коллективизации сельского хозяйства, приложила немало усилий к тому, чтобы невинно пострадавших было как можно больше. И когда Сталин понял это, он воздал данной группе политического риска сполна, за что последующие группы политического риска со времен XX съезда КПСС мстят ему до сих пор.

**Ренегатство.** Сталин глубоко переживал ренегатство своих бывших товарищей по политической борьбе. Он не раз задавался

вопросами о том, почему среди, казалось бы, старых и проверенных партийных кадров происходит перерождение, измена прежним идеалам, как избежать этого перерождения? Или перерождение и ренегатство являются спутниками политической жизни?

Действительно, политическая жизнь общества – это всегда перманентная драма, участниками которой становятся разные люди: случайные люди, люди сильные и нищие духом, люди, чьих политическая деятельность закаляет и растлевает; люди целеустремленные, устойчивые и люди, находящиеся в рядах политиков под влиянием каких-либо событий, харизматических личностей, обстоятельств, и с исчезновением указанного влияния они (данные политики) уходят с политической сцены и начинают заниматься другими делами и т.п.

Политическая жизнь, как перманентная драма, есть нескончаемая полоса сменяющих друг друга сюжетов, комедий и трагедий, кульминаций, политических развязок и коллизий, так сказать, политических приливов и отливов и т.д. Словом, политическая жизнь – это жизнь людей.

Что же теперь страдать о ренегатстве, если, располагая всеми рычагами светской и духовной власти, руководство КПСС позволило себе создание питательной среды для возникновения и роста групп политического риска: возведение культа Маркса, «разоблачение культа личности И.В.Сталина»; ниспровержение метафизики, адекватной западному обществу системы теоретизирования в философии, идеологии; обоснование необходимости «перестройки» и «нового мышления»; приверженность к идеалам западного теоретического схемотворчества, к марксистскому варианту западничества, ниспровержение русской философии и т.д. После всего этого необходимо не возмущаться ренегатством, а набраться мужества и выстоять, и победить в новых условиях, извлекать уроки и учиться на чужих и собственных ошибках, причем учиться быстрее, чем учатся оппоненты, быть на высоте положения, в частности в вопросах теоретической и идеологической культуры. Сталин с полным знанием дела доказывал, что от слабых всегда убегают, убегают от потерпевших поражение; если ты забыл, что против тебя ведется война, то на что ты можешь рассчитывать, как не на поражение; если ты слишком надеешься на старый идеологический багаж и не заботишься о его совершенствовании, то на что иное ты можешь рассчитывать, как не на поражение? Если «оппозиция» (троцкисты) чувствует твою неуверенность в себе, если спектр направлений ее борьбы против тебя не изучается и она все время застает тебя врасплох, на что ты можешь надеяться?

Сталин постоянно работал над тем, чтобы процесс реализации его стратегического курса расширял круг его единомышленников. На пути спасения страны он не мог не искать и не находить все новые и новые группы поддержки в различных слоях общества (писатели, художники, музыканты, студенты, ученые, военнослужащие, руководители хозяйств, конструкторы, передовики производства, актив партийной и советской работы и т.д.). Он терпеливо работал с заблуждающимися, тем самым выводя все новых и новых «оппозиционеров» из группы политического риска.

В общем же смысле существенны еще два аспекта проблемы: 1) предметом отдельной статьи является изучение того, что принимать в качестве ошибок И.В.Сталина и что квалифицируется группами риска как его преступления и ошибки; 2) об отрицательных чертах личности И.В.Сталина и отрицательных чертах группы риска, его (Сталина) критикующей. Об отрицательных чертах личности И.В.Сталина написано много, причем пишут об этих его чертах главным образом представители групп политического риска, и поэтому верить подавляющему большинству написанного на эту тему нельзя. По мере укрепления позиций групп политического риска их представители становятся своеобразными специалистами по отрицательным чертам личности И.В.Сталина. Фантазерству и цинизму этих «специалистов» не видно конца. В то же время по спекулятивным идеям и теориям групп политического риска не специализируется никто. Следует отметить, что на основе очернения личности И.В.Сталина группы политического риска делают гораздо больше, чем собственно само указанное очернение. Апофеозом данных деяний стало разрушение СССР. Вот, например, группа риска навязывает стране идеи рыночной экономики, послужившие крушению экономики страны. И в данном отношении существенно следующее:

1. Тип экономики должен соответствовать типу общества, характеру его исторического опыта. В этом смысле актуальна мысль Аристотеля: «Ничто противоестественное не может быть прекрасным».

2. Нужно хорошо знать положительные и отрицательные стороны каждого типа экономики.

3. Нужно знать методологические основы каждой теории экономики:

а) теории экономики, построенные по стандартам метафизической системы теоретизирования (неономиналистский и неореалистский проекты – рыночная и плановая экономики);

б) теорию экономики, построенную по стандартам диалектической системы теоретизирования (разработка которой еще только началась).

4. Нужно знать, что каждому типу экономики соответствует своя экономическая теория.

5. Что касается непосредственно рынка. Рынок является элементом любого типа экономики, например, он присутствует в качестве ярмарки, выставки-продажи, базара, барахолки и т.п. Однако рынок и рыночная экономика – это не одно и то же. Все зависит от того, какой рынок Вам нужен и какие задачи посредством рынка Вы намерены решать:

а) создать рыночную экономику, обеспечивающую рост производства ценой десоциализации общества;

б) выявить новые экономические отношения, необходимые для совершенствования общественных отношений вообще;

в) создать легитимный механизм наживы, механизм легитимного разграбления страны;

г) создать основы для необходимой социальной дифференциации, создать олигархию;

д) вывести экономику из-под контроля государства и поставить ее под контроль иных отечественных или зарубежных субъектов;

е) вывести конкуренцию на периферию экономической жизни страны (пусть конкурируют между собой и испепеляют друг друга те, кому положено);

ж) создать экономическую основу для антигосударственных партий, организаций, комитетов и т.д.

Для решения каждой из данных задач рынок должен иметь соответствующие качества. В системе решения многих из этих задач идея рыночной экономики выступает как спекулятивная идея.

Итак, предположим, что в сталинскую эпоху за все, что происходило, ответственен был И.В.Сталин. Тогда, во-первых, за спасение страны отвечает Сталин, поскольку группа политического риска была своевременно отведена от дел и, следовательно, к спасению страны она не имела никакого отношения и ей не за что сказать «спасибо».

Во-вторых, если же И.В.Сталин ответственен только за все плохое, то тогда нужно дать ответ на вопрос, в какой мере он ответственен за все плохое, поскольку в каждой стране без исключения очень многое делается без ведома правителя. Например, некогда пьяный Ельцин свалился с моста в канаву. Спрашивается, в какой мере за это должно было отвечать первое лицо государства?

В-третьих, если И.В.Сталин ответственен только за все плохое, то нужно следовать презумпции невиновности и беспристрастно доказывать, не уводя от ответственности и группу политического риска.

В-четвертых, если И.В.Сталина обвиняли в том, что он во время своего правления был ответственен за все плохое, а все хорошее делалось якобы само по себе, без его ведома, то, следовательно, обвинение его имеет теоретический характер и предполагает теоретический отвод обвинения по принципу «какой привет, такой и ответ».

В-пятых, огульное обвинение во всем И.В.Сталина требует выяснения подлинных причин обвинения и непосредственных устремлений обвинителя: какие цели преследует обвинитель, в качестве чего он (обвинитель) использует обвинение против И.В.Сталина, не является ли сам обвинитель представителем группы риска, у которого у самого, как говорится, «рыльце в пушку» и т.д.? Например, кто сегодня ответственен за массовую нищету и бедность; кто сегодня ответственен за то, что в России ежегодно население вымирает примерно на миллион человек, т. е. больше, чем было расстреляно при Сталине за все 30 лет его правления; что в России группа риска 1990-2000-х гг. отдала на разграбление все нажитое за ее тысячелетнюю историю, и в том числе огромными трудами нажитое за всю сталинскую эпоху. И сегодня в России не номинально, а реально находящейся у власти группе риска есть чего бояться, и она не без оснований опасается стать репрессированной, поэтому реализует упреждающие технологии.

По-видимому, огульное обвинение И.В.Сталина – это форма предупреждения действующих политиков о том, что их может ожидать, если они не будут поддаваться давлению со стороны группы политического риска.

Современное огульное обвинение Сталина – это признак наличия влиятельной группы политического риска; это адаптация образа Сталина к актуальному содержанию того, что может пугать; это социальная технология, направленная на то, чтобы в образе Сталина был узнаваем современный возможный или наличный правитель, чтобы наличный правитель боялся сам себя (а вдруг он и впрямь чем-то напоминает Сталина); чтобы обыватель шарахался от тех, кто по каким-либо наводкам может показаться похожим на Сталина; чтобы в деяниях Сталина было различимо только лишь то, что искусственно раздувается, и принимались как несущественные все его достижения во всех областях созидания и т.д. Группа риска кропотливо учитывает все более или менее неудачно сказанное; все, чему можно было бы придать извращенный

смысл, чему можно было бы придать какую-либо негативную статистику и т.д. Но Сталин знал, что придает этим и тому подобным проискам характер искусственности, мелочности, пижонства, самоизоляции группы риска от общества, и способствовал этому. Он знал, что великими защитниками являются его главные дела и дурные примеры соседних стран, а также всестороннее знание реального положения дел. Ничто не могло отвлечь его от решения насущных задач.

Мы никогда бы не поняли отношения Сталина к троцкистам, мы бы совершенно забыли о некогда существовавшей коллизии между Сталиным и троцкистами как группой риска, мы бы остались людьми, не способными подняться до уровня реальных политических угроз, если бы в верхний эшелон руководства страной вновь ни ворвалась подобная группа риска: эти швыдкие, чубайсы, грефы, кудрины, гайдары, немцовы, ясины, уринсоны, урновы и т.д. вместе с пьяницей Ельциным. Если бы мы не познали весь ужас нынешних «социальных преобразований», то до сих пор пребывали бы в недоумении, за что же Сталин репрессировал этих троцких, бухариных, каменевых и зиновьевых, тухачевских, якиров и т.п. во времена подготовки страны к тяжелейшим испытаниям, в преддверии самой ужасной за всю историю человечества войны. Мы никогда бы не поняли Сталина, если бы сами воочию не убедились, что может натворить «сорвавшаяся с цепи» современная, аналогичная троцкистам, группа политического риска, наглая, самоуверенная, рассчитывающая на поддержку извне, цинично резонерствующая.

В течение многих лет после смерти И.В.Сталина абсолютное большинство граждан СССР с трудом могли представить себе опасность группы политического риска. Как правило, при анализе троцкизма дело сводилось к теоретическим разногласиям, к отношению к принятой генеральной линии партии, к характеру альтернатив и по тем или иным направлениям экономической, политической, социальной и духовной деятельности нашей страны. К середине восьмидесятых годов, когда «История КПСС» в весьма широких кругах советского народа, как ни странно, представлялась уже не как наука, а как некий политический паранаучный курьез, понятие «троцкизм» выступало уже в качестве характеристики некоторого социального недоразумения, в качестве мимолетного, бесследно канувшего в прошлое сюжета, который никто уже не хотел принимать всерьез. Более того, борьба с троцкизмом, которую возложил на свои плечи Сталин, в устах иной группы политического риска постепенно принимала черты «сталинских зверств», «политической нетерпимости», «катка сталинских репрессий» и



т.п. Иными словами, троцкизм превратился в невинное политическое существо, а сторонники Сталина – в тоталитарную, тираническую власть.

В 1922 г., когда И.В.Сталин еще, как говорится, маялся с троцкистами, на Западе была создана Международная Федерация по Правам Человека (FIDH) со штаб-квартирой в Париже, исповедовавшая весьма «перспективную» спекулятивную идею прав человека. Первые всходы от деятельности этой Федерации появятся вскоре после кончины И.В.Сталина, а именно: во второй половине пятидесятых годов. В дальнейшем на Западе было создано множество подобных, по сути подрывных организаций, комитетов, фондов и т.п., которые стали проводниками других спекулятивных идей: либеральная демократия, открытое общество, рыночная экономика, свобода передвижений (эмиграции), империя зла, правовое государство, гражданское общество и т.д. и т.п.

Безусловно, общества должны быть готовы к такого рода спекулятивным идеям и теориям. Должны быть готовы средства изучения этих идей и теорий, а также аргументы их дезавуирования и нейтрализации. Никто не должен опасаться таких (спекулятивных) идей и теорий, тем более в России, где исторически складывались адекватные средства «духовной брани»: существовало даже специальное понятие «духовная брань». Не случайно И.В.Сталин придавал такое большое значение русской философии, обратив внимание на необходимость её русского прочтения. Он рассчитывал на победу и в области духовной брани, но тогда, когда духовная брань по-настоящему началась, Сталина уже не было на свете и его недалекими наследниками эта духовная брань была проиграна.

В 1982 г. из СССР в США эмигрировал активный участник правозащитного движения с 1969 г. Олег Алексеевич Попов (1943 г.р.). Он эмигрировал вместе с семьей и по настоящее время проживает в США (кандидат физмат. наук, специалист в области физики плазмы, публицист). И вот недавно (в 2004 г.) на ряде сайтов Интернета появились несколько его (О.А.Попова) исповедальных статей. В одной из них («Американские «благотворительные» фонды и российские правозащитные организации») он пишет: «Давно ушли в прошлое те времена, когда российские диссиденты и правозащитники занимались неподцензурной общественной деятельностью бесплатно, из принципа – «не могу молчать!» Тогда за нее давали «срок», а в лучшем случае – «выпихивали» за границу. Сегодня эта деятельность, которую по традиции продолжают называть «защитой прав человека», не только не преследуется, но и неплохо оплачивается. Оплачивается западными, по преимуществу

американскими благотворительными фондами. Однако платят американцы, то есть выдают «гранты», далеко не всем правозащитным организациям, а лишь тем, кто защищает тех, «кого надо».<sup>13</sup>

Действительно, диссиденты и правозащитники появились в нашей стране по ряду причин:

1. Месть Сталину за разгром троцкизма, что можно было и предвидеть.

2. Нараставшая тревога от того, что карьеристы рвутся к власти, как тогда говорили, «идут по трупам», и чувство бессилия им противостоять.

3. Нелепые социальные преобразования (создание совнархозов, закрытие машинно-тракторных станций, «демократизация производства», повлекшая за собой дезорганизацию производства и т.п.).

4. Каскадно нарастающая интенсивность работы зарубежных спецслужб и примыкающих к ним организаций, комитетов, фондов и федераций типа FIDH.

5. Общая неготовность страны к духовной брани и т.д.

Конечно, когда диссидентство и правозащитничество стало оплачиваемым, когда диссиденты и правозащитники стали платными, была пройдена грань между служением Отечеству и служению тем, кто платит.

В другой статье «Защитники прав человека или «агенты глобализма». Кого защищают, а кого нет российские правозащитники» О.А.Попов пишет: «Все варианты либеральной идеологии "атомизированного человека", свободного от сословных ограничений, были революционны в Новое время и послужили политико-философской основой идеологии Просвещения. Идеология либерализма отражала доминирующие в то время в Европе механистические представления об обществе как чисто арифметической сумме "абстрактных индивидов", не имеющих собственной ценности и интересов. Она соответствовала протестантской версии христианства, основанной на индивидуалистической философии "преуспеяния" и "морали успеха" собственника, а также иудаизму, не запрещавшему ростовщичество... Однако идеология либерализма никоим образом не "вписывалась" в такие религии, как православие, ислам, индуизм»<sup>14</sup>. Как видим, для вооружения диссидентов и правозащитников были извлечены идеи протестантизма и иудаизма, идеи средневековья, Нового времени и эпохи Просвещения и т.д., то есть был создан, так сказать, компендиум мощного идеологического наступления. Адекватный этому наступлению встречный компендиум задумывался и И.В.Сталиным, по существу, ставилась задача создания такого компендиума, но кампания по «ра-

зоблачению его культа» сорвала решение этой задачи. Так и не было, например, выяснено, почему Запад искони реализовывал экономическую свободу, свободу слова, свободу выбора морали, свободу выбора религии, свободную личность и т.д., а в России всегда жизненно важной была необходимость совершенной личности, совершенства слова, совершенства общественных отношений, совершенное единство духовной и светской властей и т.д.

О.А.Попов задается вопросом: «Так на какую же аудиторию были рассчитаны опасные и рискованные "игры" диссидентов и правозащитников с защитой прав человека в СССР? Именно "игры", а не серьезные и ответственные действия, предусматривающие возможность положительного результата. Кому они были нужны? Кто мог получить дивиденды от этих "смертельных игр"?... Очевидно, что не советский народ: эти "игры в права человека", даже когда речь шла о Конституции, его мало волновали. Те разделы Конституции, в которых шла речь о "свободе слова, собраний" и о "свободе распространения информации", не имели никакого отношения к *реальной* жизни советского человека, не имеющего не малейшего желания не только бороться за эти свободы, но даже и не проявлявшего интереса к ним. Тем более, что участие в этих "играх" ставило под угрозу гораздо более важные для него ценности, чем заемные "основные права человека"»<sup>15</sup>.

Возникают вопросы: кто и зачем записал в Конституцию СССР указанные *свободы*, скорее всего, совершенно не понимая того, что пишет. Это, во-первых. Во-вторых, почему было записано чужое, «заемное», по стандартам которого общество нашей страны никогда не жило? В-третьих, почему не было записано то, что адекватно жизни нашего общества? Или это адекватное жизни нашего общества никто не изучал? Но диссиденты и правозащитники, так сказать, «педалировали» и не без оснований на то, что записано в Конституции СССР и призывали исполнять Конституцию. И вновь мысль возвращается к встрече И.В.Сталина в 1946 г. с философами, призывавшего основательнее изучать отечественное. А теперь приходилось «громить» диссидентов и правозащитников, сажать их в тюрьмы и т.д. Вот она эта наиболее скандальная ст.50 Конституции СССР, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. вместо Сталинской Конституции СССР 1936 г.: «В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Осуществление этих политических свобод обеспечивается представлением трудящимся и их организациям общественных

зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио»<sup>16</sup>.

Оказывается, что эту статью в Конституцию СССР 1977 г. Советский Союз был уже обязан записать, поскольку двумя с небольшим годами раньше руководство СССР, объективно не оценив опасность того, что подписывает на совещании глав европейских стран, США и Канады в Финляндии подписало так называемое Хельсинское Соглашение и тем самым согласилось соблюдать положения Всеобщей декларации прав человека.

Спрашивается, кто консультировал советское руководство по данному вопросу?; разве оно (советское руководство) не ведало о деяниях отечественных «правозащитников», к тому времени реально уже получивших неплохую оплату за свою «правозащитническую» деятельность в СССР?; почему оно переоценило результаты «разгрома» первой волны правозащитного движения в стране в середине 70-х гг., когда некоторые из правозащитников оказались в местах заключения, а другие, подобно Троицкому, были выдворены за рубеж? и т. д. А в скором времени предстоял еще Апрельский 1985 г. Пленум ЦК КПСС, возвестивший о новом убийственном решении ЦК: о перестройке и о новом мышлении, фактически позволившем распоясаться новым группам политического риска.

О.А.Попов пишет: «В 1975 году на совещании глав европейских государств, США и Канады в Финляндии было подписано Хельсинское Соглашение, в котором признавались законными существование в Европе государства (а значит, и СССР). В обмен на эту «уступку» со стороны стран НАТО советское руководство согласилось на включение в Соглашение положений, обязывающих все государства, его подписавшие, соблюдать права человека в той трактовке, в какой они давались Всеобщей декларацией прав человека. Этим актом советское руководство легализовало превращение прав человека из внутригосударственной юридической и политической категории в межгосударственную. Соответственно, принципиально менялся статус критиков нарушений прав человека в СССР: поскольку несоблюдение прав человека перестало быть ВНУТРЕННИМ делом государства, то критика западными правозащитниками нарушений прав человека в СССР обрела "легитимность" и законность. Более того, эта критика с формально юридических позиций уже не могла более восприниматься как враждебная пропаганда, поскольку велась не с позицией национальных интересов США (или "американского империализма"), а как бы с позиций ВСЕОБЩЕГО права, признанного законным и легитимным руководством Советского Союза, подписавшего Хельсинские

соглашения. А западные и российские правозащитники представляли в глазах мировой, в том числе и левой общественности, не как представители интересов правящих классов США, а как защитники УНИВЕРСАЛЬНЫХ прав человека»<sup>17</sup>.

Так, Советский Союз оказался в своеобразной ловушке, в идеологическом капкане, вырваться из которого уже не было возможности. На территории страны уже официально действовали так называемые Хельсинские группы, правозащитные центры и т.д., так сказать, творчески реализующие соответствующие чуждые нашему обществу положения Хельсинского соглашения. Да, собственно, адекватные нашему обществу стандарты его жизни никто не изучал и не знал.

И тогда были определены, как пишет О.А.Попов, «болевые» точки, по которым били правозащитники:

- советское государство *нелегитимно*, поскольку оно *антиконституционно*, так как систематически нарушает Конституцию и законы СССР;

- оно *нелегитимно*, поскольку *аморально*, так как постоянно *лжет*, отрицая факты нарушений властями собственных законов;

- оно *нелегитимно*, поскольку *несправедливо*, ибо преследует тех, кто говорит правду и взывает к *справедливости*.<sup>18</sup> Данные «болевые» точки, хотя и не являвшиеся «болевыми» точками жизни непосредственно самого общества, тем не менее формально стали основанием для оправдания диссидентской деятельности и создания очагов роста социальной энтропии. Диссиденты и правозащитники, по крайней мере, в собственных глазах, представляли не как авантюристы, а как правдолюбцы и правдоискатели. Реально они выдвигали перед государством заведомо невыполнимые требования, эти же требования поддерживали и предъявляли СССР западные официальные лица и политики различных уровней.

Почему общество должно было жить по принципам свободной личности, когда оно всегда жило по принципам совершенной личности; почему наше общество должно было исповедовать принципы свободы слова, когда оно всегда жило по принципам совершенства слова, наша великая русская литература состоялась как литература совершенства слова; почему Отечество должно было жить по принципам социального правового государства (верховенства светской власти над властью духовной – можно все, если оно не запрещено законом), в то время как оно (Отечество) всегда самоутверждалось по принципам социального соборного государства, согласно которым (принципам) жизнь человека должна соотноситься со стандартами гармонии, симфонии духовной и светской власти и т.д.?

Отметим, что в 60-е – 70-е гг. советское общество относилось к диссидентам и правозащитникам в лучшем случае равнодушно и презирало их, как тогда говорили, «симпозиумы на кухне». Как пишет О.А.Попов: «Замкнутые на себе, оторванные от народа... и абсолютно чуждые его повседневным интересам и нуждам, эти группы (диссиденты и правозащитники – *Н.Ч.*) не имели никакого веса в советском обществе... "основные права человека" не воспринимались как приоритетные и насущные не только "широкими массами", но и образованным классом, за исключением прозападной (в основном столичной) интеллигенции, регулярно слушавшей западные "голоса" и принимавшей за чистую монету ведущуюся "оттуда" пропаганду... Правозащитники не были "за-требованы" ни народом России, ни его историей. Так что социальные и политические силы, которые могли бы быть заинтересованы в результатах деятельности правозащитников, следовало искать за пределами СССР, в тех странах, где миф о приоритетности "основных прав человека" перед социальными, национальными и общественными правами и ценностями внедрялся и поддерживался всей политической и экономической мощью правящей элиты. Поэтому «совестью нации" ни правозащитники, ни даже академик А.Д.Сахаров не были и быть не могли. Как и нет оснований считать их противостояние советским властям моральным актом»<sup>19</sup>.

Однако в настоящее время в бывших советских республиках и социалистическом лагере другие события. Масштабы «социальных преобразований» стали столь разрушительными, а деяния правителей стали столь безответственными, что уже никто не сомневается в том, что руками этих правителей делается то, о чем не могли и мечтать все диссиденты и правозащитники вместе взятые со своими зарубежными спонсорами, когда программируются даже заказные социальные революции с привлечением огромного количества их (революций) участников; создаются антигосударственные партии и т.д.

Наконец, О.А.Попов обоснованно, хотя, возможно, и пытаюсь приуменьшить значение деятельности группы политического риска, пишет: «Правозащитники, безусловно, внесли свой «вклад» в дело разрушения Советского государства, чем многие из них до сих пор гордятся. Однако надо все же признать, что основной вклад в разрушение экономической, социальной и политической структур Советского государства внесло само руководство страны, его политическая и "интеллектуальная" элита»<sup>20</sup>. Судя по всему, с этим положением есть основания согласиться. Эта «интеллектуальная» элита объективно предстала как группа политического риска: ей удалось в какой-то мере вывести на орбиту своей анти-

государственной деятельности даже руководство страны. Через некоторое время на место диссидентов и правозащитников встала так называемая «Межрегиональная депутатская группа» (МДГ). В конце 80-х гг. XX в. эта группа политического риска будет уже непосредственно решать завершающие задачи по уничтожению СССР.

Итак, с середины 50-х г. в СССР разворачивались новые процессы, с которыми руководство страны, одурманенное «развенчанием культа личности Сталина», уже не знало что делать. Неожиданно для себя оно столкнулось с новой группой политического риска – диссидентами и правозащитниками, в пику которым раздувало культ К.Маркса. Данный культ укреплял эклектицизм советской идеологии, ее западническую сущность, что в целом повлекло за собой тяжелейшие для страны последствия.

Двадцать лет «разоблачения культа личности Сталина» обернулось для СССР тем, что данное «разоблачение» предстало как тлетворная базовая идеология врагов страны, как определенный институционализированный способ существования спекулятивной идеи, оно стало питательной средой для многих политических сомнений в правильности избранного страной пути, формой политического давления на КПСС и руководство страны, в форму политического авантюризма. Однако в отличие от Сталина, хорошо понимавшего опасность троцкизма, партийное и советское руководство послесталинских времен, одураченное страшилками «Архипелага Гулага» и т.п., было застигнуто диссидентами и правозащитниками врасплох.

Сталин боролся с троцкистами жестоко, и народ понимал его, поскольку в условиях неуклонного «сползания» мирового сообщества ко второй мировой войне «нянчиться» с троцкистами было некогда (не случайно пик «сталинских репрессий» пришелся на 1937-1938 гг., когда было уже очевидно, что войны не избежать). Советское же руководство после смерти И.В.Сталина в условиях принципиально изменившейся в пользу СССР ситуации предпочло несколько смягченный сталинский вариант «борьбы» с диссидентами, тем не менее этот вариант уже не отвечал новым условиям. Был создан специальный отдел КГБ, диссидентов отправляли в заключение, высылали из страны, их по-своему подвижническую и жертвенную деятельность предавали остракизму, их называли политическими дегенератами и т.п.

В этих условиях советское руководство, ошибочно сошедшись на том, что диссидентство и правозащитничество – это следствие реализации «буржуазной пропаганды», «буржуазной идеологии», сосредоточило весь идеологический аппарат на разоблаче-

нии, развенчании «буржуазной идеологии», «буржуазной философии» и т.д., в то время как нужно было создавать адекватную альтернативную и идеологическую базу, всесторонне исследовать отечественные теоретические традиции. Но, как ни странно, на пути создания такой базы стал культ К.Маркса, согласно которому указанные традиции относились к предосудительной немарксистской или домарксистской философии: от гуманистических требовали, во-первых, неустанного восхваления достижений К.Маркса, а во-вторых, обязательной критики «буржуазной идеологии». Причем требовались обязательно опровержение, ниспровержение «буржуазной идеологии».

Как выяснилось впоследствии, многие диссиденты и правозащитники ничего не имели против культа К.Маркса. Форсированное восхваление достижений К.Маркса даже, напротив, укрепляло общественный статус многих из числа диссидентов и правозащитников. Вместе с тем набирал силу экономизм К.Маркса, когда считалось, что, в частности, любые идеологические вопросы в конечном счете решает экономика, а потому призванные, например, непосредственно заниматься вопросами экономики председатели Советов народных депутатов были оттесняемы на вторые и третьи роли первыми и вторыми секретарями райкомов КПСС, а вопросами идеологии занимались третьи секретари райкомов КПСС, к которым, как правило, никто всерьез не относился.

С другой стороны, критика и ниспровержение «буржуазной» идеологии были бессмысленны. Во-первых, западные идеологи и без того критикуют друг друга, поскольку они полагают, что все принятое вне критики выступает как иррациональное, а, во-вторых, «буржуазная» идеология в своем отношении неопровержима и самодостаточна. Она не нуждается в диалектике, она не нуждается в поучениях со стороны нежелающих признавать ее укорененности в западных обществах, ее стандартов теоретизирования, ее теоретической последовательности и прочности и т. д. Тем более, с какой стати диссиденты и правозащитники или западные идеологи должны были всерьез принимать критику со стороны эклектиков? Как можно на это рассчитывать, если всю философско-теоретическую культуру Запада, не понимая сути дела, уничижительно объявляют «буржуазной» философией и «буржуазной» идеологией?

Диссидента и правозащитника могла победить только высокая отечественная теоретическая философская и идеологическая культура, только сопоставимый с западной идеологией и философией уровень развития отечественной диалектической философ-



ской и идеологической культуры, чем и был озабочен И.В.Сталин в 1946 г. на встрече с советскими философами.

Что же касается Запада, то СССР и Россия никогда перед ним хорошими быть не могут. И Сталин знал это, он не испытывал иллюзий насчет Запада по отношению к СССР. Диссиденты и правозащитники, выступая как «граждане мира», как космополиты, защищая так называемые общечеловеческие ценности, новое мышление и т.п., не понимали и не знали русского национального мышления (от многовекового русского теоретического философского, идеологического мышления марксизм жестко отмежевался как от «немарксистского» или «домарксистского» мышления). Собственно, как диссиденты и правозащитники, так и незадачливые борцы с ними не знали русской исконной философской, теоретической традиции, да и не хотели знать ее. Более того, экономизм Маркса призвал на должности секретарей райкомов и горкомов КПСС, грубо говоря, технарей, хозяйственников, которые никогда не считали идеологию и философию серьезным делом. Они, как правило, боялись идти в педагогические и научные коллективы и т.д. А именно в этих коллективах гнездилась, между тем, идеология групп политического риска.

Экономизм К.Маркса – эта надуманная схема, подобная сексологизму Фрейда, игрологии Хейзинги и т.п., – сыграл в СССР зловещую роль. Когда в СССР были опубликованы работы Мюрдаля, Гэлбрейта и других институционалистов, доказывающих необходимость плановой экономики, то (вместо того, чтобы задаться вопросом: с чего бы это институционалисты, встав в оппозицию к рыночникам, стали доказывать то же самое, что и К.Маркс?) советские экономисты и идеологи торжествовали: «Вот де, мол, и сами буржуазные экономисты поняли силу идей о плановой экономике, которые (идеи) еще возвещал К.Маркс». В условиях культа Маркса нельзя было разобраться в том, что методологически экономисты-рыночники и экономисты-защитники плановой экономики – это два теоретико-экономических течения метафизики, точнее, постметафизики. Иными словами, принятый за основу советской идеологии экономики экономизм К.Маркса сыграл роковую роль в судьбе советской экономики и идеологии, в судьбе нашей страны.

Многому должен научиться народ, потерпевший поражение. Он должен научиться как следует противостоять источникам спекулятивных идей и их проводникам – группам политического риска. Он должен по-настоящему оценить возможности отечественной философии и идеологии и предпринять необходимые усилия по их (отечественной философии и идеологии) актуальному раз-

вертыванию, а также выяснить, что могут позволить себе идеологи и политики в новых условиях.

В данный момент, когда пишутся эти строки, еще близится срок «славного», убийственного для страны двадцатилетия Апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС, провозгласившего начало перестройки и нового мышления. Реально данное событие сродни и сопоставимо с XX съездом компартии Советского Союза, положившим начало разоблачению культа личности И.В.Сталина и позволившему поднять голову новой группе политического риска, не менее опасной, чем троцкисты. Апрельский Пленум ЦК партии в очередной раз раскрепостил силы групп политического риска, современных, теоретически хорошо «подкованных» либералов и демократов. Апрельский 1985 г. Пленум ЦК КПСС наряду с XX съездом партии и т.д. стали своеобразными вершинами политического верхоглядства. Идеологически разоруженная КПСС, отвергнув многовековые теоретические традиции нашей страны, оказалась бессильной справиться с идеологическим «огнем», который сама же на себя вызвала. Ее идеология оказалась настолько разъеденной культом Маркса, что в действительности КПСС предстала как «колосс на глиняных ногах».

За гранью политических инсинуаций по отношению к И. В. Сталину со стороны групп политического риска, поднявших голову после его безвременной кончины, и групп риска, разрушивших Советский Союз, последнее слово о его (И.В.Сталина) исключительной роли в жизни нашей страны еще не сказано. В той мере, в какой ныне актуальна деятельность по спасению России, опыт противодействия группами политического риска еще предстоит изучить. Очевидно, что, не имея адекватных теоретических средств для успешного отпора идеологических агрессий со стороны Запада, с группами политического риска справиться невозможно. И ясно, что руководство страны должно быть весьма осторожным при принятии решений, относящихся к идеологической стороне жизни общества.

---

<sup>1</sup> Троцкий, Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов / Л.Д.Троцкий. – М., 1990. – С.137-138.

<sup>2</sup> Там же. – С.139-143.

<sup>3</sup> Там же. – С.144-146.

<sup>4</sup> Там же. – С.146.

<sup>5</sup> Там же. – С.163.

<sup>6</sup> Там же. – С.174

<sup>7</sup> Там же. – С.179.

<sup>8</sup> Там же. – С.54.

<sup>9</sup> Там же. – С.58.

<sup>10</sup> Троцкий, Л.Д. Указ. соч. – С.149.

---

<sup>11</sup> Карпов, В.В. Генералиссимус : историко-документальное издание в 2 кн / В.В.Карпов. – М., 2002. – Кн.1. – С.54-55.

<sup>12</sup> Сталин, И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения / И.В.Сталин // Ленин и Сталин : сборник произведений к изучению истории ВПК(б) : в 3 т. – М., 1936. – Т.3. – С.407.

<sup>13</sup> Попов, О.А. Американские «благотворительные» фонды и российские правозащитные организации [Электронный ресурс] // Альманах «Лебедь». – 2004. – 08 февраля. – №361. – С.2-9. – Режим доступа: <http://www.lebed.com/2004/361.htm>).

<sup>14</sup> Попов, О.А. Защитники прав человека или «агенты глобализма»? Кого защищают, а кого нет российские правозащитники? [Электронный ресурс] // Москва. – 2004. – №1. – Режим доступа: <http://www.moskvam.ru/2004/01/popov.htm>).

<sup>15</sup> Попов, О.А. Human Rights Watch как политический инструмент американской либеральной элиты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.navi.kz/articles?artid=6389>.

<sup>16</sup> Конституция СССР и развитие советского законодательства. – М., 1983. – С.40-41.

<sup>17</sup> Попов, О.А. Human Rights Watch как политический инструмент американской либеральной элиты...

<sup>18</sup> Попов, О.А. Защитники прав человека или «агенты глобализма»? Кого защищают, а кого нет российские правозащитники?...

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Там же.

## **ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Дроздов Н.И.,

доктор исторических наук, профессор  
Красноярский государственный  
педагогический университет имени  
В.П.Астафьева  
(г. Красноярск)

Панюков А.И.,

доктор философских наук, профессор  
Сибирский юридический институт  
МВД России  
(г. Красноярск)

Историческое самосознание возникает в первобытном мире. М.О.Коялович связывает появление исторического самосознания с периодом в истории человеческого общества, когда люди стали осознанно хоронить умерших, то есть когда они стали понимать,

что принадлежат к единой цепочке сменяющихся поколений. «Они ощутили связь с прошлым, связь с ушедшим». В этот период начинают формироваться оценочные представления о предках и об их деяниях.

По свидетельству Прокопия Кесарийского, древние славяне не признавали судьбу и ее силу над человеком, а верили «в единого Бога, творца молний, владыку над всем». Чтобы спасти себя от смерти и болезни, они приносили «Богу жертву за свою душу».

Древние славянские язычники верили в особое покровительство божеств над славянским родом. Геродот (V в. до н.э.) пересказывает скифскую легенду о первом жителе славянского мира Таргитае, которому божество подарило с неба плуг для обработки земли, ярмо для скота, секиру для войны и чашу для еды. Эти священные предметы славяне тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося небесному покровителю богатые жертвы. Древнерусские языческие философские и исторические представления о мироздании рисуют такую картину: земля держится на воде, вода на камне, камень на четырех китах, киты на огненной реке, та на вселенском огне, огонь на «железном дубе, посаженном прежде всего другого, а все корни его опираются на Божью силу».

Дуб, именуемый по-разному: мировое дерево, центр мира, мировая ось, стоит на камне Алатырь... Ветви этого дуба достигают небес, корни – преисподней. Место, где растет мировое дерево, у русских язычников называлось Ирий. Считалось, что оно находится на востоке по ту сторону облаков у самого моря. Из Ирия приходит солнце, туда же в вечные лета уходят души умерших.

Хранителями философских знаний и носителями исторического самосознания в языческую пору были жрецы, волхвы, народные поэты-сказители. Сведения об одном из них – Бояне – сохранила память народа. Боян пел о божествах, богатырях, князьях, воспевал добро, верил в победу добрых начал и особое покровительство божества над русскими людьми.

Принятие Древней Русью христианства постепенно изменило все позиции, с помощью которых славяне осуществляли историческое самосознание (самоидентификацию). Изменилась картина мира, историческое представление человека о своем месте в мире истории, своем предназначении и возможностях. Постепенно духовно-нравственные и исторические представления о душе, добре и зле, об особом покровительстве божества над русским народом в преображенном, облагороженном виде органично сливаются с христианским мировоззрением. Языческое представление об особом покровительстве божества над славянским народом после

принятия христианства обретает совершенно новый смысл в особом историческом пути русского народа.

Все эти изменения исторического миропонимания стали закрепляться с помощью художественно-эстетических обрядов: литературы, храма, иконы. Храм, икона, литературное творчество явились своего рода текстами исторического самосознания эпохи, точно отражая ее ключевые характеристики самоидентификации. С их помощью разворачивается процесс создания целостного исторического самосознания. В работе «Путь жизни» Л.Н. Толстой писал по этому поводу: «Для того чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир, среди которого он живет»<sup>1</sup>. Мощный толчок развитию русского исторического самосознания дали основатели отечественного монашества Антоний и Феодосий Печерские. Они внесли в русскую духовную мысль осознание христианской цельности – понимание неразрывности веры и жизни, соборное растворение личности в истории народа и церкви.

В это время складывается и русская историческая философия (аналог философии истории). По учению монаха Нестора, историческое самосознание – это выражение борьбы добра со злом, вечных добрых начал человеческой души с бесовским соблазном сил зла. Нестор проводит мысль об историческом единстве народа, единении самосознания Руси. Пробуждение национального самосознания, пишет в «Философии истории» (1923) Л.П.Карсавин, связано с начальным этапом «сверхвременного идеала и сверхвременного существа народа». В «Повести временных лет» земная жизнь рассматривается как противостояние добрых и злых людей. Последние опаснее бесов, ибо «беси бо Бога боятся», а зол человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло. Борьба за добро, любовь к добру, добролюбие – важнейшие ценности исторического понимания Древней Руси.

Древнерусские языческие представления о мироздании, и прежде всего о смысле и пути жизни человека, с принятием христианства приобретают совершенно иную, христианскую трактовку, полностью вытесняя всякие упоминания о языческих божествах. В «Голубиной книге» (Глубинной книге), считавшейся дозволенной вплоть до XIII в., содержалась «глубина премудрости», объяснялись космогонические вопросы о происхождении мира. В книге открывается «ремудрость»: от чего произошли свет, солнце, месяц, зори, звезды, ночи, ветры и многое др. О создании человека говорится: «У нас ум-разум самого Христа: наши помыслы от об-

лац небесных; мир-народ от Адама; кости от камня; телеса наши от сырой земли; кровь – руда наша от Черна моря»<sup>2</sup>.

Вместе с тем, как пишет М.О.Коялович, наступление новых условий для становления национального духа, когда вынужденно столкнулись и взаимодействовали две исторически разные культуры, – оседлая земледельческая культура христианского государства и культура военно-кочевого типа – привело к формированию доминанты исторической вариативности.

Историческое самосознание вынуждено было гибко реагировать на нестабильную ситуацию, и создается несколько модификаций древнерусской культуры на всем пространстве расселения восточных славян. Важно отметить, что происходящие изменения в системе исторических ценностных ориентаций усложнялись внешними обстоятельствами национального и исторического развития. Ответом русской философии на эти исторические обстоятельства было усиление тяги к истинной духовной свободе. Путь этот показал игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Его жизнь и политическая деятельность стали практическим претворением «цельности духовной жизни».

В XIV-XV вв. отечественная культура успешно работает над созданием образа нового «исторического героя» в качестве эффективной модели поведения человека («Житие Феодора Ярославского», «Житие Ефрема Новоторжского», «Задонщина» Софония Рязанца и др.). Оформление исторического самосознания выражается в стиле жизни данного времени, в его привычках, предпочтениях, заблуждениях и идеалах. «...Если души наши укроем // и оденемся и просветлимся, // и исполнимся вестью благою, // то воистину Царь небесный // возжелает крепить наши души и придет, и вселится в нас...»<sup>3</sup>. Историческое самосознание приобретает идею завершенности и совершенства в трудах Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, в художественных образах Андрея Рублева. Они требуют внутреннего духовного совершенства и «преображения души по учению Христа». Андрей Рублев на практике развивает учение, требующее духовного внутреннего сосредоточения, самосовершенствования, «умной» молитвы, внутреннего «умного» делания. Бог существует вне видимого мира, а потому недоступен для познания человека, который может признавать Бога только в его проявлениях, – «Его благодати, силе, любви, мудрости».

Московское государство – «новое христианское устройство» – выработало свой язык и свои исторические и художественные символы. Они особенно хорошо видны на примере рассмотрения системы исторического самосознания «отдельного реального человека Московского государства». «Кто об уме небрежет, тот мо-

лится воздуху: Бог уму внимает, – писал Нил Сорский. – Без мудрствования и добро на злобу бывает ради безвременья и безмерья. Егда же мудрование благим меру и время уставит, чуден прибыток обретається. Время безмолвно и время немязежной мольбе, время молитвы непрестанное и время службы нелицемерное. Умное делание необходимо, чтобы очистить ум от греховных помыслов и страстей. Преподобныя изучает развитие страстей». Поведение человека зависит от того, что формирует его страсть, – «бесовское» хотение или «страх Божий». Человек должен настраивать свой ум на мечтание о Божественном, вечном, и тогда в нем победит духовное начало и ти приблизится к Богу.

Иерархия исторических ценностей людей этого времени позволяет найти аргументы к тезису академика Д.С.Лихачева о том, что «...уже Киевская Русь имела историческое самосознание очень высокого уровня». Очень удачно эти сюжеты представлены в сборнике «Россия героическая: Рассказы русских писателей и воинские повести XIV-XVI веков» (1988).

В XIV-XVI вв. завершается формирование основных идей русской исторической философии. Сформулированная еще монахом Нестором идея русской истории в трудах другого монаха старца Филофея приобретает еще более определенный характер в учении «Москва – третий Рим».

В послании Великому Князю Московскому Василию III, написанном между 1515 и 1521 гг., инок Филофей призывал: «Я ныне глаголю: блюди и внемли, благочестивый Царю, яко вся христианская царства снисдошась в твое едино, яко два Рима подоша, а третей стоит, а четвертому не быти...». С Крещения, вплоть до XVII в., русское государство сознательно обустроивалось «во образ исторической Святой Земли Палестины и во образ Обетованной земли грядущего Небесного Царства, Иерусалима Нового». Москва как столица единого Русского государства уже давно осознается и как Третий Рим. Обычно эту идею связывают с именем инок Филофея, но он лишь один из авторов, записавших это выражение. Сама идея третьего Рима появляется на Руси с принятием христианства. Такие столицы, как Киев, Новгород, Владимир, сознательно создают архитектурные образы второго Рима – Константинополя, становясь тем самым третьими Римами. В образ третьего Рима оформляет себя и Москва уже с постройкой Успенского собора Кремля, а после 1453 г., когда «во прах склонился Рим второй» и Византийская империя перестала существовать, подвергшись османскому порабощению, Москва становится преемницей Константинополя уже в полном смысле. Это подчеркивается переходом герба Византии (двухглавого орла) на Русь. Двух-

главные орлы помещаются на башнях Кремля, Белого города, других зданиях, широко распространяются в русской государственной эмблематике. В XVI-XVII вв. это развитие достигает апогея. В Москве создается исторический комплекс, призванный связать Московское государство со всемирной историей, показать «избранность» Московской Руси как преемницы всех духовно-культурных сокровищ человечества, наследницы великих монархий древности. Центром этого комплекса становится Московский Кремль.

Н.А.Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», рассуждая о теории третьего Рима, приходит к выводу, что периодически в народе просыпается подозрение, что «православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной веры. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист»<sup>4</sup>. Истинное православное царство уходит под землю. С этим связана легенда о Граде Китеже, скрытом под озером. «Народ ищет Град Китеж», – утверждает Н.А. Бердяев.

Новой культурной доминантой XVIII в. является Просвещение. Если попробовать подыскать слова, которые наиболее точно отражали бы историческую ситуацию петровского и послепетровского времени, «то, – пишет А.М.Панченко, – ...мы получим примерно такой ряд: учение, ученичество, школа, перемены, новое, переворот и т.п.»<sup>5</sup>. Ясно, что споры о сущности того цивилизационного поворота, который совершила Россия в XVIII в., не утихнут в русской мысли никогда. Но понять этот поворот можно только как смену культурной модели исторического самосознания. Историческое самосознание XVIII в. в наиболее ярком виде демонстрирует тот факт, что национальное развитие может сделать скачок, рывок только через культуру, а не вне ее.

А.Н.Радищев когда-то написал про XVIII в.: «Столетие безумно и мудро». Он же писал: «Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива».

Исторический процесс культурных заимствований и адаптации постепенно менял социальные приоритеты и формы культурного творчества. В это время идет распространение новой культурной и исторической информации, постепенно возрастает роль печатного слова в усвоении национальных и исторических ценностей, формируется общественно активный слой людей с европейским образованием. Известный исследователь русской культуры Ю.М.Лотман писал о выделении позиции «исторического образа», которая чрезвычайно важна в культуре, поскольку она демонстрирует результат культурного творчества – самопознание (самоидентификацию – самосознание).



Специфика исторического самопознания этой эпохи реализуется в следующих аспектах.

Первый аспект – это византийская традиция религиозного осмысления исторической жизни, так как «религия в России была целиком Византийской». В 1837-1841 гг. монах Глинской Оптины Макарий перевел с древнееврейского на современный русский язык большинство книг Ветхого завета, сделав их общедоступными.<sup>6</sup> Кроме библейских повествований, любимым чтением были сочинения византийских богословов Иоанна Златоуста, Василия Великого, в которых растолковывались основы христианского миропонимания. Этот аспект был подчеркнут еще П.В. Безобразовым в статье «Черты византийских нравов и культуры» (1890).

Второй аспект характеризуется тем, что начиная с исторических работ А.Н.Радищева, с его трактата «О человеке, о его смертности и бессмертии» (1809), светская (обыденная) история и историческое существование человека становятся самостоятельной предметной областью исторического самосознания.

А.Н.Радищев строит свою концепцию человека и человеческой истории на отрыве «теологии истории» от истории человека. В работах «Беседа о том, что есть сын отечества» (1789) и «К российской истории» (1789) он обосновывает принцип «обыденности истории». А.Н.Радищев пишет: «Обратим взор наш на человека; рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определим или, по крайней мере, угадаем, что мы будем или быть можем...»<sup>7</sup>.

Третий аспект определяется исторической самобытностью русского народа, и, начиная с Петра I, в сочетании с элементами подражания западноевропейской культуре, А.Н.Грузинцов, поэт начала XIX в., автор обширной эпической поэмы «Петриада» (1817), размышляя о данном обстоятельстве в истории России, полагал, что необходимо сгармонизировать «умозрительность с опытом», называя Россию «Русью перетворенной».

Елпидифор Васильевич Барсов писал: «Петр I наводнил Россию иностранцами; упразднил исконные обычаи, одежду, домашний быт; "выстроил иноземный град на опасном краю отечества"; говорит не по-нашему; унизил веру и "якшается с басурманами"; по всей державе снуют шпионы; святая Русь, видевшая в своих землях Андрея Первозванного, край святых подвижников и предстоятелей, из твердыни отчей веры обращена в застенки православия».

По мнению Д.А.Валуева, в Петровскую эпоху, завершившуюся в 1820-х гг., русская литература и искусство перенимали и переводили на русский лад все западное без разбора – и хорошее, и дурное. В.А.Жуковский – «последний и даровитейший представи-

тель» литературы Петровской эпохи, А.С.Пушкин в последние годы и Н.В.Гоголь принадлежат уже «русской жизни и народной мысли».

Вместе с тем, как это ни парадоксально, но обращение к «родным гробам, родному пепелищу», прежде всего, связано с художественным творчеством Екатерины II. Императрица в бытовых зарисовках «Были и Небылицы», «Шутливые предсказания», в сказках «О царевиче Хлоре» и «О царевиче Февее», в драматических произведениях «Историческое представление из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега» и др. восстанавливала исторические, языковые и бытовые традиции русского народа, его самобытность и национальную уникальность.

Четвертый аспект – это теоретическое отношение к истории, оформившееся в эту эпоху в самостоятельную историческую науку, то есть в период от 1766 г. – года издания «Истории России» М.В.Ломоносова – до выхода в свет в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и в 1824-1825 гг. 1-5 частей «Всеобщей истории древних просвещенных народов от основания царств до летоисчисления христианского» И.Д.Ертова.

Пятый аспект – имперское историческое самосознание родилось из ситуации противостояния наполеоновской Франции и России Александра I.

Борис Гройс в статье «Поиск русской познавательной идентичности» подчеркивает, что «вопрос об особом характере национальной культуры встал в России в достаточно острой форме после победы России в войне с Наполеоном в 1814 г.»<sup>8</sup>.

Историческое и национальное самопознание человека начинается с формирования основных «вечных» вопросов. Для первой половины XIX в. это были вопросы самоидентичности: кто мы? какие мы? куда идем? В письме А.Ф.Бенкендорфу в январе 1835 г. о дозволении прочесть в архиве Пугачевское дело и сделать выписки «если не для печати», то «для успокоения исторической моей совести». Это замечание показательно как ощущение глубоко внутреннего характера исторических занятий<sup>9</sup>. Внимательно изучая русскую историю, А.С.Пушкин пытался понять ее драматизм и самобытность, художественно «освоить» исторические события. Он писал и говорил о своеобразии русского национального исторического самосознания, основные парадигмы которого были «прописаны» А.С.Пушкиным в «Заметках по русской истории XVIII в.», в «Набросках предисловия к "Борису Годунову"», в «Заметках о народной драме и о «Марфе Посаднице» М.П.Погодина», в «Набросках третьей статьи об "Истории Русско-

го Народа" Н.А.Полевого», в «Заметках о русском дворянстве», в «Заметках на полях письма кн. П.А.Вяземского к С.С.Уварову по поводу книги Н.Г.Устрялова "О системе прагматической русской истории"».

В.К. Кантор акцентировал внимание на феномене XIX в. – «историческом самосознании культурных гнезд русской провинции» («Отцы и дети», «Дворянское гнездо» И.С.Тургенева и т.п.). Антиномные пары «столица-провинция», «центр-периферия» позволяют уяснить суть, содержание и направленность исторического самосознания русской культуры того времени.

События 1917 г. и последующих лет обращают на себя внимание чередой жизненных катастроф и потрясений как нации в целом, так и отдельной человеческой судьбы. Общенациональный психологический разлом совпал по времени и по интенсивности с кризисом личной и исторической идентичности и выработкой нового содержания исторического самосознания.

Современное историческое самосознание носит диалогический и полифонический характер. Первый признак связан с тем, что в рамках традиционной модели мира истории через оппозиции прошлое-настоящее, настоящее-будущее идет диалог поколений. Второй признак связан с многоголосием мира истории.

Историческое самосознание как сфера исторического сознания подразделяется на типы и уровни. Типы исторического самосознания преходящи и соответствуют определенным периодам в развитии истории человеческого общества. Уровни исторического сознания – обыденный и теоретический – взаимодействуют и взаимопроникают. Соотношение же уровней и образует типы исторического самосознания.

Таким образом, историческое самосознание, прежде всего, – устойчивая форма исторического сознания, ориентированная на смысложизненные мировоззренческие принципы, фиксирующие рефлексивные отношения человека и человеческого общества к прошлому, нынешнему и будущему через призму и оценки самого себя как субъекта практической и позитивной деятельности в истории.

---

<sup>1</sup> Толстой, Л.Н. Путь жизни / Л.Н.Толстой. – М., 1993. – С.5.

<sup>2</sup> Морозов, Н.А. Христос. Бог и слово / Н.А.Морозов. – М., 1998. – С.527.

<sup>3</sup> Чуринов, Н.М. Совершенство и свобода : философские очерки / Н.М.Чуринов. – Красноярск, 2001. – С.268.

<sup>4</sup> Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA PRESS, 1955 / Н.А.Бердяев. – М., 1990. – С.41.

<sup>5</sup> Панченко, А.М. О русской истории и культуре / А.М.Панченко. – СПб., 2000. – С.57.

---

<sup>6</sup> См. Пятикнижие Моисея : в пер. Архимандрита Макария. Репринтное воспроизведение издания 1863. – СПб, 2000.

<sup>7</sup> Радищев, А.Н. Избр. соч. / А.Н.Радищев. – М., 1949. – С.298.

<sup>8</sup> Гройс, Борис. Поиск русской национальной идентичности / Борис Гройс // Россия и Германия: Опыт философского диалога. – М., 1993. – С.32.

<sup>9</sup> Пушкин, А.С. Исторические заметки (Историческая проза. Заметки) / А.С.Пушкин. – Л., 1984. – С.521.

## **К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

Андреев А.Л.,

доктор философских наук, профессор,  
Красноярский государственный  
педагогический университет имени  
В.П.Астафьева  
(г. Красноярск)

Во все времена в общественном развитии важной была задача формирования мировоззрения людей как фактора для достижения определенных социальных и исторических целей.

Процесс формирования мировоззрения – процесс сложный и многоплановый. Он определяется как объективными условиями реального бытия людей, так и субъективными факторами.

В рамках нашей статьи мы сосредоточим внимание на анализе места и роли отдельных элементов субъективного фактора в формировании мировоззренческой функции исторического самосознания.

Под мировоззрением принято понимать целостную систему взглядов на мир, в основе которой лежит определенное восприятие людьми социальных и исторических отношений, своего места в социальной структуре и в мире истории, соответствующая оценка и отношение к общественным и историческим явлениям. Мировоззрение является интегральным осмыслением исторической действительности, в которой исторические взгляды, исторические представления, исторические знания получают определенную социальную и историческую направленность. В содержание мировоззрения входят естественнонаучные взгляды, система политических идеалов и представлений, также определенное отношение к существующим моральным нормам и ценностям, то или иное понимание человеком своего места в обществе и истории.

Субъектами мировоззрения могут быть общество в целом, социальные группы и отдельные индивиды.

Мировоззрение общества есть отражение конкретно-исторических особенностей эпохи, природных и социальных условий его существования. В большей мере оно формируется под влиянием господствующей политической и исторической идеологии. В историческом мировоззрении главным является осознание того, насколько и как общественная, историческая реальность освоена общественным человеком, какое историческое значение (или исторический смысл) и какую историческую ценность имеют те или иные объективные явления и процессы для человека, какова степень его зависимости и свободы в мире истории, к каким целям надо стремиться и как их достичь. Принципом систематизации мыслительного материала (исторических взглядов, исторических представлений, исторических понятий, исторических идеалов) становится оценочно-ценностное отношение человека к миру истории, усвоение своего места в нем.

В связи с этим хотелось бы напомнить, что историческое самосознание – это осознание народом, нацией, человеком себя как субъекта исторического действия, своих интересов, своего места в мире, своей истории и культуры. Одним из первых в философии об историческом самосознании народа, нации, человека заговорил Гегель. Как известно, философ видел в истории человеческого общества развертывание мирового духа, который и составляет основу исторического процесса. Для объяснения развертывания этого духа он ввел в свою концепцию новое понятие – понятие «народный дух». С помощью этого понятия Гегель пытался найти среднее звено между мировым духом и индивидуальным сознанием, что позволило бы ему представить конкретную историю народов как развитие мирового духа. Гегелевский народный дух есть не что иное, как самосознание народа. Дух приобщается к самому себе, стремится понять себя. Высшее достижение духа, по Гегелю, заключается в том, чтобы знать себя, дойти не только до самозерцания, но и до мысли о самом себе.

Специфика индивидуального исторического мировоззрения состоит в том, что оно выполняет в системе человеческих знаний совершенно определенную функцию: служит способом обобщенного осознания человеком своего отношения к исторической действительности, определения своего места в мире истории, осознания цели и смысла своей исторической жизнедеятельности. Все исторические представления, исторические взгляды, исторические понятия, исторические принципы, которые непосредственно вы-

полняют эту функцию, являются мировоззренческими, могут рассматриваться как элементы исторического мировоззрения.

Историческое мировоззрение индивида не тождественно его историческому самосознанию. Если историческое самосознание есть отражение всех многообразных сторон индивидуального бытия, включает в себя частные взгляды человека на конкретные стороны исторической действительности, имеющие преходящий, временный характер, то историческое мировоззрение – это взгляды и представления, направленные на интегральное целостное восприятие мира истории, имеющие устойчивый и принципиальный для жизнедеятельности личности характер. Кроме того, историческое самосознание включает в себя формы психического отражения, тогда как историческое мировоззрение, существуя как система убеждений, представляет собою органическое единство знаний и переживаний. В этом смысле историческое мировоззрение служит стержнем исторического самосознания личности, является критерием отбора исторических фактов, их осмысления, оценки и превращения в систему принципиальных исторических ориентаций. Любая деятельность приобретает исторический личностный смысл только тогда, когда она сопрягается с определенными мировоззренческими взглядами. В противном случае деятельность носит характер отчужденного труда либо человек является безучастным исполнителем чужой воли. Через историческое мировоззрение происходит осознание и принятие во внутренний мир личности исторических идеалов и основных исторических ценностей общества.

Историческое мировоззрение индивида имеет глубоко социально-личностный характер. Поэтому мировоззрению нельзя научиться путем пропаганды, просветительства, распространения всевозможных знаний. Свое историческое мировоззрение каждый человек должен выносить, выстрадать сам через собственный жизненный опыт, через собственные переживания.

«Как правило, – пишет В.А. Вайгук, – человек не декларирует свои мировоззренческие принципы»<sup>1</sup>. Он им просто следует, даже если они в его самосознании не выражены концептуально. Характеризуя место и роль исторического мировоззрения в жизнедеятельности личности, следует подчеркнуть, что оно является не только внутренним регулятором поведения в конкретных жизненных ситуациях, но и служит стратегией жизнедеятельности личности в целом. Таким образом, если в гносеологическом плане функцией мировоззрения являются обобщение и отбор принципиально важных для личности представлений, взглядов, вкусов из всего, что его окружает, приобретая характер личностно стержневых, то

в социально-историческом плане мировоззрение выполняет функцию регулятора поведения, обуславливая общую историческую направленность всей жизнедеятельности индивида. Это своеобразная доминанта его исторического поведения.

Реализация задачи формирования исторического мировоззрения предполагает знание факторов, средств и механизмов воздействия и управления ими. Дело в том, что пути, способы, средства формирования мировоззрения образуют сложную систему факторов, каждый из которых занимает особое место в этой системе и выполняет специфическую функцию. К ним относятся составные элементы общественной макро- и микросреды: уровень социально-экономического развития, система идеологии, уровень нравственно-эстетической культуры, характер существующей системы образования и воспитания, особенности семейной жизни и т.д. В роли средств выступают система массовых коммуникаций, система пропагандистского воздействия, произведения искусства, а также все продукты духовной культуры, которые служат воспитанию людей в определенном духе. Следует отметить, что между факторами и средствами нет принципиального различия, так как одни и те же элементы макро- и микро среды могут быть факторами и могут быть использованы в качестве средств (например, система идеологии). Особо следует выделить социально-психологические механизмы формирования исторического мировоззрения: убеждение, внушение, заражение, подражание, пример и т.д. Некоторые механизмы сознательно используются в целенаправленном воспитании мировоззренческих ориентаций (убеждение, пример, внушение, подражание), другие функционируют в стихийном восприятии привычек, вкусов, норм, образцов окружающей среды (заражение, подражание, внушение).

Как отмечалось ранее, формирование исторического мировоззрения зависит от объективных условий и факторов. По отношению к субъекту мировоззрения одни и те же явления могут выступать и как объективные, и как субъективные. Так, идеология применительно к мировоззрению общества является субъективным фактором его формирования, точно так же, как и другие формы духовной культуры. По отношению к индивиду они выступают в качестве объективных условий, во многом определяющих процесс социализации личности и формирования его исторического мировоззрения.

Историчность и последовательность мировоззрения обусловлены внутренним соответствием факторов, средств и механизмов его формирования, непротиворечивостью, в известном смысле гармоничным сочетанием объективного и субъективного в данном

процессе, принципиального единства макро- и микроусловий. Не соответствие идеологических деклараций реальным условиям жизни приводит к деформациям исторического мировоззрения, к появлению безнравственных ценностных ориентаций. Показательны в этом отношении результаты социологических исследований, проведенных сотрудниками журнала «Социологические исследования» Л.Г.Новиковой, А.А.Овсянниковым и Д.Г.Ротманом «Стереотипы исторического самосознания» (1989), сотрудником журнала «Народное образование» Л.Фридманом «Особенности самосознания современной школьной молодежи» (1993) и сотрудником журнала «Искусство в школе» А.А.Дмитриевой «Воспитание исторической памяти у подростков» (1999), а также наши собственные исследования «Психолого-педагогическое содержание исторического самосознания» (1995-2004).

Говоря о роли идеологического воздействия, следует подчеркнуть, что у отдельного индивида формирование исторического мировоззрения осуществляется стихийно, под непосредственным влиянием условий его индивидуального бытия, которые он неосознанно как бы впитывает в себя и которые постепенно становятся его сущностью. Исторические обычаи, исторические традиции, стереотипы поведения, привычки окружающих, воздействуя на человека, обуславливают его историческое мировосприятие. Условия микросреды важны не столько сами по себе, сколько как факторы, определяющие жизненный опыт личности, который, в свою очередь, выступает для нас критерием отбора наиболее важных исторических ценностей. То есть по отношению к отдельному человеку уровень духовной культуры общества, идеологическая атмосфера, психология макросреды, условия индивидуального бытия являются объективными обстоятельствами, обуславливающими его историческое мировоззрение. Субъективными факторами формирования мировоззрения, на наш взгляд, выступают практическая деятельность индивида, его историческое самосознание.

Для формирования исторического мировоззрения отдельного индивида его субъективная практическая деятельность играет решающую роль. Без практических действий, без выбора и осуществления поступков исторического мировоззрения нет и не может быть. В процессе деятельности происходит кристаллизация исторических взглядов, человек упрочивается на одних исторических позициях и отвергает другие как неприемлемые или не приносящие успеха. Субъективные ощущения, исторические представления, подкрепленные историческим опытом, постепенно превращаются в личностные принципы последующей деятельности. В самосознании происходит сложный процесс образования фиксирован-



ных установок, стереотипов поведения, выбора исторических ценностей и в целом жизненных ориентаций. Из всего многообразия исторических установок, исторических убеждений, исторических принципов выстраивается иерархия значимых для индивида отношений с миром истории, выделяются ценностные ориентации номер один, образующие ядро исторического мировоззрения.

Таким образом, историческое мировоззрение личности, с одной стороны, кристаллизуется в ходе практической деятельности, с другой стороны – обеспечивает ее историческую направленность, выступая своеобразной исторической стратегией.

Формирование исторического мировоззрения человека происходит вместе с созреванием его как личности. К собственным убеждениям человек приходит сам, иногда в процессе сложного и мучительного выбора. В этом большую роль играет историческое самосознание.

Историческое самосознание есть способность человека посмотреть на себя со стороны, отнестись к себе как к объекту истории, оценить все свои «за» и «против». Его можно рассматривать как сложный социально-психологический феномен, который включает в себя рациональные элементы и эмоционально-чувственные. Единство чувственного и рационального моментов обуславливает самооценку, которая может носить как временный, ситуационный, преходящий характер, так и устойчивый, личностный, когда человек в принципе решает, состоялся он как личность или нет, чего он стоит, на что он может претендовать. «Разумеется, – пишет С.М.Толстая, – самооценка не является продуктом субъективно-индивидуального видения себя, она зависит от восприятия оценок окружающих людей»<sup>2</sup>.

Установлено, что самооценка является мощным регулятором поведения человека, его отношений с другими людьми. На наш взгляд, следует выделить особую мировоззренческую функцию самооценки, так как на ее основе строится концепция собственного «я» и концепция отношений с миром. Так, самооценка может быть адекватной и неадекватной в зависимости от характера индивидуального жизненного опыта, внутреннего субъективного мира личности и сложившихся обстоятельств. Неадекватная самооценка, соответственно, может быть завышена или занижена. Адекватные или неадекватные представления человека о себе в значительной мере определяют и его историческое мироощущение и взаимодействие с миром истории. Человек с адекватной самооценкой знает, как правило, чего он хочет, ставит перед собой вполне достижимые реальные жизненные цели, его историческое мировоззрение сбалансировано, чаще оптимистично, носит жизнеут-

верждающий характер. У человека же с неадекватной самооценкой, – подчеркивают В.И.Смагин и Т.П.Фокин в работе «Самосознание как фактор саморегуляции человека», – нарушены нормальные связи с миром, гипертрофировано представление о собственной значимости (сверхценности) либо о собственной несостоятельности, неспособности противостоять обстоятельствам.<sup>3</sup>

Специфическая мировоззренческая функция самооценки просматривается в характере и результативности деятельности личности. Деятельность личности с адекватной самооценкой всегда более успешна, чем человека с завышенной или заниженной самооценкой.

Развитие исторического самосознания – сложный и длительный процесс, в котором происходят постоянное соотнесение с общественной шкалой ценностей и соответствующая корректировка «я»-концепции. В контексте сказанного очевидна необходимость разработки проблемы мировоззренческой культуры личности, о чем писал в свое время еще академик Д.С.Лихачев. С этим связан в конце XX в. и определенный теоретический поворот нашей философской мысли к тем проблемам, которые долгое время считались либо выражением религиозных устремлений индивида, либо склонностью к «самокопанию», которые здравый человек должен просто отбросить как ненужный исторический хлам. Вместе с тем радикальное освобождение мысли от рефлексии самосознания таит в себе опасность производства духовно-плоских индивидов, не способных к адекватной исторической самооценке, определению собственных исторических и общественных позиций.

Пренебрежение проблемами «рефлексии исторического самосознания делает человека невежественным в понимании самого себя как части народа, в определении тех духовных оснований, которые обеспечивают адекватность стратегии всей исторической практики»<sup>4</sup>. Чингиз Айтматов в повести «Буранный полустанок» рассказал предание о манкуртах. «...Кто такие манкурты? Это взрослые люди с головами младенцев. Их искусственно "вывели" тогдашние селекционеры воинственного племени. На голову пленника надевалось кольцо сырой шкуры с шеи верблюда. Шкура, высыхая, сжималась на солнцепеке. Сжимала голову пленника. Многие погибали в ужасных мучениях, а те, кто остались в живых, становились послушными рабами, ничего не знающими о прошлом».

«Сегодня, – писал Д.М.Балашов в статье «Формирование русской нации и современные проблемы нашего национального бытия», – речь в сущности должна идти о переосмыслении принципов культуры, тех исторических оснований, которые современный человек полагает исходными в сознательном определении

краеугольных камней, на которых он возводит свой дом, строит тот мир, который он считает действительно своим миром»<sup>5</sup>.

Культура соединяет в себе способность создавать мир, стоящий над первозданным хаосом, и почитать этот окультуренный мир в той или иной символической форме. Культура поэтому всегда не только знание и умение, но культ, определенное отношение, основанное на выборе ценностей, выделении своего мира из мира вообще. В исторической традиции культура формируется как явление этническое, национальное, групповое, иными словами, как нечто самовыделяющееся, а не всеобщее, не универсальное. Объективно, однако, в обособляющихся формах культуры содержится универсальный момент, поскольку они формируют наилучшие исторические образцы, которые соответствуют природе и развивающимся потребностям человека независимо от его этнических, национальных или социальных особенностей. В этих всеобщих моментах культуры выявляется родовая сущность человека как создающего существа.

Становящаяся универсальной, всеобщей по своему значению культура и есть цивилизация. В цивилизованности содержится универсальность значимости, способность к передаче и заимствованию. Она, таким образом, выходит за рамки этнической и национальной специфики. В этом и преимущество, и слабость цивилизации. Всеобщность всегда абстрактна, она не сопряжена с тем сильным эмоциональным моментом, который порождается исторической и национальной спецификой культуры, в которой видят духовное выражение своего мира.

Утверждение цивилизации в мире порождает и общность организации экономики, норм права, бытовой культуры и характерный сдвиг в нравственных ориентациях. От обособленных и замкнутых в себе исторических и нравственных кодексов, имеющих смысл лишь для своего народа, своей касты, своего сословия, происходит переход к универсальным, всеобщим нравственным нормам и принципам. Завершением этого процесса генерализации в сфере нравственного духа можно считать сформулированный И. Кантом категорический императив: «...поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом».

Применительно к современной стадии развития человечества проблема культуры встает как проблема конкретности универсальных исторических самоопределений человека. Она обретает характер проблемы культуры исторического самосознания. Специфика этой проблемы состоит в том, что здесь культура понимается не как нечто внешнее для человека, созданное традицией и объективированное в предметах культуры – материальных и ду-

ховных. Она понимается как определение истинного пути формирования внутреннего мира человека, имея в виду, что он является предпосылкой построения им самим истинного внешнего мира истории. «И, как оказывается, – пишет Л.А.Закс, – как основание ее собственного исторического мира есть вместе с тем всеобщая, универсальная истина»<sup>6</sup>.

Историческое самосознание должно быть понято как внутренняя духовная самоорганизация личности на основе высших исторических ценностей жизни. Выбор таких исторических ценностей, формирование на их основе всей массы индивидов представляет сложнейшую социально-историческую проблему. Осознание этой проблемы есть первый шаг на пути ее решения.

Проблема человека, познания им самого себя сегодня совпадает с проблемой такого свободного духовного и исторического самоформирования личности, которое соответствует идее современного человека как позитивного творческого субъекта общества.

Движение исторического самосознания сводилось у нас к движению исторического знания либо включалось в общий ареал сознания как недифференцированного духовного потока. Между тем для исторического самосознания характерна двойная рефлексия, способность не только отражать, но и оценивать явления с точки зрения определенных духовных и исторических принципов. Это и есть признак исторического самосознания. Категории исторического знания обретают в историческом самосознании свою специфику. Историческое самосознание избирательно по самой своей онтологической природе. Эта избирательность определяется горизонтом «своего мира истории», как он понимается человеком, восприятием истины своего исторического бытия. В различных исторических и социальных структурах «своих миров истории» одни и те же явления могут играть либо положительную, либо отрицательную роль. Этим и объясняется их неоднозначная, а то и прямо противоположная оценка. При этом и доминанты общественного мнения меняют свой знак с положительного на отрицательный, и наоборот, обнаруживают своего рода круговые движения.

Свою специфику в структуре исторического самосознания обнаруживает и истолкование истины. Объективные горизонты истины «своего мира истории» человека очерчиваются личностными, экономическими, социальными, культурными и иными реальными взаимозависимостями его бытия. Эти взаимозависимости меняются исторически. Недоучет индивидом объективных взаимосвязей бытия и порождает неадекватность исторического самосознания. Это оказывается верным не только в отношении отдельных индивидов, но и социальных субъектов.

«Сегодня, – пишет М.А.Кисель, – мы в новых условиях сталкиваемся со старой проблемой: проблемой несовпадения свободы разума и свободы духа. Свобода духа, в отличие от свободы разума, может совпадать с утверждением фантастических представлений как абсолютных истин, если они отвечают внутренним желаниям человека, устремлениям общественных сил. Это и ставит непростую проблему понимания культуры не только как культуры исторического знания, но и культуры исторического самосознания»<sup>7</sup>.

Культура самосознания возможна лишь на основе понимания истоков объективности истинности исторического знания и истины исторического самосознания. Истина исторического знания относится к объекту, она отражает его существенные стороны, свойства, качества, а также взаимосвязи между объектами. Реальные свойства объекта – это основание объективности истины исторического знания. Истина исторического самосознания относится к принципам исторического поведения. Неистинные принципы ведут в конечном счете к саморазрушению субъекта. Этим и определяется объективность истин исторического самосознания. Коль скоро возможно объективное и рациональное постижение истинных принципов, следование которым обеспечивает историческое бытие человека в окружающем мире и в отношении с другими людьми, можно говорить о свободном движении разума как действительной форме постижения объективной истины исторического самосознания. Историческое движение философской мысли в этом отношении становится предпосылкой культуры исторического самосознания.

Свободный выбор личности в определении принципов жизни реально ограничивается массовыми выражениями их истинного понимания. Здесь единство позиций есть вера, снимающая плюрализм личностных ориентаций. Такое снятие, помимо мировоззренческого, имеет и конкретный исторический характер. Оно оказывается предпосылкой утверждения социально согласованных форм исторического поведения и общих реакций на различные явления жизни. Но вместе с тем фанатичная, слепая вера может стать предпосылкой игнорирования истин исторического знания, норм морали во имя утверждения общих догматов. Крайности произвола субъективного мнения и догматизма веры снимаются способностью личности к разумной самокоррекции.

Способность к самокоррекции поведения личности, а также и социального субъекта – это проблема диалога, цель которого – приведение представлений исторического самосознания в соответствие с реальными социальными и историческими возможностями, разумное соблюдение общих нравственных и правовых норм как

непременное условие нормального функционирования общества. В этом процессе происходит формирование общего исторического самосознания народа, адекватного исторического самосознания человека. Точно так же, как общество проходит определенные стадии технического развития, оно должно пройти и определенные стадии духовного развития, с тем чтобы общие нормы нравственности и исторического самосознания вошли в структуру поведения народа, стали непреложной традицией.

Способность массы индивидов поступать так, чтобы торжествовал общий их интерес, ограничивающий любые проявления своеволия, есть признак реальности общественной морали. Точно так же способность массы индивидов, большинства осуществлять практические действия, приносящие пользу общественной жизни, есть признак реальности исторического самосознания. Как показывает опыт, ни добро, ни разум не становятся автоматически атрибутами общественной жизни. Должны быть духовные авторитеты, стоящие на страже добра и разума. Форма их утверждения – это непрерывный общественный диалог, способствующий формированию социальной культуры исторического самосознания.

Эта проблема долгое время выпадала из поля зрения наших теоретических исследований. Она сводилась к идеологической форме классовой борьбы. Это не давало возможности понять фундаментальную позитивную социальную роль диалога, духовной традиции в формировании адекватного исторического самосознания.

Признание реальности общего разума является предпосылкой понимания культуры исторического самосознания как основания духовной идентичности общества, сохранения высших его ценностей, а значит, и позитивного определения его судьбы, которая формируется общей исторической направленностью коллективной деятельности массы индивидов во всех сферах жизни – экономической, политической, культурной. «Если, – пишет А.А.Преображенский, – под флагом утверждения "реалистического" исторического сознания разрушаются высшие духовные ценности народа, то тем самым создаются предпосылки "распыления" самого народа, превращения его в механический конгломерат индивидов, который может вести кто угодно и куда угодно»<sup>8</sup>.

Имея в виду мировоззренческую функцию исторического самосознания в организации общественной жизни, необходимо видеть, что выработка способности каждой личности к адекватному самоопределению, свободной постановке высоких целей личного и исторического бытия определяется объективными ступенями исторического развития. Реальные условия создают объективные возможности практического осуществления исторических принци-

пов. Если же принципов нет или они не признаются как истинные, то тогда бессмысленно говорить об исторической свободе как реализации общего выбора народа. Вместе с тем духовная свобода – результат исторических открытий и исторического опыта. Объективные ориентации духовной свободы возникают на основе отбора, селекции лучших образцов деятельности в различных сферах. К таким видам деятельности первоначально относили свободное творчество, которое доставляло глубокое внутреннее удовлетворение индивиду и вместе с тем служило созданию исторических ценностей. Сложная проблема, которая здесь возникает и которая была сформулирована еще К.Марксом, – это историческое отчуждение человека от самых необходимых и массовых форм деятельности – труда. До исторического изменения характера труда, превращающего труд в потребность индивида, историческое самосознание играет роль духовного фактора, содействующего включению отчужденных от труда индивидов в необходимые формы общественного производства и социальной жизни. На этой почве и происходит освящение различных исторических форм социального господства. Соответственно вырабатываются общественные механизмы селекции и позитивных и негативных форм деятельности.

Фундаментальным моментом идеального в сфере исторического самосознания является его историчность. Историчность самосознания соответствует действительному бытию человека как субъекта социального действия. В структуре бытия субъекта соединены его прошлое с будущим через реальную практику в настоящем. Прошлого уже нет, а будущего еще нет, и в этом смысле они кажутся нереальными. Однако как проекции практики, определяющей историческую судьбу субъекта, они оказывают огромное воздействие на его бытие, на выбор жизненных ориентаций. Настоящее социального субъекта выступает как его прошлое-будущее в их единстве. С этой точки зрения становится понятным, почему, казалось бы, «чисто теоретическое» разрушение позитивного смысла исторического прошлого оказывает прагматическое влияние на поведение людей. Аналогичным образом обстоит дело и с теоретическим определением исторической перспективы. Если историческая перспектива субъекта прорисовывается как перспектива его саморазрушения, утраты им своих позиций в динамике развития, то будет происходить и его внутренняя деморализация, утрата им смысла своей деятельности.

Борьбу вокруг интерпретации исторического прошлого и исторического будущего любого народа нельзя правильно понять вне фундаментального контекста отношения к нему различных по-

литических сил. Через призму этого отношения можно оценить и характер интерпретаций истории.

В историческом самосознании идентичность исторического бытия субъекта воспринимается как его вечность, выраженная в непреходящем характере его духовных ценностей и результатов его деятельности. Обстоятельства разрушают плоды труда человека, а время – его самого. Разрешение этого противоречия, можно сказать, есть вечная проблема исторического самосознания. Через понимание специфики истины исторического самосознания определяется и действительное значение вечных ценностей для различных форм созидательной деятельности человека, решения конкретных жизненных задач в реальных обстоятельствах исторического места и исторического времени. Ориентация на вечные ценности – это не химера исторического самосознания: она определяет адекватную социальную, моральную и эстетическую направленности деятельности человека. В истории такая ориентация находит свою действительную реализацию, поскольку народ своей собственной исторической практикой сохраняет свое историческое бытие. Это историческое бытие оказывается тем более прочным, чем более полную реализацию в жизни данного народа находят исторические традиции, принципы бытия и исторического прогресса человеческого рода.

Проблема универсальных самоопределений человека сегодня обрела фундаментальную историческую значимость. Как возможно такое самоопределение, если индивиды различны, если существуют общественные классы и если народы продолжают идентифицировать себя с особой национальной, этнической сущностью?

Проблема эта не является новой. Она решалась определенным образом на предшествующих этапах исторического развития. Индивидуальные, частные социальные интересы, определяющие поведение людей, исторически корректировались различными формами религии и права, соединявшими частные интересы с универсальными нравственными и общими историческими традициями. Эта тенденция отчетливо просматривается в организованных социальных системах. В них индивиды обычно идентифицируют себя и в духовных, родовых категориях, и в частных социальных самоопределениях – семейно-племенных, кастовых, сословных, классовых и иных.

Сакрализация универсальных самоопределений может быть истолкована как осознанное формирование социальных иллюзий и ложных верований, как проявление извращенного сознания. Вместе с тем нельзя не видеть, что в этом процессе в специфической форме находят свое отражение взаимосвязи и взаимозависимости



социально различных индивидов, их исторически складывающаяся родовая социальная сущность.

Родовая социальная сущность человека обусловлена тем, что человек исторически формируется как созидатель оснований своего собственного исторического бытия и исторического бытия человечества. Родовая сущность может обретать свою специфическую форму. Соответственно и адекватное духовное формирование человека определяется пониманием характера общеисторических задач человечества на различных этапах его исторического развития. В современных условиях родовая сущность человека всплыла на поверхность в своей негативной форме – в возможности самоуничтожения человечества в результате его собственной деятельности. Это фундаментальное историческое обстоятельство является отправным моментом поиска такой позитивной родовой сущности человека, которая может быть основанием общего спасения. Поскольку возможность гибели человечества заложена в деятельности самого человека, то в изменении ее характера заложено и его спасение. Речь идет о самокоррекции производственной, политической, научной деятельности на основе таких принципов, которые обеспечивают и историческое развитие, исторический прогресс и историческое самосохранение человечества. Вместе с тем становится необходимостью переосмысление всех форм практической деятельности человека и организация ее в соответствии с определенными универсальными кодексами. Через эти кодексы духовность получает свою конкретно-историческую ориентацию. Старые представления самосознания (религиозные и философские) оказываются в современных условиях абстрактными. Историческая эпоха требует перехода к новым формам духовной культуры.

Как известно, вопрос о радикальном преобразовании исторических форм культуры был поставлен в новое время философией просвещения. Переход к новой культуре связывался с освобождением исторического самосознания от предрассудков на основе прогресса научного знания и утверждением полной свободы личного самоопределения как естественного следствия понимания того, что человек – продолжение природы. На этой почве возникают две основные тенденции массового исторического самоопределения. Первая связана с распространением позитивистской философии, утверждением представления, согласно которому совокупность исторических знаний должна определять историческое миропонимание всех людей, а вместе с тем и характер социального поведения. В итоге формируется скептически или прагматически ориентированная личность, знающая условность основанных на

религиозных представлениях нравственных догматов. Общие нравственные принципы признаются лишь постольку, поскольку они укладываются в рамки разумного эгоизма.

Вторая тенденция связана с утверждением исторического представления, согласно которому лишь отдельная личность, стоящая на принципах исторического самосознания, может быть творцом нравственных норм; ее свободная воля обретает абсолютный характер. Она ничем не опосредована, кроме стремления к собственному самоутверждению. Сильная личность стоит над массой и ее нравственными предрассудками.

Осознание того факта, что опасность для бытия человечества вырастает из кажущихся очевидными истин исторического самосознания, приносящих индивидам, частным общественным группам успех в их деятельности, ставит человеческий разум перед парадоксом: из суммы частных успехов рождается общая угроза для исторического бытия человечества.

Это обстоятельство подталкивает к углубленному анализу представлений исторического самосознания, истоков его неадекватности, внутренней диалектики.

Раскрытие диалектики исторического самосознания связано с анализом понимания как специфической формы его истины. На основе понимания становятся возможным и преодоление исторически сложившейся метафизики исторического самосознания, оценка адекватности или неадекватности принципов, их соответствия или несоответствия требованиям исторической эпохи. В способности преодолевать метафизические представления исторического самосознания заключается важная предпосылка его культуры. Это требует критического отношения к кажущимся истинным стереотипам массового восприятия исторической реальности. Метафизика исторического самосознания – это повседневность жизни. Она оказывает влияние и на философскую, историческую мысль. Возьмем, например, широко распространенные установки индивидуализма и коллективизма, в которых видят основополагающие ориентации. Абстрактный коллективизм и универсальный индивидуализм сегодня не могут быть признаны адекватными ориентациями самосознания, поскольку они не учитывают конкретного содержания деятельности конкретного субъекта, будь то отдельный индивид или целый коллектив. Между тем они получили широкое распространение в массовом сознании и являются исходными принципами целых идеологических течений.

Необходимость преодоления слепой веры в «плодотворность» как самообособления личности в своем частном интересе, так и самораспространения ее в коллективе получила свое специ-

фическое осмысление в художественной литературе. Напомним, в частности, о таких произведениях, как «Мелкий бес» Ф.К.Сологуба, «Мы» Е.И.Замятина, и ряде других. Философски же она не осмыслена достаточно глубоко. Сегодня, видимо, речь должна идти о позитивно-персонифицированном коллективизме как адекватной ориентации личного исторического самосознания. Это значит, что каждый индивид должен найти адекватную форму своего самоопределения, преодолеть в себе метафизику самосознания, его сложившиеся стереотипы. Сложность этой проблемы состоит в том, что метафизика исторического самосознания относится не к истолкованию реалий внешнего объективного мира, а к истолкованию принципов, которые люди считают истинными и которые определяют их поведение и отношения друг с другом. Она может находить свое выражение в выведении основных, в том числе и естественных, качеств личности непосредственно из ее социального статуса.

Овладение диалектикой исторического самосознания применительно к социальному статусу индивидов оказывается делом чрезвычайно сложным. Отказ от социально признанных и усвоенных самооценок может вести к внутреннему «слому» личности, утрате ею своих жизненных ориентаций. Индивид вместе с тем может выступать и как исторический микрокосм, обладающий субъективными возможностями многообразных самоотождествлений в зависимости от полагания тех или иных принципов жизни в качестве удобных для себя.

Устоявшиеся принципы являются предпосылкой привычных, становящихся механическими форм массового исторического поведения. Они кажутся «естественными», данными от природы. В современных условиях складываются новые формы исторического поведения, которые обретают массовый характер. В их основе лежат объективные факторы, предопределяющие снижение роли осознанных нравственных принципов и исторических норм в жизненных ориентациях индивидов. Так, воздействие общих тенденций технического развития и управления модифицирует и типы поведения людей, внося в них общие черты. Это – противоречивый процесс, требующий глубокого осмысления.

Научно-технический прогресс, внедрение его достижений в различные сферы исторической жизни ведет к ее тотальной рационализации. Человеку сегодня кажется, что он должен лишь усвоить сигналы этой рационально построенной системы, правильно реагировать на них, и тогда его поведение будет адекватным условиям современной жизни. Техническая рационализация образа

жизни становится общей чертой жизни различных народов и социальных систем.

Усиление бюрократизации общественной жизни, расширение сферы влияния общих правил на все ее стороны также служат возможности сужения проявления внутренней свободы человека.

Эти тенденции находят свое выражение и в условиях современного мира, оказывая воздействие и на формирование личности. Возникли новые общие формы внешней регламентации жизни человека. Духовная культура под воздействием этих тенденций оказывается как бы потесненной установленными техническими и социальными правилами. В этой ситуации духовная культура призвана сохранить историческую самостоятельность человека по отношению к сложившимся формам внешней рационализации жизни. Человек не может быть рабом этих форм. Если производство, например, – это реализация разумных идей науки, то загрязнение природной среды этим производством не может быть признано разумным. Культура должна сохранять свободу человеческого духа, автономность личности в отношении плодов деятельности человека. Свобода духа человека также имеет свои пределы. Сегодня духовная культура из средств формирования общих принципов позитивной свободы и социального разума превращается в средство эмоционального субъективного самовыражения, в особый, параллельный реальному миру, духовный континуум. «В современном массовом искусстве, – пишет М.Н.Бойко в статье «Самосознание искусства – самосознание человека», – индивид, как ему кажется, обретает утраченную субъективную свободу. Он должен уметь теперь пользоваться этой субъективной свободой, не перенося ее непосредственным образом на реальные общественные и межличностные отношения. Если же он не владеет механизмом пользования субъективной свободой, то может происходить вандализация его образа жизни»<sup>9</sup>.

Усиление негативных последствий внешней рационализации и расширение сферы действия субъективной свободы самоопределений затрагивает различные аспекты общественной жизни. Это создает впечатление, что категории добра и разума, полагавшиеся прежней культурой онтологическими изменениями исторического бытия человека, сущностью безличностного духа, управляющего действительностью человеческого мира, внезапно «испарились» из него. Это с особой остротой выдвигает на передний план проблему определения путей разумного и нравственного формирования человека в современной ситуации.

Глубокой нравственной драмой нашего времени является рост массива вневневных индивидов. Налицо также и массо-

вые проявления неразумного, кажущегося бессмысленным поведения. С такого рода явлениями приходится сталкиваться повсеместно. Социальное регулирование такого поведения требует расширения сферы внешнего контроля. Это в конечном счете практически не реализуемая задача. Поэтому формирование всеобщей культуры исторического самосознания становится ключевой социальной проблемой. Видимое обострение этой проблемы связано с возникновением так называемого массового общества. Фундаментальная особенность массового общества состоит в широком распространении элитаристских идей, с одной стороны, и общей ориентации индивидов на свой обособленный, частный интерес – с другой. Для социальной психологии массового общества характерно абстрактное восприятие индивидами самих себя в качестве абсолютной ценности независимо от реального нравственного и социального достоинства, выполнения общественных функций. Соответственно, достойную себя жизнь индивид оценивает не через характер собственной деятельности и ее объективные социальные результаты, а через место, которое он занимает в обществе, или через совокупность вещей, которыми он обладает. Это порождает неадекватные ориентации самосознания личности. Достоинство личности здесь определяется лишь внешними признаками. Стремление к овладению этими внешними признаками определяет и поведение индивидов в социальных структурах, порождая явления nepотизма, доминирования групповых интересов, массового поклонения идолам. Современное идолопоклонство обретает специфический персоналистский, или вещный, характер. Это порождает нарушение адекватной внутренней нравственной и исторической саморегуляции поведения личности, а вместе с тем и эрозию интереса к высокой духовной культуре. На этой почве возникают новые типы межличностных и социальных противоречий.

Нравственная и историческая саморегуляция индивидов в современных условиях связана с утверждением принципа нового гуманизма. Принцип нового гуманизма следует понимать как основную внутреннюю ориентацию, позволяющую приводить в соответствие друг с другом стремления людей в условиях массового общества. Ныне все более широкие слои населения начинают обретать идентичные стремления и формы реализации своих потребностей. Такие лежащие на поверхности явления, как массовая эксплуатация мест отдыха, массовые проявления политической и других форм социальной активности, – все это накладывает фундаментальную печать на жизнь современного общества.

В этой ситуации, казалось бы, несущественные негативные привычки и формы личного поведения индивидов начинают оказывать весьма существенное воздействие на общественную жизнь.

Формы общественного управления, не учитывающие этой специфики современного общества, оказываются неадекватными. Особенно наглядно такая неадекватность проявляется в крупных городах.

Характер внутренних ориентаций индивидов начинает оказывать все более заметное влияние на всю систему производства. Сближение индивидов в пространстве, их концентрация требуют от них согласованного поведения, специфических самоограничений.

Углубление взаимозависимости условий, качества жизни общества, поведения индивида и наполняет новым содержанием принцип гуманизма. Традиционно гуманизм понимается как признание абсолютности принципа свободной самореализации человека. При этом предполагается, что никакая обособленная сила, будь то Бог или государство, не может стоять выше человека. В современных условиях понятие гуманизма включает в себя качественно новый момент – высокую требовательность человека к самому себе, к своим профессиональным, социальным и нравственным качествам в их единстве. Человек, таким образом, становится субъектом реализации не только своих внутренних потенций, но и универсальных гуманистических принципов. Это закономерно.

В зависимости от характера свободной деятельности отдельных индивидов ныне складывается судьба все более широких масс людей. Страх перед этой судьбой связан не только с влиянием разрушительных естественных сил на жизнь человека, но и с неопределенностью качеств людей, которые управляют механизмами современной общественной жизни.

---

<sup>1</sup> Вайгук, В.А. Идеология и самосознание личности / В.А.Вайгук // Диалектика коллективного и индивидуального. – Одесса, 1991. – С.111-128.

<sup>2</sup> Толстая, С.М. Культурное самосознание в истории и современности / С.М.Толстая // Граница: Вопр. культ. связей России, Украины, Белоруссии, Литвы и Польши : сб. материалов междунар. конф., состоявшейся в Москве 7-8 окт. 1993 г. – М., 1994. – С.24.

<sup>3</sup> Смагин, В.И. Самосознание как фактор саморегуляции человека / В.И.Смагин, Т.П.Фокин // Диалектика стихийного и сознательного в управлении природными и социальными процессами. – Иркутск, 1991. – С.97-98.

<sup>4</sup> Балашов, Д.М. Формирование русской нации и современные проблемы нашего национального бытия / Д.М.Балашов // Российский ежегодник. Вып.1. – М., 1989. – С.199.

<sup>5</sup> Там же. – С.200-201.

---

<sup>6</sup> Закс, Л.А. Художественное сознание / Л.А.Закс. – Свердловск, 1990. – С.112.

<sup>7</sup> Кисель, М.А. Историческое сознание и нравственность / М.А.Кисель // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Этика». – М., 1990. – №3. – С.51-52.

<sup>8</sup> Преображенский, А.А. Во славу Отечества: (Патриотические традиции русского народа) / А.А.Преображенский // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История». – М., 1989. – №5. – С.7.

<sup>9</sup> Бойко, М.Н. Самосознание искусства – самосознание человека: Очерки рус. эстетич. мысли второй половины XIX в. / М.Н.Бойко ; РАН. Гос. ин-т искусствоведения. – М., 1997. – С.3-4.

**Личность, творчество и современность**

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Корректор Л.Ю.Архипова  
Технический редактор М.Н.Киценко

СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать \_\_\_\_\_  
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.  
Печать офсетная. Усл.печ. листов 23.  
Тираж \_\_\_\_\_ экз. Заказ \_\_\_\_\_.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.  
Сибирский юридический институт МВД России.  
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

---

Отпечатано на участке оперативной полиграфии  
Сибирского юридического института МВД России.  
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.